

E74
1028

Л.Н. ЕРМОЛЕНКО

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Новосибирск 2004

Министерство образования Российской Федерации
Кемеровский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН

Л.Н. ЕРМОЛЕНКО

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ
КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

(типология, семантика в аспекте военной идеологии
и традиционного мировоззрения)

Ответственные редакторы

доктор исторических наук **В.В. Бобров**

доктор исторических наук **Д.Г. Савинов**

Новосибирск
2004

Утверждено к печати
Научно-методическим и редакционно-издательским советами
Кемеровского государственного университета

Рецензенты:

доктор исторических наук **Я.А. Шер**
доктор исторических наук **В.Д. Кубарев**

Фото на обложке **Ж.К. Курманкулова**

Е 744 **Ермоленко Л.Н.** Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 132 с.

Монография является обобщающим исследованием по средневековым изваяниям казахстанских степей VI/VII – XII вв., входящим в круг памятников средневековых тюркоязычных кочевников пояса степей Евразии, но характеризующимся региональными особенностями. Около 120 изваяний, изученных *in situ* и в музейных коллекциях, представлены в прорисовках и описаниях. Предложена новая иконографическая классификация изваяний, осуществлена систематизация реальных, проанализированы художественные особенности древнетюркской и кыпчакской скульптуры. Классификация изваяний дополнена систематизацией культовых сооружений. Особое внимание уделено изучению семантики изваяний и культовых сооружений на основе данных письменных источников, фольклора, этнографии. Предпринята попытка реконструкции военной идеологии древних тюрков.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов и искусствоведов.

ВВЕДЕНИЕ

В казахстанских степях до сих пор встречаются древние каменные изваяния – грубые или довольно реалистичные человеческие фигуры. На их выветренных поверхностях различимы выполненные барельефом или углублением детали. Какими представлениями были порождены незамысловатые образы, увековеченные в камне? Как в них отразилась древняя эпоха? Эти вопросы более всего интересовали нас.

Данная монография не является сводом средневековой скульптуры казахстанских степей. Выявление всех изваяний на огромных степных пространствах Казахстана – дело будущего, как и их полное петрографическое исследование. Сегодня наиболее изучены изваяния Семиречья и Восточного Казахстана. В степных долинах Казахского мелкосопочника средневековых изваяний очень много, но их описания почти не опубликованы. Цель нашей монографии – ввести в научный оборот 92 центральноказахстанских изваяния. Предлагаемая книга является обобщающим исследованием, поскольку материал, накопившийся за несколько десятилетий после выхода монографии Я.А. Шера [1966], потребовал осмысления на новом уровне.

Каменные изваяния, будучи изобразительными археологическими памятниками, изучаются как методами археологии, так и искусствоведения. Особая роль отводится выяснению их семантики, ибо: «Толковать о художественном достоинстве тех образов и красок, смысл которых остается неведомым, — все равно, что рассуждать о меткости и живописности выражений незнакомого языка: смелость, которую ничем нельзя извинить в науке!» [Афанасьев, 1988, с. 84]. Исходя из этого, мы ставили перед собой следующие задачи: дальнейшая разработка классификации изваяний и сооружений, в связи с которыми они устанавливались; создание типологии и датирования предметов, изображенных на изваяниях; выяснение этнокультурной атрибуции и хронологии классифицированных памятников. Специально исследовались изобразительные особенности изваяний разных иконографических групп на предмет соответствия нормам традиционного и официального искусства, выявления самобытных иконографических черт и признаков влияния искусства соседних цивилизаций. Поскольку изваяние не являлось самодовлеющим объектом, важно было не только постичь значе-

ние самого образа, но и осмыслить его в контексте культового сооружения. Изучение семантики потребовало привлечения множества данных письменных, этнографических и фольклорных источников. Пришлось обратиться к вопросам идеологии и социального устройства обществ, к которым принадлежали создатели изваяний. Особое внимание уделено реконструкции военной идеологии, в аспекте которой трактовалась семантика древнетюркских изваяний. Автор никоим образом не претендует на окончательное решение всех проблем, затронутых в работе. Их разнообразие объясняется стремлением всесторонне рассмотреть изучаемое явление и извлечь, по возможности, большую историческую информацию.

Представляется необходимым оговорить некоторые термины, использованные в монографии. Поскольку изваяния средневековых кочевников казахстанских степей VI/VII – XIII вв. невозможно рассматривать отдельно от семиреченских, то данная историческая общность средневековой кочевнической скульптуры обозначается как *изваяния среднеазиатско-казахстанского региона* или *среднеазиатско-казахстанские изваяния*¹.

По полноте изображения человеческой фигуры изваяния изучаемого региона разделяются на *погрудные* (изображение только головы или лица)², *поясные* и *полнофигурные*, а также *антропоморфные стелы*, характеризующиеся антропоморфным абрисом и отсутствием деталей³.

Под *позой*, ввиду незначительного количества полнофигурных изображений по сравнению с поясными, понимается *положение рук*, обусловленное «позообразующими» атрибутами. Поза обозначена на поясных и полнофигурных изваяниях и не обо-

¹ Кроме Казахстана и Киргизии древнетюркские изваяния известны также в Узбекистане [Массон, 1951] и Таджикистане [Жуков, 1978].

² Автор отдает предпочтение термину *погрудные* изваяния [Бернштам, 1952] перед прочими терминами, которыми исследователи обозначают изваяния, изображающие только голову или лицо человека, а именно: *стеловидные изваяния*, *лицевые стелы* (изваяния). Ибо *стеловидными* могут быть также поясные и полнофигурные изваяния, сохранившие форму исходного монолита. Название же *лицевые стелы* не совсем уместно, когда речь идет об изображении головы.

³ Изредка на антропоморфной стеле бывает изображен глаз, ухо, нечто наподобие головного убора и т.д.

значена на погрудных. *Положение тела* (сидящая и стоящая поза) различается лишь на полнофигурных статуях.

Среди изваяний с обозначенной позой выделяют статуи древнетюркской и кыпчакской (изобразительных) традиций. Изваяния *древнетюркской традиции* представляют собой изображение человека с сосудом в одной руке и оружием (либо без него). Изваяния *кыпчакской традиции* изображают человека с сосудом в обеих руках, опущенных к животу¹. Что касается терминов *древнетюркский* и *кыпчакский*, то они указывают на связь определяемых ими явлений с соответствующей эпохой.

Вся средневековая кочевническая скульптура среднеазиатско-казахстанского региона делится на две иконографические группы: изваяния *древнетюркского* и *кыпчакского облика*. Иногда, ради краткости, речь идет о древнетюркских и кыпчакских изваяниях. Термином (*иконографический*) *облик* обозначен комплекс признаков, позволяющий соотнести конкретные погрудные изваяния на основании приема *изображения черт лица* (ИЧЛ) с изваяниями той или иной традиции.

Изваяния древнетюркского облика, с учетом присущих им локальных особенностей, называются *западнотюркскими*, в отличие от *восточнотюркских* – древнетюркских изваяний Южной Сибири и Монголии.

При написании книги были использованы данные о 526 изваяниях Киргизии, Казахстана и сопредельных территорий Омского Прииртышья и Южного Приуралья². Из них 150 экземпляров изучены авто-

¹ Хотя А.А. Чариков предложил называть казахстанские изваяния с сосудом в обеих руках «половецким» типом, автор солидарен с Г.А. Федоровым-Давыдовым и др. исследователями в том, что половецким изваяниям с сосудом в обеих руках предшествовали кыпчакские.

² В действительности в среднеазиатско-казахстанском регионе изваяний намного больше. В одной только Киргизии, по данным Д.Ф. Винника [1995, с. 175], к середине 90-х годов XX в. было зафиксировано 600 статуй.

ром *in situ*, а также в музейных коллекциях¹ [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985, 2002; Ермоленко, 1987, 1987а, 1995а]. Остальные изваяния известны по публикациям А.Н. Бернштама [1941, 1952], Л.Р. Кызласова [1951], А.Х. Маргулана [1951, 1966], Я.А. Шера [1966], Т.Н. Сениговой [1970], Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикова [1974], А.А. Чарикова [1980, 1980а, 1980б, 1981, 1984, 1987, 1987а, 1989, 1991], В.П. Мокрынина и П.П. Гаврюшенко [1975], П.В. Агапова и М.К. Кадырбаева [1979], В.А. Иванова и В.А. Кригера [1988], Э.А. Новгородовой [1989], В.П. Костюкова [1994], К. Байбосынова [1996], Б. Анке и др. [Anke u.a. 1997].

Ранее неизвестные средневековые изваяния казахстанских степей были обнаружены в ходе нашей многолетней работы в составе Центрально-Казахстанской академической экспедиции (ЦКАЭ) под руководством М.К. Кадырбаева, а затем Ж.К. Курманкулова. Автор глубоко признателен руководителям ЦКАЭ за поддержку и помощь в проведении полевых исследований. Прорисовки изваяний² и чертежи раскопок сооружений в основном выполнены мной, но имеются также рисунки и чертежи Н.С. Гецовой и О.П. Черепановой.

Автор выражает особую благодарность профессорам Я.А. Шеру, Д.Г. Савинову, В.Д. Кубареву и доценту О.С. Советовой, высказавшим ценные замечания по поводу рукописи, а также профессорам С.Г. Кляшторному, Д.Д. Васильеву, А.А. Раджабову за советы по вопросам тюркологии. Неоценимую помощь консультациями, новейшей литературой, изданной в ближнем зарубежье и пр., при написании книги оказали В.Е. Войтов, И.В. Калинина, В.Д. Кубарев, Ж.К. Курманкулов, Ю.А. Мотов, Н.А. Тадина, К.И. Ташбаева, А. Досымбаева и мн. др. Возможность изучения иноязычной литературы в библиотеках Германии была предоставлена автору Немецкой ассоциацией академических обменов (DAAD).

¹ Изваяния изучались в историко-краеведческих музеях Казахстана во второй половине 80-х гг. XX в.

² В масштабе 1:10.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИЗВАЯНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

1.1. ОПЫТЫ КЛАССИФИКАЦИИ, ДАТИРОВКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ИЗВАЯНИЙ И КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Каменные изваяния казахстанских степей VI/VII – начала XIII в. относятся к средневековой кочевнической скульптуре, ареал которой примерно совпадает с поясом степей Евразии. Хотя изучение скульптуры данного ареала ведется по регионам, исследовательским подходам присуще определенное единство. Этому способствует общая изобразительная природа изваяний евразийских степей и принадлежность к одному историческому периоду – эпохе средневековых тюркоязычных кочевников. Кроме того, наличие одинаковых иконографических черт позволило предположить общность или преемственность развития изваяний разных регионов. Конкретные методы, применявшиеся в отношении изваяний одного региона, скоро становились достоянием исследователей скульптуры всего ареала, не говоря об общепалеонтологических методах, также сблизивших подходы к изучению изваяний различных областей Великого пояса степей.

1.1.1. Азиатские степи

Постановка вопросов классификации средневековых изваяний азиатских степей в отечественной литературе относится к 40 – 50 гг. XX столетия. Специальному исследованию первоначально подверглись памятники Южной Сибири и Монголии.

Первые обобщающие работы по ним принадлежали Л.А. Евтюховой. Она классифицировала предметы, изображенные на изваяниях, сопоставила их с археологическим материалом и датировала VII – IX вв. (т.е. тюркским временем) [Евтюхова, 1941, 1952]. Такая классификация способствует выяснению вопросов этнокультурной принадлежности и датировки каменных изваяний. Метод типологии реальных, разработанный Л.А. Евтюховой, поныне является составной частью любого исследования, посвященного аналогичным памятникам.

Руководствуясь технико-морфологическим принципом систематизации «каменных баб», существующим с конца XIX в. (А.С. Уваров; см. ниже), Л.А. Евтюхова свела азиатские древнетюркские изваяния в конечном

итоге к двум типам: *примитивные* (стоящие) и *объемные* (сидящие или стоящие). Оба типа изображений сосуществовали. Л.А. Евтюхова указала на связь изваяний с определенными видами сооружений (оградками и памятниками орхонской знати).

С.В. Киселев выделил в древнетюркской скульптуре Южной Сибири две аналогичные группы: плоскую и круглую скульптуру. При этом он отметил, что плоская скульптура обычно представляет собой изображение головы человека (мужчины), тогда как редко бывают показаны руки; круглая скульптура – тщательно выполненное поясное изображение [Киселев, 1949, с. 297].

Древнетюркским изваяниям Тувы посвятил обобщающее исследование А.Д. Грач [1961]. Основываясь на типологии и датировке реальных, он предложил хронологическую классификацию тувинских изваяний с учетом сопровождающих сооружений: VII – VIII вв. – изваяния при оградках; VIII – IX(X) вв. – изваяния без дополнительных сооружений. Соотнеся выделенные группы изваяний (типы, по Грачу) с общей периодизацией средневековых памятников Тувы, А.Д. Грач сделал вывод об их различной этнической принадлежности: ранние изваяния сооружались древнетюркским населением, поздние – тюркским населением Тувы периода Уйгурского каганата.

Наряду с хронологической классификацией, А.Д. Грач систематизировал изваяния по признаку полноты передачи человеческого фигуры: *тип I* – изображение фигуры полностью (главным образом, по пояс); *тип II* – изображение только головы или лица. Исследователь отметил, что некоторые пропорции памятников совпадают. Сидящие статуи он считал специфическим видом. Стелы, от которых отходят ряды балбалов, по мнению А.Д. Грача, тождественны по смыслу изваяниям.

А.Д. Грач уточнил границы ареала древнетюркских изваяний, включив в него территории Монголии, Тувы, Южного Алтая, Китайского Туркестана (Синьцзян), Средней Азии (Киргизия) и Казахстана.

Л.Р. Кызласов выделил тувинскую группу изваяний VIII – IX вв.¹, бытовавших в уйгурский период

¹ В некоторых работах Л.Р. Кызласов датирует позднюю группу тувинских изваяний VIII – X вв. [1969, с. 80, 82] и даже VIII – XI вв. [Кызласов 1981, с. 54].

[1960, с. 153]. При этом он руководствовался не только датировкой отдельных реалий, но и рядом характерных признаков (набор атрибутов, поза, техника, способ установки). Л.Р. Кызласов подчеркнул, что изваяния уйгурского периода Тувы отличаются своеобразием от среднеазиатских статуй с сосудом в обеих руках [Кызласов, 1979, с. 198].

Л.Р. Кызласов впервые систематизировал древнетюркские оградки Тувы и указал на сочетание определенных разновидностей этих сооружений с изваяниями. Он выделил следующие виды оградок: 1) без дополнительных конструкций; 2) с вертикальной плитой или валуном с восточной стороны; 3) с установленной с восточной стороны вертикальной плитой, на которой нанесено схематичное антропоморфное изображение; 4) с каменной фигурой человека с восточной стороны; 5) с каменной человеческой фигурой и вертикальной плитой с восточной стороны [Кызласов, 1964, с. 350; 1969, с. 26, 29]. Оградки без дополнительных конструкций (вид 1) встречаются в одном ряду с оградками, возле которых стоят изваяния или балбалы. Оградки видов 2 – 5 могут быть дополнены рядом балбалов. Численно преобладают оградки второго вида.

Варьирование объектов около оградных (валун, вертикальная плита, схематичное или реалистичное изваяние) Л.Р. Кызласов объяснил следующим образом. В случае сооружения оградки первого вида для поминок изготовлялся *тул* – изображение умершего наподобие куклы. В оградках второго вида умершего «замещал» валун или стела. Реалистичные изваяния, в отличие от схематичных, выполнялись мастерами по заказу имущих людей. Изваяние и вертикальная плита возле оградки пятого вида могли быть (неодновременно) сооружены в память двух людей.

Попытка классификации среднеазиатских (тяньшаньских) изваяний, первоначально была предпринята А.Н. Бернштамом [1952], специально данной проблемой не занимавшимся. Он различал два вида техники изваяния: точечная техника и скальвание. На основании *технических приемов* А.Н. Бернштам разработал *эволюционную классификацию* изваяний (от рисунка к скульптуре), разделив их на четыре группы. Он также указал на существование вариантов изображения по полноте передачи человеческого тела. «Как правило, изображались фигуры мужчин, главным образом, *поясные*, реже встречаются *погрудные* изваяния. Наиболее детализирована голова» [Там же, с. 145].

Примечательно, что исследователь рассматривал скульптуру тюркских кочевников в связи с искусством соседних цивилизаций. Полагая, что обряд установки изваяний обусловлен анимистическими представлениями, А.Н. Бернштам указывал на факт *заимствования некоторых художественных приемов* «очевидно культового порядка» из среднеазиатского (Согд, Восточный Туркестан), китайского и даже индийского искусства [1952, с. 81, 144].

Принципиально иную, *иконографическую*, классификацию изваяний Семиречья и сопредельных областей разработал Я.А. Шер [1966]. На основе *изоб-*

разительного канона – совокупности иконографических элементов (поза или пространственное положение фигуры, определенный набор атрибутов) он разделил каменные изваяния Семиречья на шесть групп [Шер, 1966, с. 25 – 26]: 1) изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием на поясе; 2) изображение мужчины или лица неопределенного пола с сосудом в правой руке и без оружия; 3) изображение только головы или лица человека; 4) изображение человека с птицей в руке; 5) изображение мужчины с сосудом в обеих руках; 6) изображение женщины с сосудом в обеих руках.

Применив статистико-комбинаторные методы, Я.А. Шер сопоставил выделенные группы с типами сосудов и *стилистическими приемами* (манера изображения бровей и пальцев руки (рук), держащей сосуд) и пришел к выводу о существовании двух типов изваяний.

Тип I. Изваяния групп 1 – 4 (VI – VIII вв.). Изображения умерших – аксессуары обряда поминовения. Изваяния групп 1 и 2 устанавливали при оградках, нередко с балбалами.

Тип II. Изваяния групп 5 и 6 (ранее VI – XII в.)¹ принадлежат «к значительно более широкому культу обожествленных предков» [Там же, с. 29, 70]. Я.А. Шер счел эти типы двумя линиями развития в древнетюркской скульптуре. Они сосуществовали, причем изваяния второго типа возникли раньше и существовали дольше первого. Между типами имелась определенная связь. Я.А. Шер предположил существование генетической связи изваяний типа II с уйгурскими и половецкими скульптурами.

Я.А. Шер, вслед за А.Н. Бернштамом, отметил наличие некоторых художественных приемов среднеазиатского (согдийского) искусства в древнетюркской скульптуре, преимущественно в скульптуре западных тюрков (изваяния типа I, группы 1 и 2). «Причина, вероятно, в том, что западные тюрки были в более тесном контакте с населением Согда и быстрее воспринимали отдельные элементы согдийской художественной культуры» [Там же, с. 69].

После работ Я.А. Шера классификационные построения большинства исследователей средневековой кочевнической скульптуры также основываются на иконографии.

В середине 1960-х гг. А.Х. Маргулан [1966] указал на существование различных видов культовых сооружений с изваяниями в Центральном Казахстане. Он предложил свою типологию изваяний вместе с сооружениями.

Тип I. Изваяния воинов с сосудом в правой руке, с оружием или без него. Ставились у восточной стенки каменной оградки с балбалами (VI – VIII вв., эпоха тюркских каганатов).

Тип II. Мужские изваяния без оружия и женские фигуры. Некоторые из них держат в обеих руках удлиненный сосуд. Устанавливались они у восточной полы подквадратной насыпи (VIII – IX вв.) или каменного кургана (X – XIII вв.). Оставлены кыпчак-

¹ При этом в группе 5 Я.А. Шер выделяет изваяния VIII – IX вв., а в группе 6 – фигуры X – XII вв.

скими племенами¹. Ранее А.Х. Маргулан предположил карлукскую (как и Л.Р. Кызласов) и кимацкую принадлежность некоторых изваяний Восточного и юго-восточной части Центрального Казахстана [Маргулан, 1951, с. 35, 37; ср. Кызласов, 1951, с. 56].

С середины 1970-х гг. исследованием изваяний на территории Казахстана занимался А.А. Чариков. Он опубликовал и классифицировал более 100 изваяний Казахстана, главным образом, Восточного и Южного. В основе классификации лежат иконографические типы, выделенные Я.А. Шером. А.А. Чариков подразделяет средневековую скульптуру на территории Казахстана на три типа [1986, с. 88]².

Тип I. «Древнетюркский» (VI – VIII вв. до начала IX в.). Изваяния с сосудом в правой руке; левая рука покоится на оружии. У скульптур подтипа IA оружие отсутствует.

Тип II. «Половецкий» (IX – первая четверть XIII в.). Мужские и женские изваяния с сосудом в обеих руках. У скульптур подтипа IIА сосуд отсутствует в соединенных на животе руках. Иногда руки не показаны, тогда как сосуд изображен на уровне живота.

Тип III. «Стеловидный» (вторая половина XII – XIII вв.)³. Изображение только головы или лица мужчины и женщины.

А.А. Чариков подтвердил иконографическую классификацию систематизацией реалий: причесок, головных уборов, сосудов [1979], а затем и приемов изображения черт лица [1986]⁴. В итоге он констатировал, что типы выделяются «...не только по позе (положению рук) и наличию изображенных вещей, но и по всей совокупности изобразительных приемов» [Чариков, 1986, с. 90]⁵. Исследователь считал, что данная классификация отражает «типологическую эволюцию» изваяний, а подтипы имеют переходный характер. Стеловидные статуи, по мнению А.А. Чарикова, завершили эволюцию средневековой кочевнической скульптуры и со временем видоизменились в надгробные мусульманские стелы [1986, с. 101]. Он подчеркнул условность наименования типов [Там же, с. 87, примеч. 1], однако до начала 1980-х гг. он полагал, что изваяния с сосудом в обеих руках и погрудные скульптуры (типы II – III, со-

гласно его классификации) были оставлены племенами кимаков и кипчаков [Чариков, 1979, с. 181]¹.

А.А. Чариков обнаружил в Восточном Казахстане «курганый тип» сооружений с изваяниями. Он исследовал несколько каменных или земляных курганов, с восточной стороны которых стояли изваяния (два, пять) «стеловидного» типа.

Среди поясных изваяний Казахстана А.А. Чариков различает «сидящие» и «стоящие», исходя из отношения нижней части изваяния, на которой нет изображения, ко всей высоте монолита [1980, с. 306]. Он полагает, что изваяния с обозначенными ногами передают сидящую или стоящую фигуру. Для всей евразийской средневековой кочевнической скульптуры А.А. Чариков выделяет пять типов положения ног сидящих изваяний: 1) ноги сомкнуты ступнями; 2) ноги поджаты параллельно друг другу (одна поверх другой); 3) ноги перекрещены, носки оттянуты вниз; 4) ноги поджаты под себя; 5) ноги «свешиваются» параллельно друг другу [1980, с. 307]. Пятый тип, по его мнению, характерен только для восточноевропейских изваяний, остальные встречаются на азиатских изваяниях. Наиболее распространен в казахстанской скульптуре третий тип трактовки ног.

В 1978 г. вышла статья С.М. Ахинжанова, посвященная семиреchenским изваяниям в трехрогих головных уборах. Он датировал их VII/VIII – X вв., но считал типичными для IX – X вв. Фигуры в трехрогих «тиарах», по его мнению, устанавливались «племенами, входившими в кимако-кипчацкое политическое объединение» [Ахинжанов, 1978, с. 76].

С конца 1970-х гг. в Центральном Казахстане автором данных строк в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции исследовались сооружения с изваяниями в центре курганной насыпи – так называемые «кыпчацкие святилища» [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985; Ермоленко, Курманкулов, 1992].

В первой половине 1980-х гг. были опубликованы данные о новых типах сооружений со средневековыми изваяниями на территории Казахстана. Музейный работник К. Байбосынов насчитал три разновидности таких сооружений на территории Семиречья. Он писал, что изваяния могли устанавливать при оградках, на курганной насыпи, а также возле курганов [Байбосынов, 1984]. В 1996 г. К. Байбосынов издал альбом изваяний Джамбулской (Жамбылской) области, в котором, кроме ранее неизвестных, имеются опубликованные А.Х. Маргуланом, А.А. Чариковым и Э.А. Новгородовой. Не руководствуясь сколько-нибудь четкими критериями, К. Байбосынов [1996] выделил статуи периода Тюркского каганата (VI – VIII вв.) и государства карлуков (VIII – XI вв.)².

В 1980-е гг. продолжалось изучение изваяний центральноазиатского региона. В.Д. Кубарев, в соответ-

¹ В статье А.Х. Маргулана приводится и другая датировка изваяний типа II: IX – XIV вв.

² В разных работах автора классификация и датировка типов варьируют (ср., например, работы 1979 и 1986 гг., а также более ранние работы).

³ В 1991 г. А.А. Чариков датировал третий тип концом XII – XIV вв. [1991, с. 47].

⁴ Анализ приемов изображения черт лица, сделанный нами [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985], «остался вне поля зрения А.А. Чарикова.

⁵ С.Г. Боталов «с учетом методики А.А. Чарикова» систематизировал изваяния Урало-Ишимского междуречья [1996]. Между тем, оба типа, выделенные автором, одинаково содержат изваяния древнетюркской и кыпчацкой традиции, которые А.А. Чариков четко разграничивал. Более того, С.Г. Боталов отнес к позднему (XIII в.) типу антропоморфные стелы, которые другие исследователи считают памятниками раннего железного века [Гуцалов, Таирова, 2000].

¹ О том, что изваяния с сосудом в обеих руках на территории Казахстана являются памятниками «восточнокыпчацких племен – кимаков», писал в середине 1960-х г. Г.А. Федоров-Давыдов [1966, с. 189].

² В результате группы изваяний имеют смешанный состав.

ствии с классификацией Я.А. Шера, систематизировал древнетюркские изваяния Алтая [Кубарев, 1984]. Он выделил четыре иконографических типа: 1) изваяния с сосудом в правой руке, с поясом и оружием; 2) изваяния с сосудом в правой руке без оружия; 3) изваяния с сосудом в обеих руках; 4) изваяния с детализированным лицом или «силуэтом головы» [Кубарев, 1984, с. 20 – 21]. В.Д. Кубарев разработал типологию атрибутов алтайских изваяний и датировал значительную часть изваяний первого и второго типов VII – X вв. Среди них он выделил группу фигур VIII в., а также предположил существование ранних (VI – VII вв.) и поздних (X – XI вв.) изваяний. Изваяния третьего типа В.Д. Кубарев отнес к VIII – IX вв. Большинство изваяний четвертого типа, по его мнению, сопоставимы по «технике и манере» с изваяниями первого и второго типов. «В первую очередь это ряд стилистических аналогий в изображении глаз, бровей и других деталей лица» [Кубарев, 1984, с. 46]. На этом основании он отнес данные изваяния к VIII – X вв. Относительно изваяний четвертого типа в целом В.Д. Кубарев заметил: «...судя по тому, что они составляют более половины всех известных на Алтае изваяний, среди них, несомненно, также есть ранние (VI – VII вв. – Л.Е.) и поздние (X – XII вв. и даже вплоть до XIV в. – Л.Е.) фигуры. Хронологические различия между ними могут быть отражены в разных изобразительных манерах» [Там же, с. 45 – 46].

Классификация скульптуры в работе В.Д. Кубарева дополнена классификацией древнетюркских оградок Восточного Алтая. Он разработал ее, опираясь на исследование А.А. Гавриловой [1965, с. 99 – 103].

1. *Кудыргинский тип*. Коллективные смежные оградки.

2. *Яконурский тип*. Рядом расположенные оградки с изваяниями или антропоморфными стелами.

3. *Юстыдский тип*. Одиночные, составленные из четырех плит оградки с остатками древесного ствола в центре и находками сосудов.

4. *Уландрыкский тип*. Оградки со стелой или большим камнем в центре.

5. *Аютинский тип*. Оградки древнетюркской знати, окруженные валом и рвом [Кубарев, 1979, с. 148; 1984, с. 50 – 51].

В.Д. Кубарев также уточнил критерии разделения оградок по величине на «малые» (3 × 3 м и менее) и «большие» (4 × 4 м и более) [1979, с. 156]. Обе разновидности оградок представлены во всех типах, но малые обычные для кудыргинского, юстыдского и уландрыкского, а большие – для яконурского и аютинского типов. Конструкции всех типов оградок, кроме кудыргинского, могут дополняться рядом балбалов и, за исключением кудыргинского и уландрыкского, – изваянием. Большинство изваяний найдено при оградках яконурского и юстыдского типов. Соотношения между типами изваяний и оградок В.Д. Кубарев не выявляет. Он не предлагает также строгой хронологии типов оградок, считая, что основаниями для их датировки являются реалии сопутствующих изваяний, находимые в оградках пред-

меты, а также впервые привлеченные им радиоуглеродные даты. Так, кудыргинский тип, согласно вещественным находкам, он датирует V – VI вв. В.Д. Кубарев предположил «близкую» датировку малых уландрыкских оградок, но впоследствии признал их более поздними¹. Оградки яконурского, аютинского и юстыдского типов сооружались в VII – X вв. Типология оградок, разработанная В.Д. Кубаревым успешно применяется при изучении древнетюркских оградок в других регионах [2001, с. 26 и сл.]

А.С. Васютин несколько видоизменил существующую классификацию древнетюркских оградок Горного Алтая [1983, с. 7]. Он дополнительно ввел следующие типы: *кокпашский* – смежные коллективные оградки с балбалами; *купчегеньский* – оградки со стелой в центре, без балбалов (ср. с уландрыкским типом по В.Д. Кубареву); *оградки «без сопроводительных столбовых конструкций»*; *кокоринский* – оградки с остатком древесного ствола или жерди в центре (ср. с юстыдским типом по В.Д. Кубареву). В противоположность В.Д. Кубареву, А.С. Васютин отнес к юстыдскому типу одиночные оградки со стелой снаружи, а яконурским типом (в отличие от А.А. Гавриловой и В.Д. Кубарева) предложил именовать одиночные оградки с балбалами. А.С. Васютин датировал кудыргинский, кокпашский, юстыдский типы, а также оградки без дополнительных конструкций VII – VIII вв. Два последних типа, по его мнению, продолжали бытовать наряду с купчегеньским и кокоринским в IX – X вв.

Ю.С. Худяков классифицировал древнетюркские поминальные комплексы Монголии [1985]. К первой группе он отнес оградки без изваяний (стел) и балбалов. Ко второй – оградки с изваяниями (стелами) и балбалами, среди которых им выделены следующие типы: каменные оградки (составленные из плит или из колотого камня, валунов) и «оградки в виде земляных валов». Типы он разделил на подтипы (например, одинарные и двойные (смежные) каменные оградки). По признаку установки возле оградок стел, изваяний, или изваяний вместе с фигурами животных, памятными столбами и пр., подтипы подразделены на варианты. Ю.С. Худяков, также как А.Д. Грач и Л.Р. Кызласов, считает, что стелы и изваяния функционально идентичны. Поскольку стелы известны с дотюркских времен, древнетюркские изваяния, по мнению Ю.С. Худякова [1985, с. 182], могли произойти от них, претерпев следующее развитие: стелы – персонифицированные (нанесена тамга) стелы – антропоморфные изваяния. Стелы и изваяния сосуществовали, пока не утвердилась традиция установки изваяний. В вышедшей спустя пять лет статье Ю.С. Худяков и Ю.А. Плотников констатируют: стелы, возможно, предшествовавшие изваяниям, ставились наряду с ними, «пока бытовал древнетюркский поминальный обряд» [1990, с. 124]. Вслед за Л.Р. Кызласовым, они относят различия в полноте и реалистичности передачи человеческой фигуры на счет мастерства каменотесов. Относительно эволю-

¹ На основании того, что вещи из аналогичных горноалтайских оградок относятся к IX – X вв.

ции древнетюркской скульптуры Ю.С. Худяков и Ю.А. Плотников предположили, что древнетюркские изваяния появились во время Первого каганата. На них чаще всего детализировались лица, головы, иногда еще и руки: «Классический канон» с изображением реалий (одежда, сосуд, пояс, оружие), по их мнению, сложился в период Второго каганата и просуществовал до конца X в. В IX – X вв. возник вариант древнетюркских статуй с сосудом в обеих руках. С VI по X вв. наряду с «совершенными статуями» устанавливались изваяния, изображающие лишь лицо или голову человека, а также стелы.

Опираясь на классификации Б.Я. Владимирцова и Ю.С. Худякова, В.Е. Войтов [1996] подразделил мемориальные памятники древнетюркской знати на территории Монголии (так называемые «княжеские могилы»)¹ на четыре типа. В каждом типе он различает подтипы, в некоторых подтипах – варианты.

Тип 1. Сооружения, окруженные валом и рвом².

Тип 2. Парные четырехплитные ящики³.

Тип 3. Одиночные четырехплитные ящики.

Тип 4. Плоские земляные холмики. В связи с данными сооружениями могли устанавливаться изваяния и балбалы.

Типология, по мнению В.Е. Войтова, отражает «сложную социально-ранговую иерархию в среде древнетюркской кочевой аристократии» [1996, с. 67]. Он считает, что «каганско-княжеские» памятники возводились со второй половины VI в. до середины VIII в.: сооружения второго типа относятся к периоду Второго Тюркского каганата, сооружения третьего типа датируются концом VII – первой половиной VIII в., а четвертого – VII – VIII вв. Значительная часть памятников первого типа, бытовавших с конца VI до середины VIII в. и сооружавшихся в честь представителей «самого высшего слоя аристократии», датирована им конкретно.

Вопросов классификации изваяний В.Е. Войтов не касается. Однако причисленный им к сооружениям первого типа комплекс из Унгету содержал изваяния особой разновидности – со скрещенными на груди руками [Войтов, 1987]. Исследователь считает, что комплекс был сооружен «телесами в честь сеяньтоского правителя Инань-кагана» во второй половине 40-х гг. VII в. [Войтов, 1987, с. 106].

Восточномонгольские средневековые изваяния систематизировал Д. Баяр [1991]. Взяв за основу метод классификации Л.С. Гераськовой (см. ниже), он разделил все статуи по принципу полноты изображения человеческой фигуры (полное, частичное) на две группы. Далее полнофигурные изваяния подразделены им на стоящие и сидящие. По положению рук выделены изваяния с асимметричной (преобла-

дают) и симметричной позицией рук. Кроме того, Д. Баяр различает одетые и обнаженные статуи. В качестве отличительного признака изваяний Восточной Монголии он указывает отсутствие усов, бороды и оружия, своеобразную одежду, специфические атрибуты (четки, кресло) и т.д. Исследователь выделяет восточномонгольские изваяния в особую группу средневековой скульптуры и датирует ее монгольским временем (XIII – XIV вв.). Эти изваяния устанавливались при каменных курганах или кольцевидных каменных выкладках (редко – у земляных овальных валов).

В середине 1990-х гг. предприняты попытки деления локальных групп оградок с изваяниями в западном регионе Азии, а именно на территории Внутреннего Тянь-Шаня [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996] и в Южном Зауралье [Костюков, 1997]. Для тяньшаньских поминальных комплексов (оградок с изваяниями) разработана новая хронологическая классификация¹. Ранними считаются комплексы середины VI – начала VII в., в которых изваяния обращены лицом на восток. Комплексы начала VII – X вв. характеризуются отклонениями от древнетюркской поминальной традиции. В связи с образованием Западно-Тюркского каганата установилась западная ориентировка изваяний, появились женские изображения, в том числе в «трехрогих» головных уборах [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 52, 54]. Помимо того, исследователи тяньшаньских и южноуральских оградок указывают на необходимость их комплексного изучения оградок с погребальными сооружениями, расположенными в пределах одного могильного поля. В.П. Костюков даже основывает хронологию оградок на датировке погребений XIII – XIV вв.

Самостоятельную группу образуют немногочисленные раннесредневековые изваяния Северного Кавказа, классификация которых содержится в книге Х.Х. Биджиева «Тюрки Северного Кавказа» [1993]. Исследователь выделяет пять иконографических типов (групп) северокавказских статуй VII – XIII вв.: 1) изваяния с сосудом в одной руке и оружием; 2) изваяния с оружием (без сосуда); 3) изваяния с сосудом в одной руке (без оружия); 4) изваяния с опущенными руками (без сосуда и оружия); 5) изваяния, изображающие голову человека. Изваяния каждой группы датируются по реалиям.

1.1.2. Восточноевропейские степи

История изучения изваяний средневековых кочевников Восточной Европы более длительна и выявлены они наиболее полно.

Первая классификация «каменных баб»² была создана во второй половине XIX в. А.С. Уваровым [1871]. В ее основу, наряду с техникой («отделкой», по А.С. Уварову), был положен принцип полноты

¹ В.Е. Войтов полагает, что мемориальные сооружения древнетюркской знати представляют собой «более позднюю параллельную ветвь развития рядовых оградок, существовавших с V по середину X вв.» [1996, с. 23].

² Этот признак свойствен и некоторым памятникам второго типа.

³ Представляется, что термин «ящик» синоним «оградок» (ср.: [Кубарев, 1984, с. 61 – 62]).

¹ Авторы придерживаются типологии оградок, предложенной А.А. Гавриловой.

² Уваров распространял этот термин не только на европейские, но и на сибирские изваяния.

воспроизведения человеческой фигуры с учетом позы. Исследователь выделил четыре рода (или степени развития) «каменных баб» [Там же, с. 515]: 1) грубые изображения человеческой головы в верхней части каменного столба; 2) более художественные изображения головы человека; выделены плечи, на них «заметны следы» одежды или вооружения; 3) стоящие и сидящие (иногда позу установить невозможно, поскольку они «оканчиваются ниже пояса простым обрубок камня») «более или менее отчетливо изваянные» фигуры; 4) «доделанные только до пояса» изваяния, ниже пояса имеющие вид четырехгранного столба.

А.С. Уваров сделал вывод о принадлежности «каменных баб» одному народу, но на разных этапах его развития. Он считал, что различия в «форме столба», полноте передачи человеческой фигуры, позе, изображении человека одетым или обнаженным не обязательно являются хронологическим признаком, поскольку разные изваяния при этом «одинаковой работы и в одинаковом одеянии», или имеют такие общие признаки, как «шапка, прическа, ожерелье и даже обувь» [Там же, с. 515].

В начале XX в. Н.И. Веселовский указал на характеристику изваяний половцев (команов) у Г. Рубрука («статуя..., держащая у себя в руке перед пупком чашу») как на «классическое» определение восточноевропейских изваяний [Веселовский, 1915, с. 18]. Тем самым он акцентировал внимание исследователей на иконографическом признаке.

В середине 60-х гг. XX в. Г.А. Федоров-Давыдов разработал классификацию половецких изваяний на основе иконографического признака позы и полноты изображения фигуры¹ (тип) и пола (подтип). Эти особенности образа он счел независимыми от мастерства ваятеля [Федоров-Давыдов, 1966, с. 167 – 168].

Г.А. Федоров-Давыдов разделил половецкие изваяния на три типа: 1) «стоящие», с сосудом в обеих руках на уровне живота; 2) «сидящие», с сосудом в обеих руках на уровне живота; 3) стелообразные (погрудные – Л.Е.) изваяния. В каждом типе различались подтипы: а) мужские изображения; б) женские изображения.

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, изваяния первого типа эволюционировали как в скульптуру второго, так и третьего типа [Там же, с. 185]. Исследователь создал типологию реальных половецких изваяний и датировал их XII – началом XIII в.

В середине 1970-х гг. С.А. Плетнева составила свод половецких изваяний [1974], содержащий прорисовки и описания около 300 статуй (ею были собраны сведения о 1 320 изваяниях). На основе этого огромного корпуса источников она разработала новую классификацию изваяний, датируемых XI – первой половиной XIII в. С.А. Плетнева делит статуи по признаку пола на отделы (мужские и женские), по позе – на виды (стоящие, сидящие, стеловидные),

далее на типы и подтипы, на основе техники изображения¹. «Важнейший признак, определяющий характер скульптуры, – рельефность положен в основу главной единицы типологии – типа» [Там же, с. 61]. Между тем, этот технико-изобразительный признак, оказался обусловленным породой камня [Там же, с. 56, примеч. 6].

Классификация отражает эволюцию половецких изваяний: вначале половцы изготавливали изваяния мужчин-воинов, подобные азиатским скульптурам, затем появились женские фигуры. С первых десятилетий XII в. бытуют реалистичные, объемные изваяния. Наряду с ними; видимо, в конце XII – начале XIII в. существовал их «упрощенный вариант – стеловидные круглые статуи» [Там же, с. 69 – 70].

С.А. Плетнева впервые применила *метод картографирования признаков* в изучении каменных изваяний. Признаки также скоррелированы с типами изваяний в таблицах, представлены в виде диаграмм и графиков. Плетнева соотнесла карту распространения половецких изваяний с данными письменных источников о половцах и выделила 8 самостоятельных объединений половцев – «союзов орд» [Там же, с. 23].

Принципы классификации восточноевропейских изваяний проанализировали в совместном труде Я.Р. Дашкевич и Э. Трыярски [1982, с. 10, 12, 14]. Авторы пришли к выводу, что «типологическая классификация» восточноевропейских средневековых кочевнических изваяний должна строиться с учетом следующих признаков: пол (мужское, женское, обо-еполюе); положение (стоящее, сидящее, полусидящее); «способ представления» (изображение фигуры полностью, изображение только головы, лица); техника ваяния (скульптурное, рассчитанное на круговой обзор, изображение; полустела – одностороннее изображение для осмотра спереди); материал (известняк, песчаник, гранит); наличие одежды (одето, обнажено); элементы одежды.

Я.Р. Дашкевич и Э. Трыярски подчеркнули, что изваяния необходимо рассматривать как произведения *официально-ритуального искусства* с его (словесно-)этнографическим реализмом. Группы изваяний с однородными реалиями, по их мнению, могли отражать «этническо-трибально-родовое и социальное деление» [Там же, с. 116]. Необходимо также проследить художественную эволюцию кочевнической монументальной скульптуры на основании развития эстетико-художественных идеалов и использовать эти данные для датирования изваяний. Для определения места изготовления, художественной «школы» они рекомендуют привлекать результаты петрографического анализа.

Половецкие каменные изваяния исследовались без связи с сооружениями. Между тем, такие сооружения существовали [Федоров-Давыдов, 1966, с. 192]. Первым охарактеризовал виды так называемых половецких святилищ М.Л. Швецов [1979]. Половецкие святилища возводились на вершинах курганов, в средней их части устанавливались изваяния. М.Л. Шве-

¹ Г.А. Федоров-Давыдов называет признак, положенный в основу выделения типа, «иконографическим характером позы» [1966, с. 167].

¹ С.А. Плетнева различает также три типа абрисов половецких изваяний и использует их в описании типов скульптур.

цов выделил четыре вида святилищ: 1) одно или несколько изваяний установлены (лицом на восток) на кургане без дополнительных каменных конструкций; 2) курган покрыт каменным панцирем. В средней части панциря находилась незамощенная овальная или округлая площадка для жертвоприношений, здесь же вкопаны изваяния; 3) мужское и женское изваяния стоят в центре четырехугольной ограды, выложенной из камней. Ограда ориентирована сторонами по странам света. По углам ограды расположены жертвенники или кострища; 4) мужское и женское изваяния установлены в центре каменной выкладки в форме «двойной усеченной трапеции», обращенной основанием к востоку.

Другую разновидность половецких святилищ¹ описал С.В. Гуркин [1987]. В насыпь кургана эпохи бронзы или раннего железного века впускалась яма до двух и более метров глубиной. В ней (лицом на восток) устанавливалось деревянное изваяние половецкого типа с сосудом в обеих руках. В одном случае в яме стояли в ряд четыре фигуры². Иногда в подобное святилище ставили каменные изваяния. Яма могла быть окружена ровиком, в котором содержались остатки тризны. Спустя некоторое время яму с изваянием засыпали. Таким образом святилище оказывалось под курганной насыпью.

1.1.3. Общие классификации изваяний Евразии

Исходя из наличия общих черт у азиатских и восточноевропейских средневековых изваяний, исследователи предпринимали попытки создания универсальных классификаций и эволюционных схем.

А.А. Чариков предложил использовать в качестве универсальной классификацию (эволюционную схему), построенную на казахстанском материале. Он полагает, что развитие изваяний в степях Евразии шло от «древнетюркского» типа (изваяния с сосудом в одной руке) к «половецкому» (изваяния с сосудом в обеих руках) и завершилось «стеловидным» (погрудные изваяния) [Чариков, 1979, с. 188, 189, рис. 9].

Общая классификация и схема эволюции для евразийских изваяний были созданы в 1980-х гг. Л.С. Гераськовой [1982, 1991, 1999]. Ее классификационное построение основано на методах формально-типологического анализа.

Л.С. Гераськова отвергла принципы классификации предшествующих исследователей и предложила «принципиально новый метод систематизации», заключающийся, во-первых, в ином (композиционном) уровне исследования, во-вторых, в выявлении признаков, «с помощью которых можно описать любое изваяние».

Необходимость изучения на «композиционном» уровне она мотивирует тем, что изваяния являются произведениями искусства. «Композиционными» она считает такие признаки, как «асимметричная или сим-

метричная позиция рук, характер изображения нижней части тела (показан ли человек сидящим, стоящим или нижняя часть фигуры вообще не изображена) и т.д.» [Гераськова, 1982, с. 127]. Анализ реаллий Л.С. Гераськова относит к «сюжетному» уровню исследования.

«Всеобщие»¹ признаки, положенные в основу ее классификации, следующие: 1) полнота передачи человеческой фигуры (полное или частичное изображение); 2) фон (с ним или без него)²; 3) отсутствие или наличие рук; 4) положение рук (симметричное или несимметричное); 5) поза фигуры (сидящая или стоящая). Кроме того, Л.С. Гераськова выделяет комплексный признак, характеризующий способы изображения груди и головного убора. В классификации учитываются «два альтернативных комплекса признаков: «а» – изображение груди в виде полушаровидных выпуклостей или маленьких кружков и недетализированный головной убор, «б» – изображение груди отсутствует, головной убор детализирован» [Гераськова, 1991, с. 40, 43].

Проанализировав систематизированные таким образом данные, исследовательница пришла к выводу о существовании в евразийской скульптуре четырех массивов статуй: А – частичные изображения с комплексом признаков «а» (Европа, Азия); С – частичные изображения с комплексом признаков «б» (Европа); D – полные изображения с комплексом признаков «а» (Азия); В – полные изображения с комплексом признаков «б» (Европа). Результаты классификации были подтверждены статистическим анализом, который «помог выяснять ряд тенденций, характеризующих европейские и азиатские статуи» [Там же, с. 49]. Выявленные тенденции довольно очевидны, а в части пресловутых «альтернативных комплексов признаков» – не совсем верны³.

Следующим этапом исследования Л.С. Гераськовой явилась разработка новой классификации восточноевропейской скульптуры. Сначала статистическому анализу подверглись пропорции скульптур массивов А, В и С. При описании пропорций учитывались: ши-

¹ Для изваяний средневековых кочевников Евразийских степей.

² Фон заведомо не является общим признаком для всей анализируемой скульптуры, так как не встречается на азиатских скульптурах.

³ Так, Л.С. Гераськова сделала вывод, что для европейской скульптуры типичны: полная передача фигуры, сидящая и стоящая поза, наличие фона, симметричное положение рук, комплекс признаков «б». Напротив, в азиатской скульптуре фигура изображается частично, поза неизвестна, фон отсутствует, положение рук асимметричное либо они отсутствуют вовсе, комплекс признаков «а». Между тем, изображение груди – крайне редкое явление в азиатской скульптуре. Так, например, среди 256 изваяний Алтая [Кубарев, 1984] грудь изображена только на двух фигурах. На тувинских (мужских) изваяниях с обозначенной грудью, как правило, детализирован головной убор [Евтюхова, 1952: рис. 21, 32, 41]. Из 145 изваяний Семиречья подобный «комплекс признаков» отмечается только на девяти [Шер, 1966]. Как при таком раскладе автор сумела выявить его на 426 изваяниях [Гераськова 1991, с. 47, табл. 8], остается загадкой.

¹ Святилища этой разновидности найдены на левобережье р. Дон от р. Есауловский Аксай до Азовского моря.

² С.В. Гуркин указывает, что деревянные изваяния устанавливались также на поверхности курганов [1998, с. 33].

рина плеч, ширина лица, толщина блока, длина торса. В результате она сделала вывод, что три массива соответствуют трем традициям изготовления скульптур, значит, имеют разную этническую принадлежность.

Для решения вопросов этнической атрибуции и хронологии массивов А, В и С Л.С. Гераськова провела их сравнительный анализ, причем внутри массива А сравнивались между собой азиатские (Аа) и европейские (Ае) скульптуры¹. Сравнение производилось по трем группам признаков: форма предметов (типы сосудов, головных уборов, наличие гривны); конфигурация частей тела (типы изображения бровей, носа, глаз, рта, подбородка, груди); моделирование форм статуй (технические приемы изображения головы, лица, бровей, рта, туловища, рук, а также такой признак, как «рельеф»). В результате было установлено, что статуи массива Ае характеризуются сходством с азиатскими (Аа) и делятся на два типа: изваяния с руками и без них.

Геологический и петрографический анализы позволили Л.С. Гераськовой идентифицировать места изготовления изваяний, констатировать территориальный принцип распространения типов² и выявить связь мест изготовления статуй в определенных геологических регионах с территориями расселения кочевых племен.

Исследовательница датировала изваяния массива Ае VIII – X вв. и предположила, что они были оставлены печенегами, жившими в степях Восточной Европы в IX – X вв.³ Скульптуру массива В, не обнаруживающую «прямой генетической связи» со скульптурой древнетюркского и постдревнетюркского периодов, она связала с половцами. В половецкой скульптуре выделяются две территориальные группы: 1) статуи без фона⁴, преобладающие в Донбассе и на Кавказе; 2) статуи с фоном⁵, преобладающие в Черноморско-Днепровском регионе и в Крыму. Эти группы, по мнению Л.С. Гераськовой, соответствуют делению половцев на два крыла (Черная и Белая Кумания). Половецкие изваяния датируются по атрибутам XI – XIII вв. Скульптуру массива С она считает «промежуточной» между дополовецкими (печенежскими) и половецкими изваяниями и предположительно связывает ее с торками⁶.

Отдельно следует сказать о попытке эстетико-филологического осмысления феномена монументальной

¹ В массив А включены азиатские изваяния разных изобразительных традиций. Автор это признает, относя их частью к древнетюркскому, частью к постдревнетюркскому периодам.

² Статуи с руками автор локализует в Приазовье и Азово-Донском регионе, безрукие – в Донбассе.

³ Этот «массив» очень мал (44 экз.).

⁴ Кроме этого, она выделяет такие признаки этой группы: изображения мужчин и женщин, одежда которых украшена орнаментом из прямых и ломаных линий; материал – известняк, гранит.

⁵ Это сидящие мужские и женские фигуры. Орнамент обычно отсутствовал, а если и был, то в виде округлых линий. Материал – песчаник.

⁶ Л.С. Гераськова считает, что вопрос о принадлежности соответствующих массивов скульптуры печенегам и торкам требует дальнейшего исследования.

скульптуры средневековых кочевников Евразии, принятой Г.А. Федоровым-Давыдовым в книге «Искусство кочевников и Золотой Орды» [1976]. Скульптура азиатских степей, по мнению этого исследователя, в целом характеризуется столпообразностью, отсутствием пластического образа, тогда как восточноевропейской скульптуре свойственны реализм и пластика. Это объясняется тем, что азиатские изваяния были «изготовленными предметами», но не произведениями «изображающего искусства», тогда как восточноевропейские воспроизводили иллюзорный образ. Г.К. Вагнер в рецензии на книгу Г.А. Федорова-Давыдова определил стиль монументальной скульптуры тюрков как *эпический* [Вагнер, 1978, с. 333]¹.

1.2. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ИЗВАЯНИЙ, БАЛБАЛОВ И КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Наряду с вопросами классификации, датировки и этнокультурной атрибуции разрабатывалась также проблема семантики изваяний евразийских степей.

Первоначально исследователи задались вопросом: «Кого изображают изваяния?». Попытка соотнести данные письменных (китайских и древнетюркских) источников при объяснении археологического феномена – оградки с изваянием и вереницей каменных столбиков – породила двоякий ответ на данный вопрос. Азиатские изваяния при оградках либо относили к балбалам², тем самым причисляя к изображениям врагов умершего, либо считали «нарисованным обликом покойного».

Исследователи азиатских изваяний 40 – 50-х гг. XX в. придерживались одной из этих точек зрения или сочетали оба толкования, полагая, что одни изваяния воссоздают облик самого умершего, другие (например, более грубые) – его врага.

В начале 1960-х гг. А.Д. Грач обосновал тезис о том, что изваяния являются исключительно изображениями наиболее сильных врагов умершего [1961]. Однако вскоре с опровержением его взглядов выступил Л.Р. Кызласов. Он привел убедительные данные в пользу истинности противоположной точки зрения [1964а]. После работ Л.Р. Кызласова и Я.А. Шера [1966] большинство отечественных ученых придерживались мнения, что азиатские древнетюркские изваяния изображают умершего. Между тем, видный зарубежный исследователь азиатских древнетюркских изваяний Л. Йисл продолжал оставаться сторонником противоположной точки зрения. Он даже предложил называть «каменных баб», за исключением стоящих внутри поминальных сооружений орхонской знати, «фигурными балбалами» [Jisl, 1970, S. 51 – 52].

¹ Данный тезис Г.К. Вагнера попыталась развить применительно к казахстанским изваяниям, Г.Ш. Елеуенова в учебном пособии «Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана» [1999].

² См. подробную историографию проблемы соотношения терминов «балбал» и «изваяние» в работе В.Е. Войтова [1996, с.16 – 17, 20].

Изваяниям с сосудом в обеих руках давались различные объяснения. А.Н. Бернштам, по всей видимости, считал их изображениями врагов покойного [1952, с. 144]. Л.Р. Кызласов видел в аналогичных скульптурах из Тувы «памятники особо отличившимся героям» [1969, т. 82]. Азиатские изваяния с сосудом в обеих руках Я.А. Шер связывает с культом обожествленных предков [1966, с. 62, 64]. Исследователи восточноевропейских изваяний предполагают их связь с культом предков-вождей, с культом героизированного мифического родоначальника [Федоров-Давыдов, 1966, с. 191; 1976, с. 92; Плетнева, 1974, с. 76].

В последнее время обсуждается также вопрос о том, кого обозначают несколько изваяний, установленных около комплекса оградок [Кубарев, 2001, с. 30] или в кыпчакском «святилище» [Ермоленко, 1994; Досымбаева, 2002а].

Для выяснения назначения азиатских изваяний, по мнению специалистов, значим и другой вопрос: «Какую позу – сидящую или стоящую – подразумевает поясное изображение?» Я.А. Шер считает, что все поясные изваяния – сидящие, поскольку полнофигурные изваяния изображают сидящих людей. Такое толкование, по его мнению, согласуется с выводом Л.Р. Кызласова о том, что изваяние изображает пирующего индивида [Шер, 1966, с. 26, примеч. 11]. Того же мнения придерживается и С.Г. Кляшторный. Он приводит еще один аргумент: видимая на поверхности часть вкопанного изваяния соответствует пропорциям сидящей фигуры [Кляшторный, 1978, с. 250]. А.А. Чариков утверждает, что изваяния с обозначенными ногами могут изображать как сидящих, так и стоящих людей, поскольку обе эти позы известны на полнофигурных азиатских скульптурах. По его мнению, важно учесть пропорции невкопанной скульптуры: если нижняя часть изваяния (ниже пояса) примерно равна верхней, то это соответствует стоящей фигуре; если нижняя часть составляет 1/3 (и менее) всего монолита, то это свидетельствует о сидящей позе [Чариков, 1984, с. 62].

Исследование семантики изваяний тесно связано с выявлением смысла атрибутов. Общим атрибутом для всех евразийских изваяний (исключая, разумеется, погрудные) является сосуд. Он может изображаться в правой руке на уровне груди или в обеих руках на уровне пояса (редко – на уровне груди).

Вопросами семантики сосуда занимались, главным образом, исследователи азиатской скульптуры. Л.Р. Кызласов, опираясь на сравнительный этнографический материал, доказал, что изваяния отражают момент «присутствия» умершего при совершении обрядового ритуала, важной частью которого было обрядовое пиршество [1964а, с. 36 и сл.]. С этим солидарны многие исследователи, отождествляющие изваяния с изображениями умерших. Впоследствии Л.Р. Кызласов предложил искать объяснения различиям поз (с сосудом в одной или в обеих руках) в пиршественном этикете кочевников. Он пишет: «Примером может служить сообщение источника XIII в. об обычаях монголов: “Если [сосед] держит чарку в одной руке, то это значит, что мне нужно отведать [у него] глоток [вина], и только тогда он посмеет вы-

пить. Если же [он] держит чарку двумя руками, то он обменивается со мной чарками и я должен выпить его вино до дна”. Вероятно, только привлечение подобных источников сможет помочь правильно истолковать каноническую иконографию изваяний VI – VIII, VIII – X вв. и более поздних половецких изваяний XI – XIII вв.» [Кызласов, 1979, с. 199; Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 82 – 83]¹.

А.А. Чариков, исходя из того, что поясные изваяния могут означать не только сидящую, но и стоящую фигуру, выразил сомнение в правомерности отождествления их позы с пиршественной. Он пришел к заключению: «Сосуд в руке (или в руках) статуй связан, скорее всего, с какими-то иными, пока еще не выясненными ассоциациями. В частности, такой сосуд мог быть вместилищем «священного напитка», придающего бессмертие, что вполне соотносится с существующими религиозными представлениями, распространенными в Средней Азии и прилегающих районах» [Чариков, 1984, с. 62 – 63].

Авторы, трактовавшие изваяния как изображения врага и сторонники компромиссной точки зрения также касались вопроса семантики сосуда. А.Д. Грач не находил этому атрибуту достаточного объяснения [1961, с. 66]. А.Н. Бернштам полагал, что образ челоука с сосудом в обеих руках был заимствован из буддийской иконографии, «как наиболее яркое выражение смирения и подчиненности» [1952, с. 144]. Исследователь иконографии тюркского искусства Э. Эсин предположил, что поза статуй с сосудом в одной руке на уровне груди, возможно, являлась жестом выражения верности господину [Esin, 1969, р. 232; 1970, р. 91, 94]. С.И. Вайнштейн видит в сосуде некий «культовый символ», который свойствен изваяниям самих умерших, в противоположность не имеющим сосуда изваяниям врагов [Вайнштейн, 1974, с. 71 – 72].

Другим смысловым атрибутом, по мнению исследователей, является оружие, изображенное на большинстве азиатских изваяний с сосудом в одной руке и на некоторых восточноевропейских статуях. Оружью придается значение сословного символа. Я.А. Шер предложил считать изваяния с сосудом в одной руке и оружием памятниками «кочевой военной аристократии», тогда как изваяния в той же позе, но без оружия – «изображениями чиновной аристократии», не связанной с военным делом [1966, с. 57 – 58]. С.А. Плетнева, опираясь на выводы Я.А. Шера, выявила в половецкой скульптуре и другие признаки различного социального положения изображенных. По ее мнению, представители военной знати изваяны стоящими, богатые половцы, не входящие в военное сословие – сидящими [Плетнева, 1974, с. 75 – 76].

¹ Руи Гонсалес де Клавихо во время путешествия ко двору Тимура в начале XV в. присутствовал на церемонии угощения напитком у «сеньора» города Эрзинджан: «Тот, кому он давал питье, должен был встать и пасть ниц перед ним и брать чашу *обеими* руками, а кто ее брал *одной* рукой, считалось неуважением, так как говорят, что [только] от равных себе можно брать чашу одной рукой, а не от правителя» [Клавихо, 1990, с. 63].

Д.Г. Савинов попытался объяснить сочетание сосуда и оружия в иконографии древнетюркских изваяний следующим образом: «...благополучие воинов, завоеванное мечом, должно продолжаться с его жизненной силой, заключенной в сосуде, и в потустороннем существовании» [1994, с. 129]. По мнению А. Досымбаевой, смысл этих реалий древнетюркских изваяний тождествен значению атрибутов Колакся в скифской генеалогической легенде [2002а, с. 58 – 59].

Помимо этого, изучалось значение особых атрибутов, присущих отдельным группам изваяний (главным образом, среднеазиатско-казахстанского региона), – птицы и трехрогого головного убора.

А.Н. Бернштам отмечал по поводу изображения птицы на изваяниях: «...птица на руке человека невольно вызывает в памяти образ охотника с беркутом... Если здесь не имелось в виду воспроизводить охотника с беркутом, возможно, что птица несет иную функцию – является символом души умершего» [1952, с. 145]. Кроме этих версий, исследователи допускают также, что птица могла означать предка или тотема [Новгородова, 1986, с. 56; Чариков, 1989, с. 184].

Особой разновидностью изваяний среднеазиатско-казахстанского региона являются изваяния в трехрогих головных уборах. Их интерпретация тесно связана с анализом сцены на Кудыргинском валуне [Кызласов, 1949; Гаврилова, 1965; Длужневская, 1978; Янборисов, 1984 и др.]. Большинство исследователей трактуют фигуру в трехрогой тиаре с Кудыргинского валуна как древнетюркское божество – Умай. Некоторые авторы считают ее изображением умершей женщины, жены покойного или шаманки. С.М. Ахинжанов также полагал, что семиреченские изваяния в трехрогих головных уборах изображают «представителей культа» (шаманок) [1978, с. 74]. Существуют и иные объяснения этого атрибута. Так, предпринимались попытки связать «трехрогие тиары» изваяний с рогатыми головными уборами многомужних эфталитов [Мокрынин, 1975, с. 117; Чариков, 1980а, с. 217].

Семантика изваяний изучается также в связи с сооружениями, с которыми они образуют единый комплекс. В большей степени исследованы конструкции, сопутствующие азиатским изваяниям, – оградки и сложные строения типа памятников орхонской знати. В вопросе их назначения специалисты исходят из сведений тех же китайских летописей, что и при интерпретации изваяний. Согласно этим сведениям, указанные виды сооружений первоначально считались погребальными. Однако раскопки оградок и орхонских «храмов», в результате которых не были выявлены достоверные следы погребения, поставили под сомнение их погребальное назначение [Jisl, 1960, S. 75 – 76].

А.Д. Грач писал в начале 1960-х гг.: «Мнения археологов, изучавших ритуальные оградки, разделились. Многие считают их памятниками поминального характера, но существует и вторая точка зрения, трактующая оградки, как погребения с остатками трупосожжения. С этой концепцией трудно согласиться, в частности потому, что самая тщательная расчистка оградок ни разу не выявила в пепле, часто составляющем заполнение центральных ямок, остатков кальцинированных костей человека, которые всегда

присутствуют среди остатков трупосожжений» [1961, с. 55]. После вышедших в эти годы работ А.Д. Грача, Л.Р. Кызласова, Я.А. Шера в основном утвердилось мнение о культово-поминальном назначении оградок¹ и «храмов», признанных аналогичными сооружениями [Шер, 1966, с. 204].

Версией китайских хроник (Чжоушу, Суйшу и др.) было продиктовано традиционное представление о каменных столбиках-балбалах как символах врагов умершего, убитых им при жизни. Я.А. Шер высказал предположение, что балбал может также символизировать жертву умершему со стороны другого лица. Сопоставив древнетюркскую надпись на балбале («балбал Сабра таркана») с текстом эпитафии, он отметил: «...из предыдущего текста, где упоминается имя Сабра таркана, не следует, что это был враг того человека, в честь которого сооружен памятник. В этой связи можно высказать догадку, что балбалы могли обозначать не только изображения врагов, но и знаки *жертвоприношения*. Сколько было принесено таких жертв, столько было установлено балбалов» [1966, с. 49 – 50, примеч. 25]. Впоследствии С.Г. Кляшторный обосновал тезис о балбале как погребальном даре [1978, с. 253].

Наряду с толкованием балбалов как символов убитых врагов существует и другое предположение, возникшее при попытках объяснения смысла аналогичных сооружений ранних кочевников [Руденко, 1960, с. 326]. В.Д. Кубарев, развивая идею С.И. Руденко о связи числа «балбалов» из памятников скифского времени с количеством участников похорон, пришел к выводу, что балбалы являются коновязными столбами² [Кубарев, 1979, с. 94]. Соглашаясь с предшествующими исследователями в том, что древнетюркские оградки представляют собой «упрощенный вариант» мемориальных сооружений знати, он предложил иную реконструкцию поминального комплекса *оградка – изваяние – балбалы*. Оградка, по его мнению, воспроизводит жилище рядового кочевника. Около «жилища» устанавливалось изваяние умершего, «участвующего» в собственном поминальном торжестве. Ряд балбалов означал шеренгу коновязных столбов-*сэргэ*. К ним привязывали своих лошадей живые участники обряда – родственники и гости [Кубарев, 1984, с. 79 – 80]. Что касается семантики оградок без дополнительных конструкций, то В.Д. Кубарев предположил, что они были своего рода жертвенниками, в которых «совершались *жертвоприношения домашних животных древнетюркским божествам*» [Кубарев, 2001, с. 43].

Значительный интерес для решения проблемы семантики балбалов представляет работы С.С. Сорокина [1981, 1987]. При объяснении «внекурганых» памятников ранних кочевников он обращается к явлению *ряда* в традиционной культуре тюркских и монгольских народов как к *построению, отража-*

¹ Несмотря на это, отдельные исследователи допускают погребальное назначение оградок. Обстоятельный обзор их работ см. [Кубарев, 2001, с. 41 и сл.].

² В.Е. Войтов указывает, что первым эту мысль высказал П.П. Хороших [Войтов, 1996, с. 85; ср.: Кубарев, 2001, с. 39].

ющему социальную иерархию. С.С. Сорокин пишет: «...балбалы, как и оленные камни и каменные оградки, служили знаками присутствия семьи, рода или даже племени, метой сопричастности к происходящим событиям. Такая трактовка объясняет и расположение балбалов в определенной иерархической последовательности, и разницу их количества в цепочках и многое другое» [Сорокин, 1987, с. 17]¹.

С конца 1980-х гг. осуществляется и иной (мировоззренческий) подход к изучению семантики оградок. Строеие оградки соотносится с картиной мира, зафиксированной в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов [Традиционное..., 1988, с. 26; Войтов, 1989; Ермоленко, 1991, 1991a]. В.Е. Войтов показал, что культово-поминальные памятники Монголии конструктивно воспроизводят «модель мироздания» древних тюрков: оградка (ящик, каменный блок) воплощает схему мировой горы, дерево в центре оградки символизирует мировое древо. Трехотомическая структура макрокосма, по мнению В.Е. Войтова, «запечатлена не только в конструкции ритуальной оградки, но и в общей планировке поминального памятника, где вереница балбалов на восточной стороне обозначала Нижний мир, площадка с изваянием умершего – Средний мир, а оградка в западной части – Верхний мир» [Войтов, 1996, с. 118]. Символику балбалов он реконструирует, исходя из якобы присущей древним тюркам «мировоззренческой ангиномии»: «тот, кому ставят балбал – тот, кого ставят балбалом» [Там же, с. 90]. С первой точки зрения, ряд балбалов, согласно В.Е. Войтову, изображает динамику взросления человека, что «обозначается постепенным увеличением камней вплоть до самого первого, самого высокого и нередко антропоморфного балбала. Последний констатировал превращение юноши в полноправного, стоящего буквально “на пороге” нового этапа жизни члена социума...» [Войтов, 1989, с. 15]. С другой точки зрения, это изображения убитых врагов, причем «расположение ряда вне основного комплекса связано с запретом врагам покойного находиться на священной территории» [Там же].

Вопроса семантики каменных изваяний при оградках коснулся С.И. Аджигалиев в исследовании о погребально-культовой архитектуре Западного Казахстана. Он высказал предположение, что изваяние, как и стела, выполняло роль жертвенного столба – посредника между родоплеменным коллективом людей и богами. К такому «проводнику жертв» приурочивалось огражденное сакральное пространство (оградка) [Аджигалиев, 1994, с. 180 – 183]. Ю.С. Худяков также видит назначение оградки в «ограждении места поминального подношения умершему» и допускает, что памятный столб в ней мог символизировать мировое древо [1985, с. 180]².

¹ Д.Г. Савинов интерпретировал «идею» ряда в центрально-азиатских памятниках исходя из традиционной семантики балбалов. Он предположил, что от скифского и до тюркского времени балбалы символизировали победу над врагом [Савинов, 1997].

² В другой статье, написанной в соавторстве, Ю.С. Худяков оценивает попытки мировоззренческой интерпретации оградок как «произвольные» [Борисенко, Худяков, 2000, с. 224].

Краткий обзор истории изучения изваяний средневековых кочевников степей Евразии по проблемам классификации и семантики позволяет сделать следующие выводы.

Созданные до сих пор классификации изваяний условно можно отнести либо к *морфологическим* (*техничко-морфологическим*), либо к *иконографическим*. Первые классификации (примерно до середины 60-х гг. XX в.) были по преимуществу техникоморфологическими (А.С. Уваров, Л.А. Евтюхова, А.Н. Бернштам, А.Д. Грач), затем их сменили иконографические (Я.А. Шер, Г.А. Федоров-Давыдов, А.А. Чариков, В.Д. Кубарев). Начиная с исследования Я.А. Шера, при разработке классификаций изваяний применяются математические методы, требующие формализованного описания материала. Классификации, разработанные С.А. Плетневой и Л.С. Гераськовой, характеризуются статистическим подходом к предмету исследования. Я.А. Шер впервые использует в классификационной операции стилистические признаки. В дальнейшем это направление развивают А.А. Чариков, Л.С. Гераськова и автор данной монографии.

Вслед за Л.А. Евтюховой исследователи систематизируют также атрибуты и датируют по ним изваяния. Ввиду такого подхода спорной остается датировка лишенных вещей *погрудных изваяний*, равно как и их место в классификации.

Начиная с середины 1960-х гг., исследователи также занимаются классификацией культовых сооружений, в связи с которыми устанавливались изваяния в разных регионах евразийских степей (Л.Р. Кызласов, А.А. Гаврилова, В.Д. Кубарев, М.Л. Швецов, В.Е. Войтов и др.). Культовые сооружения датируются по вещественным находкам, радиоуглеродным датам и даже по погребениям могильников, на территории которых они расположены.

Вопросами семантики в большей степени занимаются исследователи азиатской скульптуры (Л.Р. Кызласов, А.Д. Грач, Я.А. Шер и другие). В 1960-е гг. комплекс *оградка – изваяние – балбалы* признан большинством авторов культово-поминальным сооружением, а изваяние – изображением умершего. Термин «балбал» соотнесен исключительно с каменными столбиками, установленными вереницей. Вплоть до конца 1970-х гг. балбал трактовался преимущественно как символ убитого врага. Результаты изучения семантики более древних аналогичных сооружений (оленных камней, «балбалов» скифских курганов) повлияли на иное объяснение балбалов. Понимание балбалов как знаков сопричастности живых к совершаемому обряду, появилось благодаря попытке реконструировать их семантику на основе явлений традиционной культуры кочевников. В.Д. Кубарев предложил новую интерпретацию поминальной оградки с балбалами как символического жилища с рядом коновязных столбов. С конца 1980-х гг. структурные элементы древнетюркских оградок отождествляются некоторыми исследователями с мировоззренческими символами древних тюрков (Э.Л. Львова, В.Е. Войтов, Л.Н. Ермоленко и др.).

Глава 2

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

2.1. ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ КЛАССИФИКАЦИИ

Иконографические классификации изваяний традиционно основываются на *изобразительном каноне*, поскольку исследователи, вслед за Я.А. Шером, исходят из культовой природы этих памятников. Л.С. Гераськова сделала попытку заменить этот принцип иконографической классификации «композиционным уровнем исследования», по сути дела, создав классификацию морфологическую.

Действительно, изобразительный канон – это устойчивое сочетание иконографических элементов. Я.А. Шер перечисляет их: «поза или пространственное положение фигуры, определенный набор атрибутов» [1966, с. 25]. Но можно сказать иначе: канонизировано *действие* персонажа. И это действие, как правило, опосредуется атрибутами¹: фигура *держит* в одной руке *сосуд*, причем на уровне *груди*, другой рукой *опирается* на *оружие*, подвешенное на *поясе* или *держит* в обеих руках *сосуд* возле *живота*². При «композиционном уровне исследования» целостный образ искусственно разъят, да к тому же на «разноразноуровневые» признаки: «симметричная или асимметричная позиция рук», «сосуд» (последний – на «сюжетном уровне»). С другой стороны, здесь нарушен принцип отбора признаков для археологической классификации, сформулированный В.Б. Ковалевской: «комплекс признаков, варьирующих как единое целое, должен рассматриваться в качестве одного признака» [1979, с. 9]. Таким образом, «новый метод» не лишен недостатков, однако потенциал традиционного метода иконографической классификации далеко не исчерпан, особенно в отношении разграничивающей возможности стилистических признаков.

Установлено, что среднеазиатско-казахстанские изваяния с *обозначенной* позой представляют собой

¹ Ср.: Г.К. Вагнер выделяет такое устойчивое явление в средневековом искусстве, как функция образа. Он пишет: «С функцией образа связаны “функциональная” поза, жесты, атрибуты...» [Вагнер, 1987, с. 53].

² Примечательно, что глаз стороннего средневекового наблюдателя (имеется в виду Рубрук) выделил как раз эту черту богатого деталями облика половецкого изваяния, тогда как исследователи вплоть до середины XX в. пускались в долгое перечисление приемов его исполнения.

две одновременные изобразительные традиции, которые мы условились называть «древнетюркской» (изваяния с сосудом в одной руке на уровне груди, с оружием или без оружия) и «кыпчакской»¹ (изваяния с сосудом в обеих руках возле живота). Изваяниям с *необозначенной* позой (изображениям только лица или головы человека, то есть *погрудным*) в существующих классификациях отводится разное место: их то объединяют с изваяниями одной из перечисленных традиций (Я.А. Шер), то выделяют в самостоятельную традицию (А.А. Чариков). Между тем, погрудные изваяния встречаются как при древнетюркских оградках, так и в связи с кыпчакскими «святылищами», кроме того, вместе с изваяниями обеих разновидностей обозначенной позы. Эти факты свидетельствуют о сосуществовании погрудных изваяний с изваяниями древнетюркской и кыпчакской традиций. Очевидно, иконографические признаки, использованные в прежних систематизациях, недостаточны для подобного разграничения погрудных изваяний. Необходимо выделить отличительные признаки, присущие одновременно изваяниям каждой из традиций и погрудным фигурам.

На наш взгляд, изваяния древнетюркской и кыпчакской традиций различаются не только по позе, но и по характерным совокупным *приемам изображения черт лица* (ИЧЛ). Приемы ИЧЛ, свойственные изваяниям обеих традиций, встречаются и на погрудных изваяниях. Каноническая поза и инвариантный прием ИЧЛ являются *основными и равнозначными* признаками, которые отличают иконографию изваяний древнетюркского и кыпчакского облика². Изваяния с *необозначенной* позой могут быть классифицированы как изваяния древнетюркского или кыпчакского облика, исходя из приема ИЧЛ.

На этом основании изваяния среднеазиатско-казахстанского региона можно разделить на две группы, а их, в свою очередь, на два типа.

Группа 1. Изваяния древнетюркского облика.

Тип 1. Изваяния с обозначенной позой (с сосудом в одной руке, с оружием или без оружия).

¹ «Половецкой», по А.А. Чарикову.

² Кроме указанных признаков своеобразие облика определяется также некоторыми другими иконографическими особенностями, о чем речь пойдет ниже.

Тип II. Изваяния с необозначенной позой (погрудные).

Группа 2. Изваяния кыпчакского облика.

Тип I. Изваяния с обозначенной позой (с сосудом в обеих руках на уровне живота).

Тип II. Изваяния с необозначенной позой (погрудные).

2.2. ПРИЗНАКИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПРИЕМОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕРТ ЛИЦА

Исследователи изваяний азиатского ареала отмечали наличие особых способов изображения деталей лица. Я.А. Шер установил, что изваяния с сосудом в одной руке и с сосудом в обеих руках различаются также способом изображения бровей (бровей-носа). Брови и нос многих изваяний с сосудом в обеих руках имеют вид «Т»-образной фигуры. Тогда как на большинстве изваяний с сосудом в одной руке «стилизация бровей представляет собой своеобразный технический и стилистический прием, с помощью которого брови изображаются волнистой линией с внутренним изгибом на переносице и наружными изгибами – над глазами; окончаниям бровей придается неестественно манерный вид *загнутых вверх* линий. Иногда брови изображаются отдельно, но чаще – в едином рельефе с носом» [Шер, 1966, с. 66]. С.И. Вайнштейн отметил эту деталь на одном изваянии из Тувы и добавил: «Столь же манерно выполнены усы. Большие овальные глаза *в сочетании* с манерными линиями бровей и усов создают впечатлительные *декоративности*» [1974, с. 70]. Тем самым он обратил внимание на факт стилизации не только отдельной детали (брови), но и черт лица в целом.

На казахстанских изваяниях с обозначенной и необозначенной позой А.А. Чариков выделил 30 приемов изображения деталей лица: брови-нос (4 приема), глаза (6 приемов), усы-рот-борода (5 приемов), рот (9 приемов), уши (6 приемов) [1986]. Он проанализировал количественное их распределение и взаимовстречаемость на изваяниях «древнетюркского», «половецкого» (изваяния кыпчакской традиции) и «стеловидного» (погрудные изваяния) типов. Оказалось, что многие приемы универсальны, однако «наборы» изобразительных приемов в целом специфичны для разных типов изваяний, особенно для «древнетюркского». Вместе с тем А.А. Чариков отмечает: «При изготовлении стеловидных скульптур широко использовались *все известные изобразительные приемы* и в самых разнообразных сочетаниях» [1986, с. 93].

Очевидно, что ни единичный стилистический признак, ни раздробленные, взятые в отдельности признаки¹ не позволяют разграничить погрудные изваяния. Ранее нами было замечено, что для изваяний древнетюркской традиции характерно сочетание монголоидных скул со слишком большими глазами (=стилистическая особенность), тогда как изваяния кыпчак-

ской традиции отличаются «чисто» монголоидной внешностью (широкоскулное лицо, монголоидный разрез глаз). На погрудных изваяниях изображаются то «большеглазые», то «явные» монголоиды [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985, с. 146 – 147].

Сообразно этому, *прием изображения черт лица* представляется сочетанием того или иного способа воспроизведения глаз с инвариантной манерой изображения прочих деталей лица.

Приемы ИЧЛ, присущие изваяниям древнетюркского и кыпчакского облика выделялись на изваяниях соответствующей традиции по следующим признакам.

Признаки для описания приемов ИЧЛ изваяний древнетюркского облика. *Глаза* передаются миндалевидными (овальными) выпуклостями. *Веки* могут быть: **а)** не детализированы; **б)** детализированы. Они воспроизводятся барельефом или гравированы. По величине различаются:

1. Большие глаза. Разновидности: **а, б.**

2. Глаза нормальной величины. Разновидности: **а, б.**

В редких случаях глаза не изображались.

Брови (надбровье), нос, усы (усы и борода). Брови изваяний могут изображаться слитно, раздельно или не изображаться вообще. Для линии слитных бровей характерен плавный изгиб, иногда концы их слегка загнуты вверх. Раздельные брови дугообразны. Слитные брови обычно совмещены с носом, реже – показаны отдельно. Раздельные брови отделены от носа.

Надбровье «безбровых» изваяний имеет естественные очертания и образует одно целое с носом.

Нос передается двумя способами: **а)** реалистично (детализированы крылья); **б)** схематично (крылья не детализированы).

Формы усов многообразны. Усы могут дополняться «бородкой» в виде клинышка или вертикальной полоски подо ртом. Изредка кроме усов (усов и бородки) показана борода, достигающая груди.

Рот трактуется по-разному. В некоторых случаях совмещенный рельеф бровей и носа, усы и рот соединены между собой рельефными «перемычками». Иногда слитную фигуру образуют глаза и нос или *глаза-нос-усы* (только на «безбровых» изваяниях и на изваяниях с отделенными от носа раздельными или слитными бровями).

Выделяются четыре способа изображения бровей и носа с учетом наличия или отсутствия усов¹:

1. Слитные брови совмещены с носом: **а, б.** Усы: есть/нет.

2. Надбровье совмещено с носом: **а, б.** Усы: есть/нет.

3. Слитные брови отделены от носа: **а, б.** Усы: есть/нет.

4. Раздельные брови отделены от носа: **а, б.** Усы: есть/нет.

Признаки для описания приемов ИЧЛ изваяний кыпчакского облика. *Глаза* передаются спо-

¹ Л.С. Гераськова, например, предельно дробит признаки изображения деталей лица и учитывает не только форму, но и технику изображения [1991, с. 72 – 73].

собами, не встречающимися (за некоторым исключением) на изваяниях древнетюркской традиции (чаще всего небольшими углублениями):

1. Углубление, сформированное овальным валиком (веки).

2. Неоконтурное барельефом углубление: щель (бороздка), нечеткое продолговатое углубление, округлое углубление (иногда со слегка выступающим краем).

3. Небольшая округлая или продолговатая выпуклость.

4. Глаза не изображены.

Глаза некоторых фигур воспроизведены в виде крупных округлых выпуклостей, сильно удлиненных барельефных овалов, а также миндалевидных выпуклостей с детализированными веками.

Брови (надбровье), нос, усы/рот. Брови чаще слитные. Они бывают: **а)** естественно изогнутыми; **б)** имеющими вид единой дуги; **с)** в виде одной прямой линии. Концы бровей не изгибаются вверх, но иногда удлиняются и даже переходят в очертания лица, которые становятся сердцевидными.

Надбровье либо имеет естественную форму, либо форму бровей с удлиненными концами. Иногда надбровье неразличимо. Брови и надбровье совмещены со **схематичным** носом.

Нос имеет округлое либо прямое окончание («брусковидный», по А.А. Чарикову).

Усы как бы «вырастают» из уголков рта. Реже они изображаются надо ртом. Сочетание углублений глаз и открытого рта «безусых» изваяний рассматривается как иконографическая особенность, поэтому вводится признак: «рот». Иногда углубления глаз и рта могут быть одинаково сформированы валиком.

На «безусых» лицах учитывается **рот**: **а)** углубленный, окруженный барельефным валиком; **б)** углубленный; **с)** выпуклый.

Иногда округлыми выпуклостями («румянец») бывают стилизованы **щеки**.

Способы изображения бровей, носа, усов/рта:

1. Слитные неудлиненные/удлиненные брови: **а, б, с** совмещены с носом. Усы: есть/нет. Рот: **а, б, с**.

2. Неудлиненное/удлиненное надбровье совмещено с носом. Усы: есть/нет. Рот: **а, б, с**.

На нескольких изваяниях черты лица переданы весьма условно: нос, глаза, рот и отдельные брови (отдельно от носа) изображены параллельными или одинарными черточками [Шер, 1966, табл. XXIV, III, 114; XXVI, 126]. Попытка воспроизвести отдельные брови отмечена еще на одном изваянии из Семиречья (табл. 4, 9).

2.3. ПРИЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕРТ ЛИЦА НА СТАТУАХ С ОБОЗНАЧЕННОЙ ПОЗОЙ И ПОГРУДНЫХ ИЗВАЯНИЯХ

С целью выявления приемов ИЧЛ, свойственных изваяниям древнетюркского и кыпчакского облика, рассмотрено 248 изваяний¹.

Сформулированные выше признаки, с помощью которых описывались способы воспроизведения деталей лица, были сведены в таблицы (табл. 1, 3, 5). По столбцам располагался признак «глаза», по строкам – комплексные признаки: «брови (надбровье), нос, усы (рот)». Знаком «+» отмечалось сочетание пары признаков. Изваяния каждой канонической позы и погрудные анализировались отдельно. Все эти данные позволяют охарактеризовать круг приемов ИЧЛ изваяний с обозначенной позой и погрудных, а также выделить наиболее распространенные

¹ Из 526. Прочие исключены вследствие повреждений в области лица или недостаточной информативности публикационных прорисовок или фотографий.

	+++ +++ +++ +++ +++ +++	+++ +++ +++ +	+++ +++ ++	+++ +++ +++	++	+++ ++	+++	++		+	+	
	+++ +++ +++ +++	++	+++	+++ +								
	+++ +++ +++	+++	+	+++	+++	+++ +	+	++	+++		+	+++
	++	++	+								++	+
без глаз						+	+	+				

Табл. 1. Взаимовстречаемость устойчивых способов воспроизведения глаз с инвариантной манерой изображения прочих деталей лица на изваяниях древнетюркской традиции.

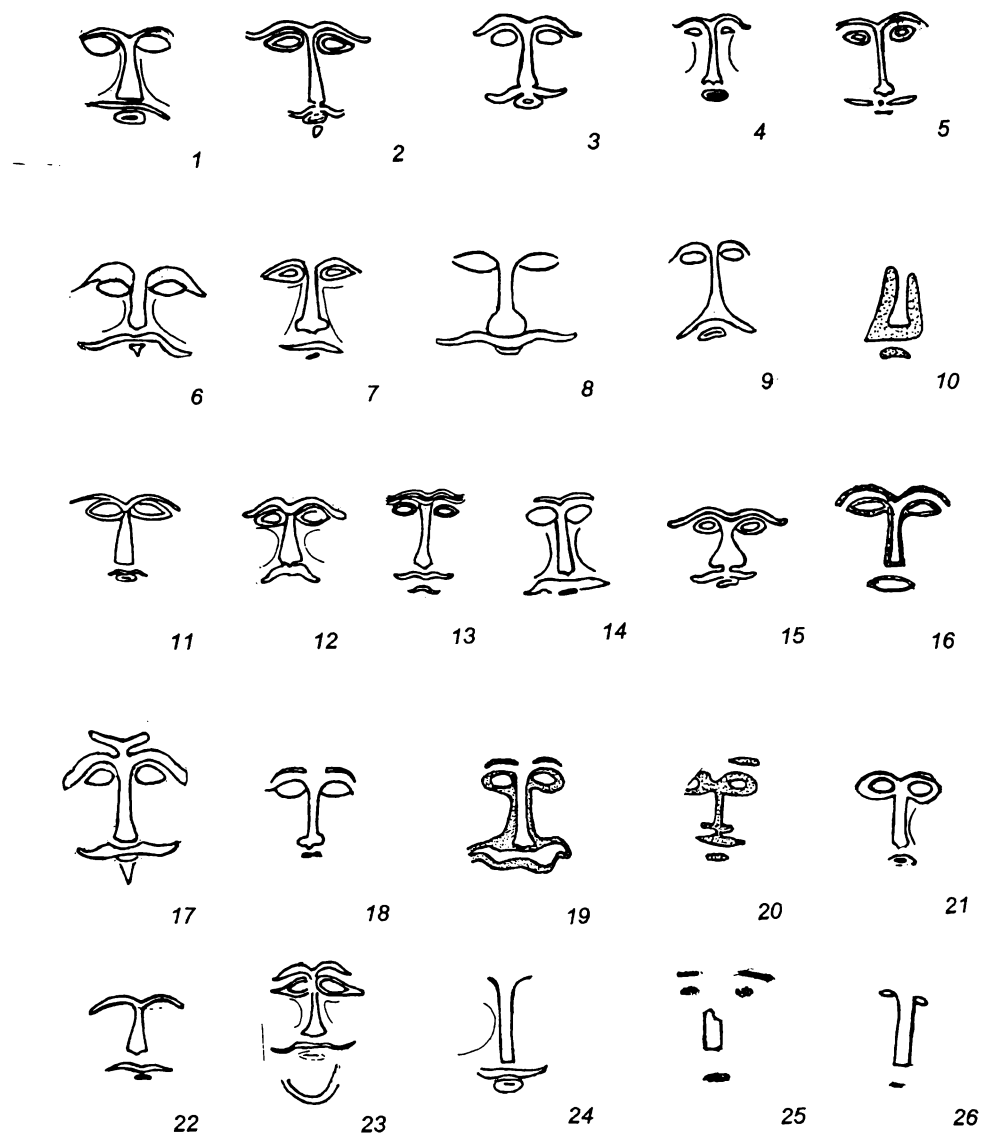

Табл. 2. Приемы изображения черт лица на изваяниях древнетюркского облика.

приемы ИЧЛ изваяний древнетюркского и кыпчакского облика.

Анализ приемов изваяний древнетюркской традиции. Приемы ИЧЛ, присущие изваяниям древнетюркского облика, выявлены по 120 изваяниям с сосудом в одной руке, с оружием или без него (табл. 1)¹. Изваяния чаще всего изображают большеглазых (76 экз.) индивидов, по преимуществу усатых мужчин (90 экз.). В восьми случаях усы сочетаются с бородкой, в двух – с бородой. Нос большинства изваяний (71 экз.) воспроизведен более или менее реалистично (обозначены крылья).

Анализ взаимовстречаемости признаков свидетельствует, что наиболее распространенными приемами ИЧЛ являются следующие:

1. Слитные брови совмещены с носом: **a, b**. Большие глаза: **a, b** или глаза нормальной величины: **a, b**. Усы: есть/нет (68 экз.) (табл. 2, 1 – 5, 23).

¹ Всего учтено 177 изваяний с сосудом в одной руке (с оружием и без оружия).

2. Надбровье совмещено с носом: **a, b**. Большие глаза: **a, b** или глаза нормальной величины: **a, b**. Усы: есть/нет (37 экз.) (табл. 2, 7 – 8).

Приемы с отделенными от носа (слитными и раздельными) бровями нечасты (12 экз.) (табл. 2, 11, 12, 15, 16, 18 – 20). Еще реже встречаются глаза, слитные с носом (4 экз.) (табл. 2, 21). На одном изваянии рельеф *брови-нос* дополнен раздваивающимся отростком, отходящим от места соединения бровей (табл. 2, 17).

Охарактеризованные приемы можно квалифицировать как приемы ИЧЛ, свойственные изваяниям древнетюркского облика.

Лицо одного изваяния с сосудом в правой руке (рис. 1, 2) выполнено нетипично. Приемом ИЧЛ и другими иконографическими особенностями это изваяние сходно со скульптурами кыпчакского облика.

Анализ приемов изваяний кыпчакской традиции. С целью выделения приемов ИЧЛ, присущих изваяниям кыпчакского облика, привлечено 43 извая-

	+++ +++ ++		+++ ++	+	++ +										+	
	+															
		++			+											+
		++	+			+										
															++	
			+		+											
без глаз			+													

Табл. 3. Взаимовстречаемость устойчивых способов воспроизведения глаз с инвариантной манерой изображения прочих деталей лица на изваяниях кыпчакской традиции.

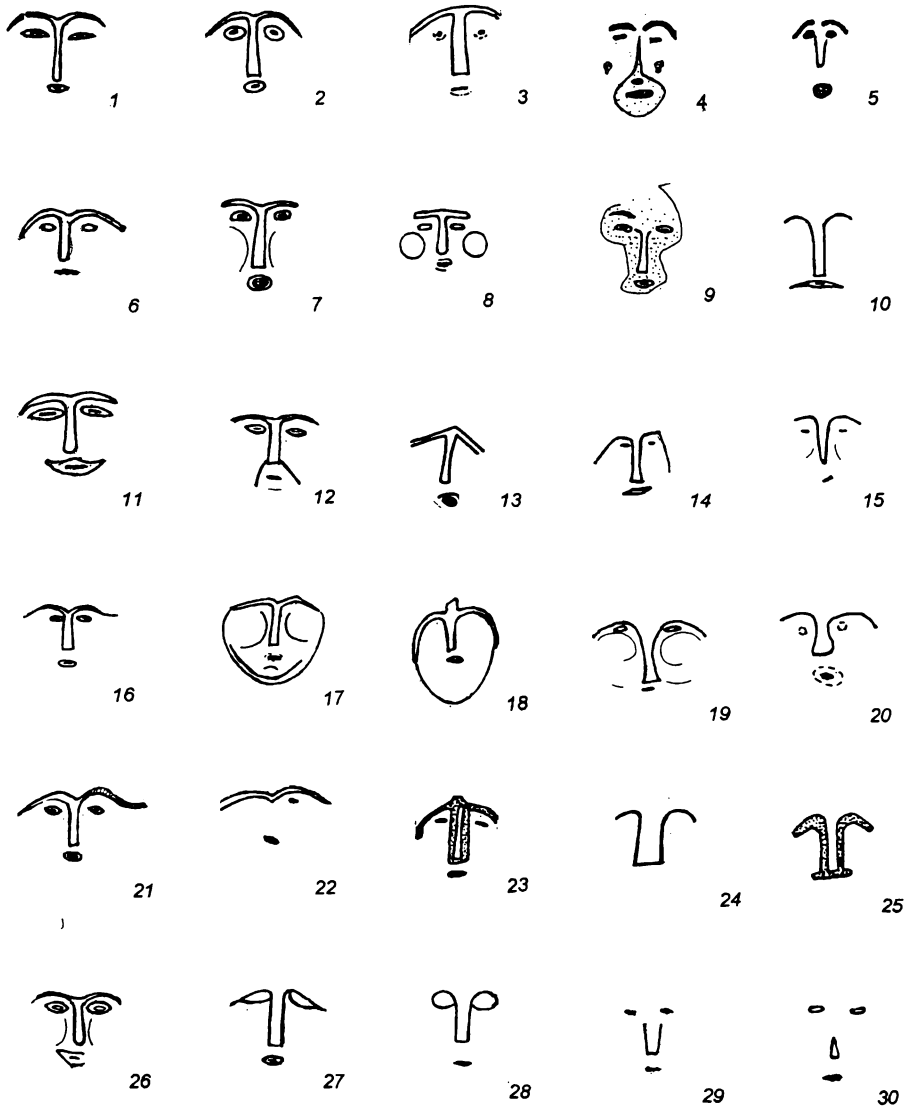

Табл. 4. Приемы изображения черт лица на изваяниях кыпчакского облика.

ния¹ с сосудом в обеих руках (табл. 3). Для них характерна передача глаз в виде небольших углублений (27 экз.), в частности, сформированных валиком (21 экз.). Нередко глаза и рот воспроизведены одинаковым способом – углублениями, образованными валиками (13 экз.). И наоборот, крайне редко изображаются большие глаза. При этом они бывают показаны в виде округлых выпуклостей (табл. 4, 28), сильно удлиненных овалов (табл. 4, 27) или углублений, сформированных овальными валиками [Чариков, 1980, рис. 1, 1]. Иногда глаза передаются небольшими миндалевидными выпуклостями с прочерченными веками [Шер, 1966, табл. XXVI, 127] (табл. 4, 26).

Усы четко различимы на лицах десяти изваяний. В семи случаях они изображены как бы «вырастающими» из уголков рта. Особым способом выполнены усы одного изваяния: в виде двух линий, отходящих от краев кончика носа (табл. 4, 12).

Преобладают следующие приемы ИЧЛ:

1. Слитные неуподобленные брови: **а**) совмещены с носом. Глаза: 1 – 4. Усы: есть/нет. Рот: **а**, **б** (20 экз.) (табл. 4, 1, 7, 11, 12).

2. Неуподобленные надбровье совмещено с носом. Глаза: 1 – 4. Усов нет. Рот: **а**, **б** (6 экз.) (табл. 4, 10).

Редки (2 экз.) приемы со слитными бровями, стилизованными дугой или прямой линией (табл. 4, 8). Нечасты (4 экз.) случаи, когда удлиненные брови или надбровье переходят в овал лица (табл. 4, 17, 18).

Рассмотренные приемы ИЧЛ следует считать характерными для изваяний кыпчакского облика.

Судя по приемам ИЧЛ, изваяниями кыпчакского облика являются фигуры со сведенными на животе руками, без сосуда (из Семиречья, Центрального и Западного Казахстана – 5 экз.), либо с углублением между сведенными руками (из Центрального Казахстана, Семиречья – 4 экз.) (табл. 4, 15, 19), а также статуи с вытянутыми вдоль тела руками (из Центрального и Западного Казахстана – 2 экз.) [Чариков 1987а, рис. 2, 5] (рис. 48, 79). Следует отметить осо-

бенные детали в приемах ИЧЛ двух изваяний из Центрального Казахстана. Так, на изваянии со сведенными на животе руками концы бровей удлинены, проходят над ушами, затем плавно изгибаются вверх (табл. 4, 16). На изваянии с опущенными руками рельеф носа продлен вверх и образует над бровями выступ неправильной формы (табл. 4, 18).

На Тянь-Шане обнаружено несколько изваяний с сосудом в обеих руках (на уровне груди), которые по приемам ИЧЛ и некоторым другим признакам сходны с изваяниями древнетюркского облика [Шер, 1966, табл. XXIV, 116; XXVII, 130; XXVIII, 135, 136; XXIX, 143; ср. также: табл. XXVII, 131; XXVIII, 137, 138, 140].

Анализ приемов ИЧЛ погрудных изваяний. Приемы ИЧЛ древнетюркского и кыпчакского облика идентифицированы по 85 погрудным изваяниям (табл. 5)¹.

К древнетюркским априори были отнесены все погрудные изваяния, стоящие при оградках. Погрудные изваяния, установленные в связи с кыпчакскими «святилищами», были причислены к изваяниям кыпчакского облика. Среди тех погрудных изваяний, связь которых с сооружениями не установлена, древнетюркский и кыпчакский облики выявлялись по соответствующим приемам ИЧЛ.

Приемы ИЧЛ погрудных изваяний древнетюркского облика. Всего было выявлено 42 погрудных изваяния древнетюркского облика. В целом им присущи те же особенности, что и поясным, а также полнофигурным изваяниям древнетюркского облика. Значительна доля изваяний с большими глазами (18 экз.) и реалистично оформленным носом (21 экз.). В основном изображались мужчины. Усы разной формы над ртом имеются на 30 фигурах. В двух случаях усы сочетаются с клиновидной бородкой (рис. 30, 54; 32, 57). На лице одного изваяния усов нет, однако показаны клиновидная бородка (?) и волнистая борода [Сенигова, 1970, рис. 4, 1].

¹ Всего учтено 108 изваяний с сосудом в обеих руках.

¹ Всего было учтено 161 погрудное изваяние.

О	++	++	++	+	+	+	+	+																	
О	++	++		+	+				++	++	+	+		+											
О	+	+																							
О	+																								
без глаз	+													+	+			++	++	++	+			+	
О																		++	++	++	+			+	+
О																		++	++	++	+				
О	+	+																+						+	+

Табл. 5. Взаимовстречаемость устойчивых способов воспроизведения глаз с инвариантной манерой изображения прочих деталей лица на погрудных изваяниях.

Преобладают приемы ИЧЛ:

1. Слитные брови совмещены с носом: **a, b**. Большие глаза: **a**, глаза нормальной величины: **a**. Усы: есть (14 экз.).

2. Надбровье совмещено с носом: **a, b**. Большие глаза: **a**, глаза нормальной величины: **a**. Усы: есть (6 экз.).

Имеются приемы с отделенными от носа бровями (9 экз.), как слитными, так и раздельными (табл. 2, 13, 14, 25). Иногда (3 экз.) в таких и в «безбровых» приемах глаза соединены с носом [Шер, 1966, табл. XX, 89; XXI, 97] (рис. 53, 92, 66, 114). На одном изваянии слитно с носом изображены усы (табл. 2, 9).

Приемы ИЧЛ погрудных изваяний кыпчакского облика. Приемы ИЧЛ кыпчакского облика выявлены на 43 погрудных изваяниях. Глаза чаще всего имеют вид углублений (24 экз.), в том числе образованных замкнутыми валиками (9 экз.). В шести случаях глаза и брови изображены одинаковыми валиками с углублением внутри. Нередки безглазые лица (12 экз.).

Чаще всего черты лица изваяний изображались следующими:

1. Неудлиненные/удлиненные слитные брови **a** совмещены с носом. Глаза: 1, 2, 4. Усов нет. Рот: **a, b** (17 экз.).

2. Неудлиненное/удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза: 1, 2, 4. Усов нет. Рот: **a, b, c** (11 экз.).

В четырех случаях с носом совмещены слитные брови в виде одной дуги, прямой линии или угла (табл. 4, 3, 13); в одном случае (табл. 4, 23) линия носа продлена вверх и выступает над бровями. Слитные брови, отделенные от носа, имеются на одном (двух?) изваянии кыпчакского облика (рис. 6, 19; табл. 4, 22). Брови двух изваяний раздельные (табл. 4, 4, 5). Совмещенное с носом надбровье трех «безглазых» изваяний изображено углубленной линией или желобком (табл. 4, 24, 25). На трех изваяниях ни брови, ни надбровье не детализированы (рис. 2, 5; табл. 4, 29 – 30).

2.4. ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗВАЯНИЙ. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ. ТИПОЛОГИЯ СООРУЖЕНИЙ

2.4.1. Изваяния древнетюркского облика (группа 1)

К группе 1 отнесено 271 изваяние: 192 экз. – типа I (с обозначенной позой)¹; 56 экз. – типа II (погрудные). Изваяний, которые невозможно отнести к конкретному типу (отбитые головы, фигуры с повреждениями в области торса и др.), насчитывается 17 экз. Антропоморфных стел с изображенными отдельными деталями (глаз, нос, уши, прическа, абрис лица) найдено 6 экз. (табл. 19).

Для изваяний типа I характерна каноническая поза: человек изображен *по пояс* (в исключительных случаях фигура показана полностью); он держит *сосуд*

на уровне груди в одной (правой) руке¹, другой (левой) рукой опирается на оружие, висящее на поясе (сам пояс изображается не всегда) (85 экз.). Иногда левая рука не касается оружия, подвешенного к поясу, но согнута в локте почти под прямым углом и находится над поясом (5 экз.). Тогда кисть левой руки иногда размещается ниже кисти правой руки (рис. 38, 68; 51, 89). Изредка большой палец левой руки касается дна сосуда [Чариков, 1980а, рис. 1, 5]. Левая рука также может располагаться напротив правой, почти на одном уровне с ней [Шер, 1966, табл. V, 21; XI, 50].

На двух изваяниях с оружием сосуд не изображен. В одном случае согнутая правая рука прижата к груди (рис. 60, 104), а в другом размещена у пояса напротив левой [Шер, 1966, с. табл. XIII, 51]. Особым атрибутом (птицей) заменен сосуд на одном изваянии [Шер, 1966, табл. XXIII, 108]. Еще на одном изваянии с оружием птица изображена сидящей на локтевом сгибе поднятой к груди правой руки (с сосудом?). Левая рука также поднята к груди [Шер, 1966, табл. XXIII, 107]. На пяти изваяниях с оружием показаны ноги [Чариков, 1980б, рис. 1, 2, 5; 1984, рис. 1; 1989, рис. 2, 1] (рис. 61, 105). В четырех случаях ноги скрещены (правая нога поверх левой – 3 экз., левая нога поверх правой – 1 экз.): изображен сидящий «покочевически» мужчина. Ноги одной фигуры расположены вертикально, параллельно друг другу, но правая нога слегка согнута в колене. А.А. Чариков считает, что это стоящее изваяние [1984]². На передней плоскости двух сидящих изваяний (головы которых объемны³, а остальная часть фигуры «нарисована» на поверхности монолита) изображены (как на картине) сторонние детали: голова виночерпия и его рука, протягивающая сосуд; стоящий у ног сосуд [Чариков, 1989, рис. 2, 1] (рис. 61, 105)⁴. Судя по линии нижнего края или борта одежды, на некоторых поясных изваяниях подразумевается стоящая фигура [Шер, 1966, табл. VIII, 37; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 2; 2, 8; Чариков, 1980б, рис. 1, 3] (рис. 36, 65).

Изваяния с оружием, как правило, изображают усатых мужчин (73 экз.), гораздо реже – безусых

¹ В редких случаях – в левой руке [Чариков 1976: рис. 2, 3; Байбосынов 1996, с. 92] (табл. 24, 44 ?). Рука с сосудом у 2/3 рассматриваемых изваяний расположена под углом примерно 45°, у остальных – под углом более 45°.

² Между тем, изображение ног на фрагменте изваяния из долины р. Тон, судя по тщательности исполнения (древнетюркского), позволяет предполагать следующую позу: сидя со свешивающимися ногами, при этом правая нога согнута в колене [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975, рис. 41]. В подобной позе изображены некоторые персонажи среднеазиатской миниатюры XIV и XVI вв. – Чингис-хан, Угедей-хан и др. [Пугаченкова 1986, с. 158, 159, 164, 165; Пугаченкова, Галеркина 1979, ил. 26].

³ Голова одного изваяния отбита, но, судя по объемным плечам и выделенной шее, она также была объемной [Чариков, 1989, рис. 2, 1].

⁴ Древнетюркские поясные изваяния с оружием и с многофигурными композициями обнаружены в Юго-Западной Туве [Грач, 1958] и Монгольском Алтае [Кубарев, Цевээндорж, 1995, табл. IV, 8].

¹ Из них 101 изваяние с оружием, 65 – без оружия. 26 – с обозначенной позой (повреждены: обломаны по пояс и т.д.).

индивидов (11 экз.)¹. При *отсутствии оружия* сосуд по-прежнему находится в *правой руке на уровне груди*, тогда как *левая рука* покоится на поясе (5 экз.) или свободно опущена (3 экз.), но чаще всего согнута и располагается ниже правой, а именно: на некотором расстоянии (16 экз.), вплотную (7 экз.), касается² дна сосуда (3 экз.) или его верхнего края (2 экз.). Также отмечено положение согнутой левой руки напротив правой, но чуть выше или ниже ее (6 экз.). Сосуд иногда бывает показан в *обеих* руках, но выше пояса, *на груди* (6 экз.)³. Левая рука вообще может не изображаться (10 экз.). В редких случаях сосуд отсутствует, но положение рук сохраняется (рис. 24, 43 – 44).

Среди изваяний данного варианта канонической позы также имеются фигуры с птицей. Так, на одном изваянии вместо сосуда в правой полусогнутой руке (над гладким поясом) изображена птица, а левая рука касается пояса [Шер, 1966, табл. XXIII, 105]. Птица показана и в правой, согнутой к груди руке другого изваяния. Кисть левой руки находится на некотором расстоянии под кистью правой руки [Шер, 1966, табл. XXIII, 109]⁴. В одном случае птица выбита на груди изваяния обычной канонической позы: с сосудом в правой руке, левая рука не показана (рис. 68, 115).

На изваяниях без оружия очень редко изображаются ноги (3 экз.). Человек показан сидящим «почечевически»: левая нога поверх правой [Шер, 1966, табл. XXIII, 105] или правая нога поверх левой [Байбосынов, 1996, с. 76, изв. 44]⁵. Некоторые поясные изваяния могли изображать стоящую фигуру, на что указывает проведенная ниже пояса линия борта халата [Шер, 1966, табл. XXIII, 108; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 11].

Изваяния этого вида канонической позы также изображают усатых мужчин (28 экз.) или безусых индивидов (22 экз.).

Усатые мужские лица воспроизведены на 32 погрудных изваяниях древнетюркского облика, а безусые – на 14.

На изваяниях древнетюркского облика, кроме «позообразующих» атрибутов (сосуда и оружия), могут быть изображены такие реалии, как одежда, украшения, прическа (редко – головной убор). Они встречаются и на изваяниях типа II.

Своеобразна *одежда* некоторых семиреченских изваяний с сосудом в одной руке (или в обеих руках на уровне груди) и без оружия: платья с широкими рукавами, накидки, «трехрогие» головные уборы (19 экз.). Иногда на изваяниях имеется не один,

а два перечисленных элемента. Например, из семи учтенных нами изваяний в «трехрогих» головных уборах четыре одеты в платье с широкими рукавами, а на плечах одного – накидка. Из пяти изваяний в накидке одно – в одеянии с широкими рукавами. Что касается изваяний в «трехрогих тиарах», то они представлены не только поясными, но и погрудными изображениями (4 экз.). На лицах большинства рассматриваемых изваяний нет усов.

В.П. Мокрынин считает изображения безусых индивидов в особом одеянии – накидке-мантии без рукавов – женскими [1975, с. 113 – 119]. Женскими исследователи признают и изваяния в трехрогих коронах [Ахинжанов, 1978, Москалев, Табалдиев, Мить, 1996, с. 53 – 54]¹. По мнению К.Ш. Табалдиева и Ю.С. Худякова, женские изваяния Притяньшанья были созданы в период Тюркешского каганата [1999, с. 64].

Изваяниям типов I и II, как правило, присущи приемы ИЧЛ древнетюркского облика.

Реалии изваяний типа I

Сосуд. Наиболее часто изображались *кубки* (табл. 6, 1 – 12). Они отмечены примерно на половине изваяний типа I, где форма сосудов различима. Кубки обычно имеют фигурную ножку (иногда переданную условно) и различаются профилем тулова. Тулово кубков бывает округлым, удлинненным, сегментовидным или воронковидным.

У кубков с округлым туловом может быть отогнутый венчик. Встречаются приземистые кубки с широкой ножкой (наподобие поддона). Оригинальная форма кубка, имеющего округлое тулово, сужающееся к невысокой шейке [Шер, 1966, табл. VI, 30]. Кубки воспроизведены на изваяниях Тянь-Шаня, Семиречья, Южного, Восточного и (редко) Центрального Казахстана.

¹ Хотя известно изображение всадника в трехрогом головном уборе, датируемое древнетюркским временем [Пугаченкова, 1986, с. 140].

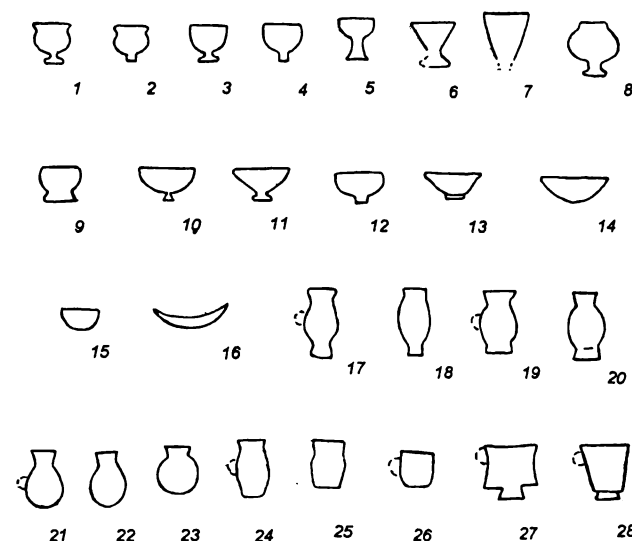

Табл. 6. Реалии изваяний группы I (тип I). Сосуды.

¹ Лица остальных изваяний повреждены, а иногда головы вообще отбиты.

² В одном случае большим пальцем [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975, рис. 42].

³ Кроме того, на трех изваяниях [Шер, 1966, табл. XXVII, 131; XXVIII, 137, 138] отмечается подобное положение рук, но сосуд отсутствует.

⁴ Не исключено, что на этом изваянии могло быть изображено оружие.

⁵ Положение ног другого сидящего персонажа не детализировано [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 9].

Кубки с сегментовидным туловом известны, главным образом, на Тянь-Шане. Такой кубок изображен также на одном изваянии из Центрального Казахстана (табл. 6, 10). Приземистые кубки имеются исключительно на восточноказахстанских изваяниях.

Чаши тоже широко распространенный тип сосуда (табл. 6, 13 – 16). Они встречаются приблизительно на каждом четвертом изваянии типа I. Различаются чаши с полукруглым и сегментовидным профилем. В одном случае изображена чаша со слегка отогнутым наружу венчиком, на небольшом поддоне [Бернштам, 1952, рис. 43]. Чаши имеются на изваяниях из разных регионов Казахстана, а также на фигурах из Киргизии. Наиболее распространены чаши с полукруглым профилем. Сегментовидные чаши могли изображаться реалистически или стилизованно в виде полумесяца.

Кувшины (кувшины-кружки) на поддоне (табл. 6, 17 – 20). Имеют округлое или удлиненное тулово, поддон и горловину. Судя по всему, у некоторых сосудов предполагается ручка. Кувшины (кувшины-кружки) на поддоне известны в основном по изваяниям Центрального Казахстана (5 экз.). Кроме того, по одному изваянию с таким сосудом найдено в Чуйской долине, на Тянь-Шане и в Восточном Казахстане [Шер,

1966, табл. V, 21; VII, 32; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 11].

Кружки на поддоне (табл. 6, 27 – 28) имеют ручки у верхнего края и расширяющийся поддон. Тулово может быть цилиндрическим, с вогнутыми стенками или в виде усеченного конуса, поставленного на узкое основание. Эти кружки известны по двум тяньшаньским изваяниям [Шер, 1966, табл. VII, 33; Мокрынин Гаврюшенко, 1975, рис. 37].

Круглодонные кувшины (кувшины-кружки) (табл. 6, 21 – 23) имеют горловину, округлое или удлиненное тулово и круглое дно. На некоторых из них, видимо, была ручка. Их изображали, главным образом, на центральноказахстанских изваяниях (5 экз.). В Восточном Казахстане найдены два изваяния с подобным сосудом [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 3; 2, 6], а в Семиречье – одно [Чариков, 1980а, рис. 1, 5].

Плоскодонные кувшины-кружки (табл. 6, 24) с удлиненным туловом и горловиной изображены на трех изваяниях Центрального Казахстана.

Кружки (табл. 6, 26) с цилиндрическим туловом воспроизведены на двух тяньшаньских изваяниях [Шер, 1966, табл. VI, 28; VII, 31].

Горшкообразные сосуды (табл. 6, 25) показаны на двух изваяниях из Тянь-Шаня и Восточного Казахстана [Шер, 1966, табл. XXIX, 143; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 20].

Оружие. На изваяниях изображали длинные и короткие клинки, т.е. оружие рубяще-колющего и режуще-колющего (режущего) действия.

Рубяще-колющее оружие характеризуется прямым (меч, палаш) или изогнутым (сабля) клинком. Следует, однако, заметить, что «изгиб» клинка мог возникнуть вследствие совмещения плоскостного (барельефного) изображения этой детали с объемной формой монолита¹.

Режуще-колющее (режущее) оружие представлено кинжалами (ножами). Ю.А. Мотов, специально исследовавший этот атрибут на изваяниях Южного Казахстана, Семиречья, Киргизии и Алтая, различает прямой, коленчатый и изогнутый клинок [1998, с. 120].

Длинное и короткое клинковое оружие в комплекте изображено примерно на 1/4 всех изваяний с оружием. Также приблизительно на 1/4 изваяний с оружием изображен только короткий клинок, а примерно на половине – только длинный клинок.

Оружие иногда передано обобщенно: двумя параллельными линиями, полосой. Более или менее реалистично воспроизведенные экземпляры различаются по изгибу клинка, накло-

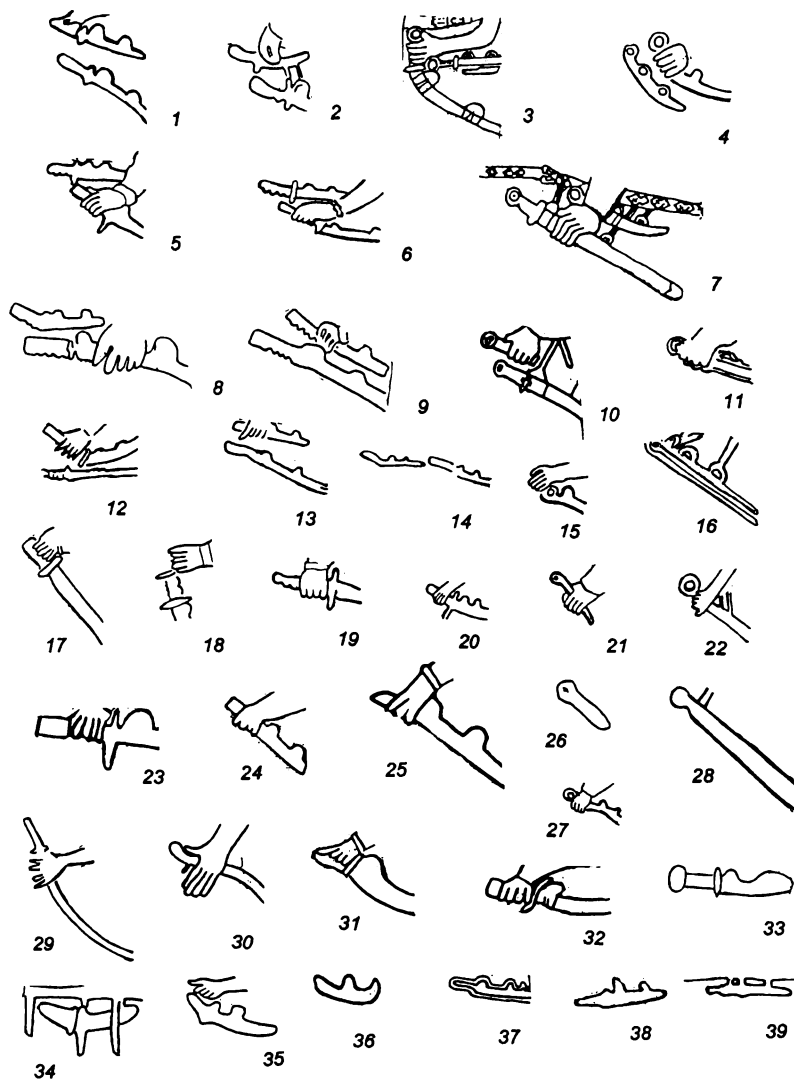

Табл. 7. Реалии изваяний группы 1 (тип I). Оружие.

¹ Этим же обстоятельством может быть обусловлен и обратный изгиб клинка [Бернштам, 1952, рис. 43; Шер, 1966, табл. VIII, 37].

ну рукояти по отношению к клинку, а также по форме навершия, рукояти, перекрестия и способу ношения.

Навершия, главным образом, кольцевые. Они отмечены на 16 изваяниях из Центрального, Восточного, Южного Казахстана, Омского Прииртышья и Тянь-Шаня (табл. 7, 3, 4, 7, 10, 11, 15, 16, 21, 22, 26, 27). На трех центральноказахстанских изваяниях запечатлено оружие с эллипсовидным навершием (табл. 7, 28, 33; рис. 56, 98), а на одном – с брусковидным (табл. 7, 18).

Конец рукоятей без навершия был прямоугольным или закругленным. У некоторых рукоятей виден ребристый край. В целом формы рукоятей систематизировать сложно из-за того, что они переданы схематично или скрыты в руке изваяния.

Перекрестие детализировано на оружии 18 изваяний. Формы перекрестия: прямое (иногда сужающееся к концам), ромбическое [Бернштам, 1952, рис. 43] и слабоизогнутое «S»-образное [Чариков, 1980б, рис. 1, 2].

Обычный способ подвешивания рубяще-колющего оружия – наклонный, при помощи двух (иногда одной) полукруглых скоб. Скобы изображены не всегда. На трех изваяниях оружие показано почти в вертикальном положении [Кызласов, 1951, рис. 2; Шер, 1966, табл. XII, 51], (табл. 7, 18), что позволяет определить его как меч [Мотов, 1998а, с. 427]. Кинжалы (ножи) привешивались наклонно или параллельно поясу (табл. 7, 33 – 39).

Комплектное оружие обычно характеризуется сходными формами навершия, рукояти и перекрестия (табл. 7, 1 – 4, 7, 9, 10).

Пояс показан на 61 изваянии с сосудом в одной руке, из них 47 изваяний с оружием¹. На 41 изваянии пояс обозначен двумя параллельными линиями или барельефной полосой, на восьми – одной линией (табл. 8, а, б). В шести случаях изображены наборные пояса с квадратными бляхами, в одном случае бляхи имеют прорезы [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975, рис. 37] (табл. 8, в). Детализированные пояса с бляхами разнообразных форм (среди них сердцевидные, сегментовидные, ромбические и пр.) известны на четырех изваяниях из Южного Казахстана, Семиречья и Киргизии [Шер, 1966, табл. VII, 33; Чариков, 1980а, рис. 1, 1; 4; 1984, рис. 2; 1989, рис. 2, 1] (табл. 8, 10 – 13). На одном изваянии из Семиречья имеется сразу два пояса: гладкий и наборный с квадратными бляхами [Шер, 1966, табл. IV, 19].

Пряжки (табл. 8, 1 – 7) на поясах обычно круглые (8 экз.) либо прямоугольные (4 экз.); на некоторых обозначен язычок. На двух изваяниях изображены пряжки с овальной рамкой [Бернштам, 1952, рис. 43; Шер, 1966, табл. V, 20]² на одном (Тянь-

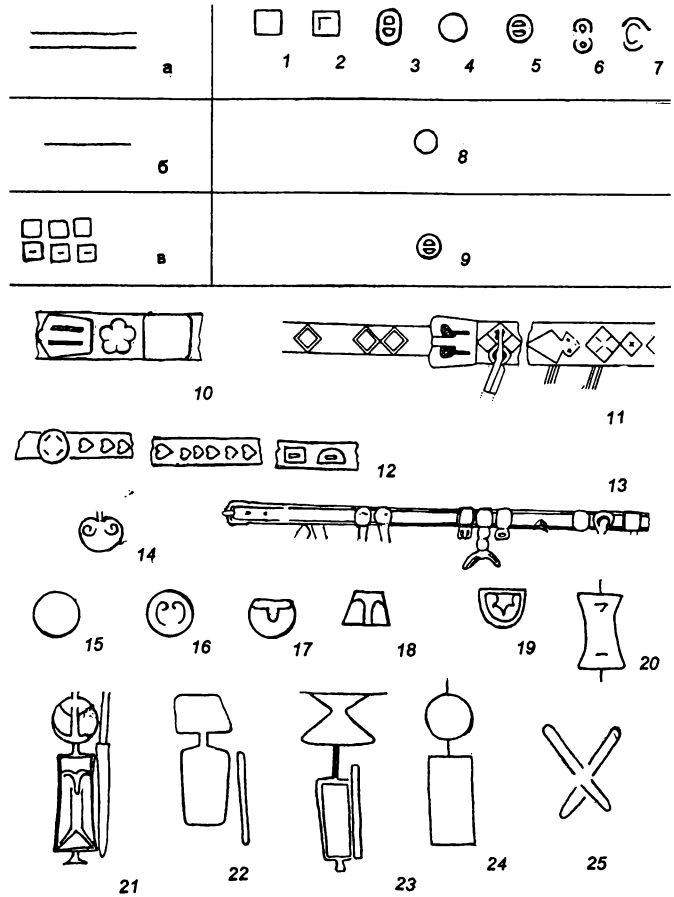

Табл. 8. Реалии изваяний группы I (тип I). Пояс и предметы на нем.

Шань) – восьмеркообразная [Шер, 1966, табл. VIII, 37]. Рамки пряжек двух оригинальных поясов, по видимому, имеют «В»-образную форму [Чариков, 1984, рис. 2, 2; 1989, рис. 2, 1].

Предметы на поясе (табл. 8, 14 – 24) имеются на 37 изваяниях. При этом сам пояс мог не быть изображенным (9 экз.). Справа¹ к поясу бывают привешены: круглая, полукруглая, трапециевидная, прямоугольная или битреугольная сумочка (иногда две сумочки соединены) и узкий предмет, обычно отождествляемый с оселком или узким ножом. Возможна комбинация сумочки (сумочек) с оселком. За пояс двух тяньшаньских изваяний сзади заткнуты два перекрещивающихся предмета (подобие барабанных палочек) [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975, рис. 37, 38] (табл. 8, 25). Несколько своеобразных мелких подвесок изображены на восточноказахстанском изваянии [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 4]. К поясу одного изваяния из Центрального Казахстана подвешены 6 или 7 ремешков (рис. 38, 68), к поясу другого сзади примыкает что-то вроде короткого ремешка или наконечника (рис. 5, 15).

Прическа или ее элементы показаны на 36 изваяниях. На 12 изваяниях (Тянь-Шань, Семиречье, Южный, Восточный, Центральный Казахстан) вос-

¹ 10 изваяний без оружия (в том числе одно изваяние с сосудом в обеих руках на уровне груди [Шер, 1966, табл. XXVII, 130] и одно с соединенными на груди руками [Там же, табл. XXVII, 131]). Два изваяния обломаны по пояс. Атрибуты еще двух изваяний трудноразличимы.

² Пряжка с овальной или «В»-образной рамкой показана на одном восточноказахстанском изваянии [Шер, 1966, табл. II, 8].

¹ За исключением двух тяньшаньских изваяний с мешочком-каптаргаком, висющим на поясе слева [Шер, 1966, табл. VII, 35; X, 44].

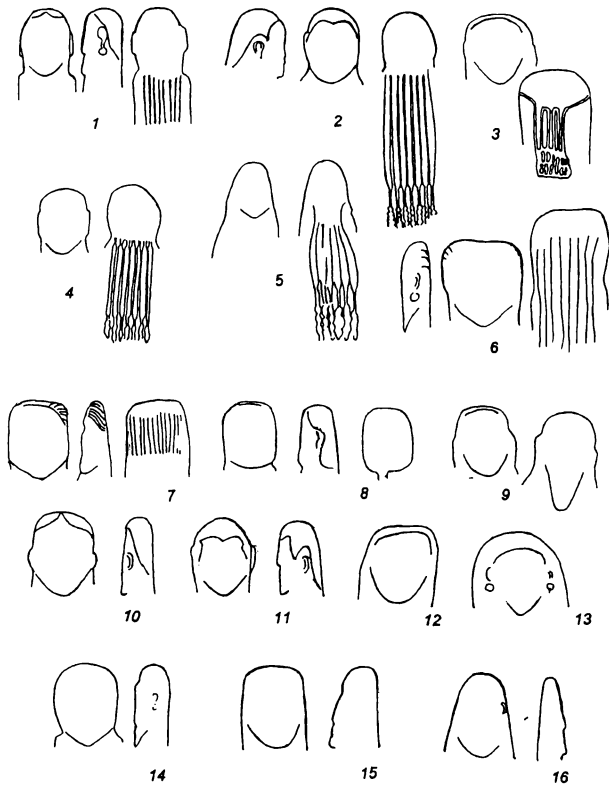

Табл. 9. Реалии изваяний группы 1 (тип I). Прическа.

произведены *косы* (или «пряди», по А.А. Чарикову). 6 – 8 кос изображены на спине изваяний. Чаще всего кос бывает семь (табл. 9, 1 – 6). Косы перехвачены у концов (иногда еще и у шеи) зажимами¹. Зачесанные назад волосы «косатых» изваяний спереди уложены по-разному: спускаются на лоб мыском, образуют ровный дугообразный край, разделены на прямой пробор. Волосы надо лбом могли не изображать. В этом случае верх головы имеет округлые или прямоугольные очертания; иногда голова несколько сужается к макушке (табл. 9, 4 – 6)².

Другие разновидности причесок: спереди волосы уложены как у изваяний с косами (на пробор, с мыском, с дугообразным краем), или линия волос продолжена за ушами и с боков. Сзади волосы либо собраны в пучок, либо не прорисованы вовсе (табл. 9, 8 – 11). Дугообразная линия надо лбом отмечена и на некоторых изваяниях с невыделенной из монолита головой (табл. 9, 12, 13).

На двух восточноказахстанских изваяниях изображены частые линии зачесанных назад коротких или длинных распущенных волос [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 3; Чариков, 1976, рис. 2, 4], (табл. 9, 7).

На 86 экземплярах не показана прическа и детализированный головной убор. Верх головы таких изваяний чаще всего округлый (47 экз.), реже – прямоугольный или сужающийся (табл. 9, 14 – 16). Иногда верх головы имеет неправильные очертания,

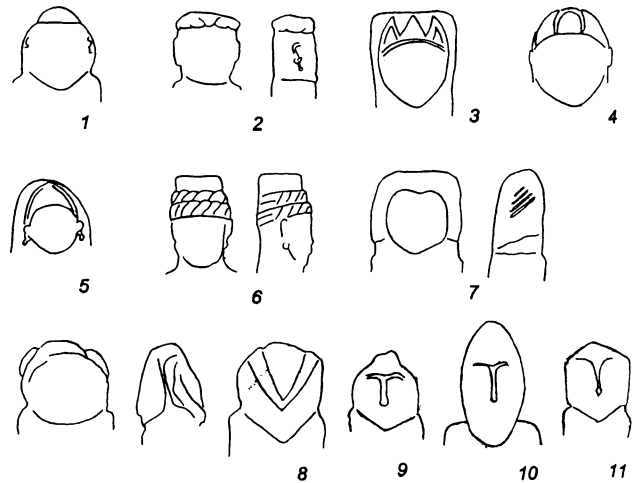

Табл. 10. Реалии изваяний группы 1 (тип I).
Головные уборы.

что может быть обусловлено как исходной формой монолита, так и повреждением.

Головные уборы запечатлены на 15 изваяниях. Из них на двух изображено оружие. На одном изваянии с оружием показана небольшая полукруглая шапочка [Шер, 1966, табл. IX, 43] (табл. 10, 1), на другом – глубокий головной убор наподобие зимней казахской шапки *тымак* [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 2] (табл. 10, 7). Наиболее распространенным (7 экз.) видом убора на «безоружных» изваяниях с сосудом в одной руке (Тянь-Шань, Семиречье, Южный и Центральный Казахстан) является так называемый «трехрогий» головной убор (табл. 10, 3, 4).

Головные уборы двух изваяний (Тянь-Шань, Восточный Казахстан) напоминают низкие шапочки, присборенные по краю [Бернштам, 1952, рис. 42, 3; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 1] (рис. 10, 2). Прочие виды уборов индивидуальны (табл. 10, 5, 6, 8). Головной убор одного изваяния поврежден [Чариков, 1987, рис. 1, 2]. Своеобразная форма головы некоторых изваяний, возможно, также предполагает наличие недетализированного убора [Бернштам, 1952, рис. 42, 1; Шер, 1966, табл. VI, 28, 30; XIV, 58; Чариков, 1976, рис. 1, 2; 1980а, рис. 1, 4; 1980б, рис. 1, 4; 1987, рис. 1, 7 и др.] (табл. 10, 10, 11).

Элементы **одежды** изображены на 94 изваяниях. Из них на девятнадцати обозначены лишь края рукавов.

Одежда изваяний с оружием (26 экз.) представлена облегающим платьем (халат) с двумя треугольными отворотами¹ (табл. 11, 5 – 8, 11, 13, 14). На концах отворотов иногда изображены «бубенчики». На двух изваяниях, вероятно, намечен контур неразделенных отворотов (табл. 11, 9, 10). Не исключено, что треугольная полоса на груди четырех восточноказахстанских изваяний, образующая одно целое с рукавами (наподобие «М»-образной фигу-

¹ Согласно сообщению Сюань Цзана, косы носили тарканы, в отличие от «остальных воинов» [Зуев, 2002, с. 263].

² Прямоугольная и сужающаяся форма верха головы, по всей видимости, обусловлены исходной формой монолита.

¹ Линия запаха этой распашной одежды изображается очень редко.

ры), обобщенно воспроизводит треугольные отвороты¹ [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 2, 6, 7, 8; Чариков, 1976, рис. 2, 6] (табл. 11, 4). Возможно, одежда двух тяньшаньских изваяний представляла собой халат с треугольным вырезом и отороченными бортами [Шер, 1966, табл. VII, 33; IX, 40] (табл. 11, 3). На груди восьми изваяний показан довольно глубокий треугольный вырез одежды (табл. 11, 1). На одном изваянии с оружием и на одной обломанной по пояс фигуре имеются нагрудники [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 2; Шер, 1966, табл. XIV, 56]², (табл. 11, 16).

Рельеф рук некоторых «неодетых» изваяний с оружием продолжен на груди и напоминают разделенную³ или неразделенную посредине «М»-образную фигуру [Шер, 1966, табл. XI, 48; XII, 51; ср.: Шер, 1966, табл. VI, 28; X, 45] (табл. 11, 19 – 21). Продолженный рельеф рук может также образовывать разделенную посредине или неразделенную «П»-образную фигуру [Бернштам, 1952, рис. 43; Чариков, 1980б, рис. 1, 4; 1987, рис. 1, 3, 6], (табл. 11, 22 – 25). Иногда руки у плеч округло или фигурно завершаются, производя впечатление «накладных» (табл. 11, 17, 18).

Халаты узкого и широкого кроя с двусторонними отворотами, с узкими и широкими рукавами имеются на 13 изваяниях без оружия (табл. 12, 3 – 6). На пяти изваяниях показаны глубокие треугольные вырезы (табл. 12, 1, 2). Особым видом одежды, отмеченным только на шести тяньшаньских фигурах, являются накидки (табл. 12, 7, 8). В двух случаях накидки снабжены отворотами [Шер, 1966, табл. XVI, 65, 71]. Облегающее платье с круглым вырезом (?) изображено на статуе из Чуйской долины [Шер, 1966, табл. XIV, 57], а более свободное, с длинными и просторными рукавами – на объемном, сидящем изваянии из Восточного Казахстана [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 9] (табл. 12, 9).

Среди «неодетых» изваяний без оружия встречаются фигуры с «М»- или «П»-образно продолженными на груди руками⁴ [Шер, 1966, табл. XVI, 69; Чариков, 1980а, рис. 1, 4].

Украшения представлены тремя разновидностями: серьгами, браслетами, шейными или нагрудными украшениями.

Серьги изображены на 50 изваяниях с сосудом в одной руке (из них 34 с оружием)⁵ (табл. 13, 1 – 10). Серьги обычно имеют шаровидную или каплевидную подвеску, примыкающую к уху, либо висящую на коротком или длинном стерженьке. Стерже-

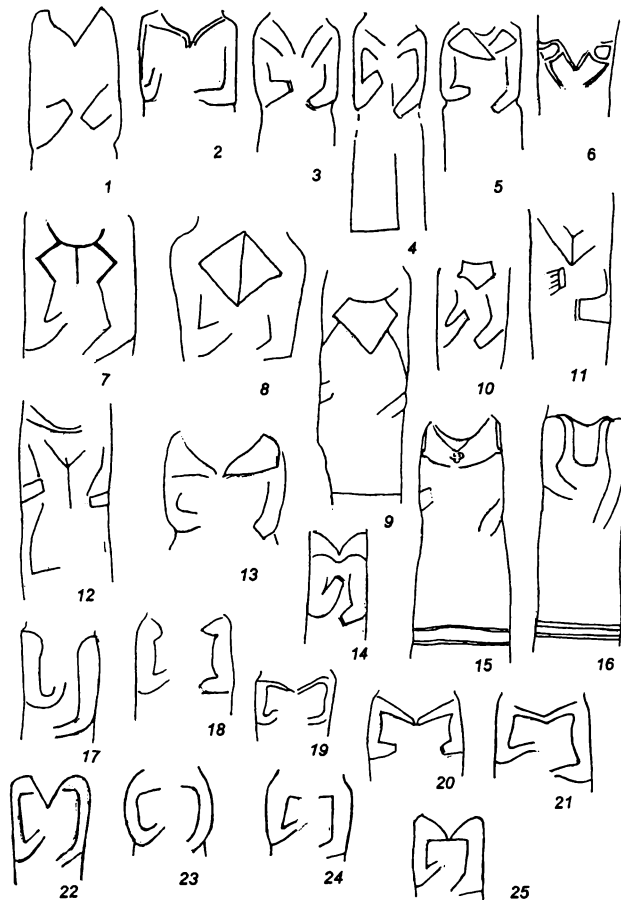

Табл. 11. Реалии изваяний группы 1 (тип I).
Одежда изваяний с оружием.

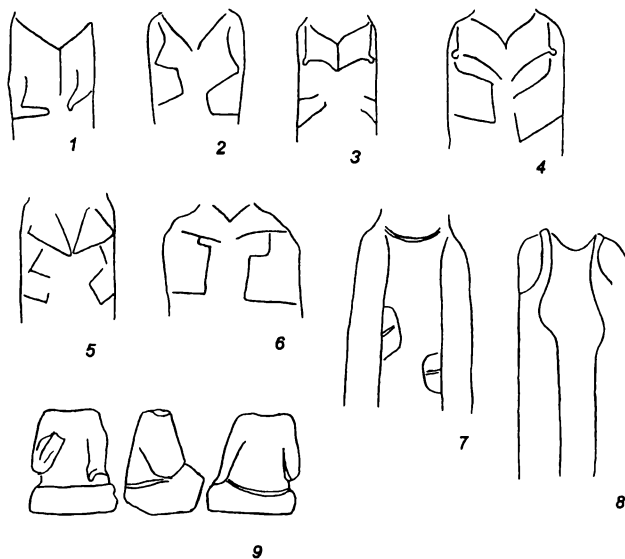

Табл. 12. Реалии изваяний группы 1 (тип I).
Одежда изваяний без оружия.

¹ Хотя А.А. Чариков считает эту деталь меховым воротником [1976, с. 164].

² На прорисовке Я.А. Шера этот элемент отсутствует.

³ Я.А. Шер полагает, что таким способом изображены треугольные отвороты халата [1966, с. 92], а В.Д. Кубарев – что меховой воротник [1984, с. 84].

⁴ На двух изваяниях из Джамбулской области [Чариков, 1980а, рис. 1, 4, 6] подобный рельеф рук создан углублением фона между ними и вокруг них.

⁵ На 26 изваяниях с обозначенной позой показаны уши без серег.

нек с такой подвеской мог также крепиться к кольцу. Другие виды подвесок – кольцевидная, кольцевидная (шаровидная?) с отходящим вниз коротким стерженьком (бусиной?) [Шер, 1966, табл. VI, 29; XVII, 74; Чариков, 1984, рис. 1] (рис. 70, 118). Серьги с трехконечными подвесками, прикрепленными к стерженьку или к кольцу, зафиксированы на двух извая-

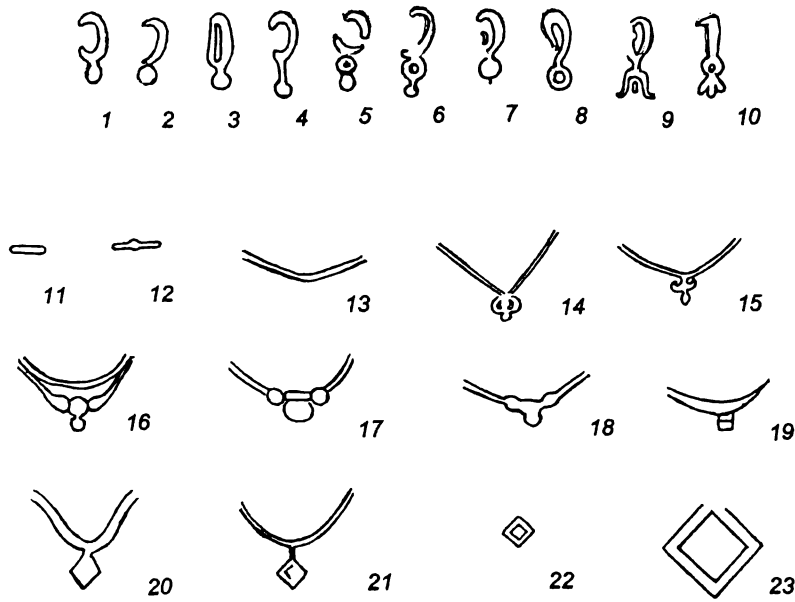

Табл. 13. Реалии изваяний группы I (тип I). Украшения.

ниях из Тянь-Шаня и Семиречья [Шер, 1966, табл. XVI, 67; Чариков, 1980а, рис. 2, 9].

Гладкие *браслеты* (возможно, узкие манжеты или окантовка рукавов) изображены на 27 изваяниях (из них 14 с оружием) (табл. 13, 11). В четырех случаях на изваяниях из Чуйской долины, Тянь-Шаня и Восточного Казахстана [Шер, 1966, табл. II, 8; III, 15; VIII, 37; XIV, 57] показаны браслеты с ромбическим или округлым расширением посередине (табл. 13, 12).

Гладкие *гривны* (в некоторых случаях, возможно, вырез нижней одежды) имеются на 11 изваяниях (из них 10 с оружием) (табл. 13, 13).

Гривны со сложным украшением посередине или *кулоны* показаны на пяти тяньшаньских и одном восточноказахстанском изваянии [Шер, 1966, табл. VIII, 37; XVII, 72, 73, 74, 75; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 11] (табл. 13, 14 – 18).

Ромбические «амулеты» отмечены на семи изваяниях из Тянь-Шаня, Восточного, Южного и Центрального Казахстана (табл. 13, 20 – 23). «Амулет» может висеть, подобно кулону, но иногда примыкает к подбородку [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 3; Чариков, 1976, рис. 2, 6].

Подвески неясной формы встречены на двух изваяниях [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 2, 8; Чариков, 1980а, рис. 2, 9] (табл. 13, 19).

Птица изображена на пяти изваяниях типа I из Семиречья, Чуйской долины, Центрального и Восточного Казах-

стана [Шер, 1966, табл. XXIII, 105, 107 – 109] (рис. 68, 115). В трех случаях птица показана в профиль, в двух – с распластанными крыльями.

Реалии изваяний типа II

Прически. На погрудных изваяниях древнетюркского облика встречаются такие же виды причесок, как и на изваяниях типа I (табл. 14, 1 – 3). Косы показаны на двух изваяниях из Центрального Казахстана. В одном случае их насчитывается семь [Шер, 1966, табл. XVIII, 76], в другом – три. Волосы, образующие дуговидные очертания на лбу, изображены на изваянии из Центрального Казахстана, разделенные спледи на пробор волосы – на изваянии из Семиречья.

Имеются и **головные уборы**, аналогичные известным по изваяниям типа I (табл. 14, 4 – 9, 11). Трехрогая тиара

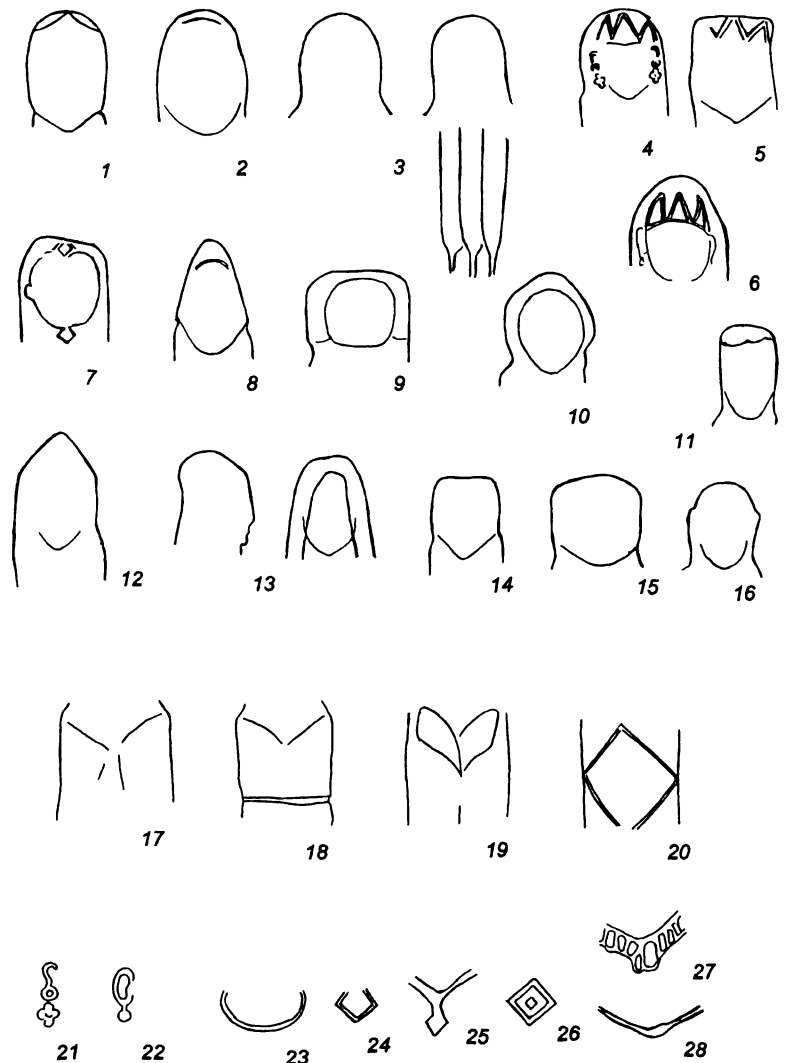

Табл. 14. Реалии изваяний группы I (тип II). Прическа, головные уборы, одежда, украшения.

отмечена на четырех изваяниях из Тянь-Шаня и Чуйской долины [Шер, 1966, табл. XIX, 83; XXI, 90; XXII, 99, 103]. Характерно, что верх монолита при этом может быть округлым, прямоугольным либо неправильных очертаний. Другие виды уборов встречаются в единственном числе: глубокий убор типа тымак [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 4]¹, плоская шапочка с присборенным краем, сужающийся кверху головной убор [Шер, 1966, табл. XXI, 96]. Ромбическая фигура надо лбом может быть также элементом убора [Шер, 1966, табл. XXI, 97]. У остальных изваяний типа II без детализированного убора или прически верх головы округлый, прямоугольный, сужающийся кверху и даже треугольный (табл. 14, 12 – 16).

Элементы одежды показаны на шести изваяниях из Тянь-Шаня, Семиречья и Центрального Казахстана. Это глубокий треугольный вырез на груди или двусторонние отвороты, разделенные или неразделенные [Шер, 1966, табл. XVIII, 76; XXI, 93, 94; Сенигова, 1970, рис. 4, 1] (табл. 14, 17 – 20).

Украшения (табл. 14, 21 – 28). На четырех изваяниях (Тянь-Шань, Чуйская долина, Семиречье) обозначены серьги: с шаровидной подвеской и четырехлепестковой подвеской на кольце [Шер, 1966, табл. XIX, 83; XXI, 90, 94; Сенигова, 1970, рис. 4, 1]². На семи изваяниях (Тянь-Шань, Чуйская долина, Центральный и Восточный Казахстан) изображены нагрудные украшения: гладкая гривна, ромбический «амулет» [Шер, 1966, табл. XIX, 83; XXI, 90, 97; Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 4], кулон, ячеистый «воротник» (ожерелье?) [Шер, 1966, табл. XXII, 99].

На отбитых головах изваяний, отнесенных к группе 1, воспроизведены прически (косы), головные уборы (треухрогая тиара) и украшения (серьги) описанных выше видов [Шер, 1966, табл. III, 14; XXI, 91; Чариков, 1980а, рис. 1, 7; 1987а, рис. 2, 1; Байбосынов, 1996, с. 61]. Оригинальный убор изображен на обломке головы изваяния из Прииссыккуля [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975, рис. 43]³.

Изваяния группы 1 в целом датируются на основании реалий VI/VII – VIII/IX вв.⁴ На эту дату указывают разновидности сосудов. Почти все они имеют металлические прототипы [Marschak, 1986, abb. 15/16, 20/21, 36, 48, 49/50, 70, 88, 103, 112]. Б.И. Маршак отмечает, что «кубки на тонкой ножке были широко распространены в VI – VIII вв.» [Marschak,

1986, S. 326]. Кувшины-кружки на поддоне и с круглым дном имеют аналогии среди предметов Перешепинского клада (середина VII в.) [Вернер, 1988, прил. 4, 4, 5; 21, 1 – 4]. Форма кувшина-кружки с плоским дном отмечена в центральноазиатских древностях VII – VIII вв. [Marschak, 1986, Abb. 88, 2]. К VII – VIII вв. Б.И. Маршак относит бытование цилиндрических кружек на поддоне [Marschak, 1986, S. 12, 14, 25, 26, 44, 426 – 427]. Подобный вид сосуда, как и чаша сегментовидного профиля, известен по Афанасьевскому кладу VII – IX (VIII?) вв. [Даркевич, Черников, 1971]. Полукруглая и сегментовидная чаши, кувшин-кружка на поддоне и без поддона, кубок с сегментовидным туловом изображены в руках пирующих персонажей росписей Пенджикента [Беленицкий, 1973, с. 21, 23; ил. 17, 19] и Калаи-Кафиргана [Литвинский, 1981, рис. 7], датируемых VII – началом или первой половиной VIII в. Кубки разнообразных форм (с сегментовидным, полукруглым, высоким удлиненным туловом) представлены в живописи Балалык-тепе [Альбаум, 1960, рис. 132 – 133], которую Л.И. Альбаум датировал концом V в. или началом VI в., а Б.И. Маршак отнес к VI – VII вв. [Маршак, 1983, с. 53].

Типология и хронология оружия древних тюрков среднеазиатско-казахстанского региона в целом не разработана. И.А. Аржанцева попыталась систематизировать раннесредневековое вооружение Средней Азии по изобразительным данным [1986]¹. Некоторые формы оружия, изображенного на среднеазиатско-казахстанских изваяниях, имеют подобия в военных реалиях персонажей росписей Афрасиаба, Пенджикента и Балалык-тепе [Альбаум, 1960, рис. 96, фиг. 7; 112, фиг. 22; 115; 122; 130; 1975, рис. 4, фиг. 29; 6, фиг. 14, 36, 37; 7, фиг. 25, 39 – 41; Беленицкий, 1973, ил. 19]. Аналогии пряموклиновому оружию с кольцевым навершием из росписей Афрасиаба и Пенджикента известны в Перешепино (сер. VII в.), в аварских древностях, а также в западно-сибирских памятниках – палаши и слабоизогнутые сабли с кольцевым или петлевидным навершием, датируемые в пределах VI – VIII вв. [Соловьев, 1987, с. 69 – 70, рис. 12 – 15]. Кинжалы с коленчатой рукоятью, – указывает И.А. Аржанцева, – появились в VII в., а в VIII – IX вв. были распространены в Восточной Европе, на Северном Кавказе, в Сибири, Средней и Центральной Азии, Восточном Туркестане [Аржанцева, 1986, с. 15]. В Западной Сибири, по мнению А.И. Соловьева, кинжалы этой формы бытовали в IX – начале X вв. [1987, с. 89]. Полукруглые скобы для подвешивания оружия появились, по мнению И.А. Аржанцевой, позднее других разновидностей: «...самые ранние полукруглые выступы зафиксированы в росписях Афрасиаба (третья четверть VII в. н.э.)» [1986, с. 12].

¹ Ю.А. Мотов, однако, утверждает, что часть оружия, изображенного на среднеазиатских росписях, не может служить источником исторической реконструкции. Оно могло быть нарисовано «по воображению или с пренебрежением к деталям» или скопировано с ритуального оружия, не имевшего боевого применения [Мотов, 1998, с. 431].

¹ Такая же шапка показана на погрудном (?) изваянии со следами изображений на торсе [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 1, 5].

² На трех изваяниях изображены уши без серег.

³ Он напоминает островерхий убор другого иссыккульского изваяния [Шер, 1966, табл. XVI, 68].

⁴ По-моему, верно мнение Д.Г. Савинова, указавшего на некоторую условность датировки атрибутов изваяний по археологическим аналогам: «Основная трудность заключается в том, что изображенные на них (изваяниях – Л.Е.) реалии (пояса, сосуды, предметы вооружения, серьги) не только имели длительный период бытования в пределах второй половины I тыс. н.э., но и в самом археологическом материале плохо поддаются типологическому анализу, который серьезно осложняется при работе с их воспроизведениями в камне, иногда технически несовершенными» [Савинов, 1984, с. 73].

Обращает на себя внимание тот факт, что в росписях изображено только прямоклинковое оружие¹. И.А. Аржанцева полагает, что в Средней Азии сабля появляется и становится массовым видом оружия не ранее конца IX в. [Там же, с. 12]. Это утверждение согласуется с выводом Ю.С. Худякова о появлении сабли в центральноазиатском регионе в IX – X вв. [1986, с. 219]. Между тем, А.И. Соловьев, вслед за Н.Я. Мерпертом, считает, что сабля в Средней Азии появилась в VII в. [Соловьев, 1987, с. 75]. Так, на территории Тохаристана найдена сабля конца VIII – начала IX в. [Соловьев, 1987, с. 622]. В таком случае, изваяния с саблями (если, конечно, это не искаженное изображение прямого клинка, о чем говорилось выше) могут быть датированы и ранее IX в.²

В росписях Афрасиаба, Пенджикента и Балалык-тепе имеются аналогии и другим реалиям изваяний – прическе (разделенные спереди на пробор волосы, спускающиеся по спине 4 – 5 прядями (косы?); одежде (халаты с треугольными отворотами, распашное (?) платье с круглым вырезом, накидки); украшениям (серьги с шаровидными и трехконечными подвесками, гривны, гладкие или с фигурными украшениями посередине, кулоны, браслеты, гладкие и с округлым расширением в средней части); предметам на поясе (округлые, прямоугольные и трапециевидные сумочки-«каптаргаки», оселки или ножи) [Альбаум, 1960, рис. 98, 100, 102, 104, 107, 114, 116, 120; 1975, с. 32 – 34, рис. 4, фиг. 26; 5, фиг. 5 – 6; 7, фиг. 18 – 19; Беленицкий, 1973, рис. 23, ил. 12, 19]. Прямоугольные, сердцевидные и сегментовидные бляхи, изображенные на поясах некоторых изваяний, известны по живописи Пенджикента, так и по археологическим материалам Согда VIII в. [Распопова, 1980, с. 89, рис. 67]. О времени бытования подобных блях В.Н. Добжанский пишет: «Отличительной чертой наборных поясов конца VII – IX вв. были гладкие бляхи-оправы прямоугольной и сегментовидной формы с прорезью для продевания подвесных ремешков. Наряду с ними широкое распространение получают и другие накладки – сердцевидные, с фестончатым краем, типа лунниц» [1990, с. 37].

Любопытная датированная аналогия «трехрогому» головному убору имеется на личинах с обоймы упоминавшейся выше сабли из Тохаристана [Соловьев, 1987, с. 622]. Нос и брови этих безусых личин изображены так же, как на изваяниях – единым рельефом. Женщина (?) в «трехрогом» уборе нарисована на костяной пластине из погребения VII – VIII вв. из могильника Суттуу-Булак в Центральном Тянь-Шане [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2].

Изваяния обоих типов группы 1 устанавливались в связи с древнетюркскими оградками с балбалами и без них (рис. 19). Обычно это малые оградки, каждая стенка которых образована одной или несколькими плитами. Они ориентированы стенками или углами по сторонам света, иногда с отклонениями.

Оградки бывают одиночными и расположенными рядом по линии север-юг или с отклонениями. Известны ряды, насчитывающие от двух до восьми оградок. Изваяние стоит около восточной стороны оградки, лицом на восток; в восточном направлении от него иногда отходит ряд балбалов. Однако на Тянь-Шане встречаются оградки с изваяниями (без балбалов), установленными с западной стороны, лицом на запад [Табалдиев, Худяков, 1992, с. 78]¹. Возле одной оградки ставилось одно изваяние. У рядом расположенных оградок могли устанавливаться изваяния разных иконографических типов. В связи с оградками (с балбалами и без них) устанавливали также антропоморфные стелы (рис. 32, 58; 52, 90 и др.).

Оградки среднеазиатско-казахстанского региона изучены мало. Выявлены следующие конструктивные особенности казахстанских оградок. В Жарминском районе Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской) области автором в 1985 г. был исследован комплекс из трех малых оградок, расположенных рядом по линии север-юг [Ермоленко, 1999] (рис. 67). Размеры оградок: 1,9 × 1,9 м (северная); 2,1 × 2,2 м (средняя); 1,6 × 2,0 м (южная). Южная оградка была разрушена полностью, в центре двух других обнаружены ямы, скорее всего, оставленные грабителями. Яма средней оградки была заполнена золой; в яме северной оградки содержались кусочки древесного тлена. С востока южной и средней оградок стояло по изваянию. Оба изваяния древнетюркского облика. Одно из них погрудное, другое – с сосудом в одной руке и изображением птицы на груди (рис. 68, 115, 116). Возле погрудного изваяния найдены зубы лошади, около изваяния с птицей – фрагменты бараньей лопатки.

В Каркаралинском районе Карагандинской области, на р. Копа, мною в 1980 г. частично исследован комплекс из пяти малых оградок, расположенных рядом по линии север-юг. Раскопаны три оградки с южного края (рис. 7, 8). Размеры оградок, стенки которых сохранились не полностью, составляли примерно 2,25 × 2,4 м (южная), 2,1 × 2,9 м (средняя), 2,5 × 2,4 м (северная). Изваяния или стелы некогда стояли с востока всех трех оградок, но в настоящее время обломок нижней части фигуры с изображением прямоклинкового оружия с кольцевым навершием (палаш?) сохранился только у крайней с юга оградки (рис. 9, 20)². Все оградки имели ямки в центре; в одной из них обнаружен остаток древесного ствола. К северным стенкам всех трех оградок примыкали «жертвенники» – скопления золы, в двух случаях (около северной и южной оградок) фиксировались каменные ящики. Две оградки (северная и южная) имели внешние столбовые конструкции. В четырех из восьми ямок, расположенных по периметру северной оградки, обнаружены остатки столбов (жердей).

¹ О возможном объяснении этого феномена см. статью [Ермоленко 1995а; с. 191 – 192, примеч. 5].

² Обломок нижней части каменной плиты сохранился в яме возле восточной стенки средней оградки, а возле северной оградки обнаружена яма.

¹ И.А. Аржанцева считает, что изображены мечи.

² Ср.: А.К. Амброз писал, что, за исключением аварских, прочие ранние евразийские сабли датируются второй половиной VIII и IX вв. [1971, с. 128].

Малые одиночные оградки со столбовыми ямами по периметру и изваяниями были исследованы на Южном Урале [Костюков, 1994]. Вещественного материала оградки не содержали. Они были датированы В.П. Костюковым XIII в. на основании принадлежности изваяний к «стеловидным» фигурам и предположения о синхронности оградок и находящегося рядом могильника [Там же, с. 156]. Однако детали лица погрудных изваяний, стоявших возле этих южноуральских оградок выполнены приемами, характерными для скульптуры древнетюркского облика. Комплекс на р. Копа, включающий оградки аналогичной конструкции (судя по оружию с кольчатым навершием, изображенному на обломке изваяния) может быть датирован VII – VIII вв.

Находки древнетюркских оградок и изваяний древнетюркского облика в Западном Казахстане и на Южном Урале (см. также [Чариков, 1986, рис. 2, 1, 3; Шер, 1966, табл. III, 13; XX, 89]¹) позволяют считать эти территории северо-западными пределами расселения древнетюркских племен.

Судя по имеющимся данным, тип сооружения, сопутствующего изваяниям древнетюркского облика, не ограничивался только оградкой. В Актогайском районе Карагандинской области, в межгорной долине, у подножья горы Кызыл-Адыр найдено погрудное изваяние древнетюркского облика [Ермоленко, 1995а, с. 187 – 188, рис. 1, 2] (рис. 40, 72). Изваяние обращено лицом на север – северо-запад, в сторону выхода из долины. Перед ним на 68 м тянется ряд из 14 балбалов. Какие-либо другие наземные конструкции вблизи не прослеживаются. Только у основания фигуры спереди из земли выступает каменный блок.

Можно предположить также, что изваяние из Маркакольского района (Восточный Казахстан) стояло у сооружения аютинского (по В.Д. Кубареву) типа [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 9]².

2.4.2. Изваяния кыпчакского облика (группа 2)

Группа 2 представлена 223 изваяниями: 115 экз. относятся к типу I (изваяния с обозначенной позой), 81 экз. – к типу II (погрудные изваяния), у 23 экз. тип не установлен (обломанные или вкопанные по грудь изваяния). К группе 2 принадлежат также антропоморфные стелы (4 экз.) (табл. 19).

Изваяниям типа I присуща каноническая поза: изображенный *по пояс* человек держит *сосуд обеими руками* на уровне *живота*. Положение рук, как правило, симметричное; пальцы детализированы не всегда. В сведенных на животе руках сосуд иногда не воспроизводился. Вместо него иногда выбивали округлое углубление. В редких случаях руки опущены вдоль тела. На торсе двух таких изваяний изобра-

жен сосуд [Чариков, 1980а, рис. 2, 12; Новгородова, 1989, табл. X, 28]. На пяти изваяниях типа I наряду с сосудом изображена птица. Причем, на одном изваянии птица находится в правой, согнутой к груди руке, тогда как левая рука прижимает к животу сосуд [Шер, 1966, табл. XXIII, 106]. На четырех фигурах рука с птицей опущена, подобно руке с сосудом [Чариков, 1989, рис. 1, 1; Байбосынов, 1996, с. 70, 111]. В одном случае сосуд заменен лучком [Чариков, 1981, рис. 1].

Значительная часть изваяний типа I *полнофигурные*. Ноги изображены на 25 изваяниях типа I (три с птицей, два с круглой ямкой между сведенными руками). В 13 случаях ноги сидящих «по-кочевнически» индивидов скрещены (правая нога поверх левой – 9 экз., левая поверх правой – 4 экз.). В одном случае согнутые в коленях ноги лежат параллельно друг другу – левая нога выше правой. Ноги двух изваяний соединены носками. Почти соприкасаются носками ноги еще одного изваяния: правая нога расположена над левой. На семи изваяниях ноги расположены вертикально, носками врозь (в одном случае, видимо, носками внутрь (рис. 15, 32)). Вертикальная позиция ног позволила А.А. Чарикову предположить стоящую позу, однако пропорции некоторых фигур [Чариков, 1989, рис. 1, 2; Байбосынов, 1996, с. 111] (рис. 22, 38), скорее, свидетельствуют о сидящей позе со свешивающимися ногами.

Лица изваяний типов I и II обычно выполнены приемами ИЧЛ кыпчакского облика¹. Одно из них – с сосудом в одной руке (рис. 1, 2) – по приему ИЧЛ и детализации половых признаков является изваянием кыпчакского облика.

На изваяниях представлены неопределимые по полу индивиды, а также женщины или мужчины, у которых обозначены признаки пола на торсе. На лицах некоторых мужских изваяний (16 или 20 изваяний типа I и, возможно, 3 изваяния типа II) имеются усы.

Реалии изваяний группы 2

Они немногочисленны. Обычно это сосуд (у изваяний типа I)² и недифференцированный головной убор. В исключительных случаях изображались украшения и детали одежды. Редким атрибутом является птица.

Сосуды изваяний второй группы отличаются от сосудов изваяний первой группы, прежде всего, пропорциями. Это уже не пиршественные сосуды, но большей частью емкости внушительных размеров. Их прототипы, вероятно, были керамическими, как это предполагается в случае сосудов половецких изваяний [Плетнева, 1974, с. 52]. На изваяниях с более или менее отчетливо изображенными сосудами выделяются следующие их разновидности.

¹ В.А. Иванов и В.А. Кригер причисляют эти изваяния к кыпчакским [1988, рис. 5, 5, 6; 6, 1, 3].

² К аютинскому типу В.П. Костюков относит комплекс Солончанка-8 [1998, с. 311].

¹ У некоторых изваяний с обозначенной позой отбита голова. Несколько погрудных фигур и антропоморфные стелы отнесены к группе 2 по принципу установок возле курганов.

² Возможно (в исключительных случаях), сосуд изображался и на изваяниях типа II [Новгородова, 1989, табл. IV, 13; XIII, 36].

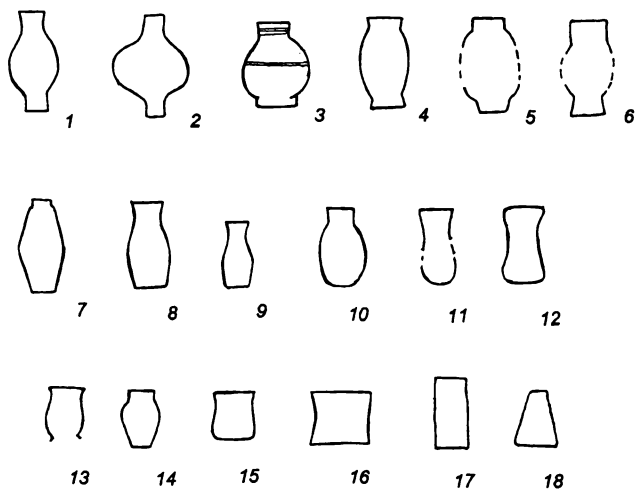

Табл. 15. Реалии изваяний группы 2 (тип I). Сосуды.

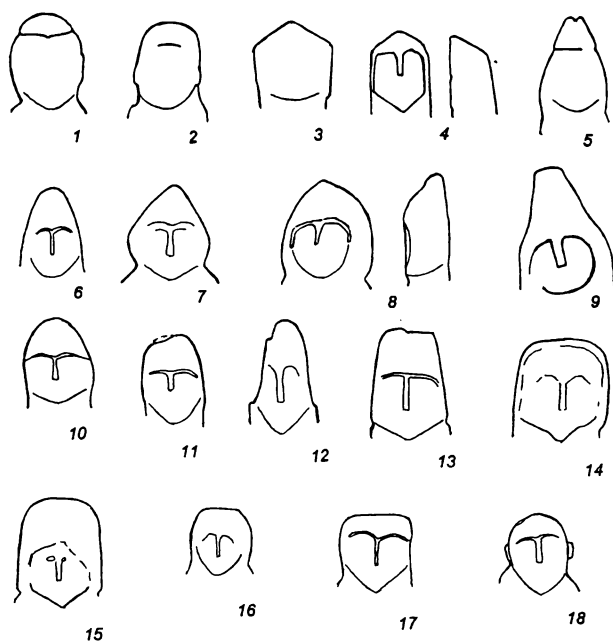

Табл. 16. Реалии изваяний группы 2 (тип I).
Головные уборы.

В десяти случаях (Семиречье, Центральный и Восточный Казахстан) показаны сосуды с округлым либо удлиненным туловом, с горловиной и поддном (табл. 15, 1 – 6). В отличие от аналогичных по форме сосудов изваяний группы 1, эти сосуды, как правило, крупные, без ручек.

На семиреченских изваяниях довольно широко представлены сосуды баночной формы (7 экз.), иногда со слегка отогнутым венчиком – высокие и низкие, узкие и широкие¹ (табл. 15, 15 – 17). Банка изображена также на одном восточноказахстанском изваянии [Чариков, 1980б, рис. 1, 7]. Некрупные сосуды с широким плоским дном, слегка выпуклым туловом и расширяющейся горловиной имеются на трех изваяниях из Семиречья и Центрального Казахстана.

¹ Подобные сосуды изображены также на 18 изваяниях с Сандыкского перевала, схематичные прорисовки которых приводятся в статье Э.А. Новгородовой [1989].

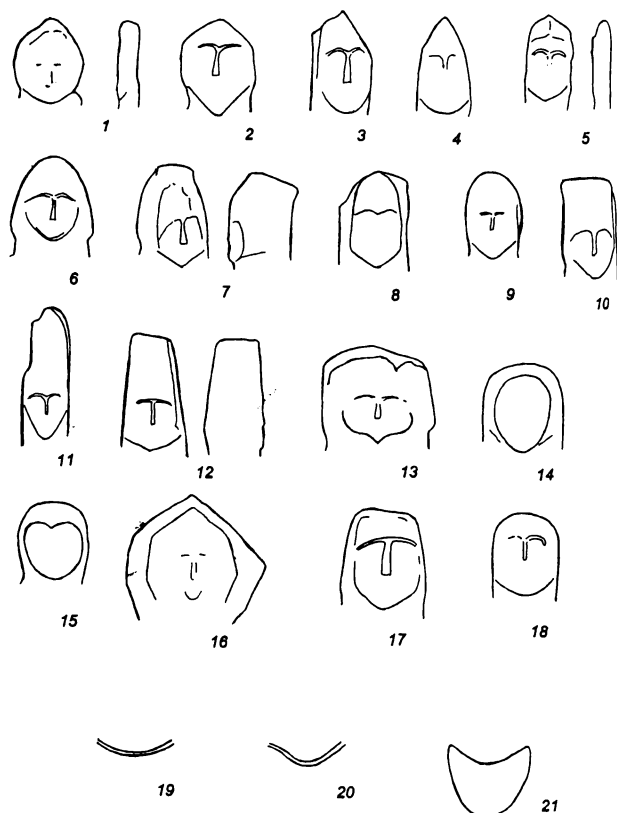

Табл. 17. Реалии изваяний группы 2 (тип II).
Головные уборы, украшения.

На одном семиреченском изваянии изображен большой сосуд подобной формы [Чариков, 1980, рис. 1, 2] (табл. 15, 8, 9).

На двух семиреченских изваяниях показаны большие плоскодонные сосуды с расширенным в средней части туловом, сужающимся к невысокой прямой горловине, которая отделена от тулова уступом [Чариков, 1980а, рис. 2, 11, 14] (табл. 15, 7).

На одном изваянии из Семиречья изображен круглодонный сосуд с удлиненным туловом и с неширокой прямой горловиной [Чариков, 1980а, рис. 6, 16] (табл. 15, 10).

Плоскодонный и круглодонный сосуды вытянутых пропорций с сужающимся в средней части туловом имеются на двух изваяниях из Центрального Казахстана и Семиречья (табл. 15, 11, 12; ср.: [Новгородова, 1989, табл. I, 2]).

Горшковидный сосуд с узким дном воспроизведен на восточноказахстанском изваянии [Чариков, 1980б, рис. 1, 9] (табл. 15, 14).

Сосуд в форме усеченного конуса изображен на изваянии из Семиречья [Шер, 1966, табл. XXIV, 127, ср.: табл. XXVIII, 142] (табл. 15, 18).

Головные уборы. Прически на изваяниях второй группы не изображались вообще. Головные уборы, за редким исключением, не дифференцированы и, видимо, очень обобщенно воспроизводят свои оригинальные соответствия. Разновидности форм головных уборов изваяний типа I и II аналогичны (табл. 16, 17).

Головные уборы детализированы на шести изваяниях типа I, двух изваяниях типа II, вкопанной по

грудь фигуре и на одной обломанной голове (Семиречье, Центральный и Северный (?) Казахстан). Виды головных уборов: невысокие полусферические шапочки на макушке, иногда с небольшим мыском на лбу – 4 экз. [Новгородова, 1989, табл. IV, 14; XVI, 44] (табл. 16, 1); глубокая облегающая шапочка (табл. 16, 2); высокий куполообразный убор (3 экз.) с ровным или повторяющим линию слитных бровей краем [Новгородова, 1989, табл. XVI, 45] (табл. 17, 8); довольно высокий конический убор, раздваивающийся сверху [Шер, 1966, табл. XXVI, 124]; островерхий головной убор наподобие тибетейки с коническим верхом (рис. 63, 108).

В моделировке голов многих изваяний¹ угадываются недифференцированные головные уборы: островерхие, куполообразные, плосковерхие, высокие и низкие. На трех изваяниях (Восточный и Центральный Казахстан), по всей видимости, воспроизведены глубокие шапки наподобие казахского зимнего головного убора тымак [Чариков, 1980б, рис. 1, 9] (табл. 16, 14, табл. 17, 13). На некоторых женских изваяниях [Чариков, 1980а, рис. 2, 15], возможно, выполнен убор типа *кимешек* или *лячак* [Сухарева, 1954, рис. 1, а, з] (табл. 17, 6).

Завершение голов прочих изваяний округлое, прямоугольное или неправильной формы. В последнем случае верх головы оформлен грубыми сколами.

Одежда нехарактерна для изваяний кыпчакского облика. Элементы одежды имеются лишь на пяти изваяниях типа I из Семиречья и Центрального Казахстана (табл. 18). Узкий разрез ворота платья изображен на груди одной фигуры; на одном изваянии обозначены края рукавов [Шер, 1966, табл. XXIV, 117]. Детали одежды на груди одного изваяния А.А. Чариков трактовал как «очертания прямоугольного воротника» [1980а, с. 228, рис. 2, 12] (табл. 18, 2). На двух изваяниях показаны передники [Новгородова, 1989, табл. VII, 22]. В одном случае передник, украшенный воллютообразным узором, был нарисован краской (табл. 18, 3).

Руки 30 изваяний (25 из Семиречья, остальные из Киргизии, Центрального, Восточного Казахстана и Омского Прииртышья) изображены приемом, встречающимся также на изваяниях древнетюркской традиции: рельеф каждой руки завершался (обычно закруглением) в области плеча². Женская грудь и руки четырех семиреченских и одного североказахстанского изваяния выполнены единым рельефом. На четырех изваяниях из Южного Казахстана и Семиречья, а также на одном из Центрального Казахстана руки образуют с грудью-животом одну рельефную фигуру.

Украшения на изваяниях второй группы редки (табл. 18, 5 – 8). Наиболее часто изображались гладкие гривны (14 экз., в том числе на двух изваяниях

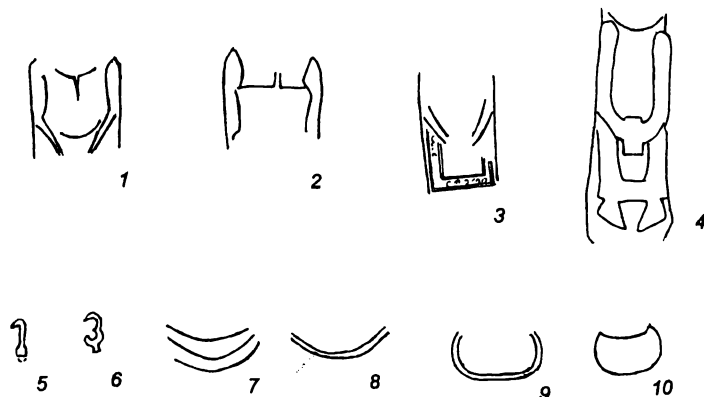

Табл. 18. Реалии изваяний группы 2 (тип I). Одежда, украшения.

типа II). В двух случаях гривна двойная [Чариков, 1980, рис. 1, 4] (рис. 1, 2). Имеются изображения нагрудников (4 экз.) (табл. 18, 9, 10). А.А. Чариков счел этот элемент костюма изображением сосуда (чаши), «парящего» под подбородком [1980а, рис. 5, 8, 9]. Однако подобные нагрудники довольно отчетливо воспроизведены на изваяниях с сосудом в обеих руках из мавзолея Баян-Слу и Козы-Корпеш [Баранов, 1899]. Серьги изображены на четырех изваяниях (Семиречье, Восточный и Центральный Казахстан). Виды подвесок – шаровидная, овальная и (полу-?)кольца с отходящим вниз стерженьком [Шер, 1966, табл. XXIII, 106; Чариков, 1980, рис. 1, 1; 1980б, рис. 1, 7], (рис. 2, 5). Довольно часто (30 экз.) уши показаны без серег: «С»- и «О»-образные, в виде полукруглой скобки с точкой, знака вопроса (без точки), углубления.

Новым элементом в иконографии изваяний группы 2 является изображение **половых органов, пупка, линии живота, паха**.

«Девичья» грудь¹ показана на 34 изваяниях (Тянь-Шань, Чуйская долина, Семиречье, Центральный, Восточный и Северный Казахстан, Омское Прииртышье, Южное Приуралье). Из них 12 изваяний типа II. В трех случаях грудь сочетается с женским половым органом, переданным овальной выпуклостью либо такой же формы углублением под руками с сосудом или между соединенными руками [Шер, 1966, табл. XXVI, 126; Чариков, 1987а, рис. 1, 1] (рис. 16, 33).

Женская грудь изображена на восьми фигурах (Центральный и Северный Казахстан, Семиречье). При этом на двух изваяниях одновременно показан женский половой орган, а на одном – линия паха (ср.

¹ Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что это могут быть нагрудные бляхи типа изображенных на мужских половецких изваяниях [1976, с. 201, примеч. 17]. Однако, скорее всего, это именно грудь, поскольку одежда на изваяниях кыпчакского облика, как правило, не детализировалась. Л.Р. Кызласов считает, что округлые груди на семиреченских изваяниях – не обязательно женский признак [1979, с. 198]. Действительно, в традиционной пластике иногда встречаются мужские изображения с «девичьей» грудью, такие, например, как нанайские джоулины. Среди приведенных С.В. Ивановым рисунков [1957, рис. 4, 5] на бурятских онгонах имеются мужские и женские фигурки с одинаково изображенной грудью (в виде двух точек).

¹ Примерно 1/4 часть всех изваяний группы 2.

² На нескольких изваяниях внутренняя линия рук начинается почти от плеч.

[Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 12]) (рис. 1, 2; 49, 81, 82).

На пяти изваяниях воспроизведена *мужская грудь* (Семиречье, Тянь-Шань, Оренбургская обл., Восточный Казахстан) [Шер, 1966, табл. XXVI, 124; XXIX, 145; Чариков, 1987а, рис. 1, 4; 1989, рис. 1, 1] (рис. 70, 119). В одном случае также обозначен пупок.

Мужской половой орган изображен на трех изваяниях из Семиречья и Центрального Казахстана [Чариков, 1989, рис. 4] (рис. 15, 31, 32). У одной фигуры с фаллосом грудь имеет вид небольших каплевидных выпуклостей, а между сведенными руками выбито круглое отверстие (пупок?). Такое же отверстие имеется еще на одном фаллическом изваянии.

Круглая выпуклость или углубление выполнено на торсе двух фигур без признаков пола [Шер, 1966, табл. XXIII, 106; Чариков, 1980а, рис. 6, 24]. А.А. Чариков трактовал круглое отверстие между сведенными на животе руками как изображение зеркала [1980а, рис. 5, 13]. Выше уже говорилось, что овальное углубление между руками могло символизировать пупок или женский половой орган.

В отличие от изваяний группы 1, на статуях группы 2 иногда воспроизводится рельеф *живота* [Шер, 1966, табл. XXIV, 110] (рис. 3, 10; 14, 28; 16, 33).

Птица, стоящая на кисти правой руки изваяний группы 2 (5 экз.), изображалась в профиль.

Датировка изваяний группы 2 по реалиям затруднена. Показательно, что почти все сосуды, изображенные на изваяниях кыпчакского облика, имеют аналогии в атрибутах примитивных восточноевропейских изваяний [Гераськова, 1991, рис. 12]. С.А. Плетнева считает последние «самыми ранними изваяниями половец» и относит их к первой половине XI в. [1974, с. 61, 69 – 70]. Л.С. Гераськова предполагает связь их с печенегами, датируя IX – X вв. [1991, с. 78], хотя и признает, что эти изваяния положили начало эволюции половецкой скульптуры (через торческую). При этом обе исследовательницы констатируют сходство ранних восточноевропейских статуй со среднеазиатско-казахстанскими изваяниями группы 2. Однако они придерживаются разных взглядов на время изготовления азиатских погрудных изваяний, а также фигур с сосудом в обеих руках.

Так, С.А. Плетнева [1981, с. 220] основывается на дате прииртышских изваяний – X – XI вв. (по Ф.Х. Арслановой и А.А. Чарикову). Л.С. Гераськова [1991, с. 77] исходит из даты VIII – X вв., т.е. времени бытования тувинских изваяний с сосудом в обеих руках (по Л.Р. Кызласову) Атрибуты реалистичных изваяний Юго-Западной Тувы уйгурского периода на самом деле позволяют довольно надежно их датировать. Но тувинские статуи сильно отличаются от аналогичных по позе среднеазиатско-казахстанских фигур, датировка которых проблематична. Вряд ли только на основании сходства позы можно делать вывод об их синхронности. К тому же обе группы изваяний, по всей видимости, были территориально разобщены. Кроме Юго-Западной Тувы подобные скульптуры с сосудом в обеих руках известны в Монгольском Алтае, а также в Хан-

гае¹ [Войтов, Баяр, 1990, рис. 3, б; Кубарев, Цевэндорж 1995, рис. 3, 7; 4, 11, 12; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, рис. 147, 16; 154, 44; 155, 46]. Между тем, на Алтае (изваяния которого довольно хорошо изучены) пока открыты только две статуи с сосудом в обеих руках на уровне живота [Кубарев, 1984, табл. VI, 41; L, 255]. Два других изваяния держат сосуд обеими руками выше пояса [Кубарев, 1984, табл. XXIX, 181; L, 248]. На одном из них изображена одежда с двухсторонними треугольными отворотами. Она не встречается ни на изваяниях кыпчакской традиции, ни на тувинских изваяниях. К тому же оба изваяния найдены лежащими около разрушенных древнетюркских оградок. Что касается Восточного Туркестана, то, по данным Ю.С. Худякова [1998, с. 218], там обнаружены два изваяния, держащие обеими руками сосуд. Одно изваяние, с сосудом на уровне груди, является изваянием древнетюркского облика [Там же, рис. 1, 5]. Прием ИЧЛ и форма небольшого по размерам сосуда (кувшин или кувшин-кружка на поддоне) – тому подтверждение. О втором изваянии, рисунок которого не приводится, Ю.С. Худяков сообщает, что оно «возможно, ...происходит из Хоргоса» [Там же, с. 218]. Вероятно, имеется в виду изваяние, опубликованное в статье Р.Ф. Итса [1958, с. 102, рис. 5]. Изваяние это подобно статуям кыпчакского облика. И это естественно, поскольку оно найдено в пограничном с Казахстаном районе. Следует также отметить, что до сих пор ни в Туве, ни в Монголии не обнаружено сооружений, аналогичных тем, в связи с которыми устанавливались среднеазиатско-казахстанские изваяния группы II. На Алтае, сообщает В.А. Могильников [1992, с. 64], как и в Верхнем Прииртышье, возле курганов встречаются погрудные изваяния.

Известно несколько разновидностей сооружений, возле или внутри которых ставились изваяния кыпчакского облика. По аналогии с половецкими, они названы святилищами (табл. 19).

Тип 1. В начале XX в. И.А. Кастанье описал внешний вид широко встречающегося в казахстанских степях сооружения с изваяниями: «Очень часто в верхней части кургана продельвают углубление, напоминающее воронку, в которой иногда находят одну или несколько баб. Этот род надгробного памятника очень распространен в степях» [1911, с. 10, 102, табл. I, 3; II, 8; III, 14; IV, 22 – 24]. Однако вплоть до середины 80-х годов XX в. такие памятники не были введены в научный оборот [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985]. Мне в составе ЦКАЭ в 1982 – 1983 гг. и в 1990 г. удалось исследовать раскопками два сооружения этого типа: в урочище Мыржик [Ермоленко, Курманкулов, 1992; Ермоленко, 1994] и в долине р. Жинишке [Ермоленко, Курманкулов, 2002].

Мыржикское сооружение располагалось на левом берегу р. Атасу (Агадырский р-н Джезказган-

¹ Изваяние из Хангая сильно повреждено. Все же оно больше походит на изваяния кыпчакской традиции или примитивные изваяния из восточноевропейских степей, чем на аналогичные изваяния из Юго-Западной Тувы и Монгольского Алтая.

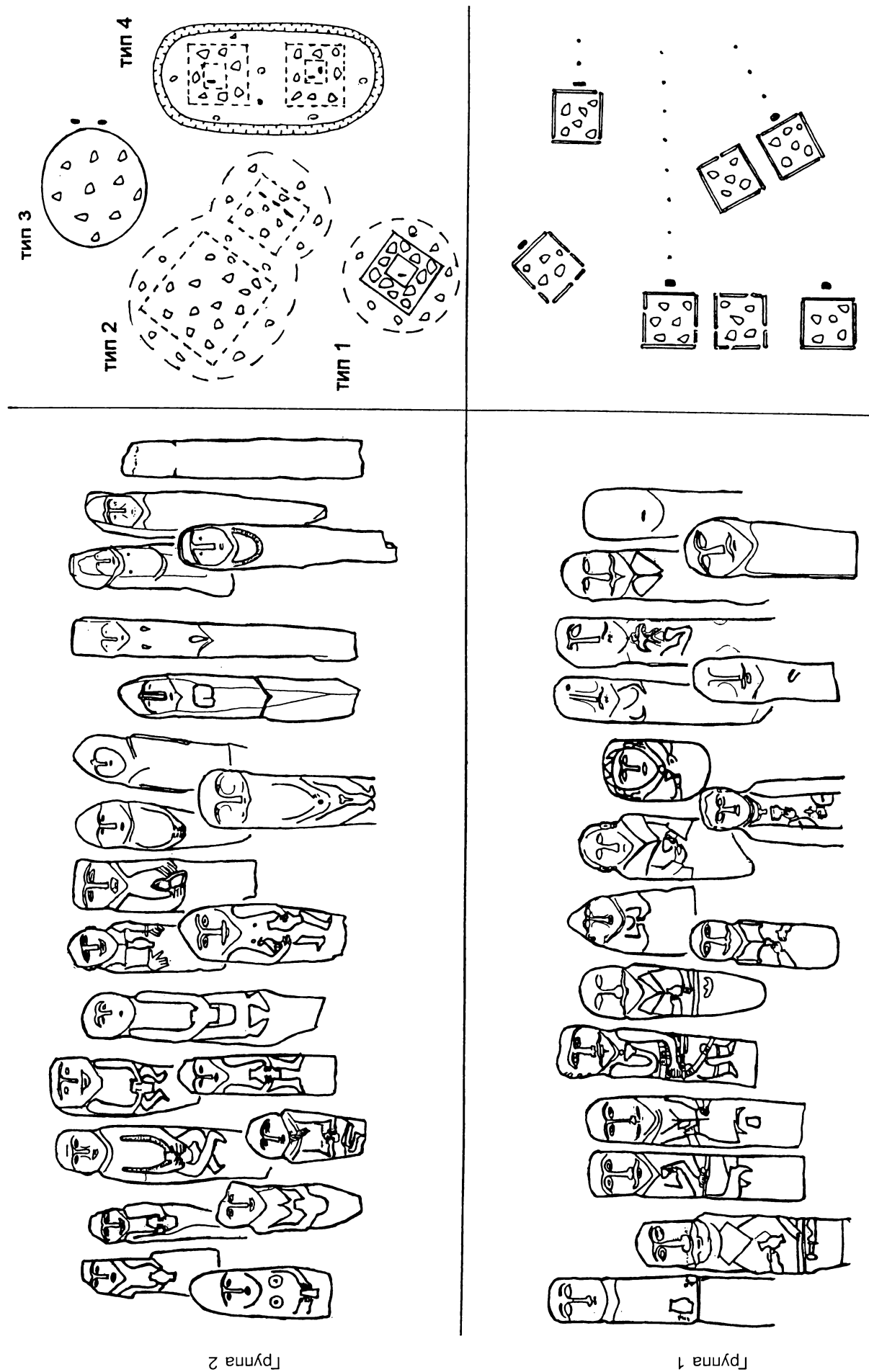

Табл. 19. Изваяния группы 1 и 2. Сооружения.

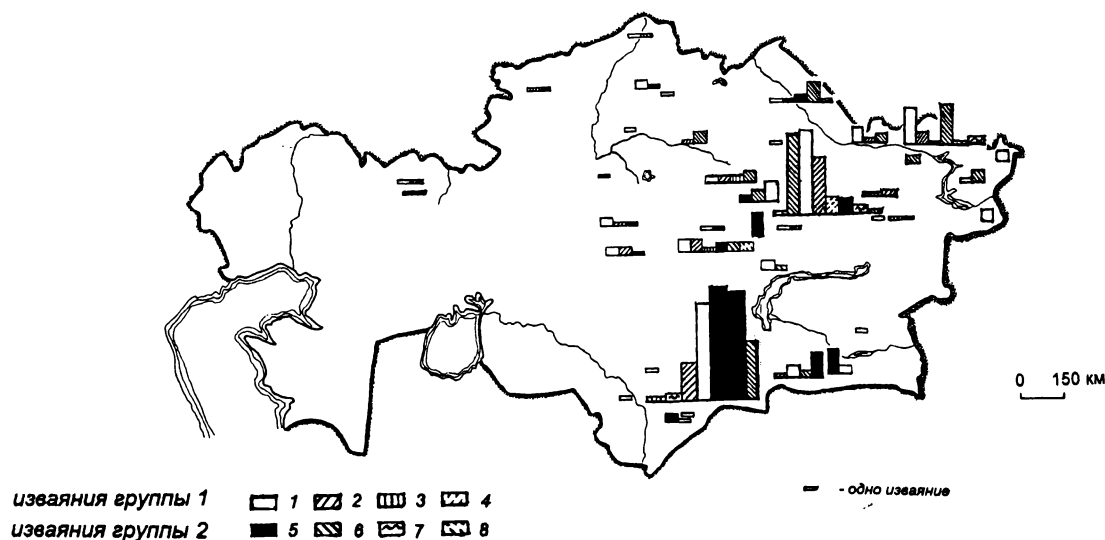

Табл. 20. Карта распространения в казахстанских степях изваяний групп I и 2: 1, 5 – тип I; 2, 6 – тип II; 3, 7 – отбитые головы; 4, 8 – антропоморфные стелы.

кой обл.). В насыпи находилась замкнутая четырехугольная каменная ограда размерами 4,4 × 4,75 м и высотой 0,6 м. Толщина стен ограды 1,1 – 1,3 м. Ограда ориентирована стенками по сторонам света с небольшим отклонением (рис. 18 – 21). В камере, образованной стенками ограды, стояло два изваяния. Одно, изображающее человека с сосудом в обеих руках, было обращено лицом на северо-восток (рис. 22, 38). Второе, с обломанным верхом, повернуто лицевой гранью на восток. Судя по фрагменту линии подбородка на сохранившейся части монолита, это было погрудное изваяние (рис. 22, 39). Еще одно погрудное изваяние кыпчакского облика лежало среди камней развала у восточной стенки ограды (рис. 22, 40). На дне камеры перед изваяниями обнаружены кости животных (верблюд, мелкий рогатый скот, лошадь); среди них пять черепов мелкого рогатого скота без нижних челюстей¹. Здесь же отмечены концентрации мергеля. Вещественные находки были обнаружены в оконечности норы грызуна: пара костяных срединных накладок на лук, пара костяных колчаных петель в виде летящих (?) водоплавающих птиц, а также сильно коррозированные железные предметы (рис. 21). Находки, в частности, колчаные петли типа АIV (по Г.А. Федорову-Давыдову [1966, рис. 2]), позволяют датировать сооружение не ранее начала II тыс. н.э.² Подобные петли с орнаментированным косыми насечками краем входили, согласно С.А. Плетневой [1981, рис. 83, 38], в комплекс вооружения воина-степняка XII в. Петли

¹ Ср. семь бараньих и девять лошадиных черепов без нижних челюстей были найдены в половецком святилище с деревянным изваянием из кургана 12 Новоаксайского могильника [Гуркин, 1998, с. 30].

² Любопытную, хотя и частичную, аналогию составляют петли (вернее, их «птицеголовые» окончания) из погребения древнетюркского времени могильника Ник-Хая [Худяков, 1986, рис. 170]. Ю.С. Худяков предположил их уйгурскую принадлежность.

данного типа найдены в западносибирских памятниках X – XII вв. [Адамов, 2000, с. 42, рис. 35, 9] и в погребении со шкурой коня из Западного Казахстана [Синицын, 1956, с. 112, табл. VI; 113, рис. 30], которое может быть датировано XI – XII вв. А.В. Евглевский обнаружил такие петли в северо-восточном Приазовье, в погребениях золотоордынского времени [1992, с. 115, рис. 1, 13; 3, 13].

В 8 м к северу – северо-западу от данного сооружения располагалось другое, внешне подобное¹. В 1985 г. оно было раскопано С.М. Ахинжановым и оказалось тождественным по конструкции (рис. 17, а).

На правом берегу степной речки Жинишке (Актагыйский р-н Джезказганской обл.) исследовано еще одно аналогичное сооружение (рис. 44 – 46). Под насыпью была выявлена ограда размерами 5,6 × 5,8 м и высотой до 0,5 м. Ширина стен ограды 1,2 – 1,6 м. Она была ориентирована осью по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Первоначально ограда, подобно мыржикской, имела сплошную стенку, но позднее в северо-восточном ее участке был пробит проход. В камере двумя рядами стояли пять изваяний кыпчакского облика. Возле западной стенки ограды, примерно по линии север – юг, лицами в восточном направлении были установлены два изваяния: одно с опущенными вдоль тела руками, другое – с сосудом в обеих руках, раскрашенное (рис. 48, 79, 80). Рядом с ними зафиксирован каменный останец (еще одного изваяния?). В средней части камеры, напротив брешки в стене, почти по линии север-запад – юго-восток стояла шеренга из трех погрудных изваяний (табл. 49, 81 – 83). Лицами фигуры были обращены на северо-восток. Непосредственно перед ними (после разрушения стены) была вырыта яма. На дне ее фиксировались следы огня. В верхней части за-

¹ Указано расстояние между краями насыпей до раскопок. Расстояние между раскопанными оградками составило около 15 м.

полнения ямы обнаружено скопление фрагментированных костей конечностей лошади, синяя стеклянная бусина. Другие вещественные находки: маленький каменный диск, неорнаментированный фрагмент керамики, кованый железный гвоздь залегали под дерном в разных частях памятника (рис. 47, 1 – 4). Датированных находок нет, разве что волютообразный орнамент, подобный нарисованному на переднике изваяния из комплекса на р. Жинишке, имеется на платье половецкого изваяния из Государственного исторического музея [Плетнева, 1974, рис. 23, 39; ср.: Гераськова, 1991, с. 86].

Курганообразные сооружения со вкопанными в них изваяниями обнаружены также на территории Семиречья [Байбосынов, 1996, с. 110, 112] и Восточного Казахстана [Чариков, 1991, с. 48, рис. 1, 1 – 3].

Таким образом, признак сооружений первого типа – мощная каменная подквадратная ограда со сплошной стенкой. Внутри камеры, образованной стенками ограды, устанавливалось одно или несколько изваяний (1 – 2 шеренги)¹. Всю конструкцию, по всей видимости, перекрывала насыпь.

Тип 2. К конструкции первого типа, внутри которой вкопаны изваяния, с запада пристроено большее по размерам прямоугольное каменное строение.

Подобный памятник исследован нами в Каркаралинском районе Карагандинской области близ зимовки Аблай (1978 – 1979 г.) (рис. 10, 11). Комплекс был сооружен у подножья сопки у входа в ущелье. Он состоял из двух сооружений, возведенных вплотную по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Оба сооружения сильно разрушены. Восточная конструкция представляла собой ограду размерами около 4,5 × 4,5 м. Ширина ее стен составляла 1 – 1,25 м. В средней части ограды, в яме, двумя рядами стояли пять изваяний кыпчакского облика. Три изваяния (два погрудных и одно с сосудом в обеих руках) были обращены лицами на восток – северо-восток (рис. 12, 23 – 24; 13, 25), два погрудных изваяния – в южном направлении (рис. 13, 26, 27). В развале каменной западной конструкции прослеживалось основание квадратной конструкции размерами 6,5 × 6,5 м².

Памятник, аналогичный по внешнему виду аблайскому, был обследован нами в Актогайском районе Джезказганской области в долине р. Жинишке (рис. 50). Он состоит из двух прямоугольных каменных сооружений, расположенных по линии восток-юго-восток – запад-юго-запад. Восточное

сооружение имеет вид каменной выкладки размерами 4,3 × 5,4 м. В средней его части вкопаны по груди три изваяния кыпчакского облика. Лицами фигуры обращены на восток – юго-восток. Размеры западного сооружения 7,5 × 9,0 м.

Тип 3 представлен пока только одним памятником из Шетского района Джезказганской области (рис. 15, 16). На поверхности двух небольших возвышений прослеживаются каменные выкладки. Они возведены по линии север – юг, а их размеры составляют 3,5 × 3,5 м и 3 × 3 м. Комплекс окружен ровиком. В обеих выкладках установлены изваяния. Изваяние в северной выкладке, изображающее женщину со сведенными на животе руками, обращено лицом на восток (рис. 15, 30). Одно из изваяний в южной выкладке ориентировано лицом на восток (рис. 15, 31), другое – на север (рис. 15, 32), обломок третьего лежит на поверхности выкладки (рис. 16, 33). Все три изваяния изображают людей со сведенными на животе руками, между которыми выбито углубление. У них обозначены признаки мужского и женского пола. В отличие от изваяний в сооружениях типов 1 и 2, изваяния шетского комплекса не скрыты в насыпи, но стоят на поверхности.

Тип 4. Каменный курган, с восточной стороны которого лицом на восток установлено одно или несколько (шеренгой) каменных изваяний. Сооружения такого типа исследованы в Центральном и Восточном Казахстане. Около горы Айршоқы (Улутаский район Джезказганской области) Л.Р. Кызласовым в 1948 г. был раскопан каменный курган (диаметр 7 м, высота 0,75 м), сложенный из крупных камней, около которого лежало погрудное изваяние. На торсе изваяния была изображена грудь в виде «двух выпуклых небольших кружков» [Кызласов, 1951, с. 58]. Под каменной насыпью находился слой белой глины.

Ф.Х. Арсланова и А.А. Чариков в 1972 г. исследовали в Уланском районе Восточно-Казахстанской области каменный курган диаметром 6 м, высотой до 0,8 м. Под насыпью в центральной части были найдены обломки костей животных. У восточного края кургана лицом на восток стояли два изваяния кыпчакского облика: одно погрудное, другое – с намеченными руками (?) [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 5, 13, 14; 9, 2].

В Агадырском районе Джезказганской области в 1978 г. нами был раскопан курган с двумя антропоморфными стелами, между которыми находилась простоя невысокая стела [Ермоленко, 1987, с. 105 – 107] (рис. 23). Стелы стояли в ряд по линии северо-запад – юго-восток, в восточной «поле» насыпи, и были обращены лицевыми гранями на северо-восток. Размеры кургана 7 × 8 м, высота около 0,7 м. В структуре насыпи различались три пласта. Первоначально на выровненную на склоне сопки площадку был уложен слой колотого камня (мощность до 0,35 м). На нем располагалась щебневая линза диаметром 3 м, а толщиной до 0,3 м. На этой основе была возведена куполообразная конструкция из крупных колотых камней. Под насыпью в северной половине зафиксировано золистое пятно.

¹ Предположение А.М. Досымбаевой о том, что парные (мужское и женское) изваяния стояли в святилищах лицом друг к другу, вряд ли имеет основание. Фотография комплекса Шольсай-3 никоим образом не подтверждает гипотезу автора о таком положении фигур [Досымбаева, 2002, с. 79; с. 80, рис. 3].

² В работе 1985 г. мы предположили, что соседство сооружений случайно, однако последующие находки подобных сооружений подтвердили закономерность их сочетания. Сооружение, сходное с аблайским, исследовал в 1988 г. в урочище Ой-Жайляу (Жамбылская обл.) Ю.А. Мотов, которому я благодарна за сообщение об этом. В мог. Бирлик (Баянаульский р-н Павлодарской обл.) также раскопано подобное сооружение [Бейсенов, Кожиков, 2001, рис. 7].

Разрушенный курган с изваяниями был исследован Ф.Х. Арслановой и А.А. Чариковым в Жарминском районе Семипалатинской области. Пять изваяний (четыре погрудных и одна антропоморфная стела) были вкопаны по линии северо-восток – юго-запад, лицами на юго-восток, с восточной стороны выбранной (?) в центре насыпи. Ее остатки имели вид кольца диаметром около 6 м. Между изваяниями и сооружением был установлен ряд из шести плит [Арсланова, Чариков, 1974, рис. 6; 9, 1].

Следует отметить, что в связи с сооружениями первого и второго типов ставились изваяния типов 1 и 2I. С третьим типом сооружений найдены изваяния типа 1, особой со сведенными на животе руками, между которыми выбито овальное углубление. Среди этих изваяний есть фигуры с фаллом. Возле сооружений четвертого типа пока известны лишь изваяния типа 2 (нередко грубо изготовленные), а также антропоморфные стелы. В одном случае с востока сооружения этого типа (горы Бегазы) отмечен ряд, состоящий из четырех балбалов (рис. 63, а).

Возможно, мы имеем здесь отличия культурного или временного порядка. Например, очевидно сходство способа установки изваяний кыпчакского облика в сооружениях типов 1 – 3 с половецкими. Половецкие изваяния также устанавливались в средней части каменных выкладок, возведенных на курганах (Шведцов, 1979) или были вкопаны в днища ям, впущенных в курганные насыпи [Гуркин, 1987]. Однако подобные обобщения требуют большего объема материала, чем мы располагаем в настоящее время. Вероятно, будут выявлены новые типы сооружений с изваяниями кыпчакского облика¹.

Указанный факт сходства способов установки изваяний группы 2 с половецкими, находка колчаных петель типа, бытовавшего в степях восточной Европы в половецкое время, позволяют подтвердить мнение исследователей, предполагающих тесную взаимосвязь кыпчакской и половецкой скульптур. Судя по всему, изваяния кыпчакского облика бытовали в казахстанских степях вплоть до монгольского нашествия, поскольку на запад в начале XI в. ушла лишь часть кыпчаков.

2.5. НЕКОТОРЫЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗВАЯНИЙ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО И КЫПЧАКСКОГО ОБЛИКА

Изваяниям группы 1 свойственны некоторые стилистические особенности. В приемах ИЧЛ они проявляются, например, в слитном ваянии носа и бровей с изящно загнутыми вверх концами, в изображении больших миндалевидных глаз², неожиданных на скалестых монголоидных лицах и др. Стилизо-

¹ Трудно судить по весьма схематичным рисункам «кыпчакских святилищ» (термин Э.А. Новгородовой) Южного Казахстана об их конструкции [Новгородова, 1989].

² В древнем и средневековом искусстве феномен преувеличенно больших глаз нередок. Например, шумерские мастера придавали «изображаемому гигантские глаза и уши, мето-

ванные и даже декоративные приемы способствовали созданию идеализированного образа, лишённого индивидуальности¹. Относительно приема изображения бровей и носа слитным барельефом заметим, что впоследствии он органично вошел в иконографию наиболее реалистической скульптуры тюркоязычных номадов – половецкой. И это не случайно. Такой прием встречается в искусстве соседних с древними тюрками цивилизаций и, в том числе, в высокохудожественных произведениях². Рельеф совмещенных бровей и носа, иногда в сочетании с преувеличенно большими глазами, известен в коропластике и торевтике Средней Азии и Ирана I тыс. н.э. [Мешкерис, 1974, табл. VI; XV, 3, 4; XXIV, 3; Пугаченкова, 1986, с. 130 – 131; Тревер, Луконин, 1987, рис. 22 [11]; Marschak, 1986, Abb. 32 – 33, 183, 193, 198, 207; ср. золотой кувшин из Надь-Сент-Миклош: Haussig, 1992, Abb. 114] (табл. 21)³.

В среднеазиатском искусстве можно найти аналогии не только способам изображения деталей лица, но

нимически раскрывая его мудрость и пронизательность» [Дьяконов, 1977, с. 30, примеч. 22]. Н.А. Дмитриева пишет [1988, с. 108], что в античном искусстве «в поздних портретах, на жестких “брутальных” лицах римских императоров вдруг появляются странно расширенные глаза, глядящие неподвижным взором». В иконографии раннесредневековой японской скульптуры ханива, изображающей жрецов и воинов, Н.А. Иофан отмечает прежде всего «огромные, широко раскрытые глаза» [1973, с. 32]. В мелкой древнерусской каменной пластике XI – XV вв. был распространен прием изображения «больших глаз, обведенных двойной окантовкой век» [Николаева, 1983, с. 47] и т.д.

¹ В археологической литературе иногда высказывается мнение о портретности древнетюркских изваяний [Чариков, 1980, с. 304; Савинов, 1994, с. 129], тогда как в работах искусствоведческого и культурологического плана подчеркивается отсутствие индивидуальных черт в скульптуре средневековых кочевников [Федоров-Давыдов, 1976, с. 100, 102; Вагнер, 1978, с. 333; Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 81, 84; Традиционное..., 1989, с. 209].

² Как и изображение больших глаз, этот прием известен в мировом искусстве, например, в древней скульптуре Месопотамии [Древние цивилизации, 1989, с. 88 и сл.], в скифской скульптуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 9, 22, 42], в пластике кельтов [Sharkey, 1975, fig. 5], миштеков [Townsend, 1995, fig. 102] и т.д. В произведениях, созданных из пластичных материалов, путем лепки, формовки, отливки и пр. он, видимо, являлся технико-изобразительным приемом. В других материалах прием мог иметь сквоморфные признаки. Например, в традиционной деревянной скульптуре южносибирских тюрков слитная фигура бровей-носа дополнялась металлической (!) накладкой, вероятно, свидетельствующей о том, что мы имеем дело с подражанием металлическому (литому) изображению [Иванов, 1979, рис. 99–102, 104, 105].

³ Слитные брови и нос характерны и для средневековых (литых) бронзовых личин из евразийских степей [Кызласов, Король, 1990, с. 126–129; Курманкулов, 1980, рис. 3, 2]. Л.Р. Кызласов и Г.Г. Король подчеркивают, что на 92% южносибирских бронзовых антропоморфных личин-подвесок VIII–X вв. рельеф бровей и носа совмещен [Кызласов, Король, 1990, с. 129]. На некоторых личинах (авторы относят их к тютятской культуре) кончики бровей загнуты вверх и закручены [Там же, рис. 43, 2; табл. XXXII].

и позе изваяний древнетюркского облика. А.М. Беленицкий отмечает, что в пенджикентских росписях: «В пиршественных сценах... их участники размещаются в совершенно одинаковых позах...» [Беленицкий, 1973, с. 40]. Обычная «пиршественная» поза в живописи Пенджикента: мужчина сидит «по-восточному» (скрестив ноги: правая поверх левой) и держит в правой руке на уровне груди сосуд, а левой упирается в бедро [Беленицкий, 1973, ил. 19] (табл. 22, 1)¹. В правой руке на уровне груди держат сосуд многие пирующие мужчины в росписях Балалык-тепе [Альбаум, 1960]. Чаще всего они сидят, скрестив ноги. Отлично положение левой руки: ею они или жестикулируют, или держат цветкообразный предмет. Рука без

¹ Э. Эсин называет такую позу *bagtaşını*, используя термин из уйгурских источников, и подчеркивает ее ритуальное значение [Esin, 1969, p. 231].

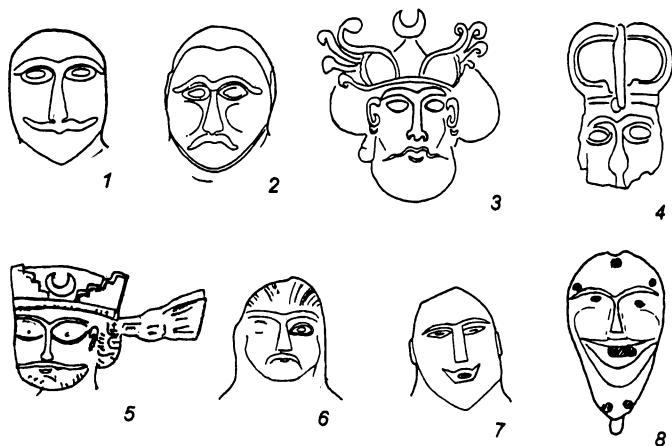

Табл. 21. Приемы изображения черт лица на изваяниях, бронзовых литых изделиях, в торевтике и коропластике:
1, 2 – по Я.А. Шеру; 3, 5 – по В. Marschak;
4 – по Ж. Курманкулову; 6 – по Ф.А. Заславской;
7 – по А.А. Чарикову; 8 – по Ю.А. Трифонову и др.

Табл. 22. Аналогии «пиршественной» позы изваяний в средневековом искусстве:
1 – по М.М. Дьяконову; 2 – по В. Marschak; 3 – по Р. Фраю; 4 – по Silkroad...; 5, 6 – по Н.В. Дьяконовой;
7, 8 – по А. Grünwedel; 9 – по В.П. Даркевичу.

сосуда может свободно располагаться ниже руки с сосудом, касаться верхнего его края¹. Пальцы рук нередко запечатлены в манерном жесте. Подобную особенность также отмечали на древнетюркских изваяниях А.Н. Бернштам [1952, с. 81, 144] и Я.А. Шер [1966, с. 66 – 68]. В «пиршественной» позе представлены и четырехрукие божества на «иконках» из Хотана, предположительно датируемых VI – VIII вв. [Дьяконова, 1961, рис. 5, 2 – 5] (табл. 22, 5, 6). Эта поза известна в средневековой среднеазиатской и иранской торевтике [Marschak, 1986, Abb. 30, 135] (табл. 22, 2, 3). На сходство позы персонажей торевтики с позой тюлькубасского изваяния обратил внимание А.А. Чариков [1989, с. 189]. Положение левой руки на оружии зафиксировано у пирующих персонажей с серебряной чаши VII в. (Северный Тохаристан?) [Marschak, 1986, Abb. 16], с серебряной с позолотой чаши VII – VIII вв. (Иран), на которой несколько мужских фигур изображены в одежде с двумя треугольными отворотами [Silkroad..., 1981, fig. 16] (табл. 22, 4). Очевидное сходство с позой древнетюркских изваяний обнаруживает также поза *адорантов* и *божеств* из росписей буддийских пещерных храмов V – VIII вв. в Восточном Туркестане. Эти персонажи держат кубкообразный предмет (по определению Грюнведеля, *Lampe, Lampengaucher*) в правой руке на уровне груди, левой рукой опираясь на оружие² [Grünwedel, 1912, Fig. 49, 50, 53 etc.; Дьяконова, 1980, с. 186, табл. IV, 4] (табл. 22, 7, 8).

«Пиршественная» поза сохраняется и в мусульманской миниатюре [Пугаченкова, Галеркина, 1979, рис. 18; Даркевич 1984, рис. 5] (табл. 22, 9). Таким образом, в искусстве Востока эта поза оставалась канонической на протяжении нескольких веков (см. подробнее [Esin, 1969])³.

«Пиршественная» поза, представленная в среднеазиатском, иранском и восточнотуркестанском искусстве, была близка и понятна тюркским кочевникам, потому что отвечала их традиционному этикету. У современных тюркоязычных народов зафиксирован древний обычай передавать, принимать и держать при питье сосуд с сакральным напитком *правой* рукой, которая у тюркских и монгольских народов считается «рукой благодати» [Потапов, 1951, с. 167, 169; Жуковская, 1989, с. 258; Тадина, 1992, с. 107].

Редко встречающаяся на изваяниях древнетюркского облика поза с сосудом в обеих руках на уровне *груди* сходна с таковой без сосуда [Ермоленко, 2002]. В.Е. Войтов указывает, что изваяния со сведенными на груди руками (чаще без сосуда) известны на па-

мятниках VIII в., сооруженных в честь представитель древнетюркской знати – Кюль-тегина, Тоньююка и др. [Войтов, 1987, с. 101]. Подобные изваяния из Унгету В.Е. Войтов датировал второй половиной 40-х гг. VII в. [Войтов, 1987, с. 106]. Однако поза со сведенными на груди руками существовала в средневековом китайском этикете как выражение смиренной почтительности¹. В позе с соединенными на груди руками, кисти которых скрыты в складках длинных рукавов, нередко изображались персонажи китайского, корейского и японского средневекового искусства. Кроме того, такая поза (с сосудом и без него) известна в средневековом культовом искусстве Центральной и Средней Азии, например, в росписях пещер Восточного Туркестана [Haussig, 1992, Abb. 343; Grünwedel, 1912, fig. 52, 73, 426, 427, 506], на терракотовых статуэтках VII в. из городища Куйруктобе в Южном Казахстане [Байпаков, 1990, с. 67].

Общим для искусства восточных цивилизаций и изваяний группы 1 является внимание к одним и тем же деталям. В этом отношении произведения торевтики и монументальной живописи отвечают определению «этнографического реализма»², свойственного, наряду с сильной условностью, «официальному искусству»³ [Кошеленко, 1977, с. 81]. Анализируя среднеазиатскую настенную живопись VI – VIII вв., Г.А. Пугаченкова и О.И. Галеркина подчеркивают, что лица персонажей росписей не индивидуальны, а выполнены в соответствии с каноном. Более того, «пол молодых персонажей по лицам не определить – он распознается лишь по одеждам, прическам и атрибутам, возраст мужчин передается лишь наличием или отсутствием лицевой растительности (последнее может быть также этническим признаком – Л.Е.), возраст женщин вообще неразличим. Но разнообразию костюмов, украшений, вооружения художники уделяют большое внимание...» [Пугаченкова, Галеркина, 1979, с. 10]. Позднесогдийскую короoplastику, по мнению В.А. Мешкерис [1974, с. 95], также отличает «подчеркнутое внимание к рангам и сословным признакам». Прическа, костюм, предметы воо-

¹ Ср.: свободное положение левой руки на некоторых изваяниях.

² Одежда некоторых персонажей росписей имеет двусторонние отвороты. По мнению Н.В. Дьяконовой [1980, с. 185], исследовавшей одежду Восточного Туркестана II – VII вв., наличие одно- и двусторонних отворотов было «одной из самых характерных особенностей» одежды данного региона.

³ Э. Эсин считает, что изображение центрального персонажа композиции из Хуль-Асхете-1 (Ихэ-Асхете) послужило прототипом изображений тюркских правителей с чашей вплоть до конца сельджукского времени [Esin, 1969, p. 232].

¹ Ср.: в такой позе представлены данники на художественном свитке середины VIII в. [Albaum, Brentjes, 1976, Taf. 32]. Любопытный факт зафиксирован в ЦТШ и СТШ в биографии китайского вельможи Ли Гуэя [Li Kuei], отправленного императором в ставку Хэли-кагана для установления дружественных отношений. Каган непременно хотел заставить Ли Гуэя преклонить колени. Проведав о том, Ли Гуэй все же при встрече с каганом держался с подобающим достоинством: он ограничился глубоким поклоном, соединив при этом руки [Liu Mau-tsai, 1958, S. 277]. По сведениям Н.А. Тадиной, любезно сообщенным мне в письме, у алтайцев бытует «почтительная поза – сомкнуть руки на груди, при этом слегка склонив голову».

² Точнее будет сказать, «сословно-этнографического». Г.А. Кошеленко так определяет этот вид реализма: «Для него характерны пристальное внимание и тщательная передача всех реалий: одежды, украшений, оружия и особенно атрибутов социального ранга» [1977, с. 86].

³ То есть искусства, выражающего господствующую идеологию стратифицированного общества, в противоположность традиционному искусству.

ружения, украшения были как раз теми реалиями, которые изображались на более или менее детализированных изваяниях древнетюркского облика. Поэтому западнотюркские изваяния столь сходны с (тюркскими) персонажами из росписей Афрасиаба [Альбаум, 1975, с. 30 – 31]. Как верно подметил Ю.А. Мотов [1996, с. 34], воин на изваяниях изображен в «лучшем возрасте»¹, как и тюрки в живописи Афрасиаба. Пол реалистично изваянных безусых и безоружных индивидов неопределим. Как и в монументальной живописи, критерием пола служит одежда (например, накидки без рукавов). Как установил Я.А. Шер [1966, с. 58], в древнетюркской скульптуре изображались не только воины, но и представители невоенной аристократии.

Характерно, что образ, запечатленный на изваяниях, совмещает в себе черты, присущие как монументальной живописи, так и пластике малых форм среднеазиатского (прежде всего, согдийского) искусства. Изваяния сходны с росписями детализацией, а с терракотой и, особенно, коропластикой² – пластическими формами. Данное обстоятельство может быть датирующим признаком. Дело в том, что такое смешение художественных приемов в облике изваяний, видимо, отражало действительное взаимодействие соответствующих видов согдийского искусства. По мнению Б.И. Маршака [1987, с. 239], это произошло в VII в., когда «...все виды художественного творчества, ранее довольно разобщенные, начинают тесно взаимодействовать, причем видно, как они, один за другим выходят из относительной изоляции».

Таким образом, можно говорить о наличии общих черт в скульптуре западных тюрков и в среднеазиатском (главным образом, согдийском) искусстве. По всей видимости, эта общность возникла вследствие обращения древних тюрков к искусству соседних цивилизаций в поисках изобразительных средств для выражения идеологии становящегося потестарного общества [Савинов, 1981, с. 247], главенствующую роль в котором играло военное сословие. С.Г. Кляшторный, основываясь на древнетюркских текстах, пишет, что «политическая доктрина» этого общества отражала «взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплемеников и господству над ними» [1994, с. 67].

Монументальная каменная скульптура была инновацией в культуре древних тюрков [Кляшторный, 1984, с. 43], но традиционным, по всей видимости, было примитивное антропоморфное изображение.

Так, в погребениях древнетюркского времени могильника Кокэль найдены две «куклы». Основа одной из них состояла из жгутов сена, обшитых китайской тканью. Кукла была подпоясана кожаным поясом

с золотыми бляшками. Другая кукла была сделана из китайского шелка [Абрамзон, 1971, с. 332]¹.

Э. Шефер приводит данные китайского источника о том, что «тюрки вырезали из куска войлока изображение божества, а когда переключивались, хранили его в кожаном мешке, пропитанном благовониями, и поклонялись, повесив это изображение на столб» [1981, с. 267]. Менандр сообщал о замеченных византийскими посланниками в ставке западнотюркского кагана Дизавула кумирах, «различных видом» [1860, с. 379]. По сведениям Рубрука и Марко Поло, «мягкую» скульптуру изготовляли также средневековые монголы. Рубрук писал [1957, с. 130]: «...они делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценными тканями и кладут на одну повозку или на две. ...Если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами Моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их». Марко Поло отметил существование подобного изображения «земного бога» Начигая: «Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов» [Книга..., 1990, с. 81]².

В традиционной культуре современных тюркских и монгольских народов, в том числе среднеазиатских тюрков, зафиксированы антропоморфные изображения. Функции кукол были многообразны: они считались хранителями домашнего очага, от них зависело благополучие семьи, удача в промысле и хозяйственных делах, они помогали излечивать болезни или навлекать беду на недругов. У тюрков Средней Азии (киргизов, казахов) бытовало также изображение умершего – *тул*³. Традиционным антропоморфным изображениям, как правило, был присущ двухкомпонентный состав: основа + натуральная одежда (ср.: [Грязнов, 1964, с. 74]). Основа могла быть довольно реалистичной деревянной скульптурой с крепящимися на ремнях конечностями, шестом с перекладиной, аморфным слитком свинца или олова, стебельком чия и т.д.

Воссоздание облика человека в соответствии с нормами традиционной изобразительности не требует специализированных навыков. Сами эти нормы, по необходимости, просты. Большая или меньшая искусность изображения обуславливается неодинаковыми способностями их создателей. Судя по всему, подобным потенциалом традиционных изобразитель-

¹ Деревянные статуэтки с остатками одежды были обнаружены в могильнике Кокэль, также в погребениях гунно-сарматского времени [Вайнштейн, 1974, с. 37, рис. 25].

² У монголов существовало золотое скульптурное изображение Чингисхана – атрибут формирующегося государственного культа. А.Г. Юрченко полагает, что происхождение этого изображения было связано с традицией онгонов [2000, с. 22].

³ Б.П. Шишло пишет: «Интересно, что обычай “делать тул”, являвшийся, по-видимому, когда-то общетюркским, укоренился лишь в Средней Азии и совершенно неизвестен у тюркоязычных народов Саяно-Алтая, в языках которых сохранилось лишь воспоминание о нем» [1975, с. 251]. Ср.: «тул» – вдова у хакасов в течение года после смерти мужа, вплоть до последних поминок [Бутанаев, 1987, с. 162].

¹ Здесь уместно сослаться на сообщение Суйшу о том, что тюрки «презирали старость и ценили молодость» [Liu Maitsai, 1958, S. 41].

² Изваяния сходны с коропластикой также общими пропорциями, например, соотношением высоты головы и торса [Шер, 1966, с. 14; ср.: Мешкерис, 1974, с. 43].

ных средств располагали и древние тюрки. Естественно, для воплощения монументального и детализированного (сословного) облика они должны были прибегнуть к отвечающим их запросам образцам чуждого искусства и, вероятно, не чуждались услуг иностранных мастеров. Установлено, что культурные заимствования совершались лишь при условии понятности, узнаваемости заимствуемых инокультурных феноменов. Представляется, что детали некоторых образов (сами образы и даже сюжеты) чужеземного искусства оказались близки тюркам благодаря тому, что становление героизированной идеологии древнетюркского потестарного общества было тесно связано с героическим эпосом¹. Именно *эпическое, героическое*, прежде всего, привлекало, было понятным в чужом искусстве. Между тем, в согдийском искусстве того времени была широко представлена «героическая» тематика, выраженная в живописи сценами баталлий, конной охоты, «героизированными сценами пиров». Б.И. Маршак отмечает: «Такой подчеркнута героизированной трактовки нет вне Когда VII – VIII вв.» [1987, с. 242; ср: Marschak, 1986, S. 287].

Что касается приема слитного изображения бровей и носа (=соединенные на переносице брови), то мы уже отмечали аналогичную деталь в словесном «портрете» богатыря в тюркском героическом эпосе [Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985, с. 145 – 146]. Например, о младенце – будущем богатыре его мать говорит: «*Брови его соединены, – сказала. / Шкуры шестидесяти барсов, / Ногами расшвыряв, отбрасывает*» [Маадай-Кара, 1973, с. 269].

Р.С. Липец отметила «общее место» в описании внешности якутских богатырей: «Писанные брови его были, словно два серых горноста, *легшие ногами друг к другу*» [1984, с. 39]². В хакасском героическом эпосе (вариант С.П. Кадышева) «соединенные» (сросшиеся) брови имеет и женский персонаж – злобная Пора-Нинчи [Алтын-Арыг, 1988, с. 524].

Образ эпического богатыря характеризуется также огромными, нередко сияющими глазами. Например, о Манасе говорится: «Глаза его – как впадины озер» [Манас, 1988, с. 442]. «Озероподобные», «подобные синим звездам» глаза Маадай-Кары [Маадай-Кара, 1973, с. 260, 268]. В алтайских героических сказаниях имеются и другие сравнения глаз богатыря: «как две чашки», «светятся как два черных озера» [Никифоров, 1915, с. 75, 182]. В якутских олонхо «круглые» богатырские глаза уподобляются «витым кольцам узды» [Нюргун..., 1947, с. 103].

Большие глаза, на наш взгляд, не только эпическая гипербола. Как и сведенные на переносице брови,

¹ М.П. Грязнов, справедливо связывавший феномен героического эпоса с героическими эпохами (ср. мнение специалистов: [Пропп, 1955, с. 30; Мелетинский, 1986, с. 288]), на основании археологического материала предположил, что героический эпос современных тюрко-монгольских народов восходит к скифо-сарматскому времени [Грязнов, 1961, с. 7].

² ср.: Кукотай-хан говорит о Манасе, что у того «насупленные брови и холодно лицо» [Валиханов, 1985, с. 92]. Кобланды характеризуется как батыр «с нахмуренными бровями» [Кобланды-батыр, 1975, с. 336, 332, 364].

ви, они являются внешним проявлением *ярости* – обычного состояния богатыря накануне и во время сражения [Ермоленко, 19986]. Богатырский гнев в эпосе описывается как крайнее телесное напряжение¹. Выпученные же глаза, как писал М.М. Бахтин, «свидетельствуют о чисто телесном напряжении» [1990, с. 351]. С другой стороны, «жгучесть» гнева передается пламенем (реже – холодом), которым пышет лицо, но чаще оно вырывается из *глаз*, как, например, у пришедшего в гнев Манаса [Манас, 1988, с. 368]. В казахском эпосе степень богатырского гнева выражается в том, что у богатыря «снег намерзает на бровях, ресницы покрылись льдом» [Кобланды-батыр, 1975, с. 238]. Устрашающий вид (и взгляд, и голос) разгневанного богатыря выдавал его свирепую, кровожадную натуру – таково было эпическое понимание доблести [Ермоленко, 1995]².

И, наконец, «пиршественная» поза ассоциируется с эпическими пирами богатырей. На этом вопросе мы остановимся подробнее при рассмотрении семантики атрибутов изваяний.

Иконография изваяний древнетюркского облика свидетельствует о *формирующемся* каноне³ варварского «официального» искусства, эпического по своему духу. Формирование канона не было завершено, более того, наряду с немногими мастерски выполненными статуями, основная часть изваяний изготовлена довольно примитивно, непрофессионально, нередко из камней, напоминающих человеческую фигуру. Это уже не традиционное искусство⁴ (хотя бы потому, что удовлетворяет сословные запросы), но оно еще не порвало с традиционной изобразительностью. Если в отношении реалистичных изваяний (особенно изделий среднеазиатских мастеров) можно предположить, что они раскрашивались, подобно любому скульптурному изображению в средневековом культовом или официальном искусстве⁵, то примитивные чаще одева-

¹ Ср.: разгневанный Нюргун Боотур Стремительный «вздулся как каменная скала», его «волосы..., опущенные до лопаток плеч, вверх вздыбились на темени, словно хвост жеребенка; мускулы зазвенели, как тетива лука; сильные мышцы, крупные мускулы вкривь и вкось стянулись...» [Нюргун..., 1947, с. 177].

² Ср.: Ю.А. Мотов предположил, что лицо древнетюркского изваяния воина «...очень сходно с маской гнева, бешенства» [1996, с. 34].

³ Н. А. Иофан предложила именовать формирующийся канон «протоканон» и так определила последний: «...в протоканоне налицо сложившаяся норма художественного образа, в которой наряду с семантикой задан также и способ изображения (стиль, техника), несмотря на то, что присущая системе канона детализованная нормативность еще отсутствует» [Иофан, 1973, с. 26].

⁴ Представляется, что от произведений традиционного искусства древнетюркские изваяния отличаются также асимметрией образа (асимметрией «функциональной» позы и атрибутов).

⁵ Особенности ваения некоторых деталей, вероятно, возникли вследствие раскрашивания изваяний. Например, на изваяниях с косами волосы на лбу иногда не детализировались – они могли дорисовываться краской. Точно так же глубокий треугольный вырез на груди, возможно, намечал внутренний контур отворотов, тогда как сами отвороты изобра-

лись в натуральную одежду. Вероятно поэтому, наряду с изваяниями с обозначенной позой, существуют погрудные изваяния (=кукла), которые одевали как аналогичные традиционные изображения¹. Скульптура древнетюркского облика часто рассчитана на осмотр спереди, что тоже сближает ее с традиционной пластикой². Вообще, будучи элементом культового сооружения, она не являлась самодовлеющей.

Показательно, что западотюркские изваяния несколько отличаются от восточнотюркских как реалиями, так и иконографическими особенностями. Для изваяний Алтая, Тувы, Монголии нехарактерна прическа с шестью – восемью косами на спине³, зато обычен головной убор [Чариков, 1979, рис. 2], что, видимо, объясняется китайским влиянием; редко изображается халат с двухсторонними отворотами (элементы одежды вообще воспроизводятся реже, чем на западотюркских изваяниях), кубки на фигурной ножке и чаши не являются преобладающими формами сосудов [Шер, 1966, с. 43; Чариков, 1979, рис. 4]. Оружие с кольцевым навершием, широко представленное на среднеазиатско-казахстанской скульптуре, редко изображается на изваяниях Монголии и Южной Сибири (ср.: [Худяков, 1986, рис. 68]). Западотюркские изваяния в целом характеризуются своеобразием приемов ИЧЛ. В противоположность среднеазиатско-казахстанской, в южносибирской скульптуре не преобладают приемы с большими глазами и слитным барельефом бровей и носа. Примерно половина алтайских и более половины тувинских изваяний характеризуются «безбровыми» приемами ИЧЛ (=надбровье совмещено с носом, либо к носу прижимают глаза, а надбровье не выделяется). Наконец, на западотюркских изваяниях чаще, чем на восточнотюркских⁴, бывают детализированы ноги (ср.: [Савинов, 1984, табл. VIII]).

Своеобразие западотюркских изваяний по сравнению с восточнотюркскими, вероятно, отражает обособленность державы западных тюрков с начала VII в. и еще раз подтверждает, что основная масса известных нам западотюркских изваяний относится ко времени не ранее VII в.

жались краской. Краской мог быть нарисован пояс на изваяниях, на которых показаны оружие и предметы, висящие «сами по себе» в таком положении, как если бы были привешены к поясу. На фигурах с украшениями (например, с браслетами), но без одежды, последняя вряд ли отсутствовала. Скорее всего, она также изображалась краской.

¹ Недаром А.Д. Грач, отметив общность пропорций погрудных и полнофигурных изваяний, предположил, что в случае погрудных подразумевалась полная фигура [Грач, 1961, с. 54].

² Интересные наблюдения о том, что «эстетически неразвитый» зритель довольствуется созерцанием скульптуры (даже круглой) анфас, приводит в своей статье Н.Н. Волков [1971, с. 287].

³ На Горном Алтае найдены два изваяния с косами (?) на спине [Кубарев, 1984, табл. XL, 224; Кубарев, Кочнев, 1988, табл. V, 6]. Изображение кос предполагает Д. Баяр на одном изваянии из Центральной Монголии [1997, рис. 4]

⁴ Не считая сидящих круглых скульптур из «княжеских» комплексов Монголии.

Иные изобразительные особенности присущи изваяниям кыпчакского облика. Изваяния группы 2 воспроизводят предельно обобщенный образ с минимумом деталей – уже не атрибутов сословной принадлежности, а реалий «телесной» жизни (объемный сосуд у чрева, половые признаки). Такая трактовка антропоморфного образа соответствует концепции «гротескного» тела М.М. Бахтина¹, исследовавшего феномен народной средневековой западноевропейской культуры в творчестве Ф. Рабле. Однако Бахтин отмечал универсальность и глубокую древность «гротескного канона»². Кроме того, он подчеркивал родовую сущность гротескного тела. Вполне сообразуется с гротескным образом тела изображение углубленных или выпуклых глаз и рта, но и отсутствие глаз [Бахтин, 1990, с. 351]. «Телесная жизнь», по М.М. Бахтину, заключается в отправлениях естественных потребностей тела (еда-питье, совокупление, смерть, рождение и пр.). О.М. Фрейденберг писала, что эти «биологические моменты», наряду с актами труда, интерпретировались древними космогонически, были метафорами мифологического сознания [Фрейденберг, 1936, с. 55]. Само «гротескное» тело космично, сообразовано со структурой космоса [Бахтин, 1990, с. 353]. В этом плане не случайна локализация сосуда на изваяниях в телесном «низу». Налицо соотношение образов «сосуда» и «чрева/материнской утробы», «пищи» и «чрева», «кизобилия» и «плодовитости-деторождения».

Характерно симметричное строение образа, запечатленного на изваяниях кыпчакской традиции. Антропоморфному изображению в традиционном творчестве нередко придается *симметричная* поза. Она, в частности, достигается положением рук, когда они бывают одинаково опущены или разведены в стороны, воздеты вверх или соединены на поясе. Симмет-

¹ М.М. Бахтин так характеризует родовое «гротескное» тело: «...гротескное тело не ограничено от остального мира, не замкнуто, не завершено, не готово, перерастает себя самого, выходит за свои пределы. Акценты лежат на тех частях тела, где оно либо открыто для внешнего мира, то есть, где мир входит в тело или выпирает из него, либо оно само выпирает в мир, то есть на отверстиях, на выпуклостях, на всяких ответвлениях и отростках: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос» [1990, с. 33]. Термин «гротескный» условен. В синкретической культуре традиционного (родового) общества «смеховая» обрядность не обособливалась. О.М. Фрейденберг пишет, что аспектами персонажа родовой эпохи являются «смех» и «слезы», что сказывается и в обрядах. При этом она поясняет: «Смех» и «слезы» – это метафоры смерти в двух ее фазах, возрождения и умирания, и ничего больше» [Фрейденберг, 1978, с. 87, 98].

² Он писал: «Гротескный тип образности (то есть метод построения образов) – это древнейший тип: мы встречаемся с ним в мифологии и архаическом искусстве всех народов, в том числе, конечно, и в доклассовом искусстве древних греков и римлян. И в классическую эпоху гротескный тип не умирает, но, вытесненный за пределы большого официального искусства, продолжает жить и развиваться в некоторых «низких», неканонических областях его: в области смеховой пластики, преимущественно мелкой и т.д.» [Бахтин, 1990, с. 38, 353]. Е.В. Антонова подтвердила этот тезис на примере антропоморфной скульптуры древних земледельцев Передней и Средней Азии [1977, с. 10].

рия – категория мировоззренческая. О.М. Фрейденберг считала ее проявлением ритма, отражавшего поларизацию основных образов первобытного сознания [Фрейденберг, 1978, с. 56; Вагнер, 1987, с. 76 – 77].

На наш взгляд, архаичное восприятие человеческого образа в иконографии изваяний группы 2 выражено также в том, что большинство из них изображают неопределимого по полу индивида – «человека вообще»¹. Подобное представление о «бесполом» (=обоим полом) человеке у нганасан приводит Н.Г. Грачева. Информатор сообщал, что, делая антропоморфную фигуру «койка» из камня, песка или снега, нганасан «рот большой у него сделает и руки большие. Туловище, неважно какое, большое или маленькое, как человек, ноги будут. Кодюма (мужчина) или ны (женщина) не покажет. Неважно это. Только как люди (курсив наш – Л.Е.)» [Грачева, 1976, с. 56]. У тюрков Южной Сибири существовали представления о недифференцированности полов людей (например, в детском и юношеском возрасте, старости, а также в зрелом возрасте – в браке) и божеств [Традиционное..., 1988, с. 172, 189; Традиционное..., 1989, с. 187, 203, 215 и др.]. Авторы трилогии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» полагают, что такое неразграничение полов, равно как и мифологема *двудиного предка* (матери/отца), восходит к недифференцированным первобытным представлениям о полах [Традиционное..., 1989, с. 40 – 41; Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 49]. О.М. Фрейденберг объясняла подобные представления нерасчлененностью первобытного сознания, вследствие чего первобытный человек считал «...каждого члена ...безличной людской группы ...равным другому, а также и всем вместе» [1978, с. 25]. Следовательно, образ «человека вообще» в традиционной изобразительности – также отголосок нерасчлененного мифологического сознания. Показательно и то обстоятельство, что одно из изваяний Шетского комплекса сочетает женские (грудь) и мужские (фаллос) половые признаки.

Кроме того, в скульптуре группы 2 значителен пласт погрудных изваяний (известно, что традиционное антропоморфное изображение характеризуется акцентом на голове, лице). Погрудные изваяния, отличаются стеловидностью: их объем максимально приближен к исходной форме монолита, впрочем, как и многих изваяний с сосудом в обеих руках.

Изваяния кыпчакского облика одевались в натуральную одежду². В некоторых случаях она изображалась краской, пример тому – фигура из комплекса Жинишке (рис. 48, 80). Уже говорилось, что одежда дополняла погрудные изображения; не менее необходима она была и для фигур с подчеркнутыми

признаками пола. Нагое тело не обнаруживает социальных признаков. Их являют одежда, украшения и прочие вещные принадлежности тела. Антропоморфные существа иного мира также не мыслились вне некоего потустороннего социума, в конечном счете, подобного земному. В облике этих существ, так или иначе, отражался внешний вид их создателей, поэтому одежда была неотъемлемой частью традиционных антропоморфных изображений.

Способ стилизации бровей и носа единым барельефом на изваяниях группы 2 специфичен. Как уже отмечалось, крупные глаза чрезвычайно редки на лицах изваяний группы 2. Нос изваяний кыпчакского облика, как правило, схематичный (даже геометризованный), в отличие от реалистичного (с выделенными крыльями) носа изваяний древнетюркского облика. При этом брови изваяний группы 2 в рассматриваемом способе либо имеют естественные очертания, либо неестественно удлинены. Аналогичные формы бровей и «надбровья» могут свидетельствовать в пользу того, что брови изображались на «надбровье» краской¹. Доля слитных бровей и носа велика: примерно половина всех изображений с различимыми приемами ИЧЛ. Однако можно предположить, что прием совмещенных с носом бровей на изваяниях кыпчакского облика имел иной смысл, чем на древнетюркских. Выше мы рассмотрели эпическое значение соединенных бровей, иначе они могли осмысливаться в традиционной культуре. Так, Р. Карутц в начале нашего века записал на Мангышлаке поверье о том, что «сросшиеся брови приносят счастье: мужчина будет иметь красивую жену, а женщина будет любима мужем» [1910, с. 135].

Большее, по сравнению с группой 1, разнообразие приемов ИЧЛ изваяний группы 2 может объясняться принадлежностью последних к традиционному искусству². Соответствие скульптуры группы 2 нормам традиционного творчества, вероятно, отражало архаизацию идеологии создавшего их общества по сравнению с Западнотюркским и Тюркешским каганатами. По крайней мере, произошло замещение «сословного» аспекта «родовым». Произведенный анализ изобразительных особенностей изваяний кыпчакского облика, как нам кажется, подтверждает существующее предположение о том, что изваяния с сосудом в обеих руках из Семиречья и казахстанских степей изображали предков. Резкая смена (без четко выраженного переходного этапа)³ извая-

¹ А.М. Досымбаева в своих работах, посвященных изваяниям из святилища Мерке [2002, 2002а], относит многие неопределимые по полу изваяния к мужским или женским, не указывая четких критериев разграничения.

² Ср.: в двух случаях в половецких святилищах – ямах, впушенных в курганную насыпь, на (деревянных) изваяниях зафиксированы остатки ткани [Гуркин, 1987, с. 108]. В кургане 12 Новоаксайского могильника найдено деревянное женское изваяние, кончики пальцев которого были украшены серебряной фольгой [Гуркин, 1998, с. 29].

¹ Это могло иметь место и на изваяниях группы 1. О возможности раскрашивания лиц каменных половецких изваяний к тому же свидетельствует тот факт, что на лицо (кроме глаз и губ) изваяния из святилища в кургане 5 могильника «Потайной-II» была нанесена белая краска [Гуркин, 1988, с. 36].

² Приемы ИЧЛ, свойственные изваяниям группы 2, также имеют аналогии в литых изделиях [Трифонов, Ахинжанов, Ермолаева, 1987, рис. 74, 17] (табл. 21, 8).

³ Хотя традиция сооружения изваяний древнетюркского облика могла местами сохраняться. Возможно, «безликое» изваяние из Курдайского р-на Жамбылской области было изготовлено во время распространения ислама [Байбосынов, 1996, с. 69].

ний группы 1 изваяниями группы 2, очевидно, не была следствием эволюции, но имела основой изменение этнополитической ситуации.

В качестве примера самобытности иконографии обеих групп можно привести изваяние из Астаны (рис. 2, 5). Моделировка головы и торса этого изваяния резко отличается от манеры исполнения деталей на его передней грани. Прием ИЧЛ – очень простой, «нехудожественный», черты лица воспроизведены выбивкой, на торсе невыразительными выпуклостями передана «девичья» грудь; на боковых плоскостях барельефом изображены уши с серьгами. Подобные серьги с шаровидной подвеской на коротком стерженьке типичны для изваяний древнетюркского облика. Очевидно, детали лица и грудь нанесены рукой «профана» на заготовку, выполненную мастером, но, возможно, первоначальное изображение было стесано с передней стороны фигуры. Таким образом, мы имеем дело с фактом переиспользования изваяния древнетюркского облика или его заготовки.

Другой пример – изваяние из музея Кокчетав (Кокшетау) (рис. 1, 2). Пока это единственное изваяние, поза которого характерна только для скульптуры древнетюркской традиции (с сосудом в одной руке), тогда как прием ИЧЛ, детали на торсе (женская грудь и половой орган) присущи лишь скульптуре кыпчакской традиции. Кроме позы, таким образом, статуя ничем не отличается от изваяний кыпчакского облика. Последний пример, на наш взгляд, демонстрирует также преемственность традиций, отсутствие временного разрыва между ними. Об этом же свидетельствуют изваяния с птицей, которые имеются как в группе 1, так и в группе 2. Изваяния древнетюркского облика с птицей найдены в Семиречье, Центральном и Восточном Казахстане, тогда как подобные статуи кыпчакского облика только в Семиречье. Изваяния с птицей, между тем, не представляются обособленным видом, поскольку они найдены в связи с типами сооружений, свойственных для обеих групп, а также в комплексе с изваяниями групп 1 и 2 обычной иконографии [Байбосынов, 1996, с. 110 – 111] (рис. 67; 68, 115, 116).

Поиски истоков иконографии образа, воплощенного в изваяниях группы 2 уводят к особой разновидности древнетюркской скульптуры восточного ареала азиатских степей – изваяниям уйгурского периода Юго-Западной Тувы VIII – IX(X) вв. Эти, большей частью, *объемные и довольно реалистичные* изваяния изображают мужчин с сосудом в обеих руках. У них бывают показаны головной убор или прическа, пояс с многочисленными привесками [Кызласов, 1969, с. 80 – 82]. С собственно древнетюркской скульптурой их сближает подробная передача реалий, а также то, что они, главным образом, мужские¹. Следует отметить, что руки, поддержи-

вающие сосуд, обычно не расположены строго симметрично [Евтюхова, 1952, рис. 21, 24, 25, 26, 40, 3, 48 и др.]. Эти характеристики, возможно, указывают на непосредственную связь данных изваяний с древнетюркскими¹. Однако в наборе реалий, канонической позы изваяний уйгурского времени можно усмотреть отречение от идеала героя-воина, воплощенного в древнетюркских изваяниях с оружием. Символ воина – оружие изображается на тувинских изваяниях с сосудом в обеих руках в исключительных случаях [Евтюхова, 1952, рис. 21; Кызласов, 1969, рис. 27, 1 – 3]². Сама поза создает впечатлительные умиротворения, внутренней сосредоточенности. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие деталей одежды, украшений (серег, например) у наиболее реалистично выполненных изваяний с тщательно проработанным поясом, головным убором или прической. Более того, фигура может быть с обнаженной (имеются случаи изображения мужской и женской (?) груди) [Евтюхова, 1952, рис. 21; 22, 2; 32, 1, 2; 41].

Перечисленные особенности позволяют предположить, что в иконографии изваяний уйгурского времени отразилась религиозная доктрина ненасилия, каким-то образом сочетавшаяся с идеологией воинствующих кочевников, каковыми были завоеватели Тувы – уйгуры³. Показательна в этом плане характеристика уйгуров, содержащаяся в китайском источнике IX в.: «Уйгуры сами себя называют любимцами неба, принимают *личину гуманности и справедливости* и бесчинствуют жестоко, зверски обращаются со всеми [нашими] вассальными племенами» [Супруненко, 1963, с. 73]. Под «личиною справед-

нагрудные бляхи панциря» [Евтюхова, 1952, с. 94]. Фотография и описание этого изваяния приводятся в работе С.И. Вайнштейна. Судя по наличию «сосков», округлости более подходят на грудь, хотя С.И. Вайнштейн отождествляет их с бляхами, поскольку на лице изваяния имеются усы [Вайнштейн, 1974, с. 68 – 69]. Любопытно, что усы, равно как и глаза, изображены углубленной линией, тогда как голова в остальном объемна.

¹ О непосредственной связи изваяний уйгурской традиции с древнетюркскими изваяниями может свидетельствовать иконография изваяния из ур. Кёжээлиг-Алаак [Леус, 2000, с. 228]. На этом изваянии, изображающем мужчину-воина с сосудом в правой руке и оружием, показан пояс с лировидной бляшкой, ремешками. Кроме пояса, на изваянии воспроизведена прическа, характерная для изваяний уйгурской традиции.

² Хотя на поясах изваяний уйгурского периода оружие, как правило, не изображалось, такие пояса встречаются в погребениях воинов [Вайнштейн, 1954, табл. VIII, 9].

³ Л.Р. Кызласов указал на сходство поясов, изображенных на тувинских изваяниях, с поясами уйгуров из восточнотуркестанской живописи [Кызласов, 1969, с. 82.; ср.: Худяков, 1983, с. 152, рис. 4]. Признавая, что распространение изваяний с сосудом в обеих руках в Туве связано с пребыванием здесь уйгуров, многие исследователи весьма осторожны в их этнической атрибуции [Савинов, 1994, с. 132 – 133]. Вероятно, на их позицию повлияла точка зрения В.В. Бартольда [1966, с. 382], отрицавшего обряд установления изваяний у уйгуров на основании отсутствия таковых около памятников уйгурских каганов.

¹ Неопределимо по полу одно изваяние (р. Хемчик) с довольно крупными округлыми выпуклостями на груди («девичья» грудь?) [Кызласов, 1969, рис. 27, 4]. Относительно еще одного изваяния с этой же реки Л.А. Евтюхова предположила, что рельефные круги на его груди могут означать как «женские признаки», так и «детали одежды и

ливости и гуманности» здесь, по-видимому, имеются в виду манихейские воззрения уйгуров, исповедовавших эту религию с 763 г.

Особая роль в манихейском культе отводилась изобразительному искусству. По преданию, сам Мани был художником [Беленицкий, 1954, с. 67]. Возможно, в тувинских изваяниях отражена попытка приспособить к манихейскому культу кочевнический обычай¹.

Идеи манихейства, на наш взгляд, могли найти отражение в следующих чертах облика уйгурской скульптуры:

– *отсутствие оружия*. Манихейство осуждало кровопролитие, ибо в соответствии с учением о переселении душ, «душа убийцы переселяется в душу человека, которому суждено быть убитым» [Кац, 1955, с. 174].

– *отсутствие одежды, украшений*. Манихейство проповедовало аскетизм. Манихеи, особенно «избранные», не должны были носить украшений. В живописи из Кочо изображен Мани, в мочках ушей которого видны отверстия от серег [Klimkeit, 1990, Abb. 41]², как и у Будды [Franz, 1987, Abb. 53]. Поскольку центральноазиатское манихейство имело буддийскую окраску, то эта деталь могла возникнуть под влиянием буддийской иконографии. Отсутствие одежды может быть объяснено также попыткой передать белое одеяние манихейских праведников.

– *наличие сосуда в обеих руках*. В соответствии с манихейским учением, транспортировка души умершего на небо совершалась при наличии сосуда или даже при посредстве его. К умирающему праведнику Первочеловек посылал божеств; среди предметов, которые они приносили с собой, был *сосуд для воды* [Wassergefäß]³. Посланники «берут праведника, облачают его в корону, венец и одежду, дают ему сосуд для воды в руку»⁴ [Kessler, 1889, S. 399]. Манихеи Римской империи верили, что сын бога Света «создал для спасения душ машину с двенадцатью сосудами (=водяное колесо – Л.Е.), которая, обращаясь, подымает вверх души умерших» [Кац, 1955, с. 173].

Вообще, в позе *со сведенными* (как у пояса, так и на груди) *руками* (кисти прикрыты рукавами) нередко представлены уйгуры – приверженцы манихейства или буддизма – в средневековой манихейской и буддийской живописи из пещер Турфана [Härtel, Yaldiz, 1987, S. 168; Franz, 1987, Abb. 52; Klimkeit, 1990, Abb.

¹ К. Мэкирас подчеркивает, что принятие манихейства уйгурами не означало искоренения традиционных культов, особенно у окраинных племен уйгурской империи [Mackerras 1990, p. 334 – 335] и, кроме того, упоминает о сведениях относительно существования на западной окраине (!) уйгурского государства еретической секты, проповедовавшей отказ от некоторых крайне аскетичных обычаев манихеев [Ibidem, p. 334].

² Ср.: изображения уйгуров с вынутыми из ушей серьгами (в мочках имеются отверстия) известны в Безеклике (Турфан) [Härtel, Yaldiz, 1987, fig. 83].

³ Манихеи почитали воду, считали ее «чистой».

⁴ А.М. Беленицкий перевел «in die Hand» как «в руки» [1954, с. 76].

41]. Напомним, что предположение о заимствовании позы изваяний («сложенные руки с чашей на поясе») из буддийской иконографии было высказано А.Н. Бернштамом [1952, с. 143 – 144], обратившим также внимание на сходство позы изваяний с позой некоторых китайских статуй. Поза статуй с сосудом в обеих руках на уровне живота в особенности соответствует иконографии будды Амитабхи («неизмеримый Свет») ¹, изображающегося в позе созерцания² с чашей подаяния в руках. В танском Китае изображения Амитабхи были распространены повсеместно [Меньшиков, 1990, с. 41; ср.: Дьяконова, 1947, с. 467]. Земным соответствием Амитабхи считается Шакьямуни. Между тем, согласно представлениям китайских манихеев, Шакьямуни перевоплотился в Мани. Уйгуры же обрели манихейскую веру в Китае. В уйгурских манихейских источниках Мани называется «*бурханом* (=буддой)», или «*буддой Света*» [Basen, 1991, p. 27, 29]. Вполне вероятно, что у уйгуров могли существовать манихейские изображения в соответствии с иконографией Амитабхи³. Подобного рода иконография, возможно, отразилась в иконографии изваяний уйгурского периода Тувы. С другой стороны, поза с сосудом в обеих руках, видимо, была узнаваема и на уровне традиционного восприятия, как «пиршественная» [Кызласов, 1979, с. 199].

Строгое соблюдение заповедей манихейства и предписанных им ритуалов было обязательным, прежде всего, для манихейского клира – «избранных». Паства – «слушатели», обеспечивавшие существование «избранных», были не в состоянии вести праведную жизнь хотя бы уже потому, что сам труд, в процессе которого причинялись страдания земле, «живым и телесным существам», растениям, объявлялся манихейством недостойным занятием. Греховными считались заботы о скоте, имуществе, хозяйственные хлопоты. Однако вынужденные владеть грешное существование «слушатели» могли надеяться на благосклонность манихейских божеств после смерти, если при жизни «боролись за совершенство». Гибкость манихейской религии, которой был присущ синкретизм, опора на местные верования, снисхождение к образу жизни большинства верующих – «слушателей» (им разрешалось трудиться, вступать в брак, потреблять мясо и т.д.), делала ее приемлемой для населения Уйгурского каганата. Это учение какое-то время уживалось с агрессивной политикой каганата, хотя, в конечном итоге, видимо повлияло на боеспособность уйгуров [Marquart, 1903, S. 94 – 95]⁴.

¹ В ваджраяне Амитабха является одним из пяти дхьяни-будд (будд созерцания).

² То есть сидя «с поджатыми ногами (падмасана) и руками, сложенными у лона одна на другую ладонями вверх (дхьянимудра)» [Дьяконова, 1947, с. 455].

³ Ср.: в «позе созерцания» изображено манихейское божество на лунном серпе [Franz, 1987, S. 72].

⁴ К. Мэкирас полагает, что и после принятия манихейства уйгурами, наиболее влиятельным оставалось военное сословие, а двор уйгурских каганов все более утопал в роскоши, несмотря на пацифизм и аскетизм доктрины [Mackerras, 1990, p. 333 – 334].

После разгрома уйгурского государства кыргызами (840 г.), уйгуры были вынуждены покинуть места прежнего обитания. Значительная их часть ушла к карлукам. Цзю Таншу сообщает об этом следующее: «Уйгурский министр Са-Чжи совместно с Пантегином, племянником [китайского императора], с пятью [его] братьями – Нань-лу, Э-феном и другими, с 15 родами бежали на запад к карлукам» [Малявкин, 1974, с. 26]. А.Г. Малявкин уточняет направление западного бегства уйгуров – в Джунгарию и Семиречье [Там же, с. 7]¹.

Следует отметить, что около 86% всех известных среднеазиатско-казахстанских изваяний с сосудом в обеих руках приходится на Тянь-Шань и Семиречье. Из них более половины сосредоточены на территории современной Жамбылской области (табл. 20). Можно предположить, что иконография скульптуры кыпчакского облика сложилась в указанном регионе Семиречья не без влияния уйгурских пришельцев (ср.: [Шер, 1966, с. 64])².

Дальнейшее бытование изваяний группы 2 в казахстанских степях, по всей видимости, связано с кыпчаками. Что касается восточноказахстанской скульптуры группы 2, то, в отличие от семиреченской и центральноказахстанской, в ней очень мало изваяний типа 1 (с сосудом в обеих руках), которые, как и изваяния типа 2 (погрудные), изготовлены довольно грубо. Эти особенности изваяний Восточного Казахстана можно трактовать как периферийные.

Таким образом, в результате иконографической классификации средневековые кочевнические изваяния казахстанских степей VI/VII – XIII вв. разделяются на две большие группы: изваяния древнетюркского (VI/VII – VIII/IX вв.) и кыпчакского (середина IX – начало XIII в.) облика (табл. 19). В обеих группах имеются изваяния с обозначенной и необозначенной (погрудные) позой. Погрудный характер изображения не может считаться поздним признаком, по сравнению с обозначенной позой. Результаты систематизации реалий подтверждают закономерность разделения групп по иконографическому облику.

Изваяния разных групп устанавливались в связи с различными сооружениями: изваяния группы 1 –

около древнетюркских оградок с балбалами и без них; изваяния группы 2 – внутри мощных каменных оград под насыпью, в средней части подквадратных выкладок, с восточной стороны каменных курганов. Возле одной древнетюркской оградки, как правило, ставилось только одно изваяние. Изваяния группы 2 нередко встречаются в перечисленных разновидностях сооружений по несколько фигур вместе. «Балбалы» пока известны только у одного кыпчакского «святилища» (тип 4). В связи с сооружениями, характерными для изваяний обеих групп, встречаются антропоморфные стелы.

Изваяния древнетюркского и кыпчакского облика представляют собой два самостоятельных культурных феномена. Кыпчакская скульптура сменяет среднеазиатско-казахстанском регионе древнетюркскую, но не в результате эволюции последней и не постепенно¹. *Такой тотальной смены не произошло в восточном ареале древнетюркской скульптуры*, в частности, во Внутреннем Тянь-Шане [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 54], на Горном Алтае. По мнению В.Д. Кубарева, традиция установки древнетюркских изваяний при оградках бытовала на Горном Алтае до X – XII вв. и даже до XIV в. [1984, с. 45 – 46], хотя в работах последних лет исследователи ограничивают традицию сооружения древнетюркских оградок X в. [Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 52; Худяков, Ким, 1999, с. 23; Кубарев, 2001, с. 43]. Между тем, В.П. Костюков считает оградки Южного Зауралья памятниками золотоордынского времени [1998, с. 319] ввиду их локальных особенностей и сходства с «надежно датированными западносибирскими оградками»².

Анализ художественных особенностей также отражает специфику иконографических групп. Хотя черты традиционного антропоморфного изображения присущи обеим группам изваяний (фигуры изготавливаются из подобранных по форме камней; в каждой группе имеются погрудные изваяния и т.д.), иконография изваяний группы 1 тяготеет к искусству соседних с западными тюрками цивилизаций (прежде всего, Согда). Облик изваяний группы 2 более соответствует нормам традиционной изобразительности. Хотя не исключено, что иконография этой группы также сформировалась под влиянием более сложных идеологических представлений.

¹ В.А. Могильников полагает, что во второй половине IX – X вв. древнетюркские изваяния при оградках на Алтае сменялись погрудными изваяниями, устанавливаемыми возле курганов [1992, с. 64].

² Представляется, что, несмотря на некоторое конструктивное сходство, сравниваемые В.П. Костюковым памятники – явления разного порядка.

¹ Ю.А. Зуев [1981, с. 71] считает, что уйгуры переселились в долину р. Или, вследствие чего, вероятно, илийских карлуков стали называть карлуками уйгурскими. К. Шаниязов пишет, что уйгуры расселились между землями кимаков, кочевавших к северо-западу от Тарбагатая, по левому берегу Иртыша, и карлуков, которые к тому времени кочевали в Семиречье, а потом ушли на юг и юго-восток от р. Или [Шаниязов, 1964, с. 16].

² Ю.С. Худяков отрицает возможность уйгурского влияния и полагает, что поминальная обрядность была привнесена в культуру кыпчаков иймеками [Худяков, 1995, с. 151].

Глава 3

СЕМАНТИКА ИЗВАЯНИЙ

3.1. СЕМАНТИКА ИЗВАЯНИЙ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ОБЛИКА

3.1.1. Комплекс оградка – изваяние – балбалы

Для объяснения археологического комплекса *оградка – изваяние – балбалы* традиционно привлекалось и привлекается описание церемонии похорон у тюрков-туцзюе в китайских хрониках (Чжоушу, Суйшу и др.). Однако при этом исследователи оговаривают отличие археологических данных от фактов, сообщаемых письменными источниками.

Во-первых, в китайских летописях речь идет не об изваянии, а о нарисованном портрете умершего. Л.Р. Кызласов полагает [1964а, с. 29], что китайцы, не будучи очевидцами обряда погребения у туцзюе, записали его со слов информатора, а поскольку в древнетюркском языке не было понятия для обозначения скульптуры, то «...“нарисованный облик покойника” китайских хроник ...мог означать вырезанное на камне изображение или даже статую покойного».

Во-вторых, в хрониках речь идет о погребальном, а не о поминальном сооружении. Это расхождение, по всей видимости, относится исследователями на счет неразграничения китайцами погребального и поминального ритуала туцзюе.

В-третьих, хроники не согласуются между собой в описании погребального обряда: сведений о сооружении с нарисованным обликом умершего нет в наиболее подробном описании из Чжоушу (ЧШ). Особенно явственно это различие выступает при сравнении отрывка из ЧШ с текстом почти одновременной ей хроники Суйшу (СШ)¹. Л.Р. Кызласов предположил, что в ЧШ засвидетельствован обычай погребения рядовых туцзюе, а в СШ – церемония похорон знати [1964а, с. 31].

Значительный интерес представляет точка зрения И. Эчедеи, считающей сведения о сооружении с портретом интерполяцией [Ecsedy, 1984, p. 280 – 282].

¹ Чжоушу была составлена Линху Тефеном (Ling-hu Tefen) (583 – 666) и др., а была закончена ок. 629 г. Суйшу написана Вей Ченом (Wei Tscheng) (580 – 643) и др. Причем Бенги (Pen-ki) и Личуан (Lie-tschuan) были закончены в 629 – 636 гг., а Чи (Tschü) – в 641 – 656 гг. Сообщение о туцзюе в Суйшу почти одинаково с таковым в Бэйши (БШ), законченной в 659 г. [Liu Mau-tsai, 1958, S. 473 – 474]. Эти три хроники могли описывать погребальный обряд тюрков Первого каганата и последующего периода подчинения восточных тюрков Китаю.

Она полагает, что сходство по содержанию между отрывками из ЧШ, СШ и БШ объясняется общим источником, наиболее полно отраженным в ЧШ. Интерполяция, по мнению И. Эчедеи, имеет другой источник, каковым могли быть вероятные сообщения о китаизированном обряде погребения тюрков. Поскольку указанные хроники приобрели законченный вид к середине VII в., исследовательница утверждает, что аналогичное описание китаизированной церемонии погребения Кюль-тегина, умершего в 731 году, из Цзю-Таншу (ЦТШ) и Синь-Таншу (СТШ) не могло быть источником вставки. И. Эчедеи указывает, что погребения тюрков по китайскому обычаю имели место веком раньше, приводя данные о раскопанном китайскими археологами в Шэньси «могильном дворце» с резьбой и росписью на стенах, в котором в середине VII в. был похоронен китайский генерал Ашина Чжун (A-shih-na Chung), тюрк по происхождению [Ecsedy, 1984, p. 282].

Нам кажется, что интерполяция могла базироваться именно на сообщении о погребении Кюль-тегина, а также аналогичных сведениях о похоронах других представителей древнетюркской эпохи Второго каганата. Сравним еще раз тексты хроник:

Чжоушу

Когда один из них умирал, тело выставляли в палатке.

Все дети и дети детей, родственники умершего по мужской и женской линии, забивали каждый овцу и лошадь и клали как жертвенное приношение перед палаткой.

Потом они верхом на лошадях объезжали семь раз вокруг палатки и каждый раз, когда они проезжали перед входом в палатку, надрезали себе ножом лицо. При этом они плакали так, что кровь и слезы текли, сливаясь. Так делали они семь раз и затем прекращали.

Они выбирали день, брали лошадь и одежду, и предметы обихода покойного и сжигали их с трупом.

Затем собирали пепел, чтобы похоронить его в надлежащее время: если кто-нибудь умер весной

Суйшу

Когда один из них умирает, тело выставляют в его палатке.

Члены его семьи и родственники забивают крупный рогатый скот и лошадей и приносят их в жертву умершему.

Они обегают вокруг палатки и при этом кричат и плачут. Они разрезают себе ножом лицо, так что кровь и слезы текут сливаясь. Семь раз проделывают они это и потом прекращают.

Они выбирают день, кладут тело на лошадь и сжигают.

или летом, ждали, пока трава и листья деревьев пожелтеют; если кто-нибудь умирал осенью и зимой, ждали всходов и цветения растений.

Затем вырывали яму и закапывали (пепел). В день похорон родственники снова приносили жертвы, ездили верхом (вокруг могилы) и надрезали свои лица. Вся церемония была точно такая же, как в день смерти. После похорон они настилали рядами камни и ставили (памятный) столб на ней;

Потом они зарывают пепел и устанавливают деревянный столб как отличительный знак для могилы.

В (на?) могиле (Im Grab) они строят помещение, в котором нарисованы портрет покойника и сцены боев, в которых умерший до своей смерти принимал участие.

число камней соответствовало числу людей, убитых покойным при жизни.

Если он когда-то (в битве) убивал одного человека, клался один камень (перед могилой). Число камней иногда составляло сотни и тысячи. [Liu Mau-tsai, 1958, S. 42]

Затем они вывешивали все головы жертвенных баранов и лошадей на столб. В этот день у могилы собирались мужчины и женщины в красивых одеждах и со многими украшениями. Если мужчина понравился девушке, он возвращался домой и тотчас посылал кого-нибудь с предложением о браке к родителям девушки, которые, в большинстве случаев, давали согласие. [Liu Mau-tsai, 1958, S. 9 – 10].

Текст СШ производит впечатление основательно сокращенного сообщения ЧШ. В определенном месте кратко изложенный аутентичный текст разорван надвое вставкой о пресловутом «помещении». Никаких других отличных от ЧШ сведений СШ не сообщает. Конкретизация количества камней (сотни и тысячи), на наш взгляд, не более чем клише¹. Упоминание в СШ в числе жертвенных животных крупного рогатого скота (вообще не названного в ЧШ), вместо овец, вызывает некоторое недоумение². Судя по всему, туцзюе вряд ли отдавали ему предпочте-

ние в культовой практике перед мелким рогатым скотом¹.

Предполагаемый первоисточник, к которому близок текст ЧШ, вероятно, зафиксировал погребальный обряд тюрков эпохи Первого каганата. Столь пристальное внимание (имеется в виду обстоятельство сообщения) мог удостоиться только могущественный сосед Китая. Описание же из СШ могло дойти до нас в редакции летописцев послетанского времени. Лю Маоцай указывал, что в период составления СТШ (первая половина XI в.) в летописании осуществляется переход к новому стилю. При этом авторы СТШ «непрерывно хотели устранить 4 – 6 – словный стиль, поэтому они исправили тексты ЦТШ и радикально сократили их. Вследствие этого возникли многочисленные ошибки» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 477].

Лаконизм сообщения СШ, контрастирующий с пространством изложением почти синхронной ЧШ, наводит на мысль, что здесь (и, соответственно, в БШ) мы имеем дело с поздней редакцией².

Помимо содержательного сходства отрывка о «помещении» из СШ с сообщением танских хроник о погребении Кюль-тегина³ в пользу нашего предположения свидетельствует еще одно обстоятельство. И. Эчеди характеризует погребение Ашина Чжуна по китайскому обряду как образец тюркского «инакомыслия». Вряд ли по иному расценивали этот и подобные ему случаи китайские современники событий. Поэтому весьма сомнительно, чтобы китайцы в то время могли приписать тюркам свой собственный обряд. Только когда туцзюе исчезли из истории, а заодно из китайской действительности, описание церемонии, происходившей на земле тюрков, могло расцениваться как свидетельство принадлежности обычая им самим⁴.

того скота [Liu Mau-tsai, 1958, S. 56]. Хотя цифры, возможно, завышены, они, в какой-то мере, могли отражать реальное соотношение видов скота в стадах тюрков.

¹ Ср.: Туцзюе забивали овец и лошадей, чтобы принести в жертву Небу [Ibidem, S. 42].

² Скорее всего, как указывалось выше, с послетанской. К примеру, Тун Дянь, составленная Ду Ю (735 – 812 гг.) и завершенная в 801 г. [Liu Mau-tsai, 1958, S. 480] содержит, по замечанию И. Эчеди, лишь сокращенный вариант соответствующих эпизодов ЧШ [Ecsedy, 1984, p. 279].

³ Ср. с предполагаемой интерполяцией пассаж из СТШ: «Император приказал высечь для него эпитафию на надгробном камне, а также воздвигнуть статую и храм, на четырех стенах которого должны были быть нарисованы сцены битв (умершего)» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 228].

⁴ Обращает также на себя внимание, что отличающиеся детали описания погребения туцзюе из СШ согласуются с обычаями киданей X – XII вв. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» сообщается, что у киданей при жертвоприношениях «употреблялись белая лошадь и черная корова» [Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895, с. 267]. В «Истории государства киданей» Е Лун-ли (1180 г.) мы находим следующее сообщение о погребении вельможи киданьского императора Елюй Лун-юня, китайца по происхождению: «Елюй Лун-юнь был похоронен рядом с кладбищем Цяньлин, причем император приказал построить на его могиле зал с портретом умершего для принесения жертвоприношений, такой же, какой имелся на кладбище Цяньлин» [Е Лун-ли, 1979, с. 268].

¹ Ср.: в Шицзы указано аналогичное число жертв, сопровождающих в загробный мир хуннскую знать [Ecsedy, 1984, p. 268].

² Китайские хроники, как правило, называют овец и лошадей, когда сообщают о скоте тюрков, о «дани», присланной ими, или о захваченных у них животных, но иногда кроме овец и лошадей перечисляются верблюды и крупный рогатый скот. Представляет интерес сообщение СШ о доставленном в Китай скоте – даре вождей орд туцзюе (594 г.). В нем конкретизируется количество голов скота всех видов: 10 тыс. лошадей, 20 тыс. овец, 500 верблюдов и 500 голов крупного рога-

Из сказанного следует, что обычай установки изваяний остался вне поля зрения китайских летописцев – современников Первого каганата. Источников Танской эпохи, иллюстрирующих этот обряд, пока не обнаружено. Эклектичное сообщение из США, дошедшее до нас, по-видимому, в поздней редакции, не является описанием степной традиции установки изваяний вообще. Мы солидарны с выводом И. Эче-ди о том, что «...обычное предположение, что с помощью китайских летописей могут быть объяснены все надгробные изваяния в государстве тюрков, к сожалению, следует считать едва ли не иллюзией» [Ecsedy, 1984, p. 283]. Косвенным доказательством того, что китайцы в VIII в. знали об этом тюркском обычае, на наш взгляд, может служить императорский указ высечь статую Кюль-тегина¹ [Ермоленко, 1998в]. Сооружение, возведенное китайскими мастерами в честь Кюль-тегина, обнаруживает сходство с погребальными комплексами китайской знати. Китайские погребальные комплексы также включали аллею статуй, стелу с надписью на спине гигантской черепахи, погребальный храм, но, насколько нам известно, в них не было изваяний умершего [Münsterberg, 1912, S. 23, 63 etc.].

Что же представляло собой надгробное сооружение тюрков, описанное в китайских летописях? Из китайских хроник (если не принимать во внимание интерполированный отрывок) следует, что оно состояло из (памятного) столба/шеста и камней, относительно которых ЧШУ указывает, что они были «наслонены рядами», а СШ – что они клались (перед могилой – поясняет Лю Маоцай). Число камней соответствовало количеству людей, убитых покойным при жизни.

Надгробная конструкция, состоящая из камней и шеста сохранилась у некоторых современных тюрко- и монголоязычных народов. Например, с данными китайских хроник о надгробном сооружении тюрков перекликается замечание Ч. Валиханова о внешнем виде киргизских могил: «Насыпи небольшие, несколько камней, просто палка, воткнутая в землю, показывает на место, как на последнее жилище человека» [1984, с. 330].

Сведения о количестве, расположении и оснащении шестов (столбов) на могилах тюркских и монгольских народов различны.

О туцкое в ЧШ сообщается, что после сожжения трупа и погребения пепла они «...вывешивали все головы жертвенных баранов и лошадей» на (памятный) столб. Рубрук отмечал [1957, с. 102], что возле могилы комана было установлено четыре шеста,

¹ Лю Маоцай пишет о том, что по императорскому распоряжению была высечена также статуя умершего Бильге-кагана [Liu Mau-tsai, 1958, S. 464, 620 – 621, Anm. 999], хотя в тексте СШ и в письме императора к Денли-кагану говорится об императорском распоряжении только насчет храма и эпифании [Ibidem, S. 229, 376]. В прочих сообщениях китайских хроник о смерти и погребении тюркских каганов нет упоминаний ни о статуе умершего, ни о храме, за исключением сведений о храме туцкое, сооруженном в столице Чанань во времена Северной Чжоу в честь туцкое Даинивеньмухана [Ibidem, S. 38 – 39].

соответственно сторонам света, и на каждом висело по четыре лошадиных шкуры.

Авторы конца XIX – начала XX в. приводят по этому вопросу обширный материал, который дополняется данными современной этнографии. По И.А. Кастанье [1911, с. 81], калмыки устанавливали на могиле четыре кола: два – в головах; два – в ногах. В Туркестане Р. Карутц наблюдал шесты «в виде мачт», сооруженные на могилах «по три вместе» и украшенные (конскими) волосами и барабанами [1910, с. 121]. Но обычно на могиле устанавливался один шест, редко – два. В Оренбургской губернии П. Паллас видел казахские погребения, с головного конца которых был установлен березовый кол или (на мужских могилах) одно-два копыя, связанные лоскутами либо лентами [Кастанье, 1911, с. 83 – 84]. В описании надгробных сооружений киргизских (казахских) степей Кастанье указал, что иногда на шест вешали голову любимой лошади покойника [1911, с. 81, 89]. А.И. Левшин отметил виденные им на казахских могилах «копыя с развевающимися на них конскими гривами, лентами и платками» [1996, с. 341]¹. Кол с платками устанавливали на могиле чуваша (а также их соседи марийцы) [Кастанье, 1911, с. 81]². Теленгиты водружали над надгробной насыпью шест с развилкой, к которому привешивали тажуур с аракой [Традиционное..., 1988, с. 163]³. У туркмен сохранилась древняя традиция укреплять рога горного барана – *киика* на невысоком столбе, стоящем в изголовье могилы [Basilov, 1986, S. 142 etc.].

В погребальных сооружениях тюркских народов известны и другие способы установки столба и его разновидностей. Тевризские татары⁴ у северо-западного конца могилы за срубом, либо внутри его вкапывали резной столб, походивший одновременно и на коновязь и на антропоморфное изображение [Богомоллов, Томилов, 1980, с. 156, 158]. Коновязные столбы на якутских могилах ставились либо отдельно, либо были частью ограды. На некоторых столбах вырезались конские головы [Иванов, 1976, с. 221]. Н.А. Костров сообщал, что на угловые столбы оград якуты вешали «несколько конских шкур с головами» [1878, с. 273]. Д.А. Кочнев писал [1895, с. 463], что возле могил якутских шаманов на столбах были изображения «вещих» птиц, в частности, кукушек. Надгробные доски устанавливали возле могил турк-

¹ Н. Рычков писал, что на казахских могилах наряду с копьем встречался колчан. По его мнению, это знаки храбрости умершего [Дневник..., 1772, с. 16]. Вместе с копьем на могиле могло быть деревянное изображение птицы (ястреба), что характеризовало умершего как «славного наездника» и «птицелова» [Харузин, 1889, с. 144].

² Ср.: шесты с флажками устанавливали в изголовье могил дагестанцы [Дибиров, 1988, с. 88]. Хвосты яков и тряпки привешивали к надгробным шестам некоторые племена китайского Туркестана и Тибета [Кастанье, 1911, с. 82].

³ Ср.: шест с развилкой – один из двух *багана*, подпирающих верхний обод юрты везли вместе с покойником на кладбище монголы [Жуковская, 1988, с. 22].

⁴ Татары, проживающие в Тевризском районе Омской области.

мены Челекена [Аннаклычев, 1963, с. 169]. Томские татары на могилах ставили доски или полубревна антропоморфных очертаний [Томилов, 1983, с. 113]. Деревянные антропоморфные столбы (деревянные «чалмы») — имелись и возле казахских погребений [Левшин, 1996, с. 341].

Столб (шесть) встречается в надмогильных сооружениях нетюркских народов Сибири и Дальнего Востока, в культуре которых прослеживаются южные влияния. Приморские нанайцы и удэгейцы возводили над могилой небольшую кучу камней, в центр которой втыкалась палка [Сем, 1986, с. 76]. Тазовские селькупы устанавливали в 5 – 7 м от могилы шесть и вешали на него голову жертвенного оленя [Прокофьева, 1977, с. 72]. Гиляки ставили столбики в головах и ногах погребенного, к которым привешивали лук и копье [Воронцов, 1892, с. 289]¹.

Намогильный столб воплощал идею мирового дерева. Характерно, что в эпосе тюркских народов смерть богатыря связывалась с падением его коновязи, знамени, гибели предназначенного ему дерева, что означало гибель его мира² [Кобланды-батыр, 1975, с. 337; Манас, 1988, с. 392; Маадай-Кара, 1973, с. 278; Шорские..., 1998, с. 367]. Установка столба на могиле, вероятно, символизировала воздвижение мирового дерева для инобытия, вместо поверженно-го смертью посюстороннего.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что метафорами образа мирового дерева в надмогильных сооружениях тюркских народов выступали шесть, шесть-багана, копье, коновязь. Варьирование количества надмогильных столбов от 1 до 4, видимо, соответствовало представлениям о множественности единого образа мирового дерева, обусловленной, например, бинарностью, трехслойностью, четырехсторонностью картины мира. Как правило, предмет — воплощение мирового дерева на могиле снабжен жертвоприношением: хвостом, головой, шкурой жертвенного животного, кусками ткани «сакральных» цветов (красного, синего, белого, черного) и даже сосудом с напитком, оружием. Кроме того, очевидно, в некоторых случаях мировое дерево может выступать в антропоморфной ипостаси. Семантическое тождество мирового дерева и человеческой фигуры (тоже «направленной ввысь», вертикально удлиненной) в погребальной обрядности тюркских народов, кроме антропоморфного столба на могиле иллюстрируется разновидностью киргизского тула, представлявшего собой шесть с перекрестьем, на который надевались одежда и головной убор умершего [Душшеев, 1985, с. 229]. По мнению Б.П. Шишло, вместилищем души умершего (тулом) была и траурная пика-найза. По

завершению погребально-поминальных церемоний, ее ломали и втыкали в изголовье могилы или сжигали [Шишло, 1975, с. 250].

Определенное разнообразие наблюдается также в способах размещения надмогильных камней и в представлениях, связанных с ними. Г. Рубрук [1957, с. 103], кроме погребения комана, обставленного шестью, видел погребения в виде больших круглых или четырехугольных «площадей», вымощенных камнями. Он отметил и такую деталь, как «четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади». А.А. Ивановский писал об обычаях китайских киргизов [1897, с. 185]: «...каждый из родственников умершего, присутствующий на погребении, приносит с собой и кладет на могилу камень, какой ему под силу. Прежде... киргизы ставили камни в ряд (выделено мной — Л.Е.); причин перемены они приводят две: 1) сохранение могил от волков; 2) наступление у них бедности в земле: земля с камнями принадлежит покойникам и на ней нельзя ни ставить кибитки, ни пасти скот». М. Швецов [1898, с. 18] сообщал об алтайских калмыках: «Раньше существовал обычай, чтобы каждый, приехавший на похороны, привозил с собой, по крайней мере, хоть один камень для могилы. Поэтому над могилами богачей, на похороны которых съезжалось много народу, высятся огромные курганы, могилы же бедняков едва заметны со своими 2 – 3 десятками камней». У тувинцев сохранились воспоминания о том, что раньше ставили несколько камней (по числу старших детей покойника) вокруг могилы [Дьяконова, 1966, с. 62]. Болгары окружали камнями могилу, принося по камню в течение 40 дней. Кроме того, камни клали и на место, приходящееся над головой покойника [Халачева, 1979, с. 183]. Хакасы после выноса покойника из жилища клали на его место круглый черный камень — вместилище черной души умершего. На седьмой день после похорон камень приносили на могилу (или выбрасывали за околицу) [Бутанаев, 1988, с. 117]. Малоазийские и европейские турки ставили на могиле «два стоячих камня у головы и в ногах: *баш-таш* и *аяк-таш*»¹. Головной камень имел антропоморфные очертания [Веселовский, 1915, с. 23]. Томские татары, по данным Н.А. Томилова [1983, с. 113], прежде ставили в изголовье могилы удлиненный камень: «Лучшим считался вертикально вытянутый камень, который походил на человеческую фигуру». Барабинские татары чаще ставили на могилу три камня. Надгробные камни у изголовья устанавливали туркмены Челекена, чуваша. Камни туркменских могил имели различ-

¹ Ср.: адыги развешивали доспехи умершего на столбе при могиле [Панеш, 1989, с. 61].

² Подобные представления о гибели земли-мира со смертью конкретного человека сохранились, например, в болгарской пословице: «Человек умирает — земля его умирает. Родится человек — земля ему родится» [Гачев, 1988, с. 105]. Ср.: в шорских героических сказаниях со смертью богатыря умирают луна и солнце [Традиционное..., 1989, с. 95; Шорские..., 1998, с. 369, 373].

¹ Аналогичные надмогильные сооружения известны у зеравшанских таджиков. Кроме того, между стелами они иногда прокладывали дорожку из камней. Другими разновидностями каменных конструкций у них были: несколько небольших камней на насыпи, камень в изголовье могилы, стела в центре могильного холма [Поляков, Черемных, 1975, с. 269 – 270]. Таджики Южного Таджикистана вертикально устанавливали у обоих концов могилы две рукояти из погребальных носилок. Палки, сделанные из ствола ивы укоренялись и становились деревьями [Литвинский, 1981, с. 111].

ную форму. В верхней их части делали углубление, «чтобы скапливалась дождевая вода (для птиц)»¹ [Аннаклычев, 1963, с. 169]. Камни на могилах чувашей были с зарубкой у верхнего края для «обитания души» [Кузьмин-Юманади, 1987, с. 75]. В изголовье казахских могил ставились каменные антропоморфные стелы – *кулпытасы*. На некоторых западно-казахстанских кулпытасах изображено оружие [Чариков, 1987б, рис. 2, 8, 9, 16]. Из камней вокруг казахских могил могли сооружаться ограды или возводиться более сложные архитектурные сооружения – мавзолеи. Четырехугольные ограды имеют по углам пирамидальные возвышения – *торт кулак*². На вершине свода мавзолея нередко клался камень, выделяющийся цветом и формой [Харузин, 1889, с. 145]³. Таким образом, рассмотренные каменные надгробные конструкции представлены нагромождением камней, однослойной или многослойной выкладкой (ряд?, ограда), отдельным камнем, стелой (в том числе антропоморфной), несколькими (2, 3, 4) камнями или стелами. Очевидно, отдельный, особенно удлиненный, вертикально установленный камень, играет ту же роль в надгробной конструкции, что и деревянный столб⁴.

Трактуя деревянный столб (шест) или удлиненный камень как метафору мирового столпа – центра «модели мира», естественно предположить, что надгробная конструкция в целом также имеет к ней («модели») отношение. Подобный мировоззренческий подход к изучению надгробных сооружений в современной отечественной науке пытаются осуществить многие исследователи. Б.Н. Пяткин отмечал: «Сейчас все более отчетливо прослеживается тенденция восприятия надгробных построек как адекватного воспроизведения объекта, отражающего миро-

¹ Возможно, в основе этого обычая лежат широко распространенные в тюркском мире представления о душе-птице.

² Ср.: представления средневековых монголов о четырех *кулдуках* – столпах [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 72].

³ Иногда такие камни доставляли из Туркестана или Бухарии, из святых мест [Харузин, 1889, с. 145]. Казахи вообще придавали большое значение обычаю возложения камня на могилу. Р. Карутц записал поверье мангышлакских казахов, согласно которому, «если по умершему не совершается поминок, сопровождаемых празднеством или на его могилу не кладется камня, то он вынужден будет голодать и страдать, а дом сына, не исполнившего своего долга по отношению к отцу, постигнут болезнь и бедность» [1910, с. 129]. Ортодоксальный же ислам осуждает обычай возведения надгробий [Кашгарский, 1900, с. 56].

⁴ Семантическое тождество дерева и камня проявляется в том, что в изголовье могил ставят либо каменные стелы, либо деревянные столбы, доски (казахи, томские татары, хакасы, чуваша и др.). Ср.: в центре древнетюркских оградок находят как остатки древесного ствола, так и стелу или крупный камень. На Южном Урале, кроме обычных каменных оград, исследована древнетюркская оградка, стенки которой были из дерева [Костюков, 1994, рис. 3]. Представления о тождественности различных материалов являются наследием первобытного мышления. О.М. Фрейденберг писала [1978, с. 20, 23]: «Нерасчлененность мышления порождала такие явления, как тождество разнородных предметов» и далее: «Для первобытного сознания один предмет и есть другой».

понимание и связанного с обрядовой стороной ритуала и мировоззренческой системой строителей» [1987, с. 33]. Авторы коллективного труда «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» полагают, что в тюркской традиции в центре пересечения вертикальной и горизонтальной структур мира находится дерево или дерево, растущее на горе [Традиционное..., 1988, с. 24]. В эпосе тюркоязычных народов можно найти примеры соответствия погребального сооружения традиционной модели мира. Так, в шорском героическом сказании «Алтын Сырык» героев хоронят на дереве, выросшем на вершине горы. Гроб с телом Алтын Чылтыса, например, привязывают к вершине «золотой лиственницы», которая выросла «на самой вершине молодой красивой горы с семьюдесятью перевалами», «выше семидесяти небес» [Шорский..., 1998, с. 383]. Сообразно этому, нагромождение камней (также как отдельный камень) или земляной холм могут символизировать гору.

Одновременно мировая гора и мировое древо являются семантическими эквивалентами, одинаково выражающими идею мировой вертикали/мирового столпа [Традиционное..., 1988, с. 32]. Символично сочетание в надгробном сооружении шеста/столба и (отдельного) камня. В частности, на могилах святых (мазарах) узбеков-карлуков рядом с шестом находился камень [Шаниязов, 1964, с. 160; ср.: Радлов, 1880, с. 33]. К шесту был привязан кусок белой ткани, на камень клали жертвенные деньги (*назр*). Женщины, чтобы излечиться от бесплодия, должны были обнимать шест или дерево, выросшее на мазаре, лежать обнаженным животом на камне. В культовой практике различных народов мира дерево и камень выступают в значении семантического центра то по отдельности, то вместе [Герасимова, 1989, с. 151 – 152].

С другой стороны, сколько-нибудь развернутая в горизонтальной плоскости каменная конструкция (или сооружение из других материалов), сочетающаяся с метафорой мирового столпа, может моделировать горизонтальную структуру мира.

Предположение о том, что надгробная конструкция воспроизводит «модель мира», подтверждается наличием в культуре тюркских и монгольских народов аналогичных культовых сооружений, не связанных с погребальной обрядностью. Характерна, например, конструкция *обо* – кучи камней, в которую воткнута палка с жертвенным «прикладом»¹. Д. Банзаров отмечал, что в обо, «согласно с древними обычаями, втыкают... лук, стрелы, копьё и меч» [1955, с. 69]. Известны и другие разновидности бурятского обо. Например, обо, сооружаемое в месте удара молнии, возводилось из веток и огораживалось. «К четырем столбам ограды привязывали различные ленты и лоскуты» [Галданова, 1987, с. 19]. Монголы в первое утро нового года втыкали к востоку от обо палочку с привязанными к ней платком-*хадаком*,

¹ Тувинское обо (оваа) сооружалось как из камней, так и из веток (сложенных наподобие шалаша), но часто в конструкции оваа сочетались дерево и камень [Дьяконова, 1977, с. 187].

шерстью и волосами домашнего скота [Жуковская, 1988, с. 54].

Сходство традиционных погребальных и культовых сооружений, по-видимому, коренится в первобытной общности обрядов. По мнению О.М. Фрейденберг [1978, с. 101], в родовую (догосударственную) эпоху на могиле совершаются те же действия, что и в дорегиозном храме. Э.Л. Львова и М.С. Усманова [1979, с. 180] отмечают элементы сходства погребального обряда и обрядов общественных жертвоприношений в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая. Ввиду этого значим факт приуроченности погребения у древних тюрков к весне или осени [Традиционное..., 1988, с. 48]. Кстати, аналогичные сроки известны в погребальной обрядности некоторых современных сибирских народов¹.

Весна и осень у многих народов были временем поминовения усопших, проведения большинства иных общественных обрядов и жертвоприношений². Авторы «Традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири» подчеркивают, что совершаемые в переходные периоды года (весна, осень) общественные ритуалы были «...закономерно связаны с актуализацией мифа о первотворении» [Традиционное..., 1988, с. 46]. Добавим, а значит предполагали конструирование традиционной «модели мира». О некоторых разновидностях этой «модели» речь уже шла. Имеются и другие варианты, на которых следует остановиться подробнее.

На якутском *ысыахе*³ ('кроплением' кумысом) «модель мира», по мнению Е.Н. Дьяконовой, была представлена *урасой* (конический шалаш), или *сэргэ* (коновязь) или сооружением типа *ар-багах* [Дьяконова, 1986, с. 144 – 145]. Что касается урасы (якут.

ураһа – 'шест'), то С.В. Иванов отмечает такую важную деталь: при ее постройке употреблялись «резные столбы типа коновязей» [1976, с. 219]. Число таких столбов могло доходить до двенадцати. Аналогичная постройка имеется в культовых сооружениях тувинцев, хакасов и некоторых других тюркских и монгольских¹ народов. Хакасы во время *таига* «безрезки ставили как балаган», к ним привязывали тряпочки *ялама*² (вместе сшитые красную и синюю тряпочки), по числу человек в семье [Традиционное..., 1988, с. 60]. Тувинцы, когда впервые сооружали *оваа* «...сначала вкапывали столб, на вершине которого устанавливали деревянное изображение быка, обращенное головой на восток... К столбу приставляли жерди, палки, хворост и строили шалаш, в который делали вход с востока (по-тюркски). Вокруг шалаша ставили молодые деревца». Перед шалашом клали камень, на котором воскуривали можжевельник. Внутри и снаружи *оваа* развешивали цветные ленты [Потапов, 1969, с. 360].

Багах (*ар-багах*, *түсюлгэ*) – это столб (коновязь, шест), нередко фланкированный двумя деревцами или установленные в ряд шесты (столбы, коновязи)³, между которыми протянута пестрая веревка с лоскутками ткани, пучками конских волос и пр. (*салама*) или сооружение из нескольких столбов (чаще всего, двух-трех), соединенных сверху перекладиной, обставленных молодыми березками (они образовывали заслон – *чэчир*) и опоясанных саламой. Судя по дошедшим до нас описаниям *ысыахов*, а также камланий шаманов по разным поводам, «модель мира» обыкновенно была представлена в них не одним из вышеперечисленных объектов, а их различными сочетаниями.

Например, на *ысыахе ураса* могла дополняться *шеренгами сэргэ*, идущими вправо и влево от нее [Дьяконова, 1986, с. 144]. В обряде испрашивания плодovitости у духа – матери Земли. Рядом с высоким раскидистым деревом устанавливали в ряд три столба с вырезанными на верхушках кумысными сосудами. Около столбов возводили *урасу* и затем все обносили *оградой* [Там же]. «Модель мира», сооружавшаяся при камлании духам Верхнего мира также имела центром *урасу*. С южной стороны ее ставился столб, означающий *сэргэ*. Перед ним вбивалось 3 шеста с деревянными фигурками птиц на вершинах, обращенных головами на юг. Впереди шестов были расставлены *вереницей* 9 елок, очищенных внизу от коры. Между ними, поднимаясь все выше от елки к елке, была протянута пестрая веревка с пучками конских волос белого цвета [Алексеев, 1975, с. 153]. В обряде испрашивания детей около дверей жилища

¹ Например, тазовские селькупы закрывали могильный холм деревянной покрывкой спустя определенное время после похорон. «Делали покрывку и покрывали... могилу лишь ближайшей весной (если похороны были зимой) или осенью (если похороны были летом), то есть в ту пору, когда "листьев и травы еще не было (весной)" или "когда листья все опали (осенью)"» [Прокофьева, 1977, с. 73]. У нивхов обряд захоронения кремнированных останков носил название «ч'х'аросунт», то есть «поднятие дерева» (!). Умершего зимой человека только сжигали, а ч'х'аросунт совершали «когда... снег растает, мерзлой земля не станет, земля высохнет, разная земляная еда – сарана – будет, когда ягоды поспеют» [Крейнович, 1973, с. 373].

² Кидани совершали жертвоприношения весной и осенью [Мэн-гу-ю-му-ци, 1895, с. 267]. По поверьям средневековых монголов, живые весной встречались с духами предков, приобщались к их благодати [Галданова, 1987, с. 59]. Телуты весной и осенью особо чтит изображения предков по материнской линии – *ймэгэндэр* [Каруновская, 1927, с. 23, примеч. 1]. Шорцы весной и осенью камлали *Ульгеню* [Хлопина, 1978, с. 86]. Хакасы «чествовали домашних пенатов» [Адрианов, 1909, с. 512]. Буряты приносили жертву *Уханхату* [Хангалов, 1958, с. 119]. Ненцы поминали умерших, а также приносили оленя в жертву Небу [Хомич, 1977, с. 5, 28]. Корейцы совершали обряд поклонения духу дома – *Сончжу* [Ионова, 1980, с. 25] и т.д.

³ Е.Н. Дьяконова указывает, что у якутов существовали два основных *ысыаха* – летний и осенний [1986, с. 142].

¹ Ср.: бурятских шаманов хоронили на возвышенных местах в специально возведенном шалаше (*ураса*). Недалеко от этого места вкапывали коновязь (*сэргэ*). Здесь путники приносили жертву духу шамана [Галданова, 1987, с. 74 – 75].

² Тувинское – *салама*, хакасское – *ялама*, тувинское – *чалама*, бурятское – *залама* [Михайлов, 1980, с. 186].

³ Н.А. Алексеев [1975, с. 79] приводит сведения С.И. Боло о том, что *түсюлгэ* могло состоять из установленных в ряд 3 – 5 – 7 коновязей.

устанавливали столб. От него тянулась аллея из двух рядов березок [Там же, с. 86]. При камлании верхним злым духам снаружи, у южной стенки урасы, сооружался одноногий стол. Перед ним возводились багах, состоящий из двух лиственниц и березки между ними (деревья могли заменяться шестами). На березке укреплялась убитая птица, на одной из лиственниц – лошадиный череп. Деревья соединяла веревка из конского волоса [Там же, с. 153]. При камлании господину глазных болезней дополнительные сооружения (багах, одноногий стол) возводились к западу и северу от урасы [Там же, с. 154]. Багах современного ысыаха (по Н.А. Алексееву) состоял из 9 столбов, установленных в ряд с запада на восток. Средний, самый высокий столб имел в верхней части изображения конских голов, направленных по сторонам света, и венчался звездой и серпом с молотом. На верхушках трех соседствующих с ним справа и слева столбов были вырезаны изображения кумысных кубков – чоронов, на крайних с обоих концов – по лошадиной голове [Там же, с. 103].

Культовое сооружение из нескольких березок, установленных в ряд и укрепленных с помощью перекладки (или перекладин, крепящихся к вертикальным жердям) – сом известен у телеутов. Сом устанавливался на восточной стороне дома. Березки украшались ленточками-ялама. К одному из деревьев прикреплялся туес с пищей [Традиционное..., 1989, с. 199 – 200; Тюхтенева, 1994, с. 100]. В 1915 г. алтайские бурханисты устроили моление, для которого возвели культовые сооружения. Вблизи аила был установлен деревянный жертвенник-тагыл¹, рядом две березки, соединенные веревкой с ленточками, далее – образующие ряд 12 березок, к которым были привязаны животные светлой масти [Данилин, 1993, с. 195]. Ритуальное сооружение в виде П-образных воротцев с привязанными к ним лентами устраивали возле лиственницы хам ыяш (шаманское дерево) тувинские шаманы [Дьяконова, 1981, с. 145]. При проведении обряда посвящения в шаманы у забайкальских бурят сооружались аллеи из трех рядов березок, по девять деревьев в каждом, но также устанавливались два больших березовых дерева – дерево-отец и дерево-мать [Галданова, 1987, с. 67]. Построение объектов в виде ряда зафиксировано у казахов как способ расположения юрт во время аса [Руденко, 1960, с. 327 – 328]. Так же были выстроены юрты дархатов при совершении весеннего обряда сурук – великого тайлгана в честь Чингисхана. Кроме того, по направлению к Чомуку – «дворцу» Чингиса, расставлялись вереницей соломинки ковыля (11 или 99) с намотанной на них белой шерстью, называемые джалма [Жамцарано, 1961, с. 206, 210]. Но не только у тюркских и монгольских народов имеются такого рода ритуальные сооружения. Например, эвенкийский шаманский чум («модель мира»), включал «галереи» с аллеями

вертикально удлинённых предметов, отходящие от него к востоку (*дарнэ*) и западу (*онанг*) [Иванов, 1970, с. 152 – 154, рис. 134].

Обращает на себя внимание, что нередко в «моделях мира» последовательное построение вертикальных неодушевленных объектов бывает дублировано (или заменено) человеческим рядом. На ысыахе перед тьюсюлгэ лицом к востоку вставляли 1, 2 или 3 невинных юношей, которые произносили алгыс [Алексеев, 1975, с. 80]. Алгыс мог также читать почтенный старец (белый шаман), с правой стороны которого стояли 9 неженатых юношей, а с левой – 8 незамужних девушек. Все они были обращены лицами на восток [Там же, с. 81]. Руки «чистых» помощников шамана могли быть соединены посредством саламы [Там же, с. 88]. В другом случае «...девять непорочных юношей все меньшего возраста и роста, с бокалами все уменьшающейся величины, становились друг за другом лицом на юг» [Серошевский, 1896, с. 463]. Эта деталь ысыаха находит соответствие в чувашском весеннем празднике синьзя. Здесь избранные люди расставляют чашки с пивом всех собравшихся на моление «по порядку от места моления на юг, а сами становятся перед чашками лицом к востоку» [Иванов, 1898, с. 144]. Во время бурятского тайлагана шаман и его помощники становились в ряд. Они хором произносили молитвы, бросая вверх куски мяса и разбрызгивая бульон и вино [Михайлов, 1976, с. 70]. В обрядах поклонения Чингисхану возле входа в Ордо (=ставка), а также в Чомчук выстраивались двумя рядами дархаты, образуя «аллею», по которой Чингису несли жертвенные дары [Жамцарано, 1961, с. 202, 209]. Любопытно также, что одним из культовых объектов в обряде сурук была коновязь алтан гадас (золотой кол), роль которой выполнял человек, неподвижно стоявший в течение всего дня [Там же, с. 207]. Для сравнения можно привести название коновязи у ларских бурят – хун сэргэ ('человек-коновязь') [Иванов, 1976, с. 224].

Таким образом, в культовых сооружениях тюркских и монгольских народов («моделях мира»), кроме столба, камня, нагромождения камней (веток) и ограды, встречаются: жилище, «П»-образная конструкция из столбов, стол, вереница (=ряд) вертикальных предметов. Перечисленные культовые объекты, судя по всему, имеют древнее происхождение. О.М. Фрейденберг писала: «Двери-ворота (ср.: «П»-образная конструкция багаха, тувинских «воротцев» – Л.Е.), ограда, стол (высота) и полог или завеса (ср.: чэчир – Л.Е.) – вот основные вещные метафоры примитивного мифа» [1978, с. 64 – 65]. Далее она указывала, что, в силу ритма, в первобытной культуре возникают круглые и четырехугольные структуры вещей, а также такой порядок вещей, как ряд (=вещи-шестие). 'Круг', 'четырёхугольник' (квадрат, ромб), 'ряд' также семантически

¹ А.Г. Данилин пишет, что простые таглы представляли собой нечто вроде одноногую столика («обрубок березового дерева с дощечкой сверху»), более искусные имели вид коновязи (чаки). Были также таглы в виде каменной плиты на трех-четырёх деревянных или каменных ножках.

¹ Анализируя знаковые характеристики 'круга' и 'квадрата', Э.Р. Усманова приходит к выводу: «Значения "круга" и "квадрата" настолько близки, что возможны варианты знаковой подмены их между собой» [1989, с. 60]. Обосновывая

тождественны¹. Констатируя, что агора, пропилен и перистиль возникают из образа 'круга' и 'шестивия', О.М. Фрейденберг ссылается на аналогичные сооружения более архаической эпохи: «Среди мегалитических памятников это кромлех, круг из камней: большие камни окружают свободное место, в середине которого стоит огромный столб, и к ним ведут дороги, как бы аллеи, состоящие из менгиров, крупных камней, с обеих сторон... Это вещи-шестивия и вещи-высота» [1978, с. 72]¹. Название 'вещь-высота' О.М. Фрейденберг применяла для обозначения направленных вверх объектов, «метафоризирующих высоту-небо». В соответствии с современной терминологией, это объекты, овеществляющие идею мирового столпа (вертикали). 'Шестивие' (странствие), по О.М. Фрейденберг [1978, с. 53], – одна из метафор первобытного мифа, передающих космогонию.

Таким образом, можно предположить, что не только элементы рассмотренных выше традиционных культовых сооружений, но и, в определенной мере, система их организации имеют древнее происхождение. Нужно отметить, что состав и способы сочетания объектов в данных сооружениях могли быть различными, но при этом разные по внешнему виду сооружения оказывались тождественными друг другу семантически, поскольку являлись вариантами (метафорами) традиционной «модели мира». В дальнейшем нас будут интересовать традиционные «модели мира» с элементом *ряда* как представляющих собой аналогию древнетюркскому комплексу *оградка – изваяние – балбалы*².

способность античных философов мыслить всякое движение кругообразным, А.Ф. Лосев писал: «Окружность с бесконечно большим радиусом настолько уменьшает свою кривизну, что эта последняя доходит до нуля, и в этом случае *круг* превращается в *прямую линию*. Другими словами, бесконечно продолженная прямая есть окружность, а окружность с бесконечно большим радиусом есть прямая. В интуитивной форме такое представление, несомненно, было свойственно древним грекам» [1977, с. 18]. По всей видимости, это более древнее и к тому же универсальное «интуитивное представление». Ср. значение тюркского слова *арга* – 'круг', 'ряд' [Иванов, 1976, с. 214]. О тождественности 'круга' и 'ряда', на наш взгляд, могут свидетельствовать такие нередко встречающиеся в археологических памятниках и культовых постройках современных тюркских и монгольских народов «переходные» формы, как дуга, полукруг. Так, например, во время облавной охоты (зэгэтэ-аба) у бурят построение участников начинается с трехчастного 'ряда' (правое крыло – центр – левое крыло), постепенно смыкающегося в 'круг'. Относительно смысла этих структурных элементов С.Г. Жамбалова предположила «Семантика облавной охоты может быть соотнесена с важнейшими категориями картины мира у человека» [1991, с. 112].

¹ Культовое сооружение из устроенных в ряд жертвенных столбов описано в Ригведе (III, 8, 9):

Словно гуси, выстроившиеся *рядами*,

Прибыли к нам столбы, одетые в светлое.

² Известно, что среди археологических памятников азиатских степей имеются как ритуальные, так и погребальные сооружения, устроенные в ряд или с внешней конструкцией ряда. Это, например, цепочки плиточных могил, усуньских курганов, ряды таштыкских стел, кольцевидные поминальные сооружения с отходящими от них цепочками камней кудыргинского этапа в Центральном Алтае и т.д. (ср.: болгарские

Как уже отмечалось, сторонники мировоззренческого подхода к изучению семантики оградки полагают, что последняя воспроизводит универсальную «модель мира». В ней воплощены представления о «мировой горе» и «мировом древе» – центре Вселенной, символизирующем тройственное вертикальное членение мира, а также о четырехсторонней и двухчастной организации горизонтального пространства [Традиционное..., 1988, с. 26; Войтов, 1996, с. 116 – 118; Ермоленко, 1995а]. Между тем, изваяние и балбалы, образующие одно целое с оградкой, пока не получили достаточного объяснения как элемент «модели мира». Трудно согласиться с гипотезой В.Е. Войтова о том, что изваяние *умершего* символизировало собой *средний мир*, а балбалы соответствовали *нижнему миру*, в то время как они уходили на *восток* от оградки¹. Объяснение балбалов с позиции некой «мировоззренческой антиномии» также вызывает возражение. В связи с этим важно иметь представление о назначении ряда и составляющих его объектов в охарактеризованных выше традиционных «моделях мира».

Анализируя комплекс культовых сооружений «ураса + дополнительные конструкции», Н.А. Алексеев приходит к выводу: «Место установления багах, стола и пр. зависело от того, каким духам приносилась жертва. Если жертва посвящалась духам верхнего мира, то багах и пр. устанавливались на южной стороне от юрты (*урасы* – Л.Е.), а если духам нижнего мира – то с северной» [1975, с. 156]. Данное ценное наблюдение Н.А. Алексеева следует дополнить и уточнить. В описаниях якутских культовых сооружений имеются также случаи восточной и западной локализации «багах и пр.». Кроме того, на *ысыахах* и различных камланиях произносящие *алгыс* иногда обращали лицо к востоку [Алексеев, 1975, с. 86, 90 и др.]. Вероятно, у якутов в их бытность на южной родине, подобно некоторым другим степным народам, культ Востока был сильно потеснен культом Юга под влиянием китайской культуры, о чем писал В.В. Бартольд [1966, с. 392 – 393]. Однако следы былого почитания востока у них сохранились, и это направление отнюдь не связывалось с нижним миром². Сакральное про-

кие *дефташлары* из рядов камней, образующих четырехугольную фигуру [Рашев, 1992, с. 28].

¹ Ср: у южносибирских тюрков, монгольских народов нижний мир отождествляется с севером и западом [Традиционное..., 1988, с. 44 – 45; 1989, с. 217; Рубрук, 1957, с. 94; Дьяконова, 1975, с. 49]. Факты, что балбалы в некоторых случаях изгибаются к северу или с северной стороны к оградке пристроен ящик, могут свидетельствовать о нахождении там мира мертвых в представлениях древних тюрков.

² Кроме случаев обращения молящихся к востоку на *ысыахе*, о почитании этого направления свидетельствуют и другие факты. Так, на восток были обращены двери стационарного жилища якутов – *могоул ураса* [Дьяконова, 1986, с. 142]. *Сэргэ* устанавливались чаще всего возле южной или восточной стороны жилища [Иванов, 1976, с. 215]. В одном из преданий о предке якутов Элэзе говорится, что он произнесил на *ысыахе* светлым божествам *айыы*, духу-хозяйке земли, вознося *чорон* с кумысом. Ответом божеств было появление «из глубины восточного неба» пучка волос из конского хвоста [Исторические..., 1960, с. 58].

странство, ассоциируемое с определенной стороной света, по-видимому, мыслилось находящимся сверху (небесным). На *ысыахе* молящиеся поворачивались к югу или востоку, но троекратно поднимали кубки вверх; *салама* уходила по шеренге елочек на юг, но одновременно поднималась все выше и т.д. Ряд (вещи-шество), состоящий из вертикальных предметов в каждом звене его, есть обращение вверх (вещь-высота). Причем на *верхушках* шестов, столбов и т.д., образующих ряд, помещались изображения жертвы: птиц, конских голов, сосудов (ср.: сосуды с кумысом в поднятых руках людей). Очевидно, «дополнительные» конструкции (в частности, *ряд*) играют в рассматриваемых «моделях мира» роль «адреса», дороги жертвы-молитвы к божествам¹.

С другой стороны, «дополнительные» элементы, взятые в отдельности, также моделируют мир. Ряд, образованный удлинёнными предметами, людьми (=метафоры мирового столпа, который сам по себе является «моделью мира») [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485]), представляет собой как бы шествие «модели мира». Он воплощает такие мировоззренческие оппозиции, как «север-юг», «верх-низ», «правый-левый», «мужской-женский» и пр. Речь идет о случаях симметричного расположения ряда относительно семантического центра: шеренг коновязей по обе стороны *урасы*, столбов, отходящих в обе стороны от главного, центрального столба, юношей и девушек по обе стороны от шамана. Явное соотнесение столбов симметричного ряда с оппозицией «мужской-женский» («правый-левый», «верх-низ») демонстрирует модель багаха из коллекции В.Н. Васильева в МАЭ. Как следует из описания, на 9 столбов по одну сторону от главного (багах) были насажены изображения птичьих самок, на 9 столбов по другую – птичьих самцов [Алексеев, 1975, с. 25]². Как и в цитированном выше случае, «чистые» юноши и девушки располагались по правую и левую руку от шамана. В конструкции эвенкийского шаманского чума отходящая на восток «галерея» *дарпэ* ассоциировалась с «жизнью», а отходящая на запад (онанг) – со «смертью».

В «модели мира» был представлен весь родственный коллектив (например, хакасы привешивали к балагану из березок столько тряпочек-ялама, сколько человек было в каждой семье). Последовательность объектов ряда к тому же была иерархической. Характерно название коновязей в коновязном ряду (3, 6, 9 коновязей)³ возле якутского жилища. Южный столб назывался первым или главным (*бастынг сэргэ* или *тойон сэргэ*), второй – средним (*орт сэргэ*), третий – задним (*кэлин сэргэ*). К *тойон сэргэ* привязывали коней почетные гости. Если двор был

обширным, то ставился другой ряд коновязных столбов, которые были тоньше и ниже *сэргэ* первого ряда. В этом случае первые три коновязи считались главными. Самый дальний столб назывался последним (*атах сэргэ*). Он предназначался для лошадей бедных гостей [Ионова, 1952, с. 301].

Воплощение общественной иерархии в *ряде* (=дуга, =круг) исследовал С.С. Сорокин. Он привел пример из бурятской обрядности начала XX в. (по С. Шагдарону и Б. Очирову). После совершения у *обо* ламаистского ритуала, проводился *найр* (пир, сопровождавшийся скачками и другими состязаниями). Прибыв на отведенное для *найра* место, его участники рассаживались полукругом (*духурик* – «цепь сидящих в первом ряду»). В центре полукруга сидел старший лама, слева от него рассаживались по старшинству другие ламы, справа – миряне, причем «почтенные буряты занимают первые места». Сзади располагались женщины, молодежь и дети [Сорокин, 1981, с. 24]. Располагающиеся *друг подле друга* (т.е. рядом) в юрте участники культового пиршества, естественно, образовывали круг, занимая место в соответствии с социальным (поло-возрастным, имущественным и др.) положением. Так, во время монгольского *найра* старейшие и наиболее почетные гости во главе с распорядителем садились на место напротив входа. По правую руку от распорядителя садились мужчины в порядке убывания возраста: «поближе к нему – пожилые, далее – средних лет, совсем у двери – молодежь». У самой двери сидели подростки. Женщины в точно такой же последовательности занимали места по левую руку от распорядителя. Матери сидели со своими маленькими детьми [Жуковская, 1989, с. 258] (ср. расположение гостей в хакасской юрте [Адрианов, 1909, с. 507]). Круг мог отражать социальную иерархию и иным образом. В.Д. Тронов описал казахскую трапезу, когда за «первым кругом обедающих» садились «менее почетные» гости, образуя тем самым внешний круг. Пищу им передавали люди, разместившиеся в первом кругу. В то же время «челядь», сидевшая в стороне, довольствовалась объедками [Тронов, 1891, с. 60]. Якуты на *ысыахе* могли образовывать несколько отдельных кругов: почетные гости, бедняки, женщины [Алексеев, 1975, с. 80] или рядов (женщины отдельно от мужчин) [Костров, 1878, с. 274].

Таким образом, ряд в традиционной модели мира тюркских и монгольских народов являет собой «шествие» мирового столпа (=«модели мира»). Он характеризует дуалистическое устройство мира, воспроизводит человеческий коллектив и общественную иерархию, а также являет собой путь в сакральное пространство. В этом последнем значении ряд есть невербальная молитва, овеществленная в «чистых», сакральных предметах (=жертве): пестрой *саламе* с тряпицами священных цветов, молодых деревцах, непорочных юношах и девушках, сосудах с кумысом и пр.

Обращает на себя внимание, что на *ысыахах* избранные молящиеся сначала предлагали жертву (кумыс) божествам, *стоя в ряду*. После чего освященный напиток равно распределялся между всеми собравшимися, *сидящими в кругу*. Кумыс выпивался

¹ Ср.: цепочка из обломков ковыля с намотанными на них пучками шерсти – *джалма* в обряде *сурук* мыслилась показывающей путь к Чомуку – «дворцу» Чингиса – и обратно [Жамцарано, 1961, с. 210].

² Ряды столбов сходились к багаху под углом.

³ Согласно толкованию стариков, количество *сэргэ* зависело от числа хозяйских сыновей. По-видимому, реальное количество сыновей передавалось с помощью одного из указанных трех магических чисел [Ионова, 1952, с. 301].

всеми из одного идущего по кругу сосуда (в таком случае, и ряд должен был означать что-то вроде «круговой» чаши божеств). Точно такая же последовательность действий соблюдалась в чувашском обряде *синьзя* [Иванов, 1898, с. 144 – 146], за тем исключением, что, роль «круговых» здесь играли индивидуальные чаши участников пиршества (через систему взаимных угощений).

Реконструкция семантики ряда балбалов должна учитывать принадлежность комплекса *оградка – изваяние – балбалы* к сфере погребально-поминального культа.

В связи с этим обратимся к известным объяснениям обычая возложения камней на могилу. Выше приводились предания китайских киргизов, калмыков и тувинцев о том, что камни на могилу клались по количеству старших сыновей покойного, по числу родственников и сородичей умершего. Согласно такой трактовке, в «модели мира» (инобытия) умершего реконструировался более или менее целостный родственный коллектив. Одновременно камень являлся как бы жертвоприношением умершему вместо живого сородича, служил заместителем живущего¹. Особый камень² представлялся вместилищем души умершего.

Однако правомерно ли на основании этих и подобных им данных считать, что балбалы символизировали лишь участие сородичей умершего в похоронах (например, в качестве коновязей), и отвергать трактовку, содержащуюся в древнетюркских эпитафиях?

Согласно древнетюркским надписям, балбал ставился после смерти тюркского мужа и олицетворял убитого врага. Традиция различными способами воспроизводить в погребально-поминальных обрядах количество убитых врагов, известна у разных народов. Помимо сведений китайских источников о погребальном обряде *туцзюе*, имеется сообщение Ибн-Фадлана (X в.) о гузах. В нем говорится, что, если покойный при жизни «...убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: “Вот его отроки, которые будут служить ему в раю”» [Ковалевский, 1956, с. 128]. Кафиры устанавливали около селений или на могиле (поблизости от могилы) шест с изображением умершего героя наверху. На шесте делались зарубки или просверлива-

лись отверстия по числу убитых врагов [Йетмар, 1986, с. 139, 175]. Ингуши (по Марвелашвили) клали на могилы родственников уши людей, убитых в набегах или при осуществлении кровной мести [Öhrig, 1988, S. 185 – 186, Anm. 2]¹.

Очевидно, в основе таких обычаев лежало «понятие о загробной пользе уничтожения людей» [Тайлор, 1989, с. 229]. Это понятие в варварских обществах тесно переплеталось с культом войны. Напомним, что еще А.Д. Грач связывал обряд установки изваяний с порожденными войной социальными отношениями [1961, с. 82, 92].

Следовательно, для объяснения обычая установки балбалов необходимо обратиться к представлениям древних тюрков о «войне», «героическом», «убийстве врага» и т.п.

3.1.2. Сакрализованные представления древних тюрков о войне (к вопросу о семантике балбалов)

Древнетюркские надписи и современные им китайские источники сохранили свидетельства о многочисленных походах и грабительских набегах тюрков на Китай и другие государства и племена. В этих сообщениях отразилась и военная идеология древних тюрков.

Тюрки отдавали предпочтение военному образу жизни. В СШ говорится: «они ценили смерть в бою и стыдились смерти от болезни» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 42]. Это обстоятельство позволяет предположить существование у тюрков представлений о преимущественной посмертной участи павших в битве². Можно допустить, что речь идет о своего рода «небесном рае» для погибших в бою доблестных воинов, таком, как, например, небесный чертог для воинов-эйнхериев в скандинавской мифологии (Вальхалла). Во всяком случае, по поверьям казахов, сохранивших доисламский институт батырства³, воины, павшие в бою, становились святыми [Харузин, 1889, с. 141]⁴. Туркмены и киргизы почитали могилы прославленных воинов, погибших в битве, наряду с

¹ Ср.: имеются и более древние свидетельства этого обычая. Согласно Николаю Дамасскому, синды бросали на могилы столько рыб, сколько врагов убил покойный [Латышев, 1993, с. 176]. По данным Аристотеля, воинственные иберы втыкали вокруг могилы колышки по числу врагов, убитых умершим (Латышев, 1992, с.330).

² Лю Маоцай, ссылаясь на Банга, приводит перевод фрагмента древнетюркской надписи, как будто подтверждающей наше предположение: «Сейчас Вы умерли, (но) на небе Вы будете (или сможете быть) как в жизни (то есть блистательными героями)» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 459].

³ Домусульманские военные институты и идеология сохранились и у некоторых других среднеазиатских тюрков. В.В. Бартольд писал, что военные представления, отраженные в «Китаби-Коркуд», «гораздо сильнее, чем ревность к исламу», что это «культ войны для войны» [1894, с. 207].

⁴ Ср.: в казахской «Легенде о мертвом и живом друге и о дружбе их» мертвый говорит живому: «За то, что я умер от врага... на войне, бог сделал меня таким – *саидом* (*шаидом*)» [Валиханов, 1985а:, с. 66].

¹ Ср.: болгары (Пловдивский край, Хисарский р-н) верили, что рожденные в один месяц, связаны также сроками смерти. Поэтому, чтобы порвать связь с умершим, клали ему камень со словами: «До сих пор я тебе был братом или сестрой, с этих пор он будет тебе братом или сестрой» [Халачева, 1979, с. 192]. Обычай болгар в течение 40 дней приносить камни на могилу некоторым образом перекликается с жестоким обычаем средневековых монголов, описанным Марко Поло: «... когда тела великих ханов несут к... горе, всякого, кого повстречают дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провозатые при теле, да приговаривают: “Иди на тот свет служить нашему государю!”» [Книга..., 1990, с. 80].

² Камень в головах с зарубкой наверху (чуваши, туркмены(?)), черный круглый (хакасы) и, по всей видимости, намогильная стела антропоморфных очертаний, известная у разных тюркоязычных народов.

могилами мусульманского духовенства и прочих уважаемых людей [Васильева, 1954, с. 211; ср.: Абрамзон, 1971, с. 320].

Война у древних тюрков сопровождалась ритуалами. В танских хрониках имеется сообщение о храме богов туцзюе Фуюнь (прогоняющий облака) на северном берегу р. Желтой. Туцзюе, прежде чем вторгнуться в Срединную империю, жертвовали там вино, чтобы выпросить удачу [Liu Mau-tsai, 1958, S. 320]. Кроме этого, узнав о том, что китайский полководец Чэн Утин (Tsch'eng Wu-t'ing) был казнен по навету, туцзюе воздвигли храм в его честь. Они молились там перед битвой [Ibidem, S. 335]. Впрочем, Лю Маоцай относительно этих сведений указывает, что здесь может идти речь как о почитании их (туцзюе) богов и духов, так и о китайском влиянии [Ibidem, S. 463]. В истории хунну также был случай, когда принесенный в жертву китайский полководец (Эршыский) сделался объектом почитания. Поскольку после его смерти у хунну случились несчастья, то был построен храм для жертвоприношений [Бичурин, 1950, с. 76]. Другой пример посмертной сакрализации могущественного противника содержит более поздняя монгольская традиция. Казненный Джамукэ стал духом-покровителем Чингисхана [Бартольд, 1966, с. 389].

То обстоятельство, что туцзюе, по данным СШ и БШ, приурочивали свои разбойничьи набеги к полнолунию [Liu Mau-tsai, 1958, S. 41, 499], может свидетельствовать о ритуальном характере этих действий. С полнолунием связывали военные походы и другие древние народы, например, хунну [Бичурин, 1950, с. 50] и сяньбийцы [Материалы..., 1992, с. 217]. Характерно, что древний ритуал облавной охоты у бурят также начинался в «наиболее сакральный момент времени» – новолуние или полнолуние [Жамбалова, 1991, с. 112].

Заключение мира между туцзюе и китайцами сопровождалось принесением в жертву животного [Liu Mau-tsai, 1958, S. 191, 212]. В одном случае была принесена в жертву белая лошадь, в другом – животное, вид которого не конкретизируется, зато говорится, что забил его китайский полководец. Судя по всему, такая форма заключения мирного договора была приемлема для обеих сторон.

В СТШ, в биографии Лю Хейда (Liu Hei-ta) есть сведения об использовании тюрками оружия больших размеров (лука и пяти стрел) в обряде жертвоприношения Небу: «Вначале, когда принц Цинь (будущий император Тай-цзун) учредил своё ведомство тянь-цэ-фу (T'ien-ts'k-fu), величина его луков и стрел была вдвойне больше обычной. Когда он преследовал (Лю) Хейда и [сам] был преследован туцзюе, он стрелял своими большими стрелами так, что они отступили. Туцзюе находили (отстрелянные) стрелы, раздавали их для рассмотрения и думали, что они божественные. Позднее у них остались большой лук и пять длинных стрел. Они хранили их в своей оружейной палате и рассматривали от поколения к поколению как сокровища. Каждый раз, когда на возвышенности они приносили Небу богатые жертвенные дары, они всегда выставляли их во главе других жер-

твенных даров, чтобы обнародовать свои военные успехи» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 685 – 686]. В данном отрывке имеется противоречие: найдя стрелы, тюрки сочли их божественными, но демонстрировали как свои военные достижения. Мотивировка выставления стрел и лука при жертвоприношении (обнародование успехов) явно китайская (ср.: [Ibidem, S. 300 etc.]). Не исключено, что история их обретения тюрками домыслена китайскими хронистами.

Между тем, в мифологиях разных народов нередок мотив обожествления найденного необычного оружия, как правило, меча [Жук, 1993]. Древний железный меч, водруженный на возвышении из хвороста, служил воплощением скифского Ареса, согласно Геродоту (IV, 62). Меч, найденный пастухом на пастбище, был для гуннского Аттилы ниспосланным свыше знаком благоволения [Кардини, 1987, с. 99]. Обожествление оружия связано с обожествлением совершаемого им действия. Помимо скифов, меч, воткнутый в землю, олицетворял божество войны у аланов [Аммиан Марцеллин, 1994, с. 494].

Однако не только меч, но и другое оружие могло быть воплощением духа войны. Показателем культа монгольского Черного знамени *Хара сулде*¹ – «великолепной» пики, увешанной гривами гнедых жеребцов, посвященных божеству побед (=божеству войны) *Сулде тенгри*. Эта пика была окружена четырьмя небольшими аналогичными пиками, на которых также висели гривы лошадей, поэтому Хара сулде называлось «четырёхножным». Знамени ежегодно приносились кровавые жертвы². В заклинании, произносимом при жертвоприношении, в частности, говорилось: «Врагов и недругов истребитель верный, ты жен и сыновей их забирало в плен, своему народу честь и славу приносило!» [Жамцарано, 1961, с. 232]. Во время обряда жертвоприношения четыре молодых сильных мужчины изображали богатырей – «страшных» гениев Сулде тенгри. «Они с засученными рукавами и свирепым видом жадно пьют жертвенную кровь и пожирают сердце и пр. без всякого остатка» [Там же, с. 230]. Хара сулде аналогично мировому столпу, о чем недвусмысленно свидетельствуют следующие строки упомянутого заклинания: «О вершину развесистого дерева опершись, ты гордо стояло на трехглавой горе Тоолы!». И далее: «Вершиной своей уходишь ты в вечное синее небо, основанием своим попираешь мать-землю широкую!» [Там же, с. 231 – 232]³. Исходя из этого, можно предположить, что в приведенном выше описании тюркского обряда лук и стрелы (возможно, вследствие важной роли

¹ По описанию Цыбена Жамцарано (начало XX в.).

² Жертвоприношение знамени совершали также маньчжуры [Кычанов, 1992, с. 65].

³ Для сравнения укажем, что И.Л. Кызласов считает, что у древнейших тюрков копьё было основным видом оружия [1996, с. 77]. Это обстоятельство могло сказаться на особом отношении к копьё некоторых современных тюркских народов. В частности, о сакральности копьё свидетельствует тот факт, что к нему прикреплялись жертвенные предметы – кусок ткани (=флажок, знамя) или пучок конских волос.

этого оружия в военной практике тюрков)¹ олицетворяли божество войны².

Имя такого божества упомянуто в китайских летописях. В биографии Ань Лушаня в ЦТШ и СТШ говорится, что мать его, урожденная Ашидэ, была колдуньей туцзюе и жила за счет предсказаний. Туцзюе называли битву *я-лао-шань*. Этим именем колдунья назвала сына [Ibidem, S. 267]. СТШ дополняет: «(Мать) молила Я-лао-шаня, так называемого бога войны варваров, о сыне. Вскоре после этого она забеременела. При родах палатку озарил луч света, и все дикие звери закричали. Наблюдавшие атмосферу (предсказатели), т.е. астрологи сочли это счастливым предзнаменованием». Командующий комиссар (цзедуши) Фаньяна Чжан Женьюань [Tschang Jen-yüan] приказал обследовать палатку и всех убить. Однако они спрятались и таким образом спаслись. «Мать думала, что причиной (спасения) был бог, и назвала ребенка Я-лао-шанем» [Ibidem, S. 677, anm. 1398]. Кроме того, Лю Маоцай приводит несколько иную концовку этого рассказа из СТШ: «(Еще) много было удивительных предзнаменований и особенностей, которые не перечислить полностью. Мать сочла его божественным и так дала ему имя Я-лао-шань» [Ibidem]. Несмотря на мифологичность сюжета, в данных отрывках все же имеется прямое указание на существование у древних тюрков божества войны, имя которого соответствовало или было созвучно названию битвы. В этой связи необходима реконструкция древнетюркского слова, данного в китайском написании³.

С другой стороны, покровительство войне могло быть одной из функций Неба (ср.: жертвоприношение Небу с луком и стрелами; атмосферные явления при рождении Я-лао-шаня). И.Н. Шервашидзе считает, что *Тенгри* может восходить к индоевропейскому теониму, представленному в мифологиях индоевропейцев именами божеств грозы, громовержцев (кельтский Таранис, древнеиндийский Индра и др.) [Шервашидзе, 1989, с. 83]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что рядом с верховным божеством ('небо-отец') древних индоевропейцев «реконструируется 'бог грома и боевой дружины', 'покровитель походов'. Это божество ассоциируется с высокой скалой, достигшей небес, откуда низвергаются громы и молнии» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 792]. Согласно СШ, туцзюе сравнивали ки-

тайского полководца Чан-сунь Шена (Tsch'ang-sun Scheng), наводившего на них страх, с громом и молнией. Некий покорившийся сановник туцзюе будто бы уверял Ян Гуана (Yang Kuang), что когда туцзюе слышали звон стрел Чан-сунь Шена, то думали, что (гремит) гром, а когда видели его неистовую лошадь, думали, что (сверкает) молния [Liu Mau-tsai, 1958, S. 107]. Однако император Ли Юань (Li Yüan) подобным образом отозвался о туцзюе: «они проносятся как буря и молния» [Ibidem, S. 130]. Несмотря на китайское авторство, сравнения сделаны вполне в эпическом духе. Не исключено, что высказывание тюркского вельможи действительно имело место¹. О существовании у средневековых кочевников (монголо-татар) представлений о связи грозы (грома) и военных походов свидетельствует «Мэн-да бэй-лу» [1975, с. 79]: «Когда [они] слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход». Что касается эпических данных, то некоторые черты древнетюркского божества войны мог сохранить дух кровожадности в *олонхо* и исторических преданиях якутов – *илбис* [Ермоленко, 1995, 1998].

Судя по китайским источникам, главной целью набегов туцзюе был грабеж [Liu Mau-tsai, 1958, S. 91, 130 etc.]². Об этом же пишет ал-Джахиз в «Послании Фатху б. Хакану» (IX в.): «...война ведется ими исключительно ради грабежа» [Мандельштам, 1956, с. 248]. Добычу туцзюе составляли люди и скот, соболища и шелк. Что касается угнанных людей, то китайские источники говорят о мужчинах и женщинах [Liu Mau-tsai, 1958, S. 163, 185], женщинах и девушках [Ibidem, S. 183], девушках [Ibidem, S. 114], прекрасных женщинах [Ibidem, S. 134], чиновниках [Ibidem, S. 213], но чаще упоминаются мальчики и девочки (Knaben und Mädchen) [Ibidem, S. 188, 217, 235]. О том, что последние предпочитались, свидетельствует то обстоятельство, что герцог Тан (617 г.) пытался привлечь кагана тюрков на свою сторону обещанием отдать ему всех захваченных мальчиков и девочек, нефрит и шелк [Ibidem, S. 363]. Точно такое же вознаграждение китайский император предложил кагану в 736(?) г. в случае уничтожения тюргешей [Ibidem, S. 378].

Лю Маоцай пишет: «Они (туцзюе – Л.Е.) грабили скот и шелк, чтобы повысить свой жизненный уровень и угоняли мальчиков и девочек, чтобы сделать их рабами» [Ibidem, S. 426]³. Вместе с тем, он предполагает, что туцзюе совершали набеги не только вследствие хозяйственной необходимости или алчности. Не в последнюю очередь, по его мнению, набеги были бравадой кагана, своего рода «пробой мужества» ради утверждения каганской власти над

¹ Лю Маоцай пишет: «...их (туцзюе – Л.Е.) главным оружием были луки и стрелы и они очень восхвалялись в надписи храма туцзюе (т.е. Даинивеньмухана – Л.Е.)» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 130, 430]. В этой надписи говорится: «У них (туцзюе – Л.Е.) были луки, скрепленные клеем из костей сказочного зверя килин и украшенные рогом, и стрелы с перьями кондора, которыми они стреляли в орлов» [Ibidem, S. 39].

² У монгольских народов лук и стрелы также почитались. Во время обряда сурук рядом с Чомчуком – «дворцом» Чингисхана – ставилась специальная юрта для *хор эджен* – лука и стрел Чингиса [Жамцаран, 1961, с. 205]. Ср.: пожелание новобрачному: «Свой *садак* и лук вешай на лучшем месте» [Жамцаранов, 1907, с. 114].

³ ср.: *Лушань* восстановлено В. Хеннингом как согдийское *Рохшан* [Кляшторный, 1964: 122, прим. 208].

¹ Ср.: действие оружия и стремительный бег коня иногда сравниваются в тюркском героическом эпосе с громом, молнией [Липец, 1984, с. 66; Маадай-Кара, 1973, с. 314, 345; Валиханов, 1984, с. 207].

² Страсть к грабежам китайские источники отмечают и у других «северных варваров» – теле, киданей, хи [Liu Mau-tsai, 1958, S. 124, 125, 128].

³ Возможно, однако, что, в условиях ведения непрерывных войн, туцзюе захватывали детей для пополнения собственного населения.

подчиненными [Ibidem, S. 378]. Следует также заметить по поводу такой военной добычи, как «прекрасные женщины» и девушки (независимо от того, становились ли они потом женами, наложницами или рабынями тюрков), что, с точки зрения эпического сознания «завоевание невесты», было героическим деянием¹.

Судя по древнетюркским надписям, геройская доблесть также проявлялась в убийстве врага² [Малов, 1951, с. 41 (КТ6,36), 42 (КТ6, 42,2; 45,5; 49,9); 1952, с. 52, 80, 95, 97]. Не исключено, что у тюрков, как и у некоторых других народов, переживавших героическую эпоху, существовал обычай предоставлять доказательство убийства врага³. По всей видимости, у тюрков таким доказательством служила голова. Л.Р. Кызласов полагает, что тувинское изваяние воина, держащего в руках голову, объясняется подобным обычаем [Кызласов, 1969, с. 41; рис. 2, 1]. Имеется еще одно изобразительное свидетельство второй половины IX в. (по Хауссигу). Это сцена на медальоне кувшина из Надь-Сент-Миклош: к седлу всадника, влекущего за собой пленного, приторочена отрубленная мужская голова [Haussig, 1992, Abb. 114]. Что касается китайских письменных источников, то они содержат сведения о случаях отрубания голов врагов не только тюрками и другими варварами [Liu Mau-tsai, 1958, S. 131, 171, 230, 248], но и китайцами. Причем в сообщениях о военных успехах китайских войск зачастую указывается число отрубленных вражеских голов [Ibidem, S. 186, 190, 237, etc.].

Отрубленная голова врага упоминается также в эпосе тюркоязычных народов. Так, в туркменском героическом эпосе вражеский богатырь грозитя убить Гёр-оглы и привезти его голову, приторочив к седлу [Гёр-оглы, 1983, с. 578, ср.: с. 583]. Сражающийся Кобланды «Не успокоился, пока с врага, / Сражавшегося с ним, голову не снял» [Кобланды-батыр, 1975, с. 342; ср. Манас, 1988, с. 583; Бартольд, 1894, с. 207].

Убийство врага было общественно значимым подвигом. Древнетюркская надпись из Кызыл-чира (второй памятник) гласит: «Божественному государству польза моя: девять [вражеских] мужей я умертвил»

¹ Ал-Джахиз (IX в.) свидетельствует, что тюрки не сражались из-за соперничества, кроме как из-за женщин [Мандельштам, 1956, с. 233]. Чингисхан расценивал захват прекрасных женщин (наряду с победой над врагом и грабежом) как «высшую радость и наслаждение для мужа» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 265].

² Набеги туцзюе сопровождалась убийствами как солдат противника, так и мирных жителей.

³ Доказательством убийства у скифов и хунну была голова врага [Геродот, 1972, IV, 64; Бичурин, 1950, с. 50]. Мужуны представляли в качестве доказательства уши убитых [Материалы..., 1992, с. 132]. Так же поступали монголы. В сражении при Вальштадте они «...девять мехов великих ушей нарезали от бивней, по одному от коегождо режуше, еже училища того ради, дабы могли ведать число побивенных» [Лызлов, 1990, с. 123]. Ср.: вышеописанный обычай отрезания ушей убитых врагов у ингушей. Уши, кисти рук или одежду приносили в доказательство убийства врага кафиры [Йетмар, 1986, с.38].

[Малов, 1952, с. 80 (3); ср.: Чадамба, Васильев, 1980, с. 134]¹. Убийство врага также было важно для заgrabной судьбы героя, поскольку оно ознаменовывалось изготовлением предмета погребального назначения – *балбала*. Следует отметить такие эпизоды из истории тюрков: самопожертвование Туохунье (T'u-yü-hun-ye), убившего себя, чтобы быть погребенным вместе с Хели [Liu Mau-tsai, 1958, S. 145]; просьба Ашина Шэяра похоронить его с императором Тай-цзуном [Ibidem, S. 265]; принесение четырех «военнопленных гуннов» в жертву умершему Дизавулу (=Истеми) [Менандр, 1860, с. 422]. По всей видимости, они отражают представления о совместном загробном существовании покойника с сопребенными или умершими (умерщвленными) ради него людьми (ср.: [Ecsedy, 1984, p. 264 etc.])². Так как покойный (при жизни) был причиной гибели врагов, они принадлежали ему и в ином мире, ибо, убив, он одержал над ними верх. Ввиду существования божества войны убийство врага, как и грабеж добычи, должно было осмысливаться как жертвоприношение этому божеству³.

Понятия доблести (*erdäm*), славы (*čab*) и героического имени (*er at*), имени и славы (*at kü*) [Малов, 1951, с. 40, КТ6 (26); Малов, 1959, с. 22], относящиеся к воинским деяниям *эра*, видимо, входили в систему представлений, связанных с культом божества войны и были близки к соответствующим эпическим категориям. Культовым был также институт

¹ Отсюда государственный статус военного сословия. Ср.: в каракалпакской героической поэме «Кырк-кыз» говорится: «Нет батыра без народа (букв. без эля – Л.Е.)» [Жданко, 1958, с. 113].

² Ср.: жестокий обычай ранних османских турков (XIV в.) убивать над телом погибшего в бою или над его могилой пленных, либо приобретенных для этой цели людей (по Кантакузену) [Vryonis, 1971, p. 144]. Согласно другому греческому автору Халкокондилу, наследник умершего султана – Мурад II во время военного похода в Пелопоннес принес 600 купленных рабов в жертву своему отцу [Ibidem, p. 145]. Отголосок подобных древних представлений сохранился в уже цитировавшейся «Легенде о мертвом и живом...». В ней мертвец, погибший в поединке с врагом, просит живого зарезать этого врага и его лошадь со словами: «Дойди до друга!». После чего враг, а также убитые по просьбе мертвого молодая женщина, две девушки, собака и ястреб оказываются в загробном жилище умершего [Валиханов, 1985а, с. 68 – 69]. А.И. Левшин в труде «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» привел случай, когда плененные враги были убиты родственниками, мстившими за кровь, на могилах жерв [Левшин, 1996, 329].

³ Грабеж и убийство, согласно Гуго Гроцию, составляли древнее «право войны» [Гроций, 1956, с. 619, 641 и др.], в силу чего обладали сакральностью. Известно, что скифы приносили пленных в жертву Аресу. Способ умерщвления пленных в следующих сообщениях китайских хроник наводит на мысль, что здесь могло иметь место жертвоприношение. В 698 г. Мочо убил всех (=80 – 90 тыс.) угнанных мужчин и женщин [Liu Mau-tsai, 1958, S. 163]. СТШ уточняет: закопал захво [Ibidem, S. 217]. Так же, как китайский полководец Ся, Женьгуэй приказал закопать живыми несколько десятков *храбрых и сильных* солдат девяти племен, выразивших желание покориться после того, как он тремя стрелами убил троих из них [Ibidem, S. 305 – 306].

волчьего воинства, существование которого можно предположить, исходя из сведений китайских источников о *фули* – «волчьей» гвардии кагана, *фулин-кагане* – титуле, указывающем на манию убийства, волчьей символике на знамени военного предводителя – кагана¹ [Liu Mau-tsai, 1958, S. 40, 181, 499; Ермоленко, 1998].

Исходя из данных о сакральности войны у тюрков, балбалы в «модели мира», устроенной по поводу смерти тюркского эра, вероятно, символизировали жертву умершего божеству войны (=убитые вражеские мужи) и обозначали путь героя в обитель этого божества. Одновременно число балбалов соответствовало количеству тех, кто составит окружение покойника в ином мире (прежде всего, враги, убитые им самим или другими и поднесенные в качестве погребального дара). Реконструируемый смысл балбалов в «модели мира» в честь геройского мужа-эра в общем соответствует многообразию традиционной семантики элементов «ряда».

3.1.3. Изваяния древнетюркского облика и их атрибуты в аспекте военной (эпической) идеологии

Сопоставление комплекса *оградка* – *изваяние* – *балбалы* и традиционных сооружений, моделирующих мироздание, показало, что изваяние есть антропоморфная метафора мирового столпа («модель мира») (ср.: [Раевский, 1983]). Не случайно место изваяния в некоторых случаях занимает стела. Сами изваяния часто изготовлялись из камней, напоминающих человеческую фигуру, так что природная (нередко четырехгранная) форма монолита лишь слегка подправлялась. Четырехгранная форма изваяния сообразуется с четырехугольной формой оградки. Как и оградка, изваяние воплощало структурированные представления о четырехстороннем, двухчастном и тройственном строении мира [Ермоленко, 1995а, с. 188 и сл.].

Выше говорилось и о том, что объект – воплощение «мирового древа» (столпа) в культовых (и намогильных) сооружениях – нередко снабжался жертвенными дарами. О подобном ведическом образе Ж. Дюмезиль писал: «для религиозной функции важность... жертвенного столба хорошо известна: к нему не только привязывают жертву физически, он призван проводить ее к богам, вообще же – установить сношения между небом и землей; он приравнивается одновременно и к самому приносящему жертву, и к космическому столпу, опоре мира» [1990, с. 136 – 137]. Характерно, что среди предметов, которыми оснащались намогильные столбы или объекты *ряда* в культовых сооружениях, были также «позообразующие» (функ-

циональные) атрибуты изваяний – *сосуд* и *оружие*¹.

Локализация этих атрибутов на изваянии – метафоре мирового столпа – может быть охарактеризована посредством бинарных оппозиций. В асимметрично расположенных руках изваяния сосуд оказывается ‘справа’ и ‘вверху’ (+), тогда как оружие – ‘слева’ и ‘внизу’². Это не случайно, поскольку сакральный напиток соответствует благодати-жизни, тогда как оружие – смерти-ущербу.

Сосуд, прежде всего, ассоциируется с распространенным у тюркских и монгольских народов древним обычаем жертвоприношения пьянящим (молочным) напитком. Последний этнографически зафиксирован в связи с почитанием древних божеств и отправлением уходящих в древность обрядов³. Письменные источники свидетельствуют, что этот обычай был также у древних и средневековых тюрков и монголов.

Выше приводилось сообщение из ЦТШ и СТШ о жертвовании туцзюе вина⁴ в храме Фуонь накануне

¹ Кроме намогильных столбов, на которых вывешивались (изображались) военные доспехи и оружие, и устанавливаемого на могиле копыя, можно перечислить факты сочетания оружия и метафоры мирового столпа в фольклоре. Согласно якутским преданиям, в эпоху кыргыса около жилищ боотуров, помимо коновязей, имелись столбы (деревья) для вешания доспехов и оружия [Исторические..., 1960, с. 179, 225]. Боотур Быркынгаа, покончив с войной, перерезает тетиву своего лука и вешает его на дерево [Там же, с. 239]. Омоллоон, по одной из версий, кончает жизнь следующим образом: «взяв тетиву лука, привязал коня за шею, другим концом – себя за горло, затем, перебросив коня через развилку дерева», повесился [Там же, с. 189]. Самоубийство Омоллоона есть, таким образом, самопожертвование (ср.: скандинавский Один сам себя приносит в жертву: висит на дереве, пронзенный копьем). В связи с антропоморфной метафорой мирового древа знаменательно, что в «Древней Эдде» воин иносказательно назван «деревом меча».

² Исключение составляет изваяние с левого берега р. Хар-Яма (Монгольский Алтай) [Кубарев, Цэвээндорж, 1995, табл. IV, 8]: *левая* рука с оружием (нож или кинжал, по мнению В. Д. Кубарева и Д. Цэвээндоржа) поднята к груди, тогда как прочее оружие висит на поясе.

³ Якуты, например, во время *ысыаха* и других обрядов приносили жертву кумысом Небу и Земле, божествам айыы и т.д. [Дьяконова, 1986, с. 142; Алексеев, с. 1975, с. 76, 81 и т.д.]. Жертвоприношение молочной водкой (аракой) совершалось шорцами при камланиях Ульгеню и Эрлику [Хлопина, 1978, с. 74, 87], бельтирами – при молении Небу и Земле [Майнагашев, 1916, с. 94, 96; Потапов, 1978, с. 59]. В хакасском заклинании, обращенном к Ымай (Умай), в качестве жертвы, в первую очередь, предлагался хмельной напиток [Бутанаев, 1984, с. 96]. В старинном обряде Коча-кан у кумандинцев напиток предназначался нескольким духам, в том числе и Коча-кану [Сатлаев, 1971, с. 133]. Тюркские и монгольские народы жертвовали пьянящий напиток огню, домашним покровителям, обо, духам гор, перевалов, а также в шаманской практике и т.д. [Дыренкова, 1927; Сатлаев, 1974, с. 149, 160; Хангалов, 1958, с. 352; и др.]. Наконец, опьяняющий напиток был жертвой умершему на разных этапах погребального обряда [Катанов, 1895, с. 118 – 120, 122 – 125, 130; Томилов, 1983, с. 117; Сатлаев, 1974, с. 164].

⁴ Вероятно, речь идет о кумысе. Ср.: сообщение СШ об обычаях туцзюе: «Они пьют сброженное кобылье молоко и пьянеют» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 42].

¹ Знамя с волчьей головой было, судя по всему, каганским символом. Китайские хроники сообщают о случаях возведения тюрками в ранг каганов некоторых китайских мятежников. При этом им вручалось знамя с волчьей головой [Liu Mau-tsai, 1958, S. 83, 85]. Китайский император подарил знамя с волчьей головой Дяньгюэ (Датоу), «чтобы создать видимость оказания почести» [Ibidem, S. 99].

вторжений в Китай. В СШ описан киданьский обычай возлияния хмельного напитка усопшему. После похорон сожженных останков кидани «...жертвовали вино, которое лили на землю и молились: “В зимние месяцы (ты) ешь, обратясь к солнечному свету (или к югу). Когда я иду на охоту, позволь мне заполучить много кабанов и оленей”» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 125]. Подобный обычай существовал, по всей видимости, и у тюрков. ТШ повествует о несчастье, постигшем туцзое в 630 г.: «...их поразила эпидемия, так что южнее Великой стены их останки громоздились холмами. Компетентные (китайские – Л.Е.) органы пожертвовали им вино и сушеное мясо и зарыли их в могилы» [Ibidem, S. 196]. Хотя И. Эчеди полагает, что в данном случае совершено жертвоприношение китайского типа (напиток + еда) [Ecsedy, 1984, p. 277], жертва вполне отвечала нравам тюрков. В «Мэн-да бэй-лу» описан обычай жертвоприношения вина у средневековых монголов: «Всякий раз, когда [они] пьют вино, [они] прежде всего совершают возлияние» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 79; ср.: Рубрук, 1957, с. 94].

Как отмечалось выше, общественные моления у тюркских и монгольских народов не ограничивались предложением жертвы божествам. Следующим их этапом являлась коллективная трапеза с обрядом «круговой» чаши. Церемония «круговой» чаши подробно описана В.Л. Серошевским у якутов, М.Н. Хангаловым у бурят, Л.П. Потаповым у алтайцев и т.д.

Приведем наиболее сжатое описание М.Н. Хангалова. Распорядитель пира (виночерпий) «...наливает сначала немного вина и выплескивает его на огонь в очаг или просто какает им на стол, а затем наливает полную чашку и подает ее гостю, если он есть (если же нет его, то одному из старейших среди сидящих). Гость, получив чашку тарасуна или вина, не выпивает ее, а подает со своей стороны кому-нибудь другому, обыкновенно хозяину дома, и этот выпивает. Потом пустая чаша возвращается... (к виночерпию – Л.Е.), который снова наполняет ее и подает домохозяину. Последний, отпивает из чашки небольшой глоток... и подает гостю, и гость пьет. Чашка снова возвращается к... (виночерпию – Л.Е.), затем подается следующему по очереди и т.д., пока каждый из присутствующих не выпьет своей доли, называемой бурятами *духарян* – ‘очередь’. ...При этом каждому представляется полное право подавать свой *духарян*, кому он хочет, хотя бы тот уже и выпил свой *духарян*» [Хангалов, 1958, с. 189 – 190]. Примерно такие же правила соблюдали в обряде «круговой» чаши алтайский [Потапов, 1951, с. 166 – 169] и якуты [Серошевский, 1896, с. 538].

Л.П. Потапов считал, что церемония «круговой» чаши при питье хмельных напитков как способ уравнительного распределения продукта восходит к первобытной древности. Хотя, как уже подчеркивалось, ‘круг’, подобно ‘ряду’, в традиционном обществе, отражал социальную иерархию (возрастную или поло-возрастную, имущественную и пр.).

Древние тюрки, вероятно, также соблюдали обычай «круговой» чаши. Китайские источники сообщают,

что у них имелся титул *фуни-жехань* (Fu-ni Jkhan) от *фу-ни* (Fu-ni) – ‘вино’. Фуни-жехань «должен был перепроверять [случай] нарушения закона и следить за субординацией» [Liu Mau-tsai, 1958, S. 499]. Такая функция вполне могла проистекать из традиционных обязанностей виночерпия, следившего за соблюдением очередности в обряде «круговой» чаши. Танские хроники зафиксировали ссору посланника туцзое с представителем тюргешей из-за места на пиру, устроенном китайским императором, что подтверждает наличие у них местнических отношений [Ibidem, S. 420, ср.: S. 99]. В ЦТШ, кроме того, говорится, что Малый шад (=Бильге-каган) пировал со своими приближенными, сидя в *кругу* [Ibidem, S. 176]. Сюань Цзян, посетивший Суяб в 630 г., описал пиршественный ритуал в ставке западнотюркского кагана. После того, как присутствующим было предложено вино, «...все стали угощать друг друга, наполняя чаши и бокалы и взаимно обмениваясь ими» [Зуев, 2002, с. 265]. Обычай взаимных угощений во время пиршества существовал у средневековых монголов¹.

Ритуал «круговой» чаши, помимо общественных молений и коллективных пиршеств (таких как пиршества – уравнительные распределения араки у алтайцев, бурятские архидаширы), представлен в семейной обрядности тюркских и монгольских народов. Характерно, что для семейных обрядов (как и для общественных) напиток собирался коллективно.

В погребально-поминальной обрядности тюркских народов умерший представлялся участником ритуала «круговой» чаши. Согласно С. Майнагашеву, у хакасов сородичи умершего приходят на поминки с аракой и кушаньями. Каждый кормит умершего, возливая араку на костер, затем три чашки выливает в особый туес, предназначенный умершему, предварительно выпив оттуда чашку. В другом случае на кладбище «пришедшие, усевшись в круги, угощали друг друга аракой. Угощали и покойника, выливая напиток просто между камней насыпи, против его головы». На камне, возложенном на насыпь над головой покойника, вместе с пищей также стояла чашка с аракой. «Время от времени из нее напиток выливали

¹ Китайский источник 30-х годов XIII в. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн-да-я и Сюй Тина содержит одно из наиболее древних подробных описаний ритуала «круговой чаши»: «Например [человек] А, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б [из той же чашки]. Б, прежде чем пить, подает чашку А. [В это время] В и Г чмокают губами. Это называется «вкушанием». [Лицо] А [в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку] В, чтобы тот выпил. В выпивает и, зачерпнув [кобылье молоко], угощает [им лицо] Б. Б снова отказывается пить и дает пить [лицу] Г. Г совершает такой же обряд, как и В, и только теперь [лицо] Б выпивает и, зачерпнув [молоко], угощает [им] А. А снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам] В и Г. Это называется «обменом кубками». Авторы попытались рационально объяснить происхождение обычая: «Первоначально это делалось для того, чтобы предостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай» [Краткие..., 1960, с. 139; ср.: Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 83].

и наполняли ее снова» [Майнагашев, 1916а, с. 281 – 282]. У тувинцев на месте погребения старший родственник умершего подносил присутствующим араку. Все пили из одной чаши [Дьяконова, 1975, с. 58 – 59, 106]. Шорский шаман, отправляя душу усопшего в загробный мир, угощал ее аракой. Душа, в свою очередь, угощала кого-нибудь из участников камлания [Хлопина, 1978, с. 76]. На Горном Алтае в погребальный сруб шамана по очереди входили родственники с чашечкой араки. «Пригубив араки, выливали ее над головой покойного» [Дьяконова, 1975, с. 81]. Сагайцы в конце XIX в., перед тем как зарыть могилу, отведывали водку из одной бутылки, а потом ставили ее по правую руку покойного [Катанов, 1895, с. 122]. Чуваши, как писал в конце XIX в. В.И. Михайлов, во время поминок «подносят друг другу водки и пива, при чем небольшое количество льют на могилу, причитая те же слова (*умынде пуддыр – ‘пред тобою будь’ – Л.Е.*), а оставшееся выпивают сами» [Михайлов, 1891, с. 94].

Напомним, что сосуд древнетюркских изваяний, за редкими исключениями [Кубарев, 1984, табл. XVII, 105; XVIII, 107; XXVI, 158; Чариков, 1976, рис. 1, 3], также находится в правой руке. Изображение сосуда в левой руке, возможно, отражало представление об инаковости загробного мира. Бельтиры, например, отбивали горлышко бутылки, налитой вином, и оставляли ее при погребении у левой руки умершего (вероятно, представляя, что в загробном мире все окажется наоборот) [Катанов, 1895, с. 118]. Однако обратная позиция рук изваяний может также объясняться феноменом зеркального отражения [Успенский, 1995, с. 255].

В иконографии изваяний *сосуд* сочетается с *оружием* и, таким образом, приобретает дополнительный смысл как атрибут воина. Анализируя универсальные категории средневековой культуры, А.Я. Гуревич констатирует, что идеал жизни средневекового варвара-воина являл собой непрерывную смену кровопролитий и пиров [Гуревич, 1972, с. 212; ср.: Кардини, 1987, с. 144 – 145]. И в эпосе тюркских и монгольских народов, по наблюдению Р.С. Липец: «пиры... композиционно служат нередко отправным моментом развития сюжета, а также концовкой, завершающей подвиги и победы батыров» [1984, с. 29].

Дружинные пиршества в варварских обществах не только были формой распределения пищи и захваченного богатства в дружине, но и несли на себе отпечаток культовости [Дюмезиль, 1976, с. 170; Кардини, 1987, с. 144].

Военные пиры сообразовывались с теми же правилами, что и традиционные. Например, воины на пиру рассаживались кругами: «...составив семь полных кругов, за обильной прозрачной арзой восседали (богатыри)» [Джангар, 1990, с. 241]. Пиршеством калмыцких богатырей распоряжался кравчий-*сёнгчи*. Воины рассаживались в соответствии с заслугами, справа и слева от сидящего в центре их предводителя Джангара. Богатырь Хонгор не решается нарушить очередность в беседе: «Если восседающий справа от владыки / Не спросил, / Как же мне обра-

титься [к нему] / Мне, [восседавшему] с левой стороны?» [Джангар, 1990, с. 270].

Вражеский богатырь Аля Монхля попытался занять почетное место рядом с Алтан Чаджи, «возглавлявшим сидящих с правой стороны», но воины Джангара воспрепятствовали этому (ср.: пример такого рода «местничества» в тюркском эпосе [Липец, 1984, с. 34]).

На тое у Манаса богатыри также рассаживаются в круг: «Широким кругом сели они, / В середине круга – простор» [Манас, 1988, с. 335]. В «Манасе» встречаются сцены взаимного угощения напитком: «Двумя руками чашу [Алмамабету] поднесли, / «Передайте моему абаке», – / Сказал Алмамабет, говорят. / Богатырь Бакай губы смочил, говорят, / Подошел с поклоном Джабыке, / Подал [чашу] Алме, говорят. / Принял чашу Алмамабет» [Манас, 1988, с. 542; ср.: Дыренкова, 1940, с. 93].

Эпические богатыри пьют напиток из чаш невероятного размера и в немыслимом количестве. Р.С. Липец замечает: «...в этом сказители видят *одно из доказательств их удалства*» [1984, с. 30]¹. Между тем, *ассоциация доблести с пьянящим напитком* имела место в милитаризованных кочевых обществах в разные исторические эпохи. О скифах в многократно цитированном отрывке из «Истории» Геродота говорится: «Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер², из которого *пьют скифы, убившие врагов*. А те, кто этого не совершат, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие. А все *те из них, кто убили очень многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих*» [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 123; ср. Геродот, 1972, IV, 66].

Китайские авторы писали о хунну: «Тот, кто в сражении отрубил голову неприятелю или возьмет его в плен, *жалуется одним кубком вина*, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают [его] рабами и рабынями» [Материалы..., 1968, с. 41].

В средневековых источниках нет описания подобного древнетюркского обычая. Однако его существование косвенно подтверждают рунические надписи-благопожелания на сосудах, указывающие адресата-героя: «Вкушай, добрый герой Умсуг!», «Испробуй (открой) свою долю, ...Амаш ...герой!» [Боровков, 1963, с. 191, 193]. Исходя из надписи на одном из сосудов («будь(те) имеющими имя, будьте имеющими тамгу»), И.Л. Кызласов предположил, что у древних тюрков человек, обретший мужское имя, «одновременно с этим... получал право на личный гербовой знак и собственную пиршественную чашу...» [1996, с. 83]. Не исключено, что подобно скифам и хуннам, тюркские мужи не раз достаива-

¹ Ср.: в алтайском героическом эпосе Ак-каан объявляет во время пира: «Кто съест мясо шести волов, кто выпьет шесть тажууров араки, тот пусть берет мою дочь» [Суразаков, 1985, с. 225]. Здесь состязание оружием и пр. заменено состязанием в еде.

² Речь, вероятно, идет о скифском котле [Ермоленко, 1998а, с. 111].

лись за доблесть сосуда с вином. Вероятно, этот обычай вообще имел широкое распространение. Например, современные буряты и монголы награждают чашей пьянящего напитка борца, победившего во время обрядовых состязаний [Хангалов, 1958, с. 279; Жуковская, 1989, с. 242].

Чаша сакрального напитка не только воздавалась воину за героизм, но и скрепляла обет, клятву совершить новое доблестное деяние. Тот или иной богатырь Джангара, объявив на пиру о своем намерении сразиться с врагом, «подряд семьдесят один раз» испивал «из огромной желтой фарфоровой чаши, что подносят семьдесят человек» [Джангар, 1990, с. 241, 214; ср.: Липец, 1984, с. 31].

Пьянящий напиток обладает свойством вселять мужество. Киргизское предание повествует о том, что некий Сарсен, узнав о гибели детей, падает без сознания. Жена стыдит его за проявление слабости: «В одной руке она держала сосуд с молочной водкой *арак*, в другой меч *кылыч*, сказала мужу, чтобы он встал, выпил и взял в руки меч» [Абрамзон, 1972, с. 75]. В «Джангаре» имеется формула, передающая чудесное воздействие напитка. После того как богатырь выпивает чашу, с ним происходит следующее: «Горячее сердце / Забилось в груди, / Двенадцать отваг / Стали [грудь] распирать, / Десять белых пальцев / Сжались в кулак. / Зоркими черными глазами / Двенадцать раз он вращал / И стали они подобны глазам нападающего кречета. / “Если высохнуть [суждено] – / То лишь горсти моих костей! / Если пролиться [суждено] – / Так лишь *чаще крови моей*” – прокричал он» [Джангар, 1990, с. 241 и др.].

В цитируемом отрывке кровь явно соотнесена с напитком. В тюркском героическом эпосе кровь также отождествляется с сакральным напитком. В «Алтын-Арыг» богатыри умоляют Манган-Сайына: «Нашу кровь, словно белое молоко, / Не проливай!» [Алтын-Арыг, 1988, с. 390]. В «Манасе» воины выражают готовность погибнуть словами: «Пусть в бурдюках будет наша кровь (подразумевается – вместо кумыса – Л.Е.)!» [Манас, 1988, с. 336]. Пиру уподобляется и сама битва. В «Мухаббат-намэ» (XIV в.) о воинах Мухаммеда Ходжа-бека говорится, что они «*Вступают в битву, подобно тому, как входят на пир, / подобно тому, как входит к овце изголодавшийся волк*» [Щербак, 1959, с. 152; ср. в якут. эпосе: Липец, 1984, с. 39]. Не случайно в надписи Кюльтегина войско тюрешей уподобляется огню и *вину* [Малов, 1951, с. 41, КТБ (37)]. К военно-пиршественной метафористике относится и образ «чаши гибели». Выражение «испить горькую чашу» означает в эпосе погибнуть в битве [Алтын-Арыг, 1988, с. 410]¹.

Ввиду сакральности войны у древних тюрков и жертвенного назначения балбалов, сосуд, изображенный на древнетюркском изваянии воина, мог также олицетворять возлияние божеству (божествам), покровительствующему войне. Символичен жест пра-

вой руки изваяния, возносящей сосуд. Выше указывалось, что такой жест встречается в центральноазиатском культовом искусстве в иконографии не только адорантов, но и божеств.

Жест левой руки изваяния – прикосновение к оружию во время жертвоприношения сакрального напитка, вероятно, следует рассматривать как жертвоприношение – клятву оружию. Между тем, оружие является вещной метафорой убийства (=действие, сообразное божеству войны) и атрибутом военного божества. Кстати, в тюркском и монгольском героическом эпосе имеются сюжеты, которые можно трактовать как жертвоприношение либо клятву мечу.

В калмыцком эпосе «Джангар» девушка-богатырка, пришедшая на помощь богатырю Мингьяну, из лука отстреливает голову вражескому богатырю Барс Мергену, едущему на коне Шара Цохоре: «Когда, Шара Цохора завернув, / Поводья на себя потянув, / Литой серебряный чембур / Вокруг колен обмотав, / Острый желтый меч / В землю воткнула и держалась за него / С жизнью расстался [Барс Мерген]» [Джангар, 1990, с. 302].

Вполне допустимо предположить древность этого сюжета, связанного с архаичным образом девы-богатырки. В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» разгневанный герой так сообщает о решении отправиться в поездку, чтобы спасти похищенную девушку и найти пропавших боотуров: «*Свой кровавый черный меч / воткнул на четверть / в землю посредине поля / и оперся печенью на рукоятку / глубоко вздохнул несколько раз / и, сплнував на землю со звоном «топ», / сказал, что едет...*» [Нюргун..., 1947, с. 217]. В приведенных отрывках меч (как уходящий в землю вертикально удлинённый предмет) метафоричен мировому столпу¹, т.е. речь идет о культовых актах.

Итак, образ, запечатленный на древнетюркских изваяниях, может быть сопоставим с умершим – «участником» обряда погребально-поминального цикла, организованного как пиршество-жертвоприношение, на первом этапе которого жертва предлагалась божествам (и умершему), на втором – долевым образом («круговая чаша») распределялась между живыми сородичами или соратниками (и умершим)². Факт, что даже наиболее реалистичные изваяния представляют собой поясное изображение, возможно, объясняется различием поз, присущих участнику обряда на каждом из этапов. Предлагая в ряду напиток (либо другую жертву) божествам, он стоит (или опускается на одно колено); тогда как во время церемонии *круговой* чаши сидит (ср.: в редких случаях, когда поза ног на изваяниях устанавливается, показаны сидящие, либо стоящие фигуры). Как военно-пиршественная метафора сосуд, вкупе с оружием, становится символом доблести умершего. Ввиду военного аспекта семантики образа, поза

¹ О мече как метафоре мирового древа см. статью Д.С. Раевского о семантике скифских изваяний [1983, с. 53 – 54].

² Этому предположению не противоречат редкие многофигурные сцены, встречающиеся на изваяниях [Грач, 1958; Чариков, 1989, рис. 2; Кубарев, Цевээндорж, 1995, табл. IV,8].

¹ В этом же семантическом ряду, по-видимому, находится известный у разных народов обычай изготовления чаш из черепов убитых людей.

адорации приобретает значение почитания божества, покровительствующего кровопролитию.

3.2. КЫПЧАКСКИЕ «СВЯТИЛИЩА» И ИЗВАЯНИЯ КЫПЧАКСКОГО ОБЛИКА

Семантику изваяний группы 2 изучать сложнее. Их иконография бедна деталями, сооружения, в связи с которыми они устанавливались, разнотипны и мало изучены.

В иконографии данных изваяний отразилось «родовое» видение человека в отличие от «сословного», свойственного статуям группы 1. По всей видимости, смена сословной идеологии родовой была обусловлена тем, что посттюркские кочевые общества не сумели достичь могущества своих предшественников. Например, кыпчаки, с которыми мы связываем бытование изваяний группы 2 в казахстанских степях, так и не создали единого государственного образования. С.М. Ахинжанов констатировал: «Мы должны согласиться с выводом В.В. Бартольда, писавшего: “Были отдельные кыпчакские ханы, но никогда не было хана всех кыпчаков”» [1989, с. 280]¹.

Конструкция памятников, состоящих из изваяний кыпчакского облика, и сооружений кажется также сформированной мировоззренческими универсалиями.

Формы сооружений, в связи с которыми устанавливались изваяния группы 2, сводятся в плане к *кругу* (каменная либо земляная насыпь, т.е. «курган») и *четырёхугольнику* (ограда или выкладка в насыпи). В любом случае внешним формообразующим элементом конструкции является *насыпь*. Изваяния установлены в *ряд* (шеренгу) внутри либо снаружи сооружений. Чаще всего они обращены лицами на восток. В случае установки изваяний двумя шеренгами, образующими угол, лица фигур направлены на восток и север (или юг).

Вряд ли нужно здесь доказывать мировоззренческий смысл квадрата, круга или квадрата, вписанного в круг (=ограда в насыпи)². Достаточно сказано о том, какую роль в картине мира играют направленные ввысь объекты, в частности, насыпь (курган) – метафора мировой горы. Значение *ряда* как сакрального порядка объектов в сооружениях, моделирующих мироздание, было рассмотрено выше.

Изваяния кыпчакского облика, характеризующиеся стеловидностью, в контексте «модели мира» олицетворяют мировой столп (древо). Их иконографию отличает симметрия образа и локализация сосуда в телесном ‘низу’. Сосуд (не пиршественная чаша, но вместилище пищи), соседствует с чревом, тем са-

мым жертва предлагается нижнему миру (=земному чреву). Хтоническое назначение жертвы подтверждается также нахождением изваяний в ограде-яме под насыпью. Семантике сооружений с сокрытыми в насыпи изваяниями (кыпчакские «святилища» типа 1) и будет посвящено дальнейшее рассуждение.

Начнем, однако, с характеристики аналогичных половецких святилищ и их семантики. Святилища эти найдены на Нижнем Дону, в курганах предшествующих эпох. Деревянные (редко – каменные) изваяния были установлены в глубоких (до 2 и более метров), прямоугольных или овальных ямах, впущенных в курганные насыпи. Обычно в яме находилось одно изваяние, но святилище у балки Средняя Аюла содержало четыре деревянных статуи. По мнению С.А. Плетневой, деревянные половецкие изваяния отличаются от каменных только материалом [1974, с. 59; ср. Гуркин, 1998, с. 33]¹.

Изваяния в ямах явно не предназначались для обозрения, и С.В. Гуркин предположил, что святилища недолго оставались открытыми [Гуркин, 1987, с. 107; ср. Гугуев, 1998, с. 41]. Небольшое число находок в ямах, специфическое заполнение ям служат тому подтверждением. С.В. Гуркин указывает, что закапывание изваяний могло быть следствием тайного характера обряда, либо акта окончательного разлучения с умершим² [1987, с. 108]. Он склоняется в пользу последнего объяснения [Гуркин, 1998, с. 36]. Но подобное толкование сокрытия изваяний вряд ли объясняет смысл ритуала в целом, особенно если учесть предполагаемую связь половецких изваяний с культом *героизированного мифического родоначальника*.

Касательно назначения изваяний кыпчакского облика представляется, что они, подобно древнетюркским, относились к погребально-поминальной обрядности. Найденные в мыржикском памятнике фрагментированные железные предметы, изношенные колчаные петли, могли принадлежать конкретному умершему (хотя в камере мыржикского «святилища» находилось два изваяния). Между тем, Я.А. Шер связывает изваяния с сосудом в обеих руках с культом *обожествленных* предков. Ввиду последнего предположения, установка одного или нескольких изваяний возле (под) курганной насыпи могла равно воплощать миф об обожествленном предке-родоначальнике.

Мы, вслед за Я.А. Шером, придерживаемся тезиса об уйгурских корнях изваяний кыпчакской традиции. Поиск подобного мифа велся в источниках,

¹ В Центральном Казахстане, в кыпчакском святилище типа 2, зафиксированы ямки с остатками некогда установленных в них деревянных объектов, по предположению А.З. Бейсенова и Д.А. Кожаква, деревянных изваяний [2001, с. 162 – 163].

² К.М. Герасимова обобщает проявления такого обычая: «Когда обряд разлучения мертвого с живыми заканчивался, изображения или символы “живого покойника” уничтожались каким-либо способом: их закапывали в могилу, оставляли в могильном срубе, сжигали вместе с шалашком или домиком. Изображения умерших правителей ставили в погребальные камеры и засыпали курганом земли» [Герасимова, 1989, с. 107].

¹ Ср.: А.Ш. Кадырбаев пишет об общественном устройстве кыпчаков и канглы предмонгольского периода: «Знать канглы и кыпчаков было еще недостаточно сильной для экспроприации соплеменников, а поэтому стремилась консервировать сложившуюся у кочевников общественную структуру» [1997, с. 20].

² О подобной «сакральной геометрии» в древнетюркской модели мироздания см. [Войтов, 1996, с. 77 – 79].

содержащих сведения о мифологии уйгуров и кыпчаков.

Согласно сообщенному Джувейни в «Тарихи Джахангушай» преданию о предке уйгуров Буку-хане, родителями его были два дерева. «Вносила» и «родила» его, вместе с другими четырьмя мальчиками, гора. «В то время из всех рек Каракорума две реки, одну называли Тогла, а другую Селенга, в месте, которое называется Кумланджу, сливались вместе, и между ними было два дерева, одно подле друга: одно... по виду *сосна* и зимою листья его подобны листьям кипариса, а плод имеет вид и вкус еловой шишки; другое (дерево) было *сосна*. Посреди обоих появилась большая гора, съ неба на средину той горы ниспадал свет, и день ко дню гора становилась больше» (цит. по: [Экологические..., 1992, с. 27]). В горе раздавались голоса, и однажды в ней открылась дверь. Внутри горы оказались пять палаток, в каждой из которых находился мальчик. Они питались молоком, стекавшим к их ртам по трубкам. Один из мальчиков – Буку тэкин впоследствии стал Буку-ханом.

Джувейни приводит рассказ очевидца о попытке одного уйгура осуществить предание: «...был некий человек; на том вышеупомянутом месте он выкопал яму среди двух деревьев и детей своих в ту средину посадил, и по средине возжег светильники, и приволил людей на смотрение того» (цит. по: [Радлов, 1893, с. 57]).

В.В. Радлов отмечает, что Шабангарай в «Маджмаэль-ансаб», ссылаясь на труд Джувейни, излагает легенду о пяти мальчиках, найденных внутри дерева. Они пили молоко, капавшее с пяти его сучьев [Радлов, 1893, с. 62 – 63]. Рашид-ад-дин заметил по поводу Буку-хана: «Буку-хан в древние времена был великим государем, [к памяти] которого уйгуры и много [других] племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева» [1952, с. 139].

В «Юань-ши» записан близкий вариант сказания, бытовавший у уйгуров Гаочана, согласно которому дерево родило пять мальчиков: «В прежние времена они (уйгуры Гаочана – Л.Е.) жили в стране уйгуров; там есть гора Го-линь, из которой текут две реки, они называются Ту-ху-ла и Сэ-лэн-гэ. Однажды над деревом между двумя реками появился чудный свет... На дереве показался нарост (опухоль) по виду как живот беременной женщины». Через девять месяцев и девять дней нарост лопнул и на свет появились пять мальчиков (цит. по: [Экологические..., 1992, с. 27]).

В.В. Радлов указал на сходство легенд о рождении предка уйгуров и кыпчаков (по Рашид-ад-дину) [Радлов, 1893, с. 34; ср. Зуев, 2002, с. 89]. Легенда, воспроизведенная Рашид-ад-дином, гласит: «Когда Огуз потерял поражение от племени ит-барак, с которым он воевал, он остался на острове, образуемом течением двух рек, и там обосновался. В это время некая беременная женщина, муж которой был убит на войне, вошла в дупло большого дерева и родила ребенка. Про это происшествие рассказали Огузу. Он сожалел над ней и сказал: “Так как у этой женщины нет мужа, то этот ребенок будет моим сыном”. [Действительно], он стал на положении ребенка Огуза; последний назвал его Кипчак. Это слово произ-

водное от [слова] кабук, что по-тюркски означает – “дерево со сгнившей сердцевиной”. Все кыпчаки происходят от этого мальчика» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 84]. Кроме того, об Огузе сказано, что он дал имя уйгур тем своим родственникам, которые приняли его сторону в борьбе за поклонение единому богу [Там же, с. 83 – 84]. Огуз, таким образом, выступает в роли главы уйгуров и, как указывает П.Б. Коновалов, сам соотносится с Буку-ханом: последний предстает либо эпическим Огуз-ханом, либо отцом Огуза [Экологические..., 1992, с. 27].

Разные варианты легенд о чудесном рождении Буку-хана и попытка некоего уйгура воспроизвести миф наяву выявляют следующий семантический ряд: родители предка уйгуров – два дерева и гора, уподобленная чреву = два дерева и яма (метафора чрева горы, пещеры) = дерево, сердцевина которого уподоблена чреву, ветви – кормящим сосцам. Буку-хан в числе пяти мальчиков рождается в горе = яме = дереве. Место появления предков расположено между двумя реками. В дереве, растущем в подобном мифическом локусе, рождается и Кипчак.

Сопоставим перечисленные метафоры словесного мифа с элементами кыпчакских «святилищ», в которых изваяния стоят либо в камере (=яме), составленной стенками мощной оградой, либо в яме, обведенной оградой, а над всей этой конструкцией возведена насыпь. Изваяния находятся в ‘яме’ (‘низ’) и в ‘горе’ (‘верх’) одновременно. Сама собой напрашивается фольклорная аналогия: мотив рождения-смерти в горе [Кызласов, 1982; Традиционное..., 1989, с. 21 – 23]. «Совпадающей» деталью легенд и кыпчакских «святилищ» типа 1 является их нахождение близ русел рек или ручьев. Жинишкинское же «святилище» располагалось в месте впадения в р. Жинишке безымянного притока¹.

Ввиду метафоричности изваяния древу², уйгурскому мифу о рождении предка могут соответствовать и кыпчакские «святилища» со стоящими на поверхности изваяниями.

Вместе с тем, уйгурские легенды, вероятно, отразили некоторые манихейские представления. В легендах фигурирует священное для манихеев число пять. Любопытно, что это число отмечено и в связи с кыпчакскими «святилищами». По пять изваяний имелось в аблайском, жинишкинском (?) и ушбиинском памятниках; в мыржикском памятнике найдено пять бараньих черепов³. Кроме того, мотив кормления де-

¹ Ср.: в Херсонской обл. половецкие святилища с каменными изваяниями, установленными в яме, так же располагались на водоразделах близ устья небольших речек [Evdokimov, Kurrij, 1991, S. 266].

² Воплощением мифической связи дерево-предок, как и равнозначностью метафор ‘изваяние’ = ‘мировое (мифическое) древо’ и ‘камень’ = ‘дерево’, может объясняться не только изготовление каменных и деревянных половецких изваяний, но и использование для создания деревянных *сосны* [Гуркин, 1987, с. 105].

³ Ср.: пять жертвенных мест имелось в насыпи половецкого святилища у с. Бешпагир [Мирошина, 1985, с. 126], пять лошадей погребено вокруг могилы половеца у с. Заможного [Отрошенко, 1983, с. 301].

ревом отмечен в манихейском учении: молоком дерева был вскормлен праведный сын Адама [Kessler, 1889, S. 396]. Добавим, что этот мотив встречается также в фольклоре тюркских народов. Маадай-Кара относит младенца-сына на вершину черной горы и подвешивает в люльке к четырем березам (в описании места угадывается модель мира): «Черная эта гора / Пусть отцом тебе будет, дитя мое, – сказал, – / четыре березки эти / Пусть матерью тебе будут, дитя мое», – сказал. / Чтобы сок четырех берез / В рот младенца-богатыря / В день по одной капле капал, / Дугообразную трубку приделал; / Чтобы материнское молоко / Из шестидесятиршинной кишки / В рот его сына / В день по одной капле текло, / [Кишку] на ветку березки / Вниз [соской] подвесил и привязал» [Маадай-Кара, 1973, с. 272].

Продолжая тему о фольклорных элементах в уйгурском мифе, укажем на мотив луча света, отмеченный в тюркских и монгольских мифах о чудесном рождении. Выше мы приводили легенды о рождении Я-лао-шаня/Ань Лушаня; луч света был виновником непорочного зачатия Алан-гоа и рождения Бодончара [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 14]. Луч света в уйгурских легендах мог также иметь манихейский смысл.

Наконец, то обстоятельство, что в легенде о рождении Кипчака фигурирует женщина, возможно, объясняет бытование женских изваяний кыпчакского облика¹.

Итак, анализ сходных легенд о происхождении предков уйгуров и кыпчаков и сравнение их с конструкцией кыпчакских «святилищ» позволили предположить, что сооружения с изваяниями кыпчакского облика могли воплощать близкий уйгурскому миф о чудесном рождении предка. Умерший уподоблялся мифическому предку: он тоже должен был чудесно возродиться (один или вместе с мифическими спутниками).

Таким образом, семантика изваяний древнетюркского и кыпчакского облика реконструировалась не только исходя из их иконографии, но также в контексте соответствующего культового комплекса.

Структура комплекса *ограда – изваяние – балбалы* в целом идентична строению традиционных культовых сооружений с элементом *ряда*, моделирующих мироздание. Центральным компонентом древнетюркского комплекса является ограда, воссоздающая четырехстороннюю (но также двухчастную) и трехслойную картину мира; центр огражденного сакрального пространства соответствует «середине» мира. Ряд вертикально удлинённых объектов с изваянием во главе представляет собой мультипли-

цированную метафору мирового столпа и олицетворяет «шествие» модели мира в сакральное пространство, находящееся вверху и одновременно в определенном направлении (в «восточном небе»)¹. Ряд метафоричен «пути» и «жертве». Он – путь жертвы-молитвы к божествам. Ряд воплощает человеческий коллектив с его социальной иерархией. Древнетюркский культовый комплекс возводился для ритуала погребально-поминальной сферы. Каменный «заместитель» умершего (=антропоморфная метафора мирового столпа), изображенный в «пиршественной позе», располагался в непосредственной близости от сакрального центра модели мира. Вариативностью традиционной модели мира, взаимозаменяемостью столба-стелы-человеческой фигуры, на наш взгляд, объясняется наличие или отсутствие изваяния, замена изваяния стелой с восточной стороны ограды или в центре ее (здесь могли устанавливаться дерево (столб?), стела, крупный камень и даже изваяние), а также различные околооградные конструкции (ящик, деревца (шесты?) и пр.). Вследствие вариативности мог отсутствовать и ряд балбалов. Он мог состоять из иных, несохранившихся объектов (например, из воткнутой в землю молодых деревьев).

С другой стороны, комплекс *ограда – изваяние – балбалы*, вероятно, свидетельствует об усложнении традиционной погребально-поминальной обрядности в условиях формирования в тюркском обществе военно-сословной идеологии. В модели мира, которая возводилась по поводу смерти древнетюркского мужа-эра ради его нового (загробного) статуса, ряд состоит из предметов, олицетворяющих убитых врагов – спутников умершего в ином мире. Одновременно это жертва божеству, покровительствующему войне, и путь в обитель этого бога, где павшему в битве уготована предпочтительная, по сравнению с прочими умершими, судьба.

В кыпчакских «святилищах» сочетаются те же элементы, что и в традиционных культовых сооружениях – моделях мира. «Святилища», подобно древнетюркским оградкам, были связаны с погребально-поминальной обрядностью. Умершие особы (вожди?), в честь которых они возводились, по всей видимости, приравнивались к чудесно рожденному мифическому предку. В легенде о рождении Кипчака, согласно Рашид-ад-дину, фигурирует безымянный женский персонаж; в кыпчакских «святилищах» также имеются женские изваяния. Наличие женских фигур могло отвечать традиционным представлениям о предках как об индивидах обоего пола. В установке изваяний по несколько вместе, видимо, сказалось и «родовое» мировоззрение. Варьирование общего количества изваяний в кыпчакских «святилищах» от одного до пяти, на наш взгляд, объясняется семантическим тождеством разных сакральных чисел.

¹ Ю.С. Худяков считает, что традиция изготовления женских изваяний возникла у западных тюрков в период Тюркешского каганата [Худяков, 1999, с. 135 – 136; Борисенко, Худяков, 2000, с. 223]. А.М. Досымбаева, по всей видимости, связывает формирование женского образа в кыпчакской скульптуре с культурными контактами кочевого мира с оседло-земледельческим населением [Досымбаева, 2000, с. 76].

¹ Одновременно «ряд» можно сравнить с «тенью» центрального столпа; крайняя точка тени, являющаяся проекцией вершины столпа (=сакральный максимум), оказывается наиболее удаленной от сакрального центра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе иконографического облика средневековые изваяния среднеазиатско-казахстанского региона делятся на две группы: *изваяния древнетюркского облика* (VI/VII – VIII/IX вв.) и *изваяния кыпчакского облика* (середина IX – начало XIII в.). В обеих группах имеются изваяния двух иконографических типов: *изваяния с обозначенной позой* (соответственно, изваяния древнетюркской или кыпчакской традиций) и *погрудные изваяния* соответствующего иконографического облика, а также антропоморфные стелы.

Разработанная иконографическая классификация описывает основные типы изваяний, однако из-за отсутствия строгого канона в трактовке образа допускалась определенная свобода. Так, изваяния *древнетюркского облика* типа I характеризуются двумя основными разновидностями канонической позы (по признаку наличия или отсутствия оружия), каждая из которых представлена несколькими вариантами.

1. Поясные (редко полнофигурные – сидящие, стоящие) изваяния мужчин или безусых индивидов, держащих сосуд в правой руке на уровне груди и опирающихся левой рукой на оружие, подвешенное к поясу (пояс может быть не изображен). Варианты положения рук: а) позиция рук (не атрибутов!) обратная; б) согнутая левая рука не касается оружия и располагается ниже правой (иногда большой палец левой руки касается дна сосуда); в) согнутая левая рука не касается оружия и находится напротив правой.

2. Поясные (редко полнофигурные – сидящие) изваяния мужчин или лиц неопределенного пола, держащих сосуд в правой руке на уровне груди и опирающихся левой рукой на пояс. При отсутствии пояса согнутая левая рука: а) размещается ниже правой руки (на некотором расстоянии или вплотную); б) расположена почти напротив правой руки (несколько выше или ниже); в) касается сосуда снизу или сверху; г) наравне с правой рукой держит сосуд на уровне груди (=сосуд в обеих руках); д) свободно опущена; е) не изображается. Отсюда следует, что вариант позы *с сосудом в обеих руках на уровне груди* свойствен изваяниям древнетюркской традиции. В данном случае положение правой руки с сосудом обусловлено канонической позой, а неординарная позиция левой объясняется отсутствием другого поэобразующего атрибута – оружия.

В обеих разновидностях позы имеются варианты: а) сосуд не изображается; б) место сосуда занимает птица.

Разнообразие вариантов свойственно также канонической позе изваяний *кыпчакского облика*.

Тип I. Поясные (редко полнофигурные – сидящие, стоящие) женские, мужские или неопределимые по полу изваяния с сосудом в обеих руках на уровне живота. Варианты: а) сосуд находится на уровне живота в левой руке, тогда как на кисти, расположенной напротив правой руки, стоит птица; б) сосуд заменен лучком; в) руки сведены на животе, сосуд отсутствует; г) между сведенными на животе руками выбито углубление; д) руки опущены вдоль тела; е) руки опущены, на уровне живота изображен сосуд.

Тип II. Изваяния кыпчакского облика с необозначенной позой (погрудные). Варианты: а) на торсе детализированы признаки пола; б) на торсе высечен сосуд(?).

Вполне вероятно, что с выявлением новых изваяний список вариантов увеличится.

Сооружения, в связи с которыми устанавливались изваяния каждой иконографической группы, различны. Изваяния группы 1 ставились возле древнетюркских оградок (с балбалами или без них); изваяния группы 2 – около или внутри кыпчакских «святылиц».

Древнетюркские оградки среднеазиатско-казахстанского региона слабо изучены. По внешним признакам казахстанские оградки, при которых стоят изваяния древнетюркского облика типов I, II и антропоморфные стелы, большей частью, относятся к разряду малых – одиночных или рядом расположенных, образующих комплекс. Оградки ориентированы сторонами или углами по сторонам света. Ряды оградок, ориентированных по сторонам света, сооружены примерно по линии север – юг; изваяния установлены с их восточной стороны, лицом на восток. От некоторых изваяний в восточном направлении отходит вереница балбалов. В случае ориентации оградок по сторонам света углами, ряд оградок, лицо изваяния и балбалы направлены соответствующим образом. Особая разновидность оградок распространена на Тянь-Шане: изваяния установлены с западной их стороны, лицом на запад; балбалы отсутствуют. Возле оградок одного комплекса могут сооружаться изваяния разных иконографических типов.

Судя по известным автору памятникам, внутреннее устройство оградок иногда включает ямку, в которой имеются кости или остатки древесного ствола. Исследованы также оградки со столбовой конструкцией по внешнему периметру и с ящиком (жертвенником) с северной стороны.

Немного раскопано и кыпчакских «святылиц», конструктивное разнообразие которых сводится к четырем типам:

1. В камере, образованной стенками мощной каменной ограды стоит одно или несколько (одной или двумя шеренгами) изваяний. Над оградой с изваяниями возведена насыпь.

2. К сооружению типа 1 с запада примыкает больший по размерам каменный «курган», в котором прослеживается четырехугольная конструкция.

3. На поверхности двух небольших, рядом расположенных по линии север – юг возвышений фиксируются четырехугольные каменные выкладки. Все сооружение обведено ровиком. Изваяния открыто стоят на площадках, ограниченных выкладками.

4. Одно или несколько (в одну шеренгу) изваяний стоят с востока каменного «кургана».

В «святилищах» первого и второго типов ставились изваяния обоих иконографических типов. «Святилище» третьего типа, найденное в единственном числе и не раскопанное, содержит изображения человека со сведенными на животе руками, между которыми выбито углубление. Возле «святилищ» четвертого типа обнаружены лишь погрудные изваяния и антропоморфные стелы.

Масштабное изучение как древнетюркских оградок (в том числе в комплексе с погребениями), так и кыпчакских «святилищ» в дальнейшем позволит более основательно систематизировать их, выделить локальные варианты. Новые вещественные находки в сооружениях и особенно радиоуглеродные даты, несомненно, поспособствуют уточнению или пересмотру датировок. Возможно, удастся объяснить разнообразие типов кыпчакских «святилищ». Не исключено, что оно обусловлено причинами этнокультурного или хронологического порядка.

Вообще проблема этнокультурной атрибуции и датировки среднеазиатско-казахстанских изваяний далека от окончательного решения. Формы реалий на изваяниях нередко переданы приблизительно, датировки по ним ненадежны. Проведение аналогий с региональным археологическим материалом осложняется недостаточной изученностью памятников средневековых кочевников. Пока не представляется возможным убедительно соотнести изваяния с конкретными племенами, известными по письменным источникам, поэтому определения «древнетюркский» и «кыпчакский» в значительной мере условны. Они, скорее, характеризуют эпохальную, чем этническую принадлежность памятников.

При реконструкции семантики сооружений с изваяниями, нами выявлено соответствие строения комплекса *оградка – изваяние – балбалы* и *культовых сооружений* с элементом *ряда*, известных в традиционной культуре тюркских и монгольских народов. Ранее В.Д. Кубарев справедливо констатировал сходство древнетюркской оградки с балбалами и *кочев-*

нического жилища с коновязями. Между тем, структурное подобие *культовых, жилых и погребальных сооружений* имеет *мировоззренческую* основу: о семантическом тождестве ‘храма’, ‘дома’ и ‘могилы’ писала еще О.М. Фрейденберг [1997, с. 182]. Сообразно этому, совокупность объектов *оградка – изваяние – балбалы* есть (культовое) сооружение, структура которого обусловлена мировоззренческими универсалиями, есть *модель мира*.

Однако обычай установки древнетюркских изваяний при оградках с балбалами нельзя объяснять, исходя только из традиционного мировоззрения, без учета *военной символики образа*, запечатленного на изваяниях, и содержащейся в письменных источниках трактовки балбалов как знаков убийства врага. В рассматриваемом обычае отразилась также формирующаяся официальная, по преимуществу военная идеология, которая может быть охарактеризована как *эпическая*. Мы попытались реконструировать сакрализованные представления древних тюрков о войне на основе письменных источников и исследовали *проявления эпического в иконографии древнетюркских изваяний*. «Эпический стиль» (по терминологии Г.К. Вагнера) древнетюркской скульптуры определяется тем, что ее иконографические особенности имеют эпические соответствия. Так же, как в героическом эпосе, в изваяниях воспроизведен идеализированный образ яростного воина. Такие иконографические детали, как совмещенный барельеф бровей и носа, большие глаза являются «кальками» эпических формул, описывающих гримасу гнева (сведенные на переносице брови, выпученные глаза). Атрибуты древнетюркских изваяний с обозначенной позой – сосуд и оружие также свойственны эпическому богатырю и ассоциируются с представлением об эпической доблести.

Ввиду эпического (военного) аспекта семантики изваяний, назначение модели мира, воздвигнутой по поводу смерти тюркского эра, представляется связанным с почитанием божества войны, верой в загробную судьбу доблестного воина и пр.

Разнотипные кыпчакские «святилища» также являются культовыми сооружениями, конструкция которых соотнобразует с *imago mundi* (=образ Вселенной, картина мира) их создателей. Кыпчакские «святилища», как и древнетюркские памятники относились к сфере погребально-поминальной обрядности. Специфика кыпчакских «святилищ», по нашему мнению, заключается в том, что они актуализировали миф о чудесном рождении предка, которому уподоблялся умерший. Подобный миф о Буку-хане бытовал у средневековых уйгуров. Он перекликается с легендой о рождении Кипчака, изложенной Рашид-ад-дином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 393 с.
- Абрамзон С.М.* Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 67 – 82.
- Агапов П.В., Кадырбаев М.К.* Сокровища древнего Казахстана. Памятники материальной культуры. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 252 с.
- Адамов А.А.* Новосибирское Приобье в X – XIV вв. – Тобольск; Омск, 2000. – 256 с.
- Аджигалиев С.И.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана: (На основе исследования малых форм). – Алматы: Гылым, 1994. – 259 с.
- Адрианов А.В.* Айран в жизни минусинского инородца / ЗИРГО по отделению этнографии: Сб. в честь 70-летия Г.Н. Потанина. – СПб., 1909. – Т. XXXIV. – С. 489 – 524.
- Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX века. – Новосибирск: Наука, 1975. – 199 с.
- Алтын-Арыг:* (Хакасский героический эпос). – М.: Наука, 1988. – 592 с.
- Альбаум Л.И.* Балалык-тепе: (К истории материальной культуры и искусства Тохаристана). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 228 с.
- Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975. – 112 с.
- Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II // СА. – 1971. – № 3. – С. 106 – 134.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Перевод Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. – СПб.: Алетей, 1994. – 570 с.
- Аннаклычев Ш.* Похоронные обряды туркмен Челекена // ТИИАЭ АН ТуркмССР. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1963. – Т. VII. – С. 165 – 171.
- Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М.: Наука, 1977. – 150 с.
- Аржанцева И.А.* Вооружение раннесредневековой Средней Азии (по изобразительным данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 25 с.
- Арсланова Ф.Х., Чариков А.А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. – 1974. – № 3. – С. 220 – 256.
- Афанасьев А.Н.* Живая вода и вещее слово. – М.: Современник, 1988. – 464 с.
- Ахинжанов С.М.* Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья / Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 65 – 79.
- Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 293 с.
- Байбосынов К.* Гасырлар теренінен // Білім және еңбек. – 1984. – №3. – Бет. 16 – 17.
- Байбосынов К.* Жамбыл оніріндегі тас мусіндер: (Каменные изваяния Жамбылской области): Фотоальбом. – Алматы: Онер, 1996. – 176 с.
- Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана: (Отрарский оазис). – Алма-Ата: Наука, 1990. – 208 с.
- Банзаров Д.* Собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 372 с.
- Баранов Е.* Козу-Курпечь и Баян-Слу: (Киргизское народное предание) // Нива. – СПб., 1899. – № 2. – Февр. – С. 307 – 343.
- Бартольд В.* Китаби-Коркуд. I: (Борьба богатыря с ангелом смерти) // ЗВОИРАО. – СПб., 1894. – Т. VIII, вып. III – IV. – С. 203 – 218.
- Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. – М.: Наука, 1966. – Т. IV. – С. 377 – 396.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 543 с.
- Баяр Д.* Каменные изваяния Восточной Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Батор, 1991. – 25 с.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.* Каменные изваяния Монгольского Алтая. – Улан-Батор, 1999. – Вып. 1. – 166 с. (на монг. яз.).
- Бейсенов А.З., Кожжаков Д.А.* Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», фонд «XXI век», 2001. – Вып. 2. – С. 150 – 164.
- Беленицкий А.М.* Вопросы идеологии и культов Согда: (По материалам Пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 25 – 82.
- Беленицкий А.М.* Монументальное искусство Пенджикента: (Живопись. Скульптура). – М.: Искусство, 1973. – 67 с.
- Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941. – 112 с.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – 346 с.
- Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа: болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: (Вопросы истории и культуры). – Черкесск, 1993. – 375 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – 381 с.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Надмогильные сооружения тевризских татар // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – С. 153 – 160.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Вопросы происхождения, семантики, функционирования и эволюции поминальных комплексов древних тюрок Центральной Азии // Святые места: (Археология ритуала и вопросы семантики): Мат-лы темат. науч. конф. – СПб., 2000. – С. 221 – 224.
- Боровков А.К.* Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 190 – 196.
- Боталов С.Г.* Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Но-

вое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 210 – 244.

Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 93 – 104.

Бутанаев В.Я. К истории семьи и семейного права хакасов (XIX – начало XX в.) // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 155 – 164.

Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан, 1988. – С. 107 – 132.

Вагнер Г.К. Рец. на кн.: Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976 // Советское искусствознание '77. – 1978. – Вып. 1. – С. 330 – 335.

Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. – М.: Искусство, 1987. – 287 с.

Вайнштейн С.И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗТНИИЯЛИ. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1954. – Вып. 2. – С. 140 – 154.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 223 с.

Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5-ти т. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз.-сов. энциклопедии, 1984. – Т. 1. – 431 с.; 1985. – Т. 2. – 416 с.; 1985а. – Т. 4. – 461 с.

Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Вып. 1. – С. 82 – 215.

Васютин А.С. Культурные памятники древних тюрок Горного Алтая (VII – X вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 16 с.

Вернер Й. Погребальная находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на болгарите. – София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1988. – 56 с. (на болг. яз.)

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». – Одесса, 1915. – 39 с.

Винник Д.Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 160 – 175.

Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987. – С. 92 – 109.

Войтов В.Е. Культурно-поминальные сооружения VI – VIII вв. на территории Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культурно-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.

Войтов В., Баяр Д. Новые археологические открытия в Хангае // МАИКЦА: Информ. бюл. – М.: Наука, 1990. – Вып. 16. – С. 59 – 67.

Волков Н.Н. Восприятие произведений живописи и скульптуры // Художественное восприятие. – Л.: Наука, 1971. – С. 281 – 297.

Воронцов К. Формы погребения у современных и древних народов Восточной России // ИОАИЭ при имп. Казан. ун-те. – Казань, 1892, – Т. X. – Вып. 1 – 6. – С. 289 – 299.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 102 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: (Реконструкция праязыка и протокультуры). – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Ч. II. – 1328 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Сов. писатель, 1988. – 448 с.

Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск: Наука, 1989. – 319 с.

Гераськова Л.С. Классификация скульптуры средневековых кочевников Евразийских степей // Новые методы археологических исследований: Сб. науч. тр. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 119 – 143.

Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. – Ки?в: Наукова думка, 1991. – 132 с.

Гераськова Л.С. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. – № 5. – С. 408 – 430.

Гёр-оглы: Туркменский героический эпос. – М.: Наука, 1983. – 805 с.

Геродот. История: В 9-ти кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратоновского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

Гузев Ю.К. Половецкий поминальник с деревянной статуей на левобережье р. Маныч // Донская археология. – 1998. – № 1. – С. 38 – 42.

Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4. – С. 100 – 109.

Гуркин С.В. Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Донская археология. – 1998. – № 1. – С. 29 – 37.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000. – С. 226 – 251.

Грач А.Д. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува) // КСИЭ. – 1958. – Вып. XXX. – С. 152 – 158.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 94 с.

Грачева Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 44 – 66.

Гроций Г. О праве войны и мира: (Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права) / Пер. с лат. А.Л. Саккетти. – М.: Гос. изд. юрид. лит-ры, 1956. – 868 с.

Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник. – 1961. – Вып. 3. – С. 7 – 31.

Грязнов М.П. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры // Археологический сборник. – 1964. – Вып. 6. – С. 72 – 78.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 308 с.

Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. – 1987. – № 4. – С. 100 – 109.

Данилин А.Г. Бурханизм: (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. – 206 с.

Даркевич В.П., Черников В.Ф. Новое в изучении среднеазиатской торевтики: (Афанасьевский клад) // КСИА. – 1971. – Вып. 128. – С. 106 – 116.

Даркевич В.П. Танцы и акробатика в искусстве средневековья // Культура и искусство средневекового города. – М.: Наука, 1984. – С. 5 – 31.

Дашкевич Я.Р., Трыярски Э. Каменные бабы причерноморских степей: (Коллекция из Аскании-Нова). – Wrocław etc., 1982. – 231 с.

Джангар: Калмыцкий героический эпос. – М.: Наука, 1990. – 475 с.

- Дибиров М.А. Ритуально-мифологические функции поминальных игр и состязаний в Дагестане // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана: Сб. ст. – Махачкала, 1988. – С. 86 – 96.
- Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне»: (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС-1974. – М., 1978. – С. 230 – 237.
- Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. – М.: Искусство, 1988. – Вып. I. – 319 с.
- Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степе 1771 году. – СПб., 1772. – 104 с.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 162 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: (Тексты, перевод, комментарий). – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Досымбаева А.М. Мемориальные памятники тюрков Жетысу по материалам святилища Мерке // Изв. МОН РК, НАН РК. – Алматы, 2000. – ? 1. – Сер. обществ. наук. – С. 64 – 78.
- Досымбаева А.М. Образ женщины в монументальном искусстве тюрков средневекового Казахстана // Изв. МОН РК, НАН РК. – Алматы, 2002. – ? 1. – Сер. обществ. наук. – С. 75 – 91.
- Досымбаева А.М. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз: Сенім, 2002а. – 107 с.
- Душшеев Б. Скульптуры древних тюрков в комплексе киргизских гумбезов // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе: Илим 1985. – С. 217 – 231.
- Дьяконов И.М. Введение // Мифология древнего мира. – М.: Наука, 1977. – С. 5 – 54.
- Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83 – 158.
- Дьяконова В.П. О погребальном обряде тувинцев // ТТКАЭЭ, 1959 – 60. – М.; Л., 1966. – Т. II. – С. 56 – 80.
- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 154 с.
- Дьяконова В.П. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1977. – С. 172 – 216. – (СМАЭ, т. XXXIII).
- Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 138 – 152. – (СМАЭ, т. XXXVII)
- Дьяконова Е.Н. Культовые сооружения на празднике «сысах» // Этнические культуры Сибири: (Проблемы эволюции и контактов). – Новосибирск, 1986. – С. 141 – 146.
- Дьяконова Н.В. Буддийские памятники Дунь-Хуана // Государственный Эрмитаж: Тр. отд. ист. к-ры и искусства Востока. – Л., 1947. – Т. IV. – С. 445 – 470.
- Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // ТГЭ. – 1961. – Т. 6. – С. 257 – 272.
- Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II – VII вв. // Страны и народы Востока. – 1980. – Вып. XXII, кн. 2. – С. 174 – 195.
- Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов // СМАЭ. – 1927. – Т. IV. – С. 63 – 78.
- Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
- Евглевский А.В. Погребение золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – Вып. 1. – С. 107 – 116.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // ТГИМ. – 1941. – Вып. 16. – С. 119 – 134.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72 – 120.
- Елеукунова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Гылым, 1999. – 220 с.
- Е Лун-ли. История государства киданей: (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 607 с.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 102 – 108.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния из Семипалатинского историко-краеведческого музея // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987а. – С. 95 – 99.
- Ермоленко Л.Н. Древнетюркская ограда, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. – Барнаул, 1991. – С. 166 – 168.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1991а. – 22 с.
- Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 157 – 163.
- Ермоленко Л.Н. О духе кровожадности древних: (На материалах эпоса тюркоязычных народов) // Россия и Восток: (Проблемы взаимодействия): Мат-лы конф. – Челябинск, 1995. – Ч. V, кн. 2. – С. 22 – 29.
- Ермоленко Л.Н. К вопросу о картине мира древних тюрков: (На материале изваяний и оградок) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995а. – С. 186 – 198.
- Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне // Altaica II: Сб. ст. и мат-лов. – М.: ИВ РАН, 1998. – С. 46 – 66.
- Ермоленко Л.Н. О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддоне) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М.: Гылым, 1998а. – Вып. 2. – С. 110 – 116.
- Ермоленко Л.Н. «Брови его соединены...»: (Семантика художественного приема по археологическим и фольклорным источникам) // Словоцковские чтения-98: Мат-лы науч.-практ. конф. – Тюмень, 1998б. – С. 126 – 128.
- Ермоленко Л.Н. Еще раз о голове статуи Кюль-тегина // Междунар. конф. по первобыт. Искусству: Тез. докл. – Кемерово, 1998в. – С. 96 – 97.
- Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С. 86 – 91.
- Ермоленко Л.Н. Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология: (Человек и искусство). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. – С. 188 – 192.
- Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1985. – С. 137 – 161.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских из-

- ваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – ? 3(11). – С. 78 – 87.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.* Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргуланские чтения: Тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 116 – 119.
- Жамбалова С.Г.* Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.
- Жамцарано Ц.* Культ Чингиса в Ордосе из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. – Wiesbaden, 1961. – Vol. VI. – № 3. – Nov. 1961. – P. 194 – 234.
- Жамцарано Ц.* Материалы к изучению устной литературы монгольских племен // ЗВОИРАО. – СПб., 1907. – Т. 17. – Вып. 1 – 4. – С. 0109 – 0128.
- Жданко Т.А.* Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-кыз» как историко-этнографический источник // КСИЭ. – 1958. – Вып. XXX. – С. 110 – 120.
- Жук А.В.* Агриков меч: (К проблеме протоархеологического сознания) // Историческое познание: (Традиции и новации): Тез. докл. – Ижевск, 1993. – Ч. I. – С. 66 – 69.
- Жуков В.А.* Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1978. – Вып. 3. – С. 120 – 122.
- Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
- Жуковская Н.Л.* Монголы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: (Годовой цикл). – М.: Наука, 1989. – С. 233 – 263.
- Зуев Ю.А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий: (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 63 – 78.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.
- Иванов А.* Чувашский праздник «Синьзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // ИОАИЭ при импер. Казан. ун-те. – Казань, 1898. – Т. XIV. – Вып. 2. – С. 141 – 147.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 93 с.
- Иванов С.В.* К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // СМАЭ. – 1957. – Т. XVII. – С. 95 – 150.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Иванов С.В.* Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 213 – 224.
- Иванов С.В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Ивановский А.А.* К вопросам а) о существовании совместного обряда погребения и сожжения; б) о каменных бабах и в) о надмогильных камнях – по данным современной этнографии // Тр. VIII археолог. съезда в Москве, 1890. – М., 1897. – Т. IV. – С. 184 – 185.
- Ионова О.В.* Жилые и хозяйственные постройки якутов: (Историко-этнографический очерк) // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Вып. I. – С. 239 – 319.
- Ионова Ю.В.* Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. – М.: Наука, 1980. – С. 4 – 35.
- Иофан Н.А.* Становление протоканона в изобразительном искусстве Японии: (На материале ханива) // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 23 – 35.
- Исторические предания якутов.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. I. – 322 с.
- Итс Р.Ф.* О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ. – 1958. – № 2. – С. 100 – 103.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 524 с.
- Кадырбаев А.Ш.* За пределами Великой Степи. – Алматы: Демур, 1997. – 200 с.
- Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
- Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // СМАЭ. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 19 – 36.
- Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. – СПб., 1910. – 188 с.
- Кастанье И.А.* Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург, 1911. – 102 с.
- Катанов Н.Ф.* О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней // ИОАИЭ при импер. Казан. ун-те. – Казань, 1895. – Т. XII. – Вып. 2. – С. 109 – 142.
- Кац А.Л.* Манихейство в Римской империи по данным Аста Archelai // ВДИ. – 1955. – № 3(53). – С. 168 – 179.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.
- Клавихо, Руи Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 – 1406). – М.: Наука, 1990. – 211 с.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кляшторный С.Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // ТС-1974. – 1978. – С. 238 – 255.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркская письменность и методика оценок культурного континуума // Бартольдские чтения: Тез. докл. – М.: Наука, 1984. – С. 42 – 44.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские племенные союзы и государства Великой степи // Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 8 – 91.
- Книга Марко Поло.* – Алма-Ата: Наука, 1990. – 352 с.
- Кобланды-батыр:* Казахский героический эпос. – М.: Наука., 1975. – 446 с.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки. – М.: Наука, 1979. – (САИ, вып. Е1-2). – 112 с.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. / Ст., пер. и коммент. А.П. Ковалевского. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956.
- Костров Н.А.* Очерки юридического быта якутов // ЗИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1878. – Т. 8. – С. 259 – 299.
- Костюков В.П.* Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 138 – 156.
- Костюков В.П.* О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Вопросы хронологии): Мат-лы II Междунар. археол. конф. – Самара, 1998. – С. 311 – 319.
- Кочнев Д.А.* О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа Якутской области // ИОАИЭ. – Казань, 1895. – Т. XII. – Вып. V. – С. 455 – 465.
- Кошеленко Г.А.* Родина парфян: Сов. художник. – М., 1977. – 176 с.
- Крейнович Е.А.* Нивхгу. – М.: Наука, 1973. – 495 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135 – 160.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградки, балбалы: (О проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминательных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 24 – 54.

Кубарев В.Д., Кочнев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 202 – 222.

Кубарев В.Д., Цевээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 149–163.

Кузьмин-Юманади Я.Ф. О гебраизмах в чувашском языке // СТ. – 1987. – № 2. – С. 68 – 76.

Курманкулов Ж.К. Погребение раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 191 – 197.

Курманкулов Ж., Жаныбеков Б.Ш. Каменное изваяние шаманки в «трехрогом» головном уборе из Северного Прибалхашья // Маргулановские чтения: Тез. докл. – Петропавловск, 1992. – С. 109 – 110.

«Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина / Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева; вступит. статья и коммент. Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5. – С. 133 – 158.

Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. – 1982. – № 2. – С. 83 – 92.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков: (I. Древнейшие свидетельства об армии) // РА. – 1996. – № 3. – С. 73 – 89.

Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIX. – С. 48 – 54.

Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана: (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // ИАН КазССР. – Алма-Ата, 1951. – Вып. 3. – Сер. археологич. – С. 53 – 63.

Кызласов Л.Р. Тува в составе Уйгурского каганата (VIII – XI вв.) // УЗТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1960. – Вып. VIII. – С. 144 – 157.

Кызласов Л.Р. Рец. на кн.: Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы // СА. – 1964. – № 1. – С. 349 – 355.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964а. – №2. – С. 27 – 35.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 207 с.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII – IX вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 52 – 54.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Кычанов Е.И. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 44 – 67.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб.: Фарн, 1992. – Вып. 1 (XIX) и 2 (XX); 1993. – Вып. 3 (XXI) и 4 (XXII).

Левшин А.И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

Леус П.М. О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святителища: (Археология ритуала и вопросы семантики): Мат-лы тематич. науч. конф. – СПб., 2000. – С. 225 – 229.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 263 с.

Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (История и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 90 – 121.

Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 208 с.

Лызов А. Скифская история. – М.: Наука, 1990. – 520 с.

Львова Э.Л., Усманова М.С. Представления о мировом дереве в традиционной обрядности народов Саяно-Алтая // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. – Омск, 1979. – С. 178 – 181.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1973. – 474 с.

Майнагашев С.Д. Жертвоприношение Небу у белтиров // СМАЭ им. Петра Великого при импер. АН. – Пг., 1916. – Т. III. – С. 93 – 102.

Майнагашев Ст. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – Пг., 1916а. – Т. XXIV, вып. III. – С. 277 – 292.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: (Тексты и исследования). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: (Тексты и переводы). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX – XII вв.: (История и культура Востока Азии). – Новосибирск: Наука, 1974. – Т. II. – 210 с.

Манас: (Киргизский героический эпос). – М.: Наука, 1988. – Кн. 2. – 688 с.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ. – Алма-Ата, 1956. – Т. I. Археология. – С. 227 – 250.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // ИАН КазССР. Сер. археолог. – Алма-Ата, 1951. – Вып. 3. – С. 3 – 52.

Маргулан А.Х. Улытау тонирегідегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет кузлары. – Алматы, 1966. – Бет. 8 – 52.

Маршак Б.И. Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. – М., 1983. – С. 53 – 55.

Маршак Б.И. Искусство Согда // Центральная Азия: (Новые памятники письменности и искусства). – М.: Наука, 1987. – С. 233 – 248.

Массон М.Е. Уникальный намогильный памятник из долины Ангрена (Кураминский р-н Узбекской ССР) // ИАН КазССР. Сер. археолог. – Алма-Ата, 1951. – Вып. 3. – С. 111 – 116.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1968. – Вып. I. – 176 с.

Материалы по истории кочевых народов в Китае III – V вв. / Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1992. – Вып. 3. Мужуны. – 431 с.

Кашгарский Махмуд. Кодекс приличий на Востоке: Сб. Мухаммед Садык-и-Кашкари / Пер. Н. Лакошин //

Сб. мат-лов по мусульманству. – Ташкент, 1900. – Т. 2. – С. 22 – 78.

Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. – 320 с.

Менандр Византиец // Византийские историки / Пер. С. Де-стуниса. – СПб., 1860. – С. 313 – 470.

Меньшиков Л.Н. Ами табха // Мифологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 41.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. – Душанбе: Дониш, 1974. – 124 с.

Мирошина Т.В. Раскопки курганов у с. Бешпагир // АО 1983 года. – М., 1985. – С. 125 – 126.

Михайлов В.И. Обряды и обычаи чуваш // ЗИРГО по отделен. этнограф. – СПб., 1891. – Т. XVII, вып. II. – С. 89 – 130.

Михайлов М.Г. Анимистические представления бурят // Природа и человек в религиозных представлениях Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 292 – 319.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1980. – 320 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.

Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения истории и культуры древних тюрок Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы конф., посвящ. 40-летию ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 63 – 68.

Мокрынин В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 113 – 119.

Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 102 – 119.

Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек 1996. – 259 с.

Мотов Ю.А. Нарты, «берсеркры», «бцири», шаманы: (О мужчинах, пляшущих симд) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы конф. – СПб., 1996. – С. 32 – 36.

Мотов Ю.А. Кинжал в боевом снаряжении кочевников раннего средневековья // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998. – С. 116 – 126.

Мотов Ю.А. О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Вопросы хронологии): Мат-лы II Междунар. археолог. конф. – Самара, 1998а. – С. 424 – 435.

Мэн-гу-ю-му-ци: (Записки о монгольских кочевьях) / Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб., 1895. – 487 с.

Мэн-да бэй-лу («полное описание монголо-татар»): (Факсимиле ксилографа) / Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н.Ц. Мункеева. – М.: Наука, 1975. – 286 с. – (Памятники письменности Востока; XXVI).

Никифоров Н.Я. Аносский сборник // ЗЗСОИРГО. – Омск, 1915. – Кн. 37. – 293 с.

Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI – XV вв. – М.: Наука, 1983. – 163 с. – (САИ, вып. Е1-60).

Новгородова Э.А. Образ птицы как один из символов историко-культурного единства алтайских народов Центральной Азии // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сес. РИАС. – М., 1986. – С. 55 – 56.

Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Уч. зап. комис. по изуч. памятников цивилизаций древ. и средневеков. Востока Все-союз. ассоц. Востоковедов: (Археологические источники). – М.: Наука, 1989. – С. 136 – 176.

Нюртун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; ред., пер. и коммент. Г.У. Эргиса. – Якутск, 1947.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. – М., 1994. – 188 с.

Отрощенко В.В. Раскопки курганов в Запорожской области // АО 1981 года. – М., 1983. – С. 300 – 302.

Панеш Э.Х. Холодное оружие адыгов: (К вопросу об эволюции) // Памятники традиционной культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – Л.: Наука, 1989. – С. 61 – 71. – (СМАЭ; т. XLIII).

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. – М.: Наука, 1974. – 200 с. – (САИ; вып. Е4-2).

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 213 – 222.

Поляков С.П., Черемных А.И. Погребальные сооружения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 261 – 280.

Потапов Л.П. Древний обычай, отражающий первобытнообщинный быт кочевников // ТС. – 1951. – С. 164 – 175.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969. – 402 с.

Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 50 – 64.

Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1977. – С. 66 – 79. – (СМАЭ; т. XXXIII).

Пропп В.Я. Русский героический эпос. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1955. – 552 с.

Пугаченкова Г.А., Галеркина О.И. Миниатюры Средней Азии. – М.: Изобраз. искусство, 1979. – 208 с.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии: (Древность и средневековье). – М.: Искусство, 1982. – 288 с.

Пугаченкова Г.А. Шедевры Средней Азии. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1986. – 224 с.

Пяткин Б.Н. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надгробным сооружениям // Скифо-сибирский мир: (Искусство и идеология). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 31 – 37.

Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // ЗИРГО по отделен. этнограф. – СПб., 1880. – Т. 6. – С. 1 – 92.

Радлов В.В. К вопросу об уйгурах: (Прилож. к LXXII-му тому «Записок императорской Академии наук»). – СПб., 1893. – № 2.

Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М.: Наука, 1983. – С. 40 – 60.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.

Рашиев Р. Девташларите – мегалитни паметници на българската езическа култура // Плиска-Преслав. – Шумен: Хермес и Хермес, 1992. – Т. 5. – С. 5 – 29.

Рашид-ад-дин: Сб. летописей / Пер. с перс. О.И. Смирновой, примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I, кн. 1. – 221 с.; 1952а. – Т. I, кн. 2. – 315 с.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. – С. 85 – 194.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.

Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // ТС–1977. – М., 1981. – С. 232 – 248.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1984. – 174 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – С. 92 – 165.

Савинов Д.Г. «Идея» ряда в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1997. – С. 126 – 128.

Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 130 – 141.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 1974. – 199 с.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // ТРИИАЭ. Археология. – Алма-Ата, 1956. – Т. 1.

Сем Т.Ю. Этнокультурные контакты южных тунгусо-маньчжуров: (На материале погребальной обрядности) // Этнические культуры Сибири: (Проблемы эволюции и контактов). – Новосибирск, 1986. – С. 69 – 81.

Сенигова Т.Н. Новые находки в Семиречье // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 277 – 289.

Серошевский В.Л. Якуты. – СПб, 1896. – Т. 1. – 675 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: (Эпоха средневековья). – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьев В.С. Раскопки в горном Тохаристане // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 621 – 622.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник. – 1981. – Вып. 22. – С. 23 – 39.

Сорокин С.С. О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии: (К проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 7 – 17.

Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипий цзи» // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. – Фрунзе, 1963. – Т. V, вып. 1. – С. 67 – 81.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – С. 299 – 353.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Сравнительный анализ погребальной и поминальной обрядности древних тюрков Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы конф. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 76 – 79.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские памятники Беш-Таш-Короо // Памятники древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 55 – 81.

Тадина Н.А. Символика коленопреклонения в традиционной культуре южных алтайцев // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы конф. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 105 – 108.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политическая лит-ра, 1989. – 573 с.

Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения томского Приобья: (Этническая история, быт и духовная культура). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 215 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: (Пространство и время. Вещный мир). – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: (Человек. Общество). – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро: (Собрание Государственного Эрмитажа). – М.: Искусство, 1987. – 153 с.

Трифонов Ю.А., Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С. Белокаменка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 141 – 143.

Тронов В.Д. Материалы по антропологии и этнологии киргиз // ЗИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1891. – Т. XVII, вып. II. – С. 45 – 69.

Тюхтенева С.О. Некоторых параллелях в календарных обрядах телеутов и алтайцев: (По полевым этнографическим материалам) // Проблемы этнической истории и культуры тюркских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. – М., 1994. – С. 100 – 105.

Уваров А.С. Сведения о каменных бабах // Тр. I археолог. съезда, 1869. – М., 1871. – Т. I – II. – С. 501 – 520.

Усманова Э.Р. «Круг» и «квадрат» в андроновской погребальной символике: (По материалам могильников Центрального Казахстана) // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 55 – 67.

Успенский Б.А. Семиотика иконы // Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 221 – 294.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: (Археологические памятники). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: (Очерки культуры и искусство народов Евразийских степей и золотоордынских городов). – М.: Искусство, 1976. – 227 с.

Фрай Р. Наследие Ирана. – М.: Наука, 1972. – 468 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: (Период античной литературы). – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.

Халачева М. Традиционные погребальные обичаи и обряды на Пловдивский край // Известия на музеите от Южна България. – Пловдив: Изд-во Христо Г. Данов, 1979. – Т. 5. – С. 175 – 195.

Хангалов М.Н. Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 543 с.

Харузин А. Киргизы Букеевской орды: (Антрополого-этнологический очерк). – М., 1889. – Вып. 1. – 624 с.

Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев: (По полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 70 – 89.

Хомич Л.В. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1977. – С. 5 – 28. – (СМАЭ, т. XXXIII).

- Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 144 – 153.
- Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии: (По материалам СМИКЭ в 1979 – 1982 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168 – 184.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
- Худяков Ю.С. К вопросу о формировании поминальной обрядности средневековых кыпчаков в степях Евразии // Алтай и тюрко-монгольский мир: Тез. ст. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 149 – 152.
- Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию А.Д. Грача. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 215 – 219.
- Худяков Ю.С. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica III. – М.: ИВ РАН, 1999. – С. 130 – 138.
- Худяков Ю.С., Ким С.А. Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 23 – 54.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Древнетюркские изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111 – 125.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142 – 147.
- Чадамба З.Б., Васильев Д.Д. Тюркские рунические надписи Уюк-Оорзак // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенез тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 131 – 152.
- Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. – 1976. – №4. – С. 153 – 165.
- Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. – 1979. – № 2. – С. 179 – 190.
- Чариков А.А. Группа скульптур из Джамбула // СА. – 1980. – № 3. – С. 301 – 307.
- Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980а. – С. 213 – 234.
- Чариков А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980б. – С. 130 – 140.
- Чариков А.А. Статуя музыканта XII в. // СА. – 1981. – № 2. – С. 289 – 291.
- Чариков А.А. Балтакольская скульптура // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 58 – 63.
- Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // СА. – 1986. – № 1. – С. 87 – 102.
- Чариков А.А. Некоторые статуи Казахстана и Омского Прииртышья // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 31 – 39.
- Чариков А.А. Две разновременные группы каменных статуй Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987а. – С. 138 – 145.
- Чариков А.А. К эволюции стеловидных статуй средневековья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1987б. – С. 84 – 94.
- Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. – 1989. – № 3. – С. 184 – 192.
- Чариков А.А. Группа стеловидных статуй из Семиречья и Прииртышья // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 41 – 52.
- Шаниязов К. Узбеки-карлуки: (Историко-этнографический очерк). – Ташкент: Наука, 1964. – 195 с.
- Швецов М. Алтайские калмыки // ЗСОИРГО. – Омск, 1898. – Кн. XXIII. – С. 1 – 34.
- Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 1. – С. 199 – 209.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.
- Шервашидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики: (Замеченный фонд) // ВЯ. – 1989. – № 2. – С. 54 – 92.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 248 – 260.
- Шорские героические сказания. – М.; Новосибирск: Наука. – 1998. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 17). – 463 с.
- Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме: (Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. – 171 с.
- Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1992. – 160 с.
- Юрченко А.Г. Золотая статуя Чингис-хана: («Мобильные» святилища Монгольской империи) // Святилища: (Археология ритуала и вопросы семантики): Мат-лы тематич. научн. конф. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2000. – С. 20 – 26.
- Янборисов В.Ф. К семантике изображений на валуне из могильника Кудыргэ // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. – Омск, 1984. – С. 106 – 109.
- Albaum L.I., Brentjes B. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. – Berlin, 1976.
- Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj. Kockorka, Kirgizstan // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 1997. – В. 3. – С. 513 – 570.
- Basilov V.N. Relikte des Totemismus bei den Turkmenen // Turkmenenforschung. – 1986. – В. 8. – С. 141 – 157.
- Bazin L. Manichéisme et syncrétisme chez les Ouïgours // Turcica. Revue d'études Turques. – 1991. – Т. XXI – XXIII. – Pp. 23 – 38.
- Ecsedy I. Ancient Turk (T'u-chüeh) Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1984. – Т. XXXVIII. – Fasc. 3. – Pp. 263 – 287.
- Esin E. «And». The cup rites in Inner Asian and Turkish art // Forschungen zur Kunst Asiens. – Istanbul: Baha Matbaasi, 1969. – Pp. 224 – 261.
- Esin, Emel. «Ay-Bitigi». The Court Attendants in Turkish Iconography // CAJ. – 1970. – Vol. XIV. – Pp. 78 – 117.
- Evdokimov Genadij E., Kuprij N.M. Steinfignuren und Heiligtümer // Gold der Steppe: Archäologie der Ukraine. – Murzin; Neumünster: Wachholtz, 1991. – S. 264 – 268.
- Franz H.G. Kunst und Kultur der Seidenstrasse. – Graz, 1987.
- Härtel H., Yaldiz M. Die Seidenstraße. Malereien und Plastiken aus buddistischen Höhlentempeln. – Berlin, 1987.

Haussig H.W. Archäologie und Kunst der Seidenstraße. – Darmstadt, 1992.

Grünwedel A. Altbuddistische Kulturstätten in Chinesisch Turkistan. – Berlin, 1912.

Jisl L. Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-tegin-Denkmal durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958 // UAJ. – 1960. – B. XXXII. – H. 1 – 2. – S. 65 – 77.

Jisl L. Balbals, Steinbabas und andere Steinfiguren als Äußerungen der religiösen Vorstellungen der Ost-Türken. – Prag: Academia, 1970.

Kessler K. Mani. Forschungen über die manichäische Religion. Ein Beitrag zur vergleichenden Religionsgeschichte des Orients. – Berlin, 1889. – B. I.

Klimkeit H.-J. Die Seidenstraße. Handelsweg und Kulturbrücke zwieschen Morgen-und Abendland. – Köln, 1990.

Liu Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – B. I – II. – 831 S.

Mackerras C. The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge, 1990. – Pp. 317 – 342.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca 840 – 940). – Leipzig, 1903.

Marschak B. Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1986. – 438 S.

Münserberg O. Chinesische Kunstgeschichte. – Esslingen, 1912. – B. II.

Öhrig B. Bestattungsriten alttürkischer Aristokratie im Lichte der Inschriften. Münchner ethnologische Abhandlungen. – München: Minerva Publikation, 1988. – 370 S. – (Münchner Ethnologische Abhandlungen; Bd. 8).

Silkroad Gold and Silver in Japan. The Ancient Orient Museum. Oct.-Nov. -1981 (каталог выставки).

Sharkey J. Celtic mysteries. The Ancient Religion. – London, 1975.

Townsend R.F. The Aztecs. – London: Thames and Hudson, 1995. – 224 p.

Vryonis, Speros. Evidence on human sacrifice among the early Ottoman Turks // Journal of Asian History. – 1971. – Vol. 5. – № 2. – Pp. 140 – 146.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулов

ОПИСАНИЕ ИЗВАЯНИЙ

1. Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы скруглен. Барельеф носа образован фигурным углублением по сторонам и внизу. Рот – углубление в форме дуги концами вниз. Подбородок удлинён. В раскрытой ладони правой, согнутой к груди руки находится круглодонная чаша. Кисть левой руки лежит ниже перекрестья сабли (?). Сабля расположена под наклоном: ее перекрестье приходится точно посредине пояса, а клинок заканчивается на левом краю передней грани.

Гранит. 128 × 40–55 × 24–27 см. Найдено у с. Дорофеевка Щучинского р-на Кокчетавской¹ обл. ИКМ² г. Кокчетав³.*

2. Изображение женщины с несимметрично расположенными руками. Верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза и рот переданы продолговатыми выемками. Барельефом изображена двойная гривна (?), спускающаяся с плеч на грудь. Средняя часть гривны не прослеживается. Рельеф рук составляет одно целое с женской грудью. Напротив согнутой правой руки, кисть которой не показана, различимы очертания округлой детали (круглодонный сосуд?). Левая рука опущена к поясу. Ниже ее предполагаемой кисти выбита овальная ямка, вероятно, обозначающая женский половой орган.

Гранит. 86 × 40–53 см. ИКМ г. Кокчетав.*

3. Отбитая голова мужского изваяния. Верх головы скруглен, слева имеется наклонное уплощение. Нос совмещен с надбровьем. Глаза большие, миндалевидные. Скулы объемные. Под длинными, слабоизогнутыми усами изображен клинышек бороды. На боковых гранях выбиты скобообразные уши (левое в виде комбинации большой и маленькой скобки).

Гранит. 47 × 41 × 22 см. Найдено в 1960 г. учащимися 8-летней школы с-за им. Тохтарова Камышинского⁴ р-на Кустанайской обл. ИКМ г. Кустанай⁵.*

4. Отбитая голова изваяния. На макушке полусферическая шапочка с мыском посредине лба. Лицо моделировано объемно. Надбровье совмещено с носом. Глаза обозначены сегментовидными валиками, рот – овальным валиком. Выделены монголоидные скулы. По бокам головы фигурами, наподобие знака вопроса, изображены уши.

Песчаник. 39 × 29 × 16 см. ИКМ г. Кустанай.*

5. Погрудное изображение женщины. Верх головы скруглен, на макушке имеется слегка выступающее округлое уплощение. Поверхность лица плоская. Углублениями изображены маленькие округлые глаза, U-образный нос, несимметрично расположенный рот. По бокам головы вы-

ступают уши с серьгами. Уши имеют вид больших разомкнутых овалов; подвески серег шаро- или каплевидные. Выделены плечи. На груди различимы две небольшие округлые выпуклости. В области пояса, на правом боку, торс несколько сужается; на левом боку имеется округлый выступ (каптаргак?). Сзади изваяние обработано только в области головы.

Песчаник. 88 × 30–47 × 15–19 см. Найдено на правом берегу р. Жаксыкан в Тенгизском¹ р-не Карагандинской обл. ИКМ г. Целинограда².*

6. Погрудное изображение человека. Верх головы скруглен. Верхняя часть лицевого отдела скелета. Брови совмещены с носом. Правая бровь и глаз разрушены. Левый глаз имеет вид овального валика; рот передан щелевидным углублением. По бокам головы выбиты овальные уши. На шее гривна.

Гранит. 80 × 18 × 19–25 см. Найдено в Тенгизском р-не Карагандинской обл., в 60 км к западу от с. Жанбобек, близ коневодческой фермы Карашен. Лежало у подножья каменного кургана. ИКМ г. Целинограда.

7. Погрудное изображение человека. Верх головы треугольный. Брови совмещены с носом. Глаза щелевидные; углубление рта в форме дуги концами вниз. Подбородок удлинён.

По местному преданию, изваяние служило надгробным памятником на могиле калмыцкого батыра Караная, убитого сыном казахского батыра Каскатыя из рода канжигалы.

Гранит. 82 × 40 × 18 см. Найдено в Энбекшильдерском р-не Кокчетавской обл.³, на «калмыцком» кургане у оз. Кыз, близ аула № 4 (находка М.И. Щепкина, 1952 г.). ИКМ г. Целинограда.*

8. Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный. Слитные брови переданы углублением. Барельеф носа образован за счет неглубокой выемки. Выемка имеет дуговидные очертания над глазами, неправильные – по сторонам от носа и заканчивается на уровне рта. Рот – углубление в форме дуги концами вниз.

Песчаник. 75 × 20–52 × 16 см. Найдено в Вишневском р-не Целиноградской⁴ обл., в 2–3-х км к юго-востоку от с-за Ижевский, на правом берегу р. Ишим, на сопке; рядом отмечено скопление камней. ИКМ г. Целинограда.*

9. Изображение человека с сосудом (?) в правой руке. Верх головы прямоугольный. Брови совмещены с носом, у которого сохранилось только левое крыло. Большие овальные глаза переданы невыразительными выпуклостями. Рот не прослеживается; подбородок массивный. На груди нечто вроде гривны с ромбической (ромб внутри ромба) подвес-

¹ Ныне Акмолинская область.

² Историко-краеведческий музей.

³ Ныне г. Кокшетау.

⁴ Ныне Камыстинский р-н.

⁵ Ныне г. Костанай.

¹ Ныне Нуринский р-н.

² Ныне г. Астана.

³ Ныне Вишневский р-н Акмолинской обл.

⁴ Ныне Акмолинская обл.

кой. В правой, сильно согнутой к груди руке изображен сосуд неясной формы (плоскодонная чаша?).

Гранит. 80 × 20 – 26 × 18 – 24 см. Найдено в Агадырском р-не Джезказганской¹ обл., в урочище Ак-Мустафа, в 50 км к западу от центральной усадьбы с-за им. К. Мынбаева; было использовано в качестве строительного материала в кошаре. ИКМ г. Целинограда.*

10. Изображение человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Голова отбита. Выделяется рельеф живота. Кисти рук не детализированы. Сосуд имеет эллиптическое тулово, горловину и поддон.

Бурый железняк. 134 × 28 – 35 × 13 – 23 см. Найдено в Аркалыкском р-не Тургайской² обл., в с-зе Ангарский, в ограде казахской могилы. ИКМ г. Аркалык.*

11. Изображение человека со сведенными на животе руками. Верх головы высокий, дугообразный. Брови совмещены с носом. Концы бровей продолжены гравированной линией, которая проходит над ушами и затем изгибается вверх. Рот и глаза выполнены в виде овальных валиков. Детализированы кисти рук.

Гранит. 100 × 15 – 26 × 17 см. Найдено в Жанаркинском р-не Джезказганской обл. Музей истории горного дела, пос. Жезды.

12. Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный. Лицо разрушено: сохранился конец носа и овальное углубление рта. На плечах нечто наподобие воротника.

Гранит. 115 × 27 – 30 × 26 см. ИКМ г. Караганда.

13. Погрудное изображение человека. Верх головы высокий, округлый. Брови совмещены с носом. Барельефом изображены миндалевидные глаза, очерченные широкой полосой век. Рот – овальное углубление, оконтуренное валиком. Подбородок удлинён. На шее гривна.

Гранит. 70 × 20 × 15 см. ИКМ г. Караганда.*

14. Обломок верхней части изваяния. Верх головы грубо скруглен. Слитные брови, расширяющийся к низу нос и миндалевидные глаза выполнены барельефом. Нос выступает за счет широкой выемки по сторонам и внизу. Углубленный, косо расположенный рот имеет вид дуги, направленной концами вниз. На тыльной стороне головы виден скол.

Гранит. 70 × 56 – 66 × 20 см. ИКМ г. Караганда.*

15. Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Волосы зачесаны за уши и собраны сзади в короткий пучок (?). Пробор не прослеживается. Раздельные брови, большие миндалевидные глаза и нос выполнены барельефом; маленький восьмерковидный рот – углублением. В дугообразных ушах изображены серьги (с каплевидной подвеской?). В правой, согнутой примерно под прямым углом руке находится сосуд – кувшин (кувшин-кружка?) на поддоне. Пальцы правой руки, намеченные короткими гравированными линиями, не охватывают тулово сосуда, что позволяет предположить ручку. В кисти левой руки зажата рукоять короткого клинкового оружия (нож или кинжал?), заткнутого за пояс. Рукоять имеет круглое навершие. Пояс узкий, гладкий; слева к нему подвешен узкий предмет, справа – две сумочки: круглая и привешенная к ней прямоугольная. Сзади к поясу примыкает маленькая U-образная деталь. Изваяние тщательно обработано только спереди и с боков, главным образом, по пояс.

Гранит. 95 × 18 – 20 × 10 – 14 см. ИКМ г. Караганда.*

16. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы грубо скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза миндалевидные; правый глаз обведен гравиро-

ванной линией. Под большими, слабоизогнутыми усами выбито продолговатое углубление рта. В правой, согнутой к груди руке изображен сосуд неясной формы (кубок?). Кисть правой руки, за исключением отставленного большого пальца, не прослеживается. Левая рука, кисть которой не детализирована, направлена к кинжалу (ножу) с кольцевым навершием, висящему наклонно на предполагаемом поясе. Барельеф рук, сосуда и оружия образован углублением фона.

Гранит. 115 × 30 – 39 × 20 – 27 см. ИКМ г. Караганда.*

17. Изображение человека с сосудом в правой руке. Головной убор, состоящий из центральной дугообразной части и двух роогообразных боковых частей («трехрогая» тиара?), показан только на передней грани. Брови, большие миндалевидные глаза, окаймленные веками, и нос образуют единый барельеф. Рот передан продолговатым углублением с выступающими краями. Уши в виде овальных валиков. Элементы одежды: треугольные отвороты на груди и широкие рукава. В правой, согнутой руке находится сосуд – кувшин (кувшин-кружка?) на поддоне. Левая рука касается края поддона. Пальцы обеих рук детализированы.

Гранит. 114 × 40 × 17 см. ИКМ г. Балхаш Карагандинской обл.*

18. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Голова сверху несколько сужена и закруглена. Брови совмещены с носом. Глаза большие, миндалевидные. Над продолговатым, обрамленным валиком углублением рта, расположены длинные, несимметричные усы. В согнутой правой руке находится сосуд – кувшин (кувшин-кружка?) на поддоне. Пальцы рук, кроме большого, не детализированы.

Гранит. 87 × 21 – 28 × 13 – 21 см. ИКМ г. Балхаш Карагандинской обл.*

19. Погрудное изображение человека. Голова шире остальной части монолита. Верх головы высокий, прямоугольный. Слитные, расположенные наискось брови и нос выполнены барельефом. Рот и глаза щелевидные.

Гранит. 50 × 19 – 25 × 13 см. Музей г. Балхаш Карагандинской обл.*

20. Обломок нижней части изваяния с оружием. Прямоугольное оружие (палаш?) с кольцевидным навершием и двумя полукруглыми скобами наклонно висит на ремне.

Гранит. 101 × 35 × 17 см. Каркаралинский р-н Карагандинской обл., мог. Копа, комплекс из пяти малых, рядом расположенных по линии север – юг оградок (рис. 7, 8). Стоял возле крайней с юга оградки и был обращен лицевой поверхностью на восток.

21. Изображение человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Верх головы высокий, скругленный. Правая часть головы сколота. Удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза не изображены. Рот щелевидный. Голова «втянута» в плечи; от нее отходят длинные руки с недетализированными кистями. Сосуд имеет высокую, расширяющуюся горловину и широкое плоское дно. В слитном рельефе рук и сосуда форма тулова четко не выделяется.

Гранит. 95 × 25 × 17 см. Каркаралинский р-н Карагандинской обл. Найдено на кладбище, среди камней насыпи поздней казахской могилы, возле культового комплекса Аблай.*

22. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Голова сверху и справа повреждена. Левая бровь, «очковидная» фигура вокруг глаз, образующая одно целое с носом и горизонтальными усами, овальный рот выполнены выбивкой. В правой, согнутой к груди руке находится сосуд (чаша?). Кисть руки не детализирована. Рука с сосудом изображена углубленной линией.

Гранит. 90 × 26 × 30 – 34 см. Каркаралинский р-н Карагандинской обл., территория с-за им. Нуркена Абдирова.*

¹ Ныне Карагандинская обл.

² Ныне Костанайской обл.

Стоит лицом на восток возле сопки Аулие. Позади изваяния имеется скопление камней.

23 (1). Погрудное изображение человека. Верх головы трапециевидный. Дугообразные брови совмещены с носом. Маленькие округлые глаза и продолговатый рот переданы углублениями со слегка выступающим краем. На груди изображен нагрудник (?).

Гранит. 158 × 34 × 15 см. Каркаралинский р-н Карагандинской обл., 0,7 км к северо-западу от зимовки Аблай с-за им. Нуркена Абдирова. Вместе с четырьмя другими изваяниями (№ 24 – 27) было установлено в центре четырехугольной каменной конструкции, к которой с юго-запада примыкал развал другого сооружения (рис. 10 – 11). Изваяния перевезены в музей Карагандинского университета.

24 (2). Изображение женщины с сосудом в обеих руках на уровне живота. Абрис головы похож на глубокий, плосковерхий головной убор. Надбровье совмещено с носом. Маленькие округлые глаза и продолговатый рот переданы углублениями со слегка выступающими краями. На груди – две маленькие округлые выпуклости неодинаковой величины. Кисти рук не детализированы. Сосуд плоскодонный; удлиненное тулово в средней части сужается.

Гранит. 210 × 40 × 29 см.

25 (3). Погрудное изображение человека. Голова островерхая. Глаза воспроизведены невыразительными углублениями, щеки – барельефом. Подбородок смещен относительно углубления рта.

Гранит. 143 × 32 × 20 см.

26 (4). Погрудное изображение человека. Верх головы высокий, сужающийся. Брови, совмещенные с носом, и монголоидные скулы выполнены барельефом. Маленькие округлые глаза и продолговатый рот воспроизведены углублениями со слегка выступающими краями.

Гранит. 151 × 32 × 23 см.

27 (5). Погрудное изображение человека. Высокий куполообразный головной убор, край которого повторяет линию бровей. Брови совмещены с носом. Маленькие округлые глаза и продолговатый рот переданы углублениями со слегка выступающими краями.

Гранит. 168 × 34 × 23 см.

28 (1). Обломанное по пояс изваяние. Верх головы скруглен. Лицо разрушено сколами. Выделены плечи. Слитный рельеф рук и живота сформирован U-образным углублением на торсе. Судя по сохранившемуся фрагменту, руки опущены к животу.

Гранит. 85* × 27 – 42 × 22 см. Шетский р-н Джезказганской обл., отделение Кзыл-Кой. Прислонено к изваянию № 29, вкопанному по груди в средней части земляного кургана и ориентированному лицом на восток. Часть насыпи кургана на севере и северо-западе снесена при строительстве улучшенной грунтовой дороги, проходящей в 5 м. Диаметр кургана 12 м, высота 0,4 м. К северо-востоку от изваяния № 29 в насыпи имеется углубление диаметром 2,5 м (рис. 14, а).

29 (2). Вкопанное по грудь изваяние. Голова отбита. Выделены плечи. На груди сохранился барельеф подбородка и начало широких желобков, формирующих рельеф рук.

Гранит. 27* × 42 × 12 см.

30 (1). Изображение женщины со сведенными на животе руками. Верх головы скруглен. Надбровье совмещено с носом. Глаза большие, округлые. Рот передан продолговатым углублением. По сторонам лица на уровне глаз выбиты аморфные ямки. Женская грудь воспроизведена выпуклыми овалами. Пальцы рук детализированы. В пяти – семи санти-

метрах выше кистей прочерчена горизонтальная линия (венчик сосуда?).

Гранит. 100* × 26 × 8 – 15 см. Шетский р-н Джезказганской обл., 3 км к востоку от с-за Шетский. Установлено в средней части четырехугольной каменной выкладки. Южнее расположена аналогичная выкладка с изваяниями № 31 – 33 (рис. 16, а).

31 (2). Изображение сидящего(?) мужчины со сведенными на животе руками. Верх головы скруглен. Удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза изображены маленькими овальными выпуклостями, рот – углублением. Барельефом выполнены скулы; слегка выступает нижняя часть лица. Уши в виде гравированных полукругов с точкой посередине. Между сведенными руками выбита округлая ямка. Намечены несколько пальцев левой руки. Ниже рук изображен фаллос с тестикулами. Ноги расположены одна подле другой, носками врозь.

Гранит. 105* × 27 – 33 × 15 см.

32 (3). Изображение сидящего мужчины(?) со сведенными на животе руками. Верх головы скруглен. Надбровье совмещено с носом. Глаза и косой рот щелевидные. Уши в виде гравированных полукругов с точкой посередине. На груди две небольшие каплевидные выпуклости. Между руками выбита круглая ямка, ниже изображен фаллос с тестикулами. Ноги соединены носками.

Гранит. 76* × 20 – 32 × 14 см.

33 (4). Изображение женщины со сведенными на животе руками. Голова островерхая. На лице обозначен рот. Уши изображены барельефными (за счет углубления фона вокруг) полукругами с углублением посередине. На груди – две округлые выпуклости. В области плеч рельеф каждой руки закруглен, тогда как ниже локтя рельеф рук сливается с рельефом живота. Между соединенными руками выбита каплевидная ямка.

Гранит. 123* × 36 × 24 см.

34. Отбитая голова мужского изваяния. Тыльная часть скелота, лицевая повреждена. Волосы, разделенные на прямой пробор(?), зачесаны за уши. Надбровье совмещено с носом, нижняя часть которого скелота. Глаза большие, миндалевидные. Выделены монголоидные скулы. В правом ухе серьга с шаро- или каплевидной подвеской.

Гранит. 35* × 29 × 18 см. Агадырский¹ р-н Джезказганской обл. Найдено А.С. Загородним среди камней насыпи поздней казахской могилы в южной части могильника Мыржик.

35. Верхняя часть погрудного изображения мужчины. Верх головы скруглен, на макушке ямка. Брови образуют единый барельеф с носом. Барельефом воспроизведены скулы, отвислые усы и примыкающий к ним рот. Глаза намечены углублениями под бровями.

Гранит. 41* × 13 × 19 см. Агадырский р-н Джезказганской обл. Найдено М.С. Нуркабаевым среди скопления камней близ кургана с «усами» в северо-западной части могильника Атасу.

36 (1). Обломок лица изваяния. Сохранился фрагмент носа и рот в виде овального валика.

Гранит. 31* × 9* × 10 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., урочище Мыржик. Обломок лежит на поверхности квадратной ограды, ориентированной углами по сторонам света. Размеры ограды по внешнему периметру 5 × 5 м, толщина стен от 0,8 до 1,20 м, высота 0,5 – 0,6 м. В средней части ограды, лицом на восток – северо-восток, стояло изваяние № 37 (рис. 17, а).

¹ Ныне Шетский р-н Карагандинской обл.

37 (2). Изображение человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Голова обломана. Кисти рук не детализированы. Сосуд имеет высокую, расширяющуюся горловину; форма его тулова и дна неясны.

Гранит. 109* × 18 – 25 × 15 см.

38 (1). Изображение сидящего человека с сосудом в обеих руках на уровне живота. Голова наверху скруглена, макушка горизонтально сколота. Брови совмещены с носом. Глаза воспроизведены маленькими продолговатыми выпуклостями, рот – довольно большим овальным углублением с выступающими краями. Кисти рук не детализированы. Сосуд плоскодонный, с невысокой, слегка расширяющейся горловиной; форма тулова неясна. Ноги расположены рядом, врозь коленями и носками.

Гранит. 130 × 21 – 26 × 9 – 14 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., урочище Мыржик. Вместе с останцом изваяния № 39 было вкопано внутри четырехугольной каменной оградки; снаружи лежало изваяние № 40 (рис. 18 – 21).

39 (2). Останец погрудного (?) изваяния с двумя боковыми обломками. В верхней части останца сохранился фрагмент линии подбородка(?), на правом боковом обломке – две параллельные косые черты.

Гранит. 113* × 25 × 14 – 17 см.

40 (3). Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный. Брови совмещены с носом. Глаза в виде овальных выпуклостей. Рот передан довольно большим продолговатым углублением с выступающими краями.

Гранит. 115 × 11 – 17 × 4 – 8 см.

41 (1). Антропоморфная стела. Верх скошенный, с выступом, который ассоциируется с головным убором (=невысокая шапочка с присборенным краем). На широкой плоскости двумя зарубками с боков намечена граница лицевого отдела.

Гранит. 140 × 25 × 10 – 15 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., урочище Ак-Мустафа. Была установлена вместе со стелой № 42 и четырехгранным каменным столбиком (размеры 80 × 10 × 10 см) в северо-восточной «поле» каменного кургана (рис. 23, 2, а).

42 (3). Антропоморфная стела. Верх дугообразный.

Гранит. 152 × 8 – 25 × 13 см.

43 (1). Изображение мужчины с несимметрично расположенными руками. Верх головы грубо скруглен. Овальный левый глаз, нос, слегка изогнутые усы и щеки воспроизведены барельефом, рот – продолговатым углублением со слегка выступающими краями. Левое ухо передано гравированным разомкнутым овалом. На груди имеется дугообразная фигура. Правая рука согнута примерно под прямым углом. Левая рука как бы опирается на предполагаемые пояс или оружие. Кисти рук не детализированы.

Гранит. 167 × 25 – 32 × 15 – 19 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., верховья р. Атасу, 1,5 км к западу от зимовки «Комсомол». Лежало с востока северной оградки комплекса из двух малых (1,7 × 1,7 м) оградок, расположенных рядом. В центре южной оградки лежало изваяние № 44.

44 (2). Изображение мужчины с согнутой к груди левой рукой. Верх головы грубо скруглен. Надбровье совмещено с носом. Под горизонтальными усами – овальная, разделенная чертой выпуклость губ. Скобообразные уши изображены углубленной линией. Рука различима примерно до локтя; кисть, не детализирована.

Гранит. 107* × 33 × 14 см.

45. Погрудное изображение мужчины. Невысокая шапочка с присборенным краем. Брови, совмещенные с носом, большие, удлинненно-овальные глаза, горизонтальные усы, к

которым примыкает дугообразная выпуклость разделенных губ, выполнены барельефом

Гранит. 194 × 30 × 22 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., могильник Екезек. Лежало у второй с юга оградки комплекса из восьми малых (до 3 × 3 м) оградок, расположенных рядом по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Размеры оградки, возле которой найдено изваяние – 2,95 × 2,75 м; она сооружена из четырех плит. С восточной стороны следующей (к северу) оградки стоит обломок погрудного изваяния, от которого на восток отходит ряд из трех балбалов длиной 17 м.

46. Погрудное изображение мужчины. Верх головы скруглен. Справа на голове имеется скол. Брови совмещены с носом. Глаза – маленькие овальные выпуклости. Рельеф горизонтальных усов и рта слит.

Гранит. 61* × 20 – 25 × 13 см. Агадырский р-н Джезказганской обл., могильник Екезек. Стоит с восточной стороны раскопанной оградки размерами 2,30 × 2,45 м. Оградка ориентирована осью север-северо-запад – юг-юго-восток. На 95 м от изваяния тянется ряд из 32 поваленных балбалов.

47. Погрудное изображение мужчины. Верх головы треугольный. Надбровье совмещено с носом. Большие миндалевидные глаза, горизонтальные усы, широкая борода и скобообразные уши изваяны барельефом.

Гранит. 162* × 22 – 42 × 25 – 27 см. Жанаркинский р-н Джезказганской обл., могильник Атсуыткан III. Стоит с восточной стороны оградки (размеры 2,80 – 2,95 × 2,95 м). Оградка ориентирована сторонами по сторонам света. Восточная ее стенка состоит из одной плиты, остальные – из двух плит каждая (рис. 26, а).

48. Изображение человека с сосудом в правой руке. Голова отбита (найден ее обломок), верх ее скруглен. Надбровье совмещено с носом. Нос, овальные глаза и дугообразные уши воспроизведены барельефом. В правой согнутой руке изображен сосуд (чаша?), часть которого не прослеживается. Кисть правой руки находится у середины гладкого пояса. Вниз от места стыка концов пояса отходит узкая прерывистая полоса.

Гранит. 74* × 25 – 40 × 8 – 12 см. Улутауский р-н Джезказганской обл., 1 км к северу – северо-востоку от отделения Кургантас с-за Амангельдинский. Стоит лицом на восток – северо-восток у оградки (размеры 2,2 × 2,5 м) ориентированной углами по сторонам света (рис. 27, а).

49. Погрудное изображение человека. Верх головы скруглен. На лице различим нос. Подбородок удлиннен. Выделены плечи. На спине три длинных пряди (косы), перехваченные у концов зажимами.

Гранит. 117* × 21 – 34 × 21 см. Улутауский р-н Джезказганской обл., верховья р. Айбас. Установлено с северо-запада поздней казахской могилы.

50 (1). Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы грубо скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза удлинненно-миндалевидные. В правой, согнутой к груди руке находится сосуд (чаша?). Левая рука опирается на рукоять (?) наклонно расположенного клинкового оружия. Кисти рук не детализированы.

Гранит. 216 × 40 – 44 × 25 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., урочище Ушкаты, 2 км к юго-западу от зимовки Тогузбай. Лежало с восточной стороны, у второй с юга оградки комплекса из шести малых (до 2,20 × 2,20 м) оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Возле четвертой с юга оградки стоит изваяние № 51, возле пятой с юга оградки – обломок стелы или изваяния. От оградок с изваяниями № 50 – 51 в восточно – юго-восточном направлении отходят ряды поваленных балбалов (рис. 29, а).

51 (2). Погрудное (?) изображение мужчины. Верх головы прямоугольный, со скругленными углами. Углублением показаны левая бровь и большой дугообразный рот. Нос, овальные глаза, оконтуренные углубленной полосой, слабоизогнутые усы выполнены барельефом. В верхней половине туловища различимы фрагменты деталей, изображенных желобком (отвороты одежды и согнутая к груди правая рука с сосудом?).

Гранит. 165 × 28 – 40 × 17 см.*

52. Погрудное изображение человека. Верх головы, имеющий очертания, близкие к треугольным, поврежден сколами. Барельефом изображены брови, совмещенные с носом, и миндалевидные глаза. Маленьким углублением намечен рот. Подбородок массивный.

Гранит. 138 × 40 × 10 – 15 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Ушкатты-5. Сильно наклонившись на левый бок, изваяние стоит возле северо-восточной стенки разрушенной оградки (размеры 2 × 2,5 м). Оградка ориентирована углами по сторонам света. В 2 м к северо-востоку от изваяния находится балбал (рис. 29, б).*

53 (1). Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Очертания верха головы неправильные, близкие к прямоугольным. Брови со слегка изогнутыми концами совмещены с носом. Из места соединения бровей вверх отходит разветвляющийся надвое отросток. Глаза большие, миндалевидные. Моделированы скулы. Под слабоизогнутыми усами изображен выпуклый овал рта, к которому снизу примыкает клинышек бородки. В согнутой к груди правой руке находится чаша. Кисть руки не детализирована. На левой боковой поверхности сохранилась кварцитовая корка.

Гранит. 154 × 18 – 28 × 22 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Ушкатты-2. Установлено с востока южной оградки комплекса из двух рядом расположенных по линии север – юг оградок (размеры примерно 2 × 2 м). Возле северной оградки стоит изваяние № 54. К востоку от обоих изваяний отходят ряды балбалов (рис. 30, а).*

54 (2). Погрудное изображение мужчины. Верх головы скруглен. Надбровье совмещено с носом. Глаза большие, миндалевидные. Выделены скулы. В слитном барельефе длинных, слабоизогнутых усов и клинышка бородки выбита бороздка (рот). Подбородок заострен. По бокам головы выступают скобообразные уши с серьгами, имеющими каплевидные подвески. Показана линия зачесанных за уши и плавно изогнутых волос. На груди изображены треугольные отвороты одежды.

Гранит. 143 × 30 – 35 × 12 – 17 см.*

55. Погрудное изображение человека. Верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. Углублениями воспроизведены маленькие овальные глаза и коротко расположенный дуговидный рот. Подбородок заострен.

Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Ушкатты-7. Установлено лицом на юго-восток с юго-восточной стороны каменного кургана диаметром 8 м и высотой 0,5 м (рис. 31, а).

56. Погрудное изображение человека. Верх головы высокий, сужающийся. Углублением воспроизведены отдельные брови, маленькие глаза, большой рот; барельефом – нос. Выделены скулы. Подбородок заострен.

Гранит. 60 × 16 – 19 × 11 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Ушкатты-1, 400 м к западу от зимовки Ушкатты. Изваяние стоит, сильно наклонившись вперед, с востока каменного кургана, насыпь которого вытянута с севера на юг. Размер насыпи 8 × 6 м, высота 0,3 м. В средней части кургана имеется углубление размером 2,5 × 3 м, вытянутое по линии запад – восток (рис. 31, б).*

57. Погрудное (?) изображение мужчины. Верх головы скруглен. Барельефом выполнены детали лица: брови, совмещенные с носом, большие глаза с детализированными веками, загнутые вверх усы, удлиненный рот, клинышек бородки. Подбородок заострен.

Гранит. 120 × 33 – 35 × 17 – 22 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., урочище Ушкатты. Изваяние стоит возле оградки; от него на 69 м отходит ряд из шести балбалов.*

58. Антропоморфная стела. Верх головы скруглен. Углублением изображен рот, барельефом – дугообразный подбородок.

Гранит. 99 × 26 – 30 × 16 см. Коунрадский¹ р-н Джезказганской обл., 5 км к югу – юго-западу от с. Чапаево, 1,5 км к югу от кладбища Оманбасы. Стоит лицом на восток у восточной стороны оградки (1,80 × 2,20 м), ориентированной по сторонам света (рис. 32, а).*

59. Изображение человека (с сосудом в правой руке?). Голова отбита. Сохранился дугообразный желобок, вероятно, очерчивавший подбородок. На туловище различимы следы деталей, выполненных желобком (правая рука с круглодонной чашей?).

Гранит. 111 × 35 – 45 × 14 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., перевал Кенасу. Стоит с северо-востока средней оградки комплекса из трех малых (2,5 × 2,5 м) оградок, расположенных рядом по линии северо-запад – юго-восток. От оградки с изваянием на восток отходят два ряда балбалов длиной 36 м (8 балбалов) и 22 м (10 балбалов). Ряд из 12 балбалов (длина 22 м) имеет и у крайней с юго-востока оградки (рис. 33, а).*

60. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Неправильный абрис головы обусловлен исходной формой монолита, лицевая часть повреждена. Сохранился фрагмент носа, совмещенного с надбровьем (?), левый, закрученный ус, углубление рта и массивный дугообразный подбородок. Все эти детали, за исключением рта, выполнены барельефом. В правой, согнутой к груди руке находится сосуд (кубок на ножке?). Кисть левой руки охватывает рукоять прямоклинкового оружия с кольцевидным навершием. Оружие висит на предполагаемом поясе наклонно на двух ремнях. Кисти обеих рук детализированы.

Гранит. 117 × 29 – 33 × 19 – 25 см. Изваяние выполнено на ромбической в сечении глыбе. Одно из ребер проходит вдоль передней стороны изваяния через лицо, сосуд и основание навершия оружия. Актогайский р-н Джезказганской обл., 0,7 км к юго-востоку от отделения Кенасу с-за Кызыларайский. Стоит лицом на восток у восточной стороны оградки (размеры 2,0 × 2,0 м), ориентированной сторонами по сторонам света. В 1,8 м к востоку от изваяния вкопан балбал (рис. 33, б).

61. Погрудное (?) изображение человека (мужчины?). Верх головы прямоугольный, слегка скошенный. Слитные брови совмещены с носом. Глаза большие, овальные. В нижней части лица различим только правый ус (?). Детали лица выполнены барельефом. На горсе видны следы изображения (согнутой к груди правой руки?).

Гранит. 123 × 24 – 32 × 11 – 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 1,5 км к юго-востоку от зимовки Тогызбай с-за Кызыларайский. Стоит возле второй с севера оградки комплекса из пяти малых (2,5 × 2,5 м) оградок, расположенных рядом по линии север-северо-запад – юг-юго-запад.*

62. Антропоморфная стела. В монолите выделена голова с трапециевидным верхом; воспроизведены нижние очер-

¹ Ныне Актогайский р-н Карагандинской обл.

тания лица. На поверхности лица округлой выпуклостью обозначен левый глаз.

Гранит. 150 × 44 – 51 × 12 – 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 6 км к востоку – юго-востоку от центральной усадьбы с-за Кызыларайский на левом берегу р. Кызыларай. Стоит лицевой поверхностью на восток – юго-восток возле аморфного скопления камней. На 9,5 м в восточно – северо-восточном направлении уходит ряд из четырех балбалов (рис. 34, а).*

63. Погрудное изображение человека. Верх головы скруглен. Брови совмещены с частично разрушенным носом. Невыразительными выпуклостями обозначены глаза, углублением – рот.

Гранит. 75 × 29 – 34 × 10 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Жиланды-5. Стоит лицом на восток с востока каменного кургана (диаметр 6 м, высота 0,3 м) (рис. 35, а).*

64. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Очертания верха головы близки к треугольным (со скругленными углами). Брови совмещены с носом; глаза миндалевидные. Под длинными усами с изогнутыми концами изображен выпуклый, разделенный чертой рот. Подбородок заострен. Фигурой наподобие вопросительного знака (без точки) изображены уши. На груди углубленной линией намечены треугольный вырез одежды и линия разреза. В правой, согнутой почти под прямым углом руке находится сосуд – плоскодонный кувшин (кувшин-кружка) с удлинненно-овальным туловом и расширяющейся горловиной. Левая рука как бы опирается на предполагаемые пояс или оружие. Кисти рук не детализированы.

Гранит. 176 × 30 – 35 × 28 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., отделение Сона с-за Кызыларайский. Стоит лицом на восток – юго-восток с востока разрушенного каменного сооружения (ограда?)*

65. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы грубо скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза крупные, миндалевидные, с детализированными веками. Моделированы скулы. Большие изогнутые усы и губы образуют слитный барельеф, обрамляющий углубление рта. По сторонам головы, на стыке граней, выбиты скобообразные уши; в левом различима серьга с двусоставной подвеской. На груди прослеживается дугообразная углубленная линия, повторяющая очертания нижней части лица. К ней примыкает многоугольная фигура, по всей видимости, воспроизводящая контур неразделенных треугольных отворотов одежды. От «отворотов» отходят линии рук. В согнутой правой руке находится кувшин-кружка на поддоне. Отчетливо видна кольцевая ручка сосуда. Показан край рукава; кисть руки передана схематично. Между нижним краем «отворотов» и серединой тулова сосуда имеется выпуклость в виде угла. Кисть левой руки покоится на гладком поясе. Под поясом горизонтально изображен кинжал (нож?) с овальным навершием и прямым перекрестием. В 15 см ниже кинжала выбита горизонтальная линия, возможно, намечающая нижний край одежды. На боковых поверхностях продолжены очертания рук.

Гранит. 145 × 25 – 35 × 24 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 3 км к юго-западу от отделения Сона. Изваяние стоит, сильно наклонившись на левый бок, у восточной стороны ограды (размеры 4 × 4 м), ориентированной по сторонам света. От изваяния к востоку на 130 м тянется ряд из 18 балбалов.*

66 (1). Погрудное изображение человека. Выделенная из монолита голова имеет высокий, заостренный верх. Надбровья, совмещенное с носом, воспроизведено углубленной ли-

нией. Округлые очертания нижней части лица плавно переходят в острый подбородок.

Гранит. 105 × 40 – 45 × 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Жиланды-4. Вместе с изваянием № 67 стоит лицом на восток с востока каменного кургана (диаметр 7 м, высота 0,4 м). В средней части кургана прослеживается углубление (рис. 37, а).*

67 (2). Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный, слегка скошенный. Слитный барельеф надбровья, совмещенного с носом, образован за счет желобка, идущего по очертаниям. Горизонтальный отрезок желобка, окаймляющий нос снизу, значительно выдается в обе стороны. Подбородок заострен.

Гранит. 111 × 23 × 19 см.*

68. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Поверхность изваяния местами повреждена. Длинные волосы зачесаны назад и спускаются по спине семью прядями (косами), перехваченными у концов зажимами. На сильно разрушенном лице различим фрагмент левой брови и большого глаза с детализированными веками (?). Сохранились очертания нижней части носа. Маленький рот передан дугообразной щелью со слегка выступающими краями. К рту примыкает вертикальная полоска бородки. Левое ухо имеет вид разомкнутого овального валика, от которого отходит серьга с шаровидной подвеской на кольце. На шее изображена гладкая гривна. Почти все детали изваяния барельефны, кроме элементов одежды (отвороты, манжеты, полосатый узор на обшлаге правого рукава), выполненных углубленной линией. В правой, согнутой к груди руке находится сосуд – кувшин-кружка на поддоне. Обозначена кольцевая ручка сосуда. Согнутая под прямым углом левая рука расположена ниже правой руки. Кисти рук детализированы. Гладкий пояс воспроизведен барельефной полосой с несколькими свисающими «ремешками». Общее количество «ремешков» – 6 или 7 (по два с каждого бока и 2 (?) спереди). На поясе горизонтально висит изогнутый кинжал (нож) с прямым перекрестием.

Гранит. 200 × 37 × 27 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 20 км к востоку – северо-востоку от пос. Акжарык (с-з Кызыларайский). Найдено лежащим у мазара.

69 (1). Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный. Раздельные дугообразные брови и продолговатые глаза выполнены желобками. Участок естественной, загорелой поверхности камня формирует рельеф сужающегося к переносице носа и подбородка; углублениями намечен конец носа и большой рот. Аморфные выступы естественной поверхности воспроизводят «румянец» на щеках.

Гранит. 85 × 16 – 22 × 16 – 19 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 2 км к югу – юго-востоку от отделения Кенасу. Изваяние № 69, антропоморфная стела № 70 и изваяние № 71 установлены по линии север – юг с востока каменного кургана (размеры 6 × 8 м), высотой около 0,2 м (рис. 39, а).*

70 (2). Антропоморфная стела. Верх грубо скруглен.

Гранит. 45 × 23 × 10 см.*

71 (3). Погрудное изображение человека. Верх головы скошен в сторону лица. Продолговатые глаза и нижняя часть носа выполнены барельефом, рот – углублением.

Гранит. 87 × 21 – 24 × 18 – 24 см.*

72. Погрудное изображение человека. Верх головы грубо скруглен. Раздельные брови изображены углубленной линией, большие овальные глаза и крупный нос – барельефом. Барельеф носа образован за счет углубления фона по его очертаниям. Глаза обведены углубленной линией; маленькими ямками обозначены зрачки. Изваяние треугольное в сечении.

Ребро проходит вдоль передней стороны; в области лица оно более или менее сглажено.

Гранит. 170 × 25 – 35 × 21 – 30 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 0,8 км к югу – юго-западу от горы Кызыл-Адыр, долина, ограниченная с трех сторон сопками. Установлено лицом на север – северо-запад – в сторону выхода из долины. Ограда отсутствует. Непосредственно перед изваянием в земле лежит каменный блок. На 68 м в северо – северо-западном направлении уходит ряд из 14 балбалов.*

73 (1). Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы сужен и скруглен. Раздельные брови воспроизведены дугообразными желобками. Барельеф носа, миндалевидных глаз, больших усов с изогнутыми вниз концами образован за счет углубления по их очертаниям. На торсе различимы изображенные желобком треугольные отвороты одежды (?), сосуд (?), и левая рука, почти касающаяся наклонно расположенного на уровне пояса короткого клинкового оружия (нож или кинжал). Правее оружия выбито овальное углубление.

Гранит. 171 × 45 × 17 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могильник Сатай-1. Вместе с изваяниями № 74 – 76 найдено у комплекса из четырех оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Изваяние № 73 стоит с востока южной оградки (размеры 3,5 × 3 м). Южная стенка оградки отсутствует. Остальные стенки состоят из одной плиты каждая. К востоку от изваяния на 24 м тянется цепочка из пяти балбалов.*

74 (4). Погрудное изображение мужчины. Разломано на четыре части. Верх головы грубо скруглен. На лбу воспроизведен край головного убора с мыском (?). Нечетко прослеживающиеся брови совмещены с носом. Форма и размер глаз неодинаковы. Намечены отвислые усы. На груди изображена ромбическая подвеска. Все детали барельефны.

Гранит. 114 × 20 × 5 – 8 см. Три обломка изваяния № 74 были найдены у юго-восточного угла крайней с севера оградки, а четвертый – в 4 м к востоку от нее. Размеры оградки 2,5 × 2,5 м.

75 (2). Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Сломано у основания. Верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. Кончик правой брови изогнут. Разновеликими выпуклостями изображены миндалевидные глаза. Намечены скулы. Под длинными, слабоизогнутыми усами показано продолговатое углубление рта. Выделены плечи. На груди желобком изображены отвороты одежды в виде ромба, разделенного по диагонали линией. В правой, согнутой к груди руке находится круглодонный кувшин-кружка с кольцевой ручкой. Левая рука опирается на прямоклинковое оружие, укрепленное на поясе наклонно. Средняя часть пояса не прослеживается. Кисти рук не детализированы.

Гранит. 161 × 43 – 52 × 14 см. Обломанное изваяние вертикально установлено возле второй с юга оградки. Размеры оградки 3 × 3 м; к востоку от нее найдены три балбала, крайний из которых отстоит от оградки на 39 м.*

76 (3). Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Разбито на три части. Верх головы уплощен. Нечетко прослеживающиеся брови совмещены с носом. Около носа и вокруг миндалевидных глаз фон углублен. Рот передан продолговатым углублением. Подбородок удлиннен. Под подбородком виден фрагмент гладкой гривны. На груди желобком изображены отвороты одежды в виде ромба, разделенного линией по диагонали. Ниже намечена правая рука с круглодонным сосудом. Левая рука направлена к горизонтально расположенному на уровне пояса оружию (нож, кин-

жал?). Руки и атрибуты изображены схематично, углубленной линией.

Гранит. 156 × 30 × 13 см. Обломки изваяния № 76 найдены в разных местах. Возможно, оно первоначально было установлено у третьей с юга оградки размерами 3 × 3 м.

77. Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Голова отбита. Сохранились очертания подбородка. В правой, согнутой к груди руке находится сосуд (кубок?). Край рукава скруглен, кисть намечена двумя параллельными дугообразными желобками. Левая рука согнута почти под прямым углом. Воспроизведены лишь очертания рукава; кисть не показана. На ремешке (?), отходящем от края рукава, наклонно висит длинное клинковое оружие с округлым навершием. Навершие расположено ниже руки с сосудом.

Гранит. 134 × 55 × 23 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Стоит лицом на восток с восточной стороны оградки (размеры 3 × 3 м), ориентированной по сторонам света. В оградке по диагонали лежит стела (размеры 2 × 50 × 15 см). На восток от изваяния на 66 м тянется ряд из четырех балбалов (рис. 43, а).*

78. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Верх головы грубо скруглен. Слитные брови отделены от носа. Большие миндалевидные глаза снизу очерчены веками. К носу примыкают длинные, слабоизогнутые усы. Рот передан продолговатым углублением. В правой, согнутой к груди руке находится плоскодонный кувшин (кувшин-кружка). Левая рука располагается на поясе, намеченном желобком. Кисти рук детализированы.

Гранит. 205 × 29 – 41 × 13 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Лежало у юго-восточной стенки средней оградки комплекса из пяти малых оградок, расположенных рядом по линии северо-восток – юго-запад. Размеры оградки 2 × 2 м. На юго-восток от нее отходит ряд из девяти балбалов, изгибающийся на конце к северу. Длина ряда 101 м. Ряд протяженностью 23 м, насчитывающий четыре балбала, имеет и у крайней с севера оградки, размеры которой 2,5 × 3 м (рис. 43, б).

79 (1). Изображение человека с опущенными руками. Очертания головы напоминают башлыкообразный головной убор. Линия удлиненных бровей, совмещенных с носом, переходит в очертания лица. Брови, нос и неровный выступ в месте их соединения образуют единый барельеф. Рот передан углублением. Выделены плечи. С левого плеча на грудь спускается рельефная полоса. Справа на груди намечена линия (треугольного?) выреза одежды. Кисти рук не детализированы. В 25 – 30 см ниже рук проходит линия поперечного выступа. В профиль выдается живот.

Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке в 700 – 800 м к юго-западу от сопки Кызыл-тюбе массива Кызыл-Арай. Вместе с изваяниями № 80 – 83 было установлено в четырехугольной каменной оградке (рис. 44 – 47).

80 (2). Изображение человека с сосудом в обеих руках. Высокий верх головы имеет неровные сужающиеся очертания. Брови совмещены с носом. Глаза и рот воспроизведены углублениями. Выделены скулы. Намечены плечи, от которых начинается линия длинных рук. Кисти рук детализированы. Сосуд небольшой, с высокой, расширяющейся горловиной и плоским дном. Ниже рук с сосудом черной, желтой и красной красками нарисован передник, украшенный волютообразным узором. На боковых гранях желобком изображены дугообразные уши (левое – с точкой посередине) и тыльные очертания рук.

Гранит. 143 × 25 × 20 см.

81 (3). Изображение головы и женского торса. Верх головы высокий, несимметрично сужающийся. Удлиненные брови выполнены желобком, образующим одно целое с желобком вокруг барельефного носа. На переносице желобок неровно выступает над линией бровей. Глаза и рот переданы продолговатыми углублениями. Подбородок заострен. В верхней части торса имеется естественный выступ наподобие женской груди. Желобком намечена линия бедер (пах). Сечение средней части изваяния трапецевидное, а передняя сторона трехгранная.

Гранит. 146 × 27 × 15 – 19 см.

82 (4). Изображение головы и женского торса. Верх головы высокий, прямоугольный. Удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза переданы узкими углублениями, рот – выпуклостью. На торсе каплевидными выступами обозначены грудь и женский половой орган, ниже которого высечена линия бедер (пах).

Гранит. 176 × 23 × 13 – 16 см.

83 (5). Погрудное изображение человека. Высокий верх головы имеет двугранную стрельчатую форму. Брови совмещены с носом. Рот передан углублением.

Гранит. 137 × 23 × 12 см.

84 (1). Изображение человека (вкопано по пояс). Высокий, сужающийся верх головы уплощен. Удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза переданы маленькими округлыми выпуклостями, рот – углублением с выступающими краями. Двумя вертикальными желобками намечены опущенные руки.

Гранит. 70 × 25 × 22 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Вместе с изваяниями № 85 – 86 стоит в средней части прямогольного каменного сооружения (размеры 4,3 × 5,4 м), к которому пристроено каменное сооружение больших размеров (7,5 × 9 м). Сооружение ориентировано по оси восток-юго-восток – запад-северо-запад, изваяния обращены лицами на восток – юго-восток (рис. 50, а).*

85 (2). Изображение человека (вкопано по грудь). Верх головы высокий, прямоугольный. Слитные, образующие дугу брови совмещены с носом. Рот передан углублением. Двумя вертикальными желобками намечены опущенные руки (?).

Гранит. 52 × 17 – 24 × 19 – 24 см.*

86 (3). Погрудное изображение человека или антропоморфная стела (вкопано по пояс). Голова сбита. Сохранились очертания нижней части лица.

Гранит. 45 × 25 × 14 см.*

87 (1). Погрудное изображение мужчины (обломано). Верх головы скруглен. Брови совмещены с реалистичным носом. Над углублением рта изображены слабоизогнутые горизонтальные усы. Подбородок заострен. Овальным валиком воспроизведено правое ухо.

Гранит. 106 × 34 × 13 – 16 см. Актогайский р-н Джезказганской обл. Находилась вместе с изваяниями № 88 – 89 возле комплекса из шести малых оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Изваяние № 87 лежало возле северо-восточного угла первой с севера оградки (размеры 1,8 × 1,8 м). От оградки к востоку на 32 м уходит ряд из шести балбалов (рис. 52, а).*

88 (2). Обломок головы (погрудного изваяния?). Верх головы грубо скруглен. Брови совмещены с носом.

Гранит. 43 × 33 × 15 см. Обломок лежал возле четвертой с юга оградки (1,9 × 1,9 м), рядом с останцом погрудного изваяния (68* × 30 × 16 см). По всей видимости, обломок головы и останец являются частями одного изваяния. К востоку от останца на 36 м тянется вереница из шести балбалов.*

89 (3). Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Голова обломана. Сужающийся верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза переданы миндалевидными выпуклостями. Сохранился фрагмент горизонтальных слабоизогнутых усов и длинное углубление рта. Дуговидным валиком изображено левое ухо. В правой согнутой руке находится сосуд неясной формы (круглодонный кувшин?). Левая рука согнута почти под прямым углом. Кисти рук не детализированы. Ниже левой руки наклонно расположено длинное клинковое оружие, имеющее вид барельефной полосы.

Лежало с востока третьей с севера оградки (размеры 3,0 × 1,8 м). На восток от оградки на расстояние 34 м отходит ряд из четырех балбалов. Ряд из трех балбалов, протянувшийся на 9 м, отмечен также у крайней с юга оградки.

90. Антропоморфная стела (обломана). Верх грубо скруглен. Углубленной полосой очерчена нижняя часть лица с острым подбородком.

Гранит. 132 × 36 – 42 × 15 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Лежало в восточной части оградки (3,5 × 3,5 м), ориентированной углами почти по сторонам света. Возле северо-восточной стенки оградки из земли выступает вкопанное основание стелы. На северо-восток от оградки на 14 м тянется ряд из четырех балбалов (рис. 52, б).*

91. Антропоморфная стела. Верх прямоугольный. Намечены очертания нижней части лица. Нос в виде перевернутой буквы «Г» выполнен желобком.

104 × 20 – 23 × 13 – 23 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Стоит с восточной стороны разрушенной каменной конструкции, возможно, оградки (рис. 53, а).*

92. Погрудное изображение мужчины. Очертания верха головы близки к прямоугольным. Надбровье совмещено с широким носом. Глаза большие, миндалевидные, со зрачками (?), сведенными к переносице. Различим фрагмент примыкающих к носу усов. На боковых поверхностях головы углубленной линией нанесены контуры ушей.

Гранит. 132 × 27 – 34 × 14 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Стоит лицом на юг – юго-восток, около разрушенной каменной конструкции, к которой с севера – северо-востока пристроен ящик (размеры 1 × 1 м) (рис. 53, б).*

93. Антропоморфная стела. Верх головы скруглен. Широкий желобком очерчена нижняя часть лица. Правое ухо воспроизведено скобообразным валиком.

Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке. Лежит с северо-востока казахского мазара. Возможно, стела была доставлена сюда с комплекса из двух оградок, расположенного в 83 м к северу – северо-западу.

94 (1). Погрудное изображение человека. Верх головы высокий, остроконечный. Надбровье совмещено с разрушенным на конце носом. Нижняя часть лица имеет дуговидные очертания.

Гранит. 90 × 25 – 33 × 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке, юго-восточные предгорья Аксоран. Установлено в одном ряду с изваяниями № 95 – 96, с востока каменного кургана (размеры 5 × 6 м, высота 0,2 м). Изваяния ориентированы лицами на восток (рис. 55, а).*

95 (2). Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный, слегка скошенный. Надбровье совмещено с носом. Рот обозначен невыразительным углублением. Подбородок заострен.

Гранит. 82* × 30 – 36 × 14 – 21 см.

96 (3). Обломок погрудного изваяния (антропоморфной стелы?). Голова отбита. Сохранились нижние очертания лица с острым подбородком. Выделены плечи.

Гранит. 63* × 27 – 34 × 17 см.

97 (1). Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы прямоугольный, слегка скошенный. Лицо сильно повреждено. Сохранились детали головы, изображенные на боковых гранях: левое ухо, в которое вдет серьга с шаровидной (кольцевидной?) подвеской, и линия зачесанных назад волос. Согнутая правая рука от плеча до запястья также показана на боковой грани. Кисть руки и сосуд – круглодонный кувшин (кувшин-кружка?) – находятся на передней грани. Левая рука касается пояса, воспроизведенного барельефной полосой. Кисть левой руки располагается на краю передней поверхности, тогда как остальная часть руки – на боковой. Тыльный контур руки начинается от линии прически. На боковой грани также показано длинное клинковое оружие, висящее на поясе наклонно, на одном ремешке.

Гранит. 136* × 28 × 22 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., долина р. Жинишке, горы Койтас, могилиник Койтас-1 в местности Сынтас. Вместе с изваянием № 98 установлено у комплекса из двух оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Изваяние № 97 стоит лицом на восток с восточной стороны южной оградки (размеры 3 × 3 м). От изваяния в восточном направлении отходит ряд из пяти балбалов, протяженностью 56 м (рис. 56, а).

98 (2). Изображение человека с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы прямоугольный. Поверхность изваяния разрушена; местами сохранились фрагменты деталей: круглодонного кувшина (кувшин-кружки), рукояти оружия с овальным навершием на передней грани и контуров обеих рук на боковых. На левой грани, кроме того, прослеживается продолжение горизонтально расположенного клинка.

Гранит. 116* × 34 × 20 см. Изваяние стоит лицом на восток с восточной стороны северной оградки (размеры 3 × 5 м). К востоку от изваяния на 70 м тянется ряд из 11 балбалов. На конце ряд изгибается к северу.

99. Изображение человека с сосудом в правой руке. Обломано по пояс. Верх головы скруглен. Поверхность лица почти полностью разрушена. Сохранилось углубление рта и острый подбородок, по абрису которого проходит широкая углубленная полоса, отделяющая голову от торса. На уровне пояса различается контур правой руки и верхняя часть сосуда (кувшин?). Кисть руки не детализирована.

Гранит. 77* × 25 × 23 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., урочище Бес-Булак. Изваяние лежало в северо-восточной части крайней с юга оградки комплекса из пяти малых оградок, расположенных рядом по линии север-северо-восток – юг-юго-восток. Размеры оградки 3 × 3 м. Во второй с севера оградке (размерами 2,2 × 2,5 м) лежит разломанный надвое менгир (размеры 245 × 23 × 23 см) (рис. 57, а).

100. Погрудное изображение мужчины. Верх головы грубо скруглен. Надбровье, нос и усы образуют слитный барельеф. Глаза воспроизведены овальными выпуклостями, рот – дугообразной, разделенной чертой выпуклостью. Подбородок заострен. По очертаниям нижней части лица проходит выемка, отделяющая голову от торса.

Гранит. 100* × 25 × 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., урочище Бес-Булак. Стоит лицом на восток с восточной стороны оградки (1,7 × 2,1 м), ориентированной по сторонам света. На восток – северо-восток от изваяния уходит ряд из 12 балбалов, протяженностью 82 м (рис. 57, б).

101. Обломок нижней части изваяния человека с оружием. На передней грани барельефом воспроизведен кинжал (нож), расположенный почти горизонтально. Ножны снабжены двумя полукруглыми скобами. Возле ближней к рукояти скобы имеется небольшой выступ. На тыльной стороне изваяния различимы концы 6 – 8 прядей волос (кос).

Гранит. 75* × 28 × 30 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., урочище Бес-Булак. Обломок изваяния лежал у второй с юга оградки комплекса из четырех малых оградок, расположенных рядом по линии северо-восток – юго-запад. У всех оградок имеются балбалы, цепочки которых тянутся в юго-восточном направлении. В 1,3 м от юго-восточной стенки первой оградки (нумерация с юга на север) лежит один балбал. Размеры оградки 2,8 × 2,8 м. От второй оградки (3 × 3 м) отходит ряд из двадцати одного балбала длиной 22 м, от третьей оградки (3 × 3 м) – ряд из тринадцати балбалов длиной 68 м. Возле юго-восточной стенки четвертой оградки (1,7 × 1,7 м) найдено основание отбитого изваяния или стелы (60 × 23 × 11 см) и отходит ряд из 5 балбалов длиной 20 м (рис. 58, а).

102 (1). Остаток погрудного изваяния. Голова отбита. Сохранились очертания подбородка, выполненные желобком.

Гранит. 37* × 36 × 13 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могилиник Узун-Булак. Вместе с изваянием № 103 найдено у комплекса из пяти малых оградок, расположенных рядом по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Изваяние № 102 стояло лицом на восток у северо-восточной стороны крайней с севера оградки (размеры примерно 1,8 × 1,5 м) (рис. 59, а).

103 (2). Погрудное изображение человека. Обломано. Верх головы прямоугольный. Раздельные брови переданы дугообразными желобками. Барельеф носа разрушен в верхней части. Глаза и рот изображены продолговатыми углублениями. Подбородок острый. Лицо ограничено снизу выемкой, отделяющей голову от торса.

Гранит. 107* × 21 × 12 см. Изваяние лежало возле юго-восточного угла второй с севера оградки (размеры 1,8 × 1,6 м). На востоке – северо-востоке от оградки отходит ряд из двух балбалов (длина 11 м). Размеры прочих оградок (нумерация с севера): 3) 1,6 × 1,5 м; 4) 2 × 1,7 м; 5) 1,8 × 1,7 м. У четвертой и пятой оградок имеются балбалы, соответственно, шесть (длина ряда 29 м) и три (длина ряда 11 м).

104. Изображение мужчины с оружием. Обломано. Высокый верх головы скруглен. Детали лица слабо различимы. Надбровье, нос и усы образуют единый барельеф. Рот передан углублением. Подбородок заострен. Правое ухо имеет вид разомкнутого овального желобка. Намечены плечи. Правая рука согнута к груди, как если бы в ней находился сосуд. Левая опущена и располагается на рукояти короткого клинкового оружия (кинжал или нож). Кисти рук не детализированы.

Гранит. 110* × 25 × 15 – 20 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., могилиник Узун-Булак. Изваяние лежало с востока средней оградки комплекса из трех малых оградок, расположенных рядом по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Размеры средней оградки 2,5 × 3 м. В восточном – северо-восточном направлении от оградки на 4 м отходит ряд из двух балбалов. Размеры северной и южной оградок примерно 3 × 3 м (рис. 60, а).

105. Изображение сидящего мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. Глаза овальные, с обозначенными веками. Выделяются скулы. Между раздельными горизонтальными усами находится маленькая овальная выпуклость. Детали

лица, за исключением щелевидного рта, выполнены барельефом. На боковых поверхностях головы изображены уши с серьгами, имеющие вид вопросительного знака. Подвеска серег каплевидная (шаровидная?). На тыльной стороне головы, примерно на уровне шеи, выбит горизонтальный желобок. Объемность головы контрастирует с рисуночной техникой исполнения прочих деталей. Желобком изображена остальная часть фигуры сидящего «по-кочевнически» человека. Ноги скрещены: левая лежит поверх правой. Контуры рук локализуются на передней стороне и боковых гранях. В согнутой к груди правой руке находится сосуд – плоскодонный кувшин (кувшин-кружка). Левая рука касается кольцевого (?) навершия клинкового оружия (нож или кинжал), расположенного горизонтально. Оружие воспроизведено не полностью. Кисти рук детализированы. Элементы одежды представлены ипсилонобразной фигурой в верхней половине туловища (треугольные отвороты и разрез распашной одежды?), очертаниями платья, стянутого на талии поясом, краями узких рукавов. На шее частично сохранился контур полосы, плавно сужающейся под подбородком. У ног сидящей фигуры изображен круглодонный сосуд с невысокой горловиной.

Гранит. 149 × 31 – 35 × 24 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., могильник Шили узек на левом берегу р. Шили узек, в 4 км к северо-востоку от отделения Кенасу. Изваяние лежало с востока южной оградки комплекса из двух малых оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Оградки разрушены. Приблизительные размеры южной оградки 2,8 × 2,8 м, северной – 2,5 × 1,5 м (рис. 61, а).

106. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Прическа (разделенные на пробор и зачесанные за уши волосы) показана на передней и боковых гранях. На тыльной стороне головы, на уровне шеи, выбит горизонтальный желобок. Брови совмещены с носом. Глаза овальные, неодинаковой величины. Выделены скулы. Под длинными усами обозначен овальный валик рта. Уши изображены фигурными валиками. В правом ухе различима серьга с каплевидной подвеской. Намечены плечи. На груди желобком воспроизведены гривна (круглый вырез нижней одежды?) и треугольные отвороты верхнего платья. В правой, согнутой к груди руке находится круглодонная чаша. Левая рука касается рукояти кинжала (ножа) с кольчатым навершием. Кисти рук показаны в профиль. Обе руки выполнены барельефом, образованным за счет выемки фона. Детали, расположенные ниже кисти левой руки (оружие и непонятная фигура под ним) изображены желобком на плоскости.

Гранит. 192 × 34 – 45 × 22 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., могильник Шили узек на левом берегу р. Шили узек, 4 км к северо-востоку от отделения Кенасу, 185 м к северу – северо-западу от памятника с изваянием № 105. Изваяние № 106 показал местный житель Садуакас Ыклысбеков. Изваяние лежит у северо-восточной стенки разрушенной оградки (размеры приблизительно 2,8 × 2,8 м), ориентированной углами почти по сторонам света (рис. 62, а).

107 (1). Вкопанное по шее изображение человека. Голова имеет высокое, несимметрично сужающееся завершение. Верх уплощен. Удлиненные брови совмещены с носом. Глаза и рот воспроизведены овальными валиками. Выделены скулы.

Гранит. 60 × 41 × 13 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., горы Бегазы, 1,5 км к северо-востоку от отделения Ак-школ. Установлено в одном ряду с изваяниями № 108 – 109 по линии юг-юго-восток – север-северо-запад, в восточной «поле» каменной конструкции (размеры 10 × 12 м, высота 0,4 м). На восток – северо-восток от изваяния № 107*

на 14 м отходит ряд из четырех балбалов, один из которых вкопан, остальные – повалены (рис. 63, а).

108 (2). Вкопанное по пояс погрудное изображение человека. Верхняя часть изваяния обломана наискосок. Головной убор имеет треугольный верх и ровное основание. Слитные удлиненные брови воспроизведены барельефом. На поверхности лица различаются: левый глаз в виде маленького выпуклого овала, углубление рта, нижние очертания правой стороны лица, заканчивающиеся острым подбородком.

Гранит. 77 × 23 – 28 × 10 см.*

109 (3). Вкопанное примерно по пояс погрудное (?) изображение женщины. Головной убор высокий, островерхий. Надбровье совмещено с носом. Глаза воспроизведены круглыми валиками, рот – углублением. Выемка по очертаниям лица отделяет голову от торса; едва намечены плечи. На груди две округлые выпуклости.

Гранит. 65 × 29 × 18 см.*

110. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Верх головы прямоугольный. Брови совмещены с носом. Глаза большие, миндалевидные. Моделированы скулы. Кончики длинных, дугообразных усов слегка загнуты кверху. Рот имеет вид продолговатой выпуклости, разделенной бороздкой. Подбородок заострен. В правой, согнутой почти под прямым углом руке находится круглодонный сосуд (кувшин-кружка?). Кисть руки не детализирована.

Гранит. 133 × 32 × 5 – 19 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., могильник Мынбулак. Изваяние лежало с восточной стороны южной оградки комплекса из двух малых оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Размеры оградки, возле которой найдено изваяние, 3 × 2,5 м. На восток – северо-восток от нее отходит ряд из четырех балбалов (протяженность 17 м). Размер северной оградки 2,0 – 2,3 × 2,75 м (рис. 64, а).

111. Отбитая голова мужского изваяния. Верх головы прямоугольный. Глаза имеют вид больших овалов; очертания левого глаза нечеткие. Нос образует одно целое с усами. Барельеф глаз и носа с усами образован за счет углубления фона по их очертаниям. Рот передан дугообразным углублением. Нижняя часть лица с острым подбородком оконтурена выемкой.

Гранит. 36 × 27 × 20 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., могильник Мынбулак. Обломок найден возле восточного угла оградки (размеры 2,5 × 2,5 м), ориентированной углами по сторонам света. Возле северо-восточной стенки оградки вкопан останец изваяния (размеры 50* × 20 × 29 см). Обломок не стыкуется с останцом, но, по всей видимости, они принадлежали одному изваянию. На 45 м к востоку – северо-востоку от останца тянется ряд из девяти балбалов (рис. 64, б).*

112. Погрудное изображение мужчины. Разломано на две части. Верх головы прямоугольный. Раздельные брови воспроизведены дугообразными желобками. Желобком обведены маленькие выпуклости глаз и нос. Примыкающие к носу косо расположенные усики и рот выполнены углублением. Подбородок заострен. Нижняя часть лица ограничена выемкой, имеющей М-образные нижние очертания.

Гранит. 189 × 14 – 31 × 18 – 23 см. Актогайский р-н Джэсказганской обл., урочище Мынбулак, 400 м к северу – северо-востоку от зимовки. Лежит с восточной стороны саманного мазара.

113. Погрудное (?) изображение человека. Верх головы скруглен. Изваяние повреждено в области нижней части лица – верхней части груди. Раздельные брови воспроизведены дугообразными желобками, глаза – барельефными овалами. Сохранился фрагмент двух параллельных линий, намечающих

нос, и участок горизонтальной линии подбородка. На груди прослеживается дважды изогнутая углубленная линия (очертания согнутой к груди руки?).

Гранит. 179 × 19 – 35 × 9 – 21 см. Актогайский р-н Джезказганской обл., 1 км к северо-западу от зимовки Садвакас. Сильно наклонившееся назад изваяние вкопано к востоку от разрушенной оградки. На восток от изваяния отходит ряд из семи балбалов (протяженность 48 м).*

114. Погрудное изображение человека. Верх головы прямоугольный. Вокруг овальных глаз, по сторонам и низу носа проходит общий желобок. Рот передан углублением. Нижняя часть лица с острым подбородком ограничена выемкой.

Гранит. 194 × 17 – 20 × 16 – 24 см. Приозерный¹ р-н Джезказганской обл., 5 км к северу от отделения им. Калинина с-за Джамши. Лежит с востока северной оградки комплекса из двух малых оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Размеры оградок примерно одинаковые – около 1,8 × 2,0 м. В 1,8 м от северо-восточного угла северной оградки находится скопление камней (диаметр 2 м, высота 0,15 м) (рис. 66, а).

115 (1). Изображение мужчины с сосудом в правой руке и птицей. Верх головы имеет неправильную форму вследствие повреждения. Брови совмещены с носом. Глаза большие, миндалевидные; правый глаз частично разрушен. Сохранился левый, длинный, плавный изогнутый ус. Рот щелевидный, со слегка выступающими краями. Подбородок заострен. Голова отграничена от торса незначительными выемками по сторонам от подбородка. Под подбородком, на груди, выбита парящая птица. Тело птицы изображено анфас с расправленными крыльями и хвостом, голова повернута влево. Хвост располагается над устьем сосуда, зажатого в правой руке изваяния. Фигурные очертания руки напоминают выпуклости мышц; кисть не детализирована. Сосуд (кубок?) слит с рукой. Примерно в 20 см ниже руки располагаются две выемки, сужающие переднюю грань. Все детали изваяния барельефны; фигурка птицы выступает за счет углубления фона по ее абрису.

Гранит. 140 × 30 × 23 см. Жарминский р-н Семипалатинской² обл. Вместе с изваянием № 116 найдено у комплекса из трех малых оградок, расположенных рядом по линии север – юг. Оградки разрушены, их размеры восстанавливаются приблизительно. Изваяние № 115 стояло лицом на восток с восточной стороны крайней с юга оградки (размеры 1,6 × 2 м) (рис. 67).*

116 (2). Погрудное изображение мужчины. Верх головы прямоугольный, со скругленными углами. Надбровье совмещено с носом. Глаза миндалевидные. К носу примыкают слабоизогнутые усы. Рот передан невыразительной овальной выпуклостью. Голова выделена в монолите выемками с боков. Все детали изваяния барельефны.

Гранит. 112 × 40 × 18 см. Изваяние № 116 стояло лицом на восток с восточной стороны средней оградки (размеры 2,1 × 2,2 м).*

117. Изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием. Верх головы скруглен, справа и на макушке имеются сколы. Брови совмещены с носом, нижняя часть которого разрушена. Глаза большие, миндалевидные. Сохранился фрагмент слабоизогнутых усов. Левое ухо имеет вид аморфной выпуклости. Выделены плечи. На груди изображены треугольные отвороты одежды. В правой, согнутой почти под

прямым углом руке находится приземистый кубок. Сосуд поддерживается двумя пальцами, другие отставлены. Левая рука с браслетом на запястье опирается на кинжал (нож), укрепленный наклонно на поясе. Конец рукояти кинжала округлый; выступами обозначены скобы для подвешивания. Вторая скоба, по-видимому, частично скрыта в руке, кисть которой детализирована. Пояс наборный, с квадратными бляхами. Слева к поясу примыкает округлая сумочка. На спине различаются шесть длинных кос (прядей), перехваченных у концов зажимами. Все детали барельефны.

Гранит 90 × 45 × 20 см. ИКМ г. Семипалатинска. Привезено с Тарбагатая.*

118. Изображение мужчины с сосудом в правой руке. Расколото на две части. Верх головы скруглен. Брови совмещены с носом. К носу примыкают большие глаза с веками, сильно удлиняющими наружные уголки глаз. Намечены скулы. Усы тонкие, слабоизогнутые, почти горизонтальные. Рот щелевидный, с выступающими краями. Удлиненный подбородок (борода?) очерчен желобком. В нижней части лица также местами прослеживается желобок, отграничивающий голову от торса. Неправильными овалами изображены уши; в правом ухе различима серьга с шаровидной подвеской, от которой отходит стерженек. В правой, согнутой к груди руке находится кубок. Кисть руки не детализирована. На правом боку выгравирована линия пояса; углубленной линией выполнена также битреугольная (прямоугольная, сужающаяся посередине) сумочка. Сверху и снизу от сумочки отходит по ремешку. В верхней части сумочки выгравирована фигура в виде острого угла, в нижней – горизонтальная черта.

Гранит. 225 × 34 – 40 × 20 – 25 см. ИКМ г. Семипалатинска.

119. Погрудное изображение мужчины. Высокая, неправильная форма верха головы напоминает убор. Удлиненное надбровье совмещено с носом. Глаза воспроизведены маленькими невыразительными углублениями. Усы образуют слитный барельеф со ртом, при этом они как бы «вырастают» из его уголков. Голова отделена от торса желобком, продолжающимся на боковых гранях. Маленькими округлыми выпуклостями изображена «мужская» грудь. Дугообразный желобок, пересекающий переднюю поверхность примерно на уровне пояса, возможно, намечает линию сведенных на животе рук.

Гранит. 104 × 27 × 22 см. ИКМ г. Семипалатинска.

120. Погрудное изображение человека. Верх головы оформлен грубыми сколами. Абрис лица неправильный; черты лица мелкие. Брови совмещены с носом. Глаза воспроизведены маленькими выпуклостями, рот – дугообразной углубленной линией. Детали лица выступают за счет углубления фона вокруг них. Голова отграничена от торса широкой выемкой. Верхний край выемки оконтуривает нижнюю, округлую часть лица, нижний спускается углом на грудь. На тыльной грани, примерно на границе головы и торса, выгравированы две слабоизогнутые дугообразные линии вершинами навстречу друг другу. На передней грани, на уровне пояса, имеется выход почти горизонтальной кварцевой жилы.

Гранит. 124 × 47 × 30 см. ИКМ г. Семипалатинска.

121. Погрудное изображение человека. Верх головы оформлен грубыми сколами. Форма головы напоминает убор типа глубокой шапки. Брови (левая удлинена) совмещены с носом. Рот передан несимметрично расположенным углублением. Рельефоно выступает нижняя часть лица. Свообразную форму лицу придают округлые щеки и острый подбородок. Выемками с боков намечена граница головы и торса.

Гранит. 115 × 40 × 20 см. ИКМ г. Семипалатинска.

¹ Ныне Актогайский р-н.

² Ныне Восточно-Казахстанская обл.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

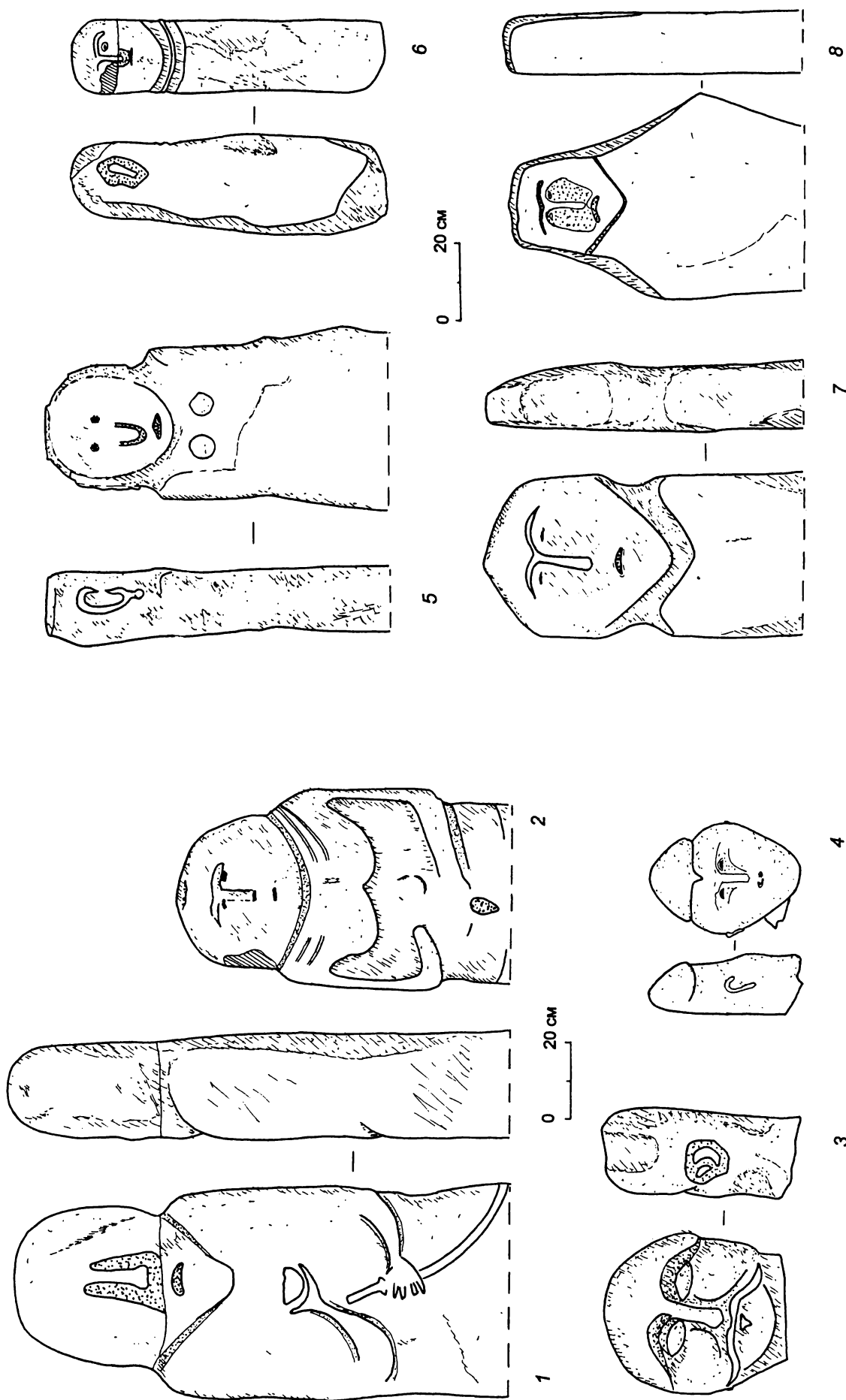

Рис. 1. Изваяния Северного Казахстана:
1, 2 – г. Кокшетау; 3, 4 – г. Костанай.

Рис. 2. Изваяния Северного Казахстана (г. Астана).

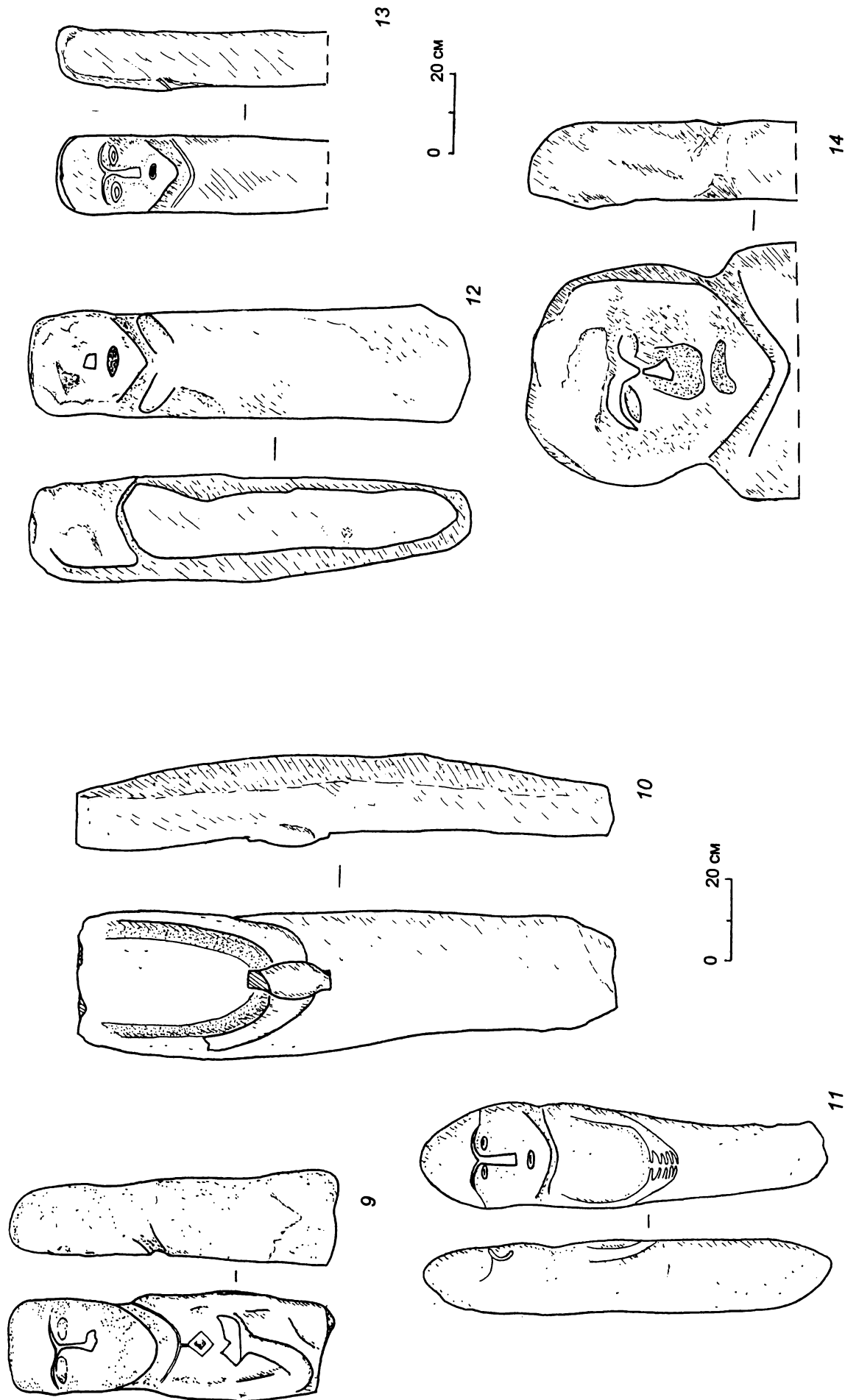

Рис. 3. Изваяния Северного и Центрального Казахстана: 9 – г. Астана; 10 – г. Аркалык; 11 – пос. Жезды.

Рис. 4. Изваяния Центрального Казахстана (г. Караганда).

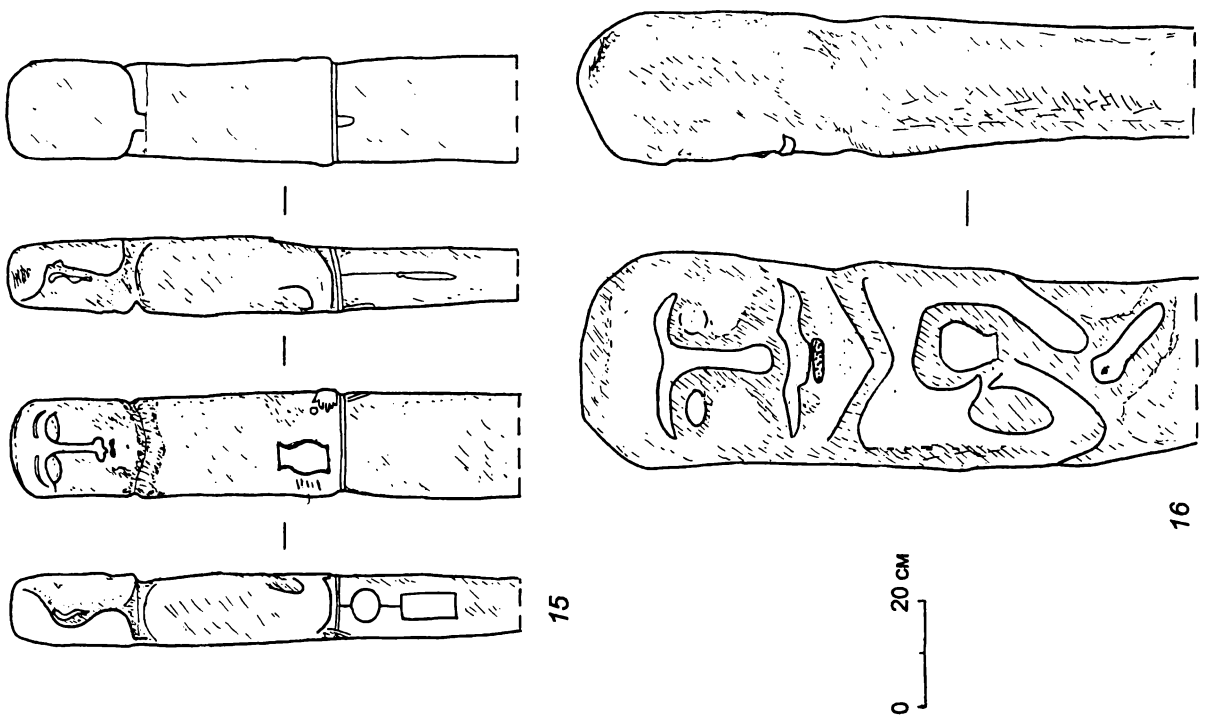

Рис. 5. Изваяния Центрального Казахстана (г. Караганда).

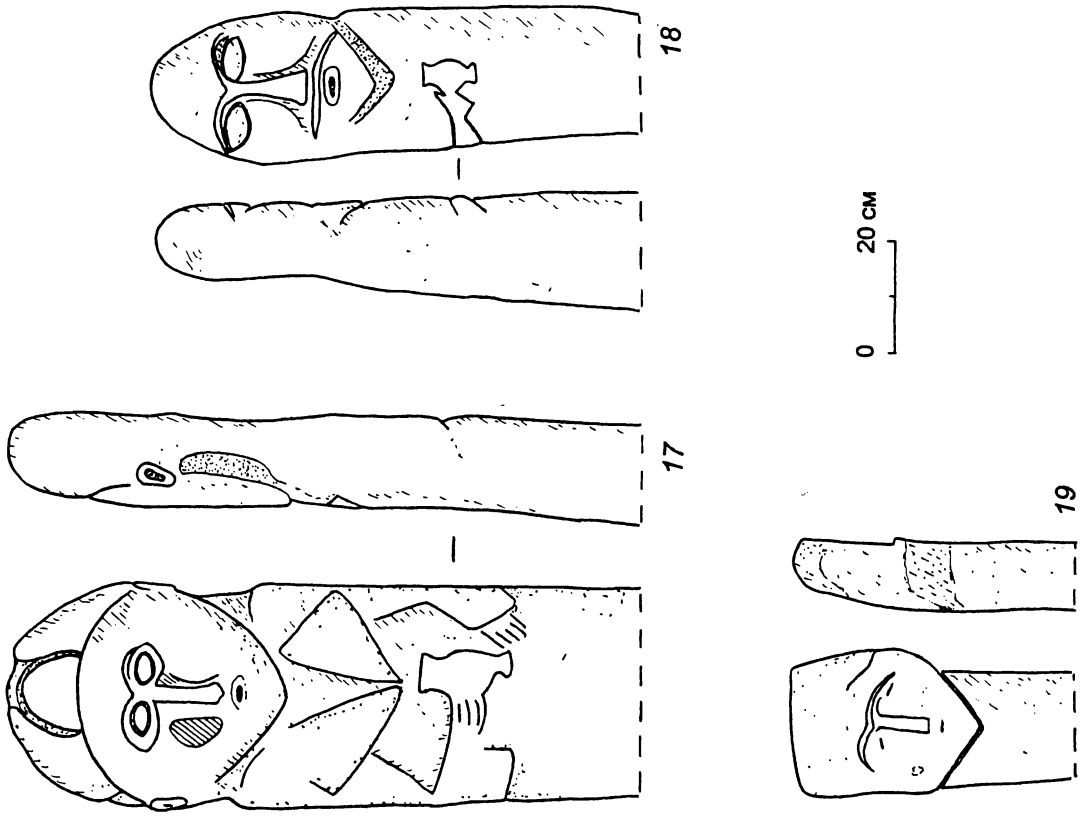

Рис. 6. Изваяния Центрального Казахстана (Балхаш).

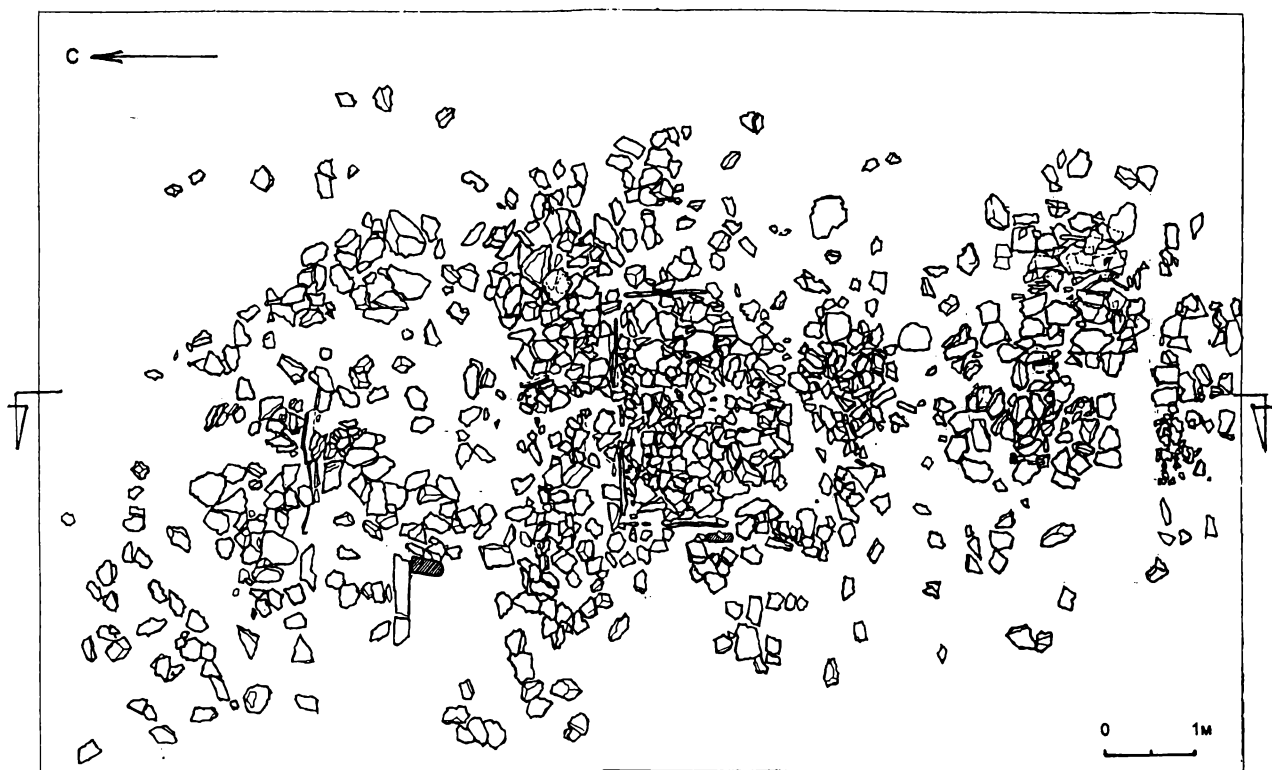

Рис. 7. План (после снятия дернового слоя) комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 20 (р. Копя, Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.).

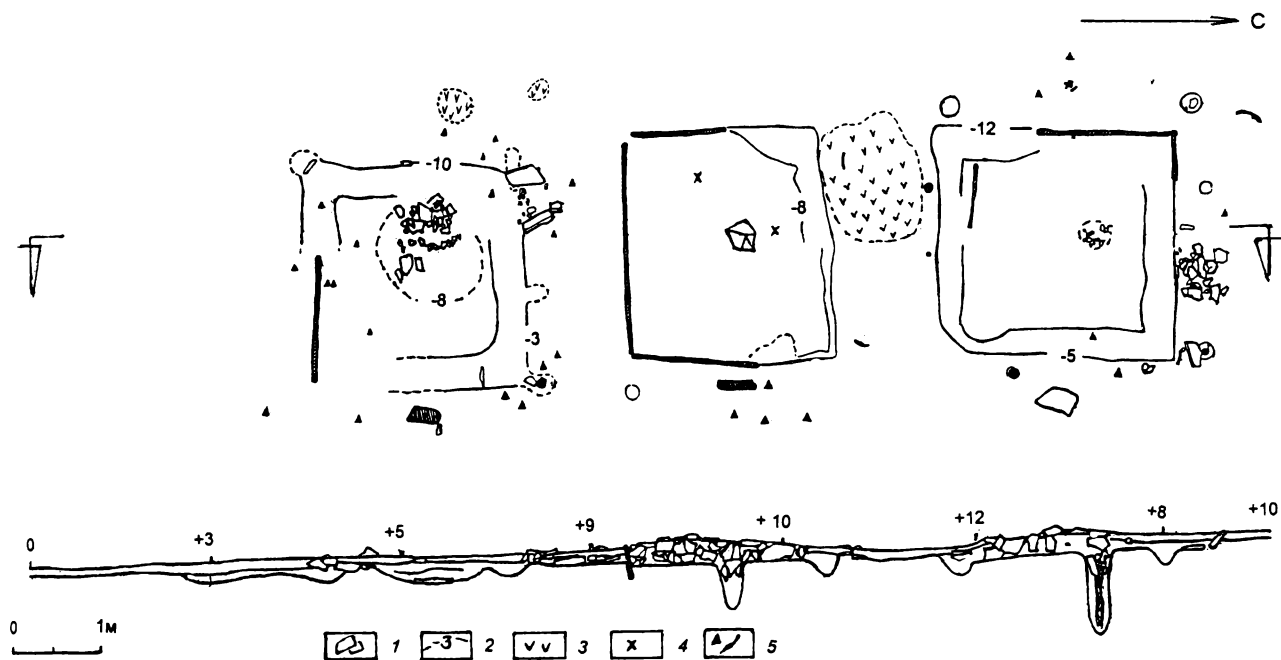

Рис. 8. План (на уровне материка) и профиль древнетюркских оградок с изваянием № 20 (р. Копя, Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.):
1 – камни; 2 – граница ямы; 3 – зола; 4 – угольки; 5 – кости.

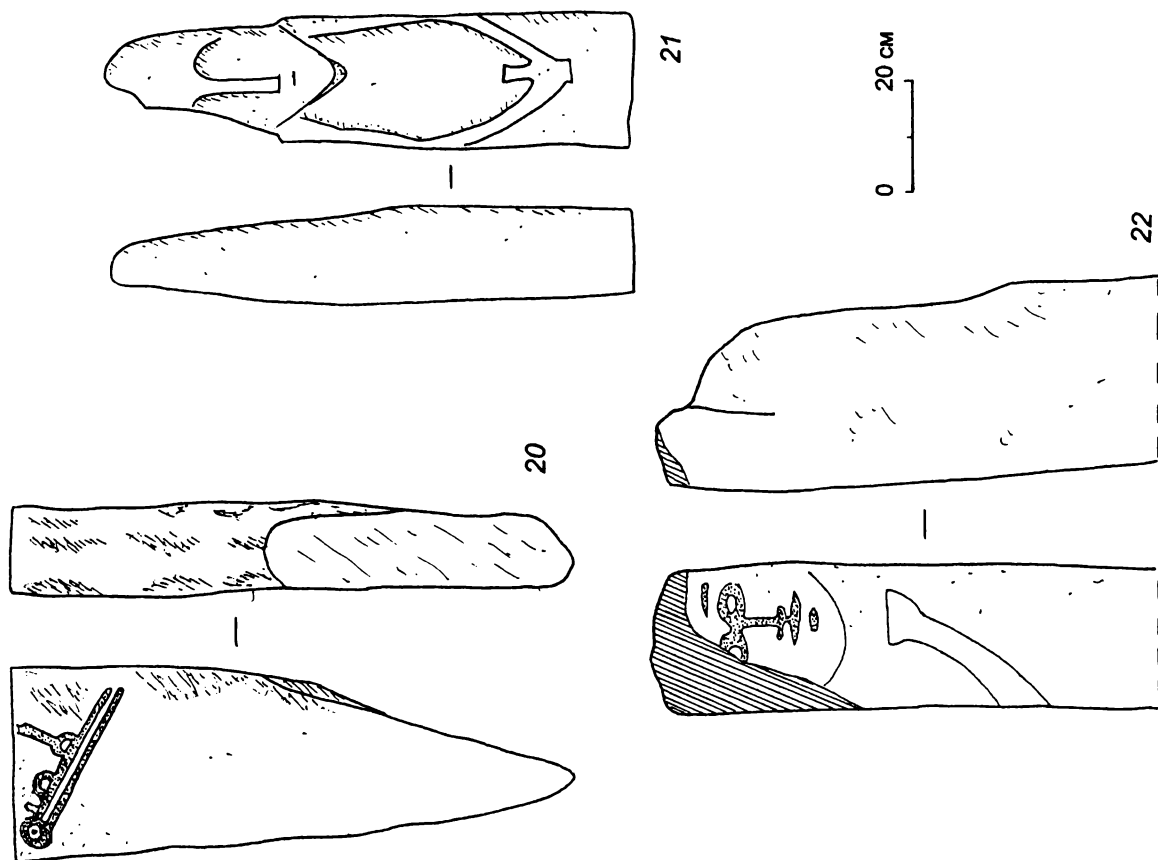

Рис. 9. Изваяния Центрального Казахстана (Каркаралинский р-н Карагандинской обл.)

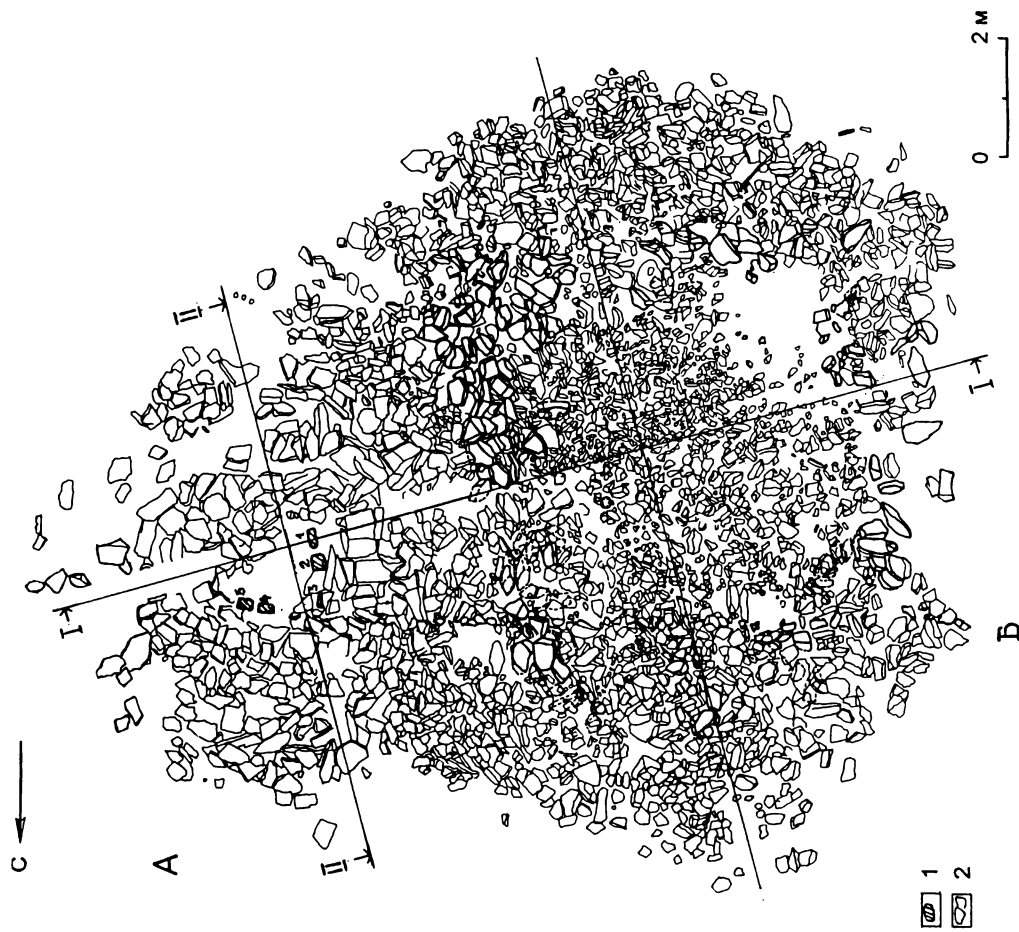

Рис. 10. План кыпчакского «святылища» возле зимовки Аблай с изваяниями № 23 – 27 (Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.):
1 – изваяннис; 2 – камни.

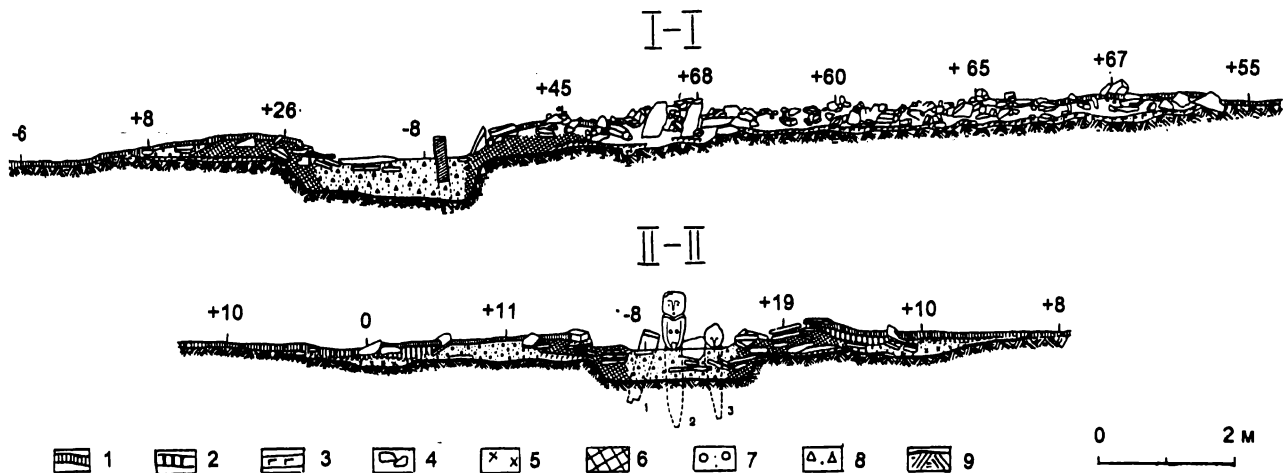

Рис. 11. Профили кыпчакского «святилища» возле зимовки Аблай с изваяниями № 23 – 27 (Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.):

1 – дерн; 2 – рыхлое заполнение под дерном; 3 – погребенный дерн; 4 – камни; 5 – черное и темно-серое заполнение углублений; 6 – насыпной слой; 7 – перемешанный насыпной слой; 8 – перемешанное заполнение ямы с изваяниями; 9 – материк.

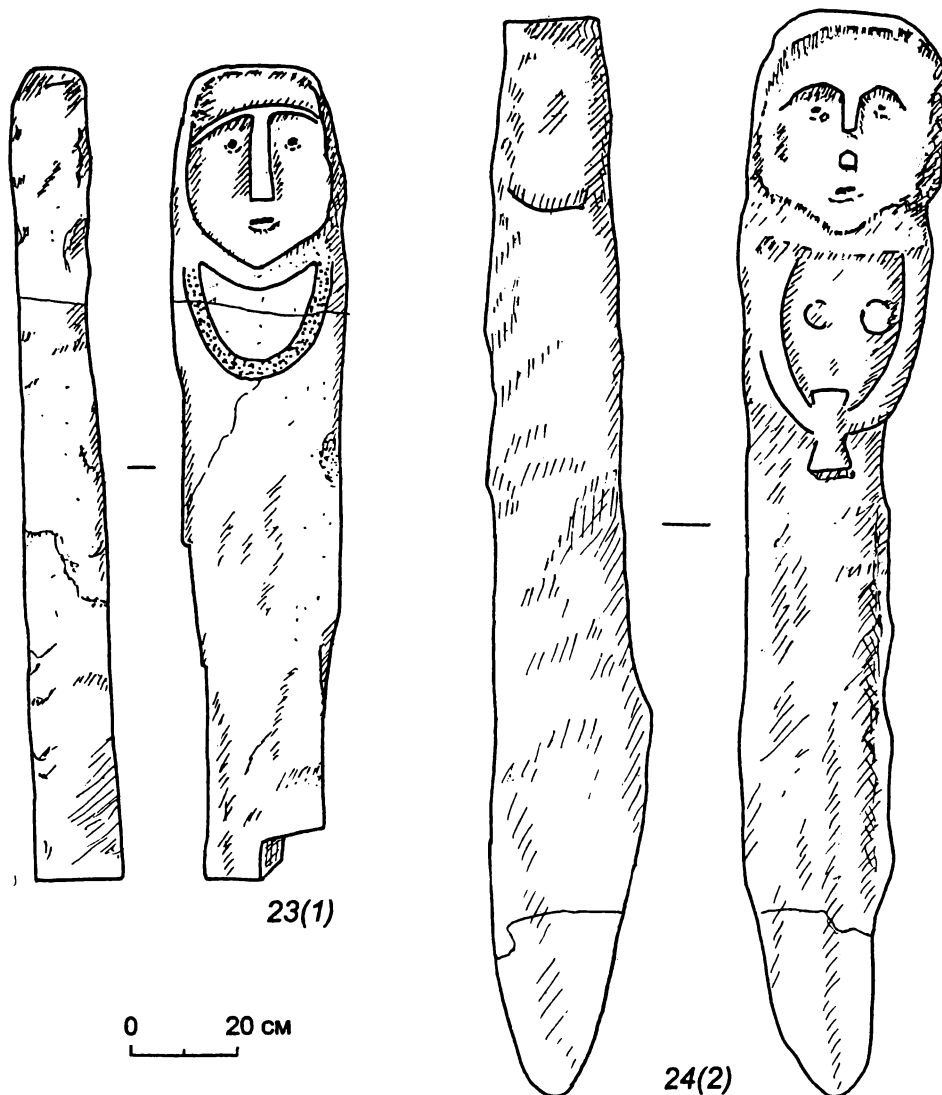

Рис. 12. Изваяния № 1 – 2 из аблайского сооружения (Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.)

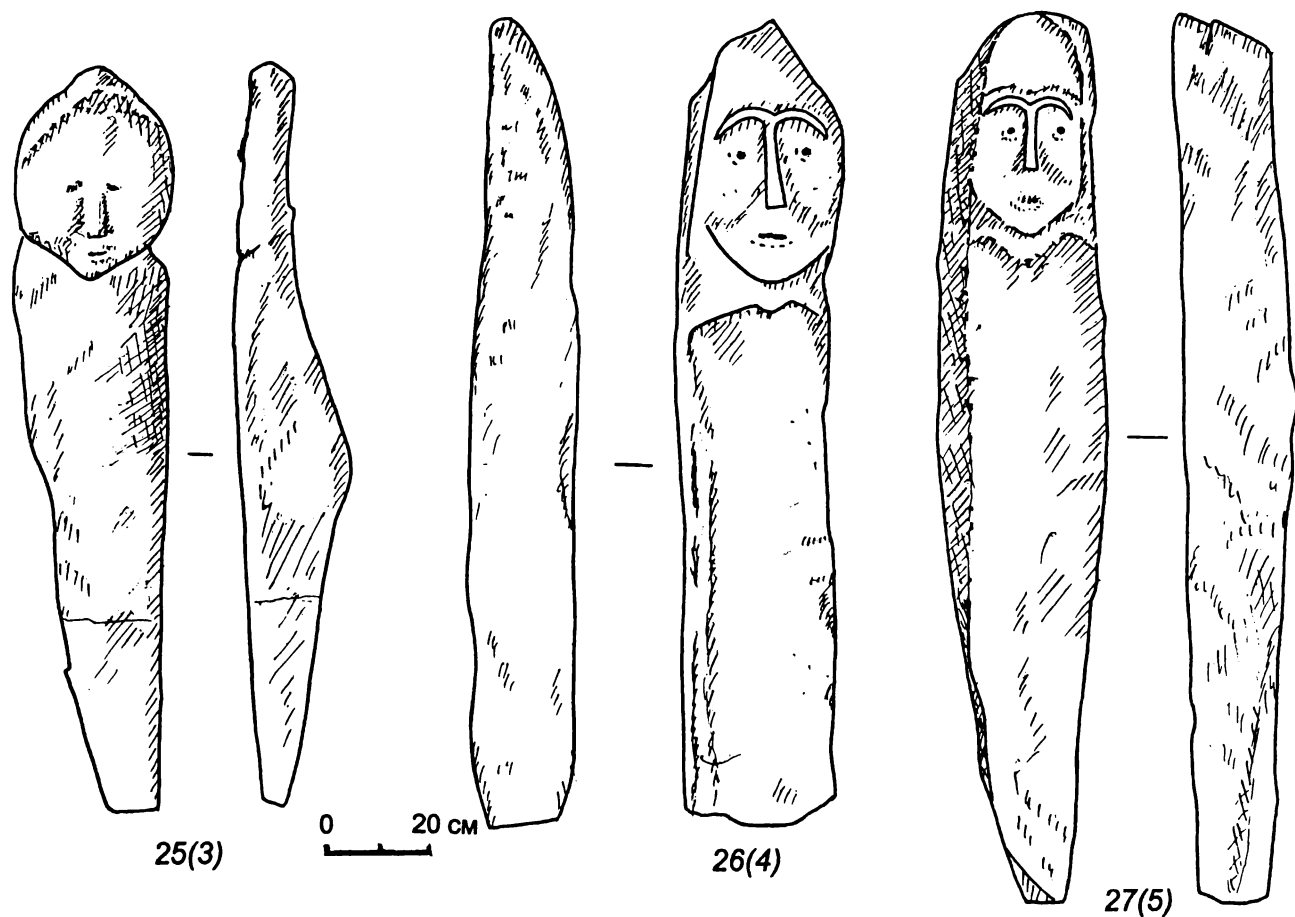

Рис. 13. Изваяния № 3 – 5 из аблайского сооружения (Центральный Казахстан, Каркаралинский р-н Карагандинской обл.).

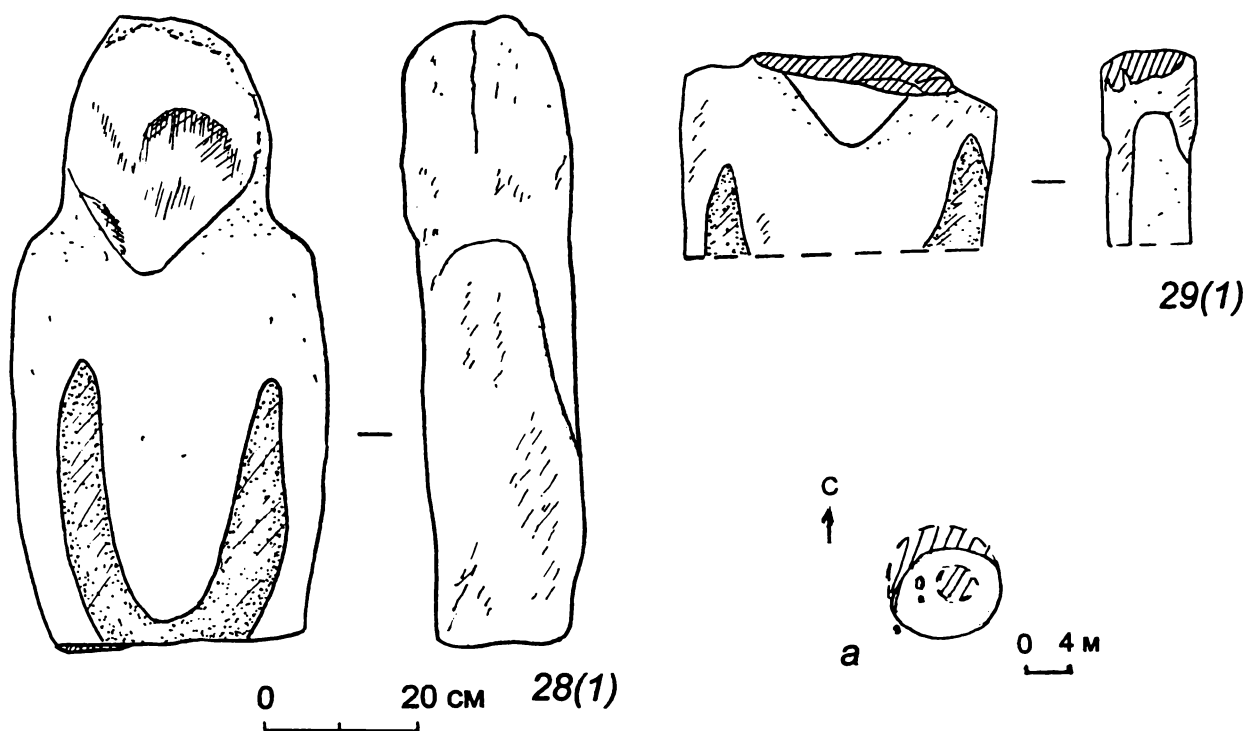

Рис. 14. Изваяния № 28 – 29 из кыпчакского «святилища» (Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.) и план сооружения с изваяниями № 28 – 29 (а).

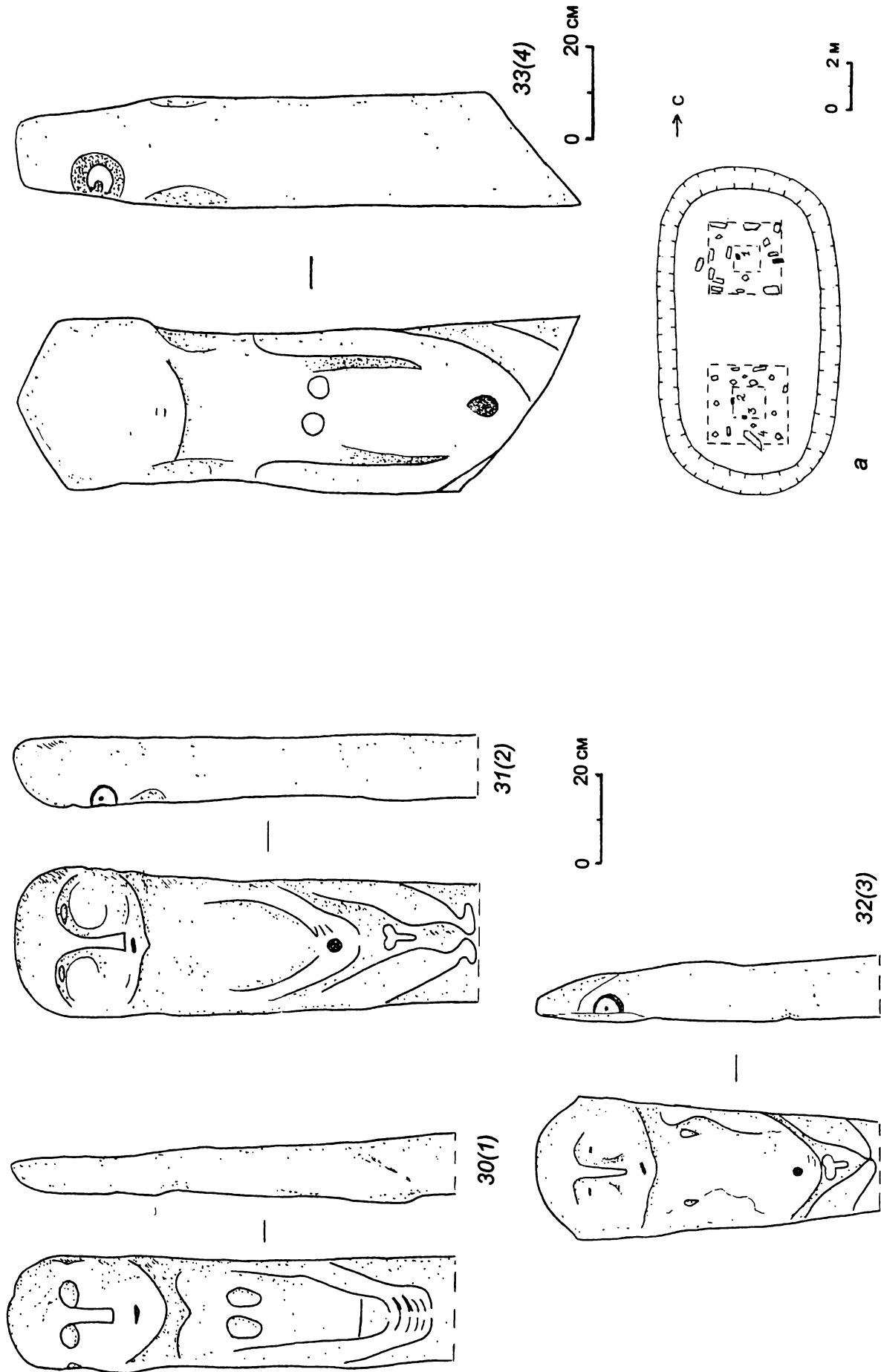

Рис. 16. Изваяние № 4 из кыпчацкого «святыхища» (Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.) и план сооружения с изваяниями № 30 – 33 (а).

Рис. 15. Изваяния № 1 – 3 из кыпчацкого «святыхища» (Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.).

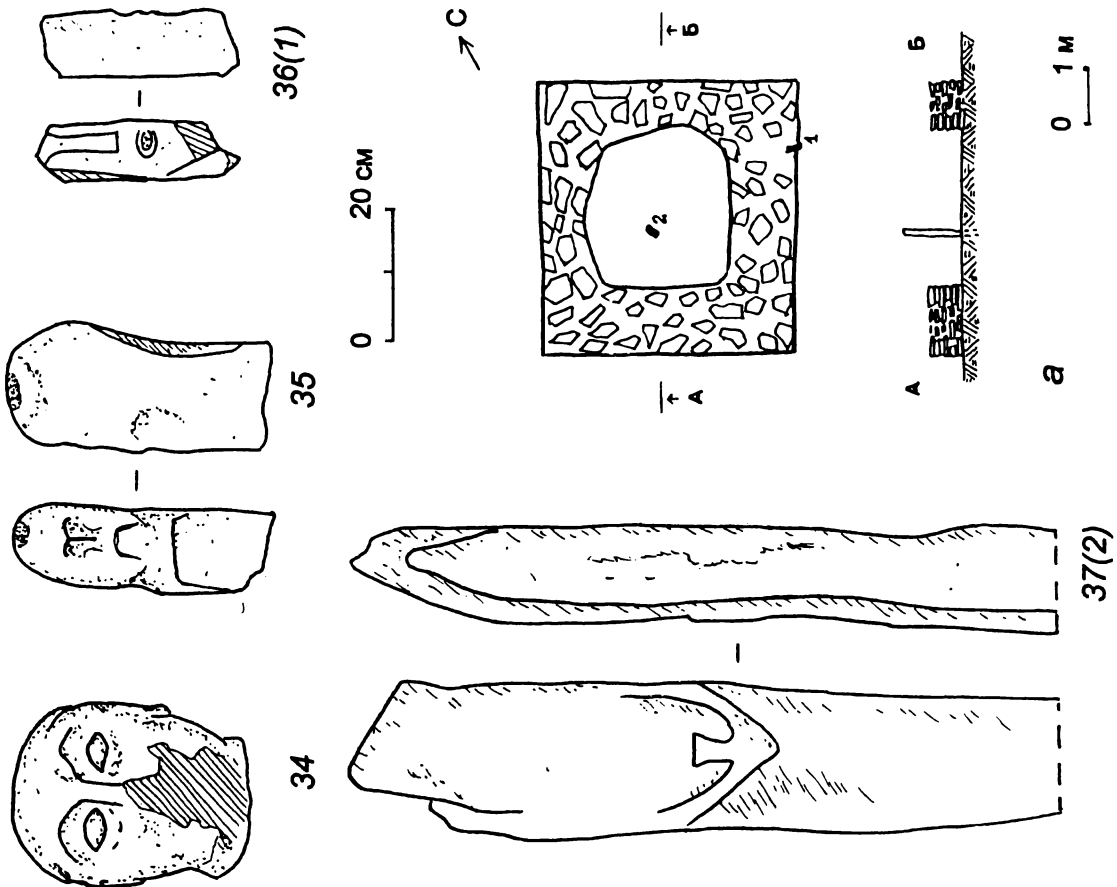

Рис. 17. Изваяния Центрального Казахстана (Шетский р-н Карагандинской обл.), а также план и разрез сооружения с изваяниями № 36 – 37 (а).

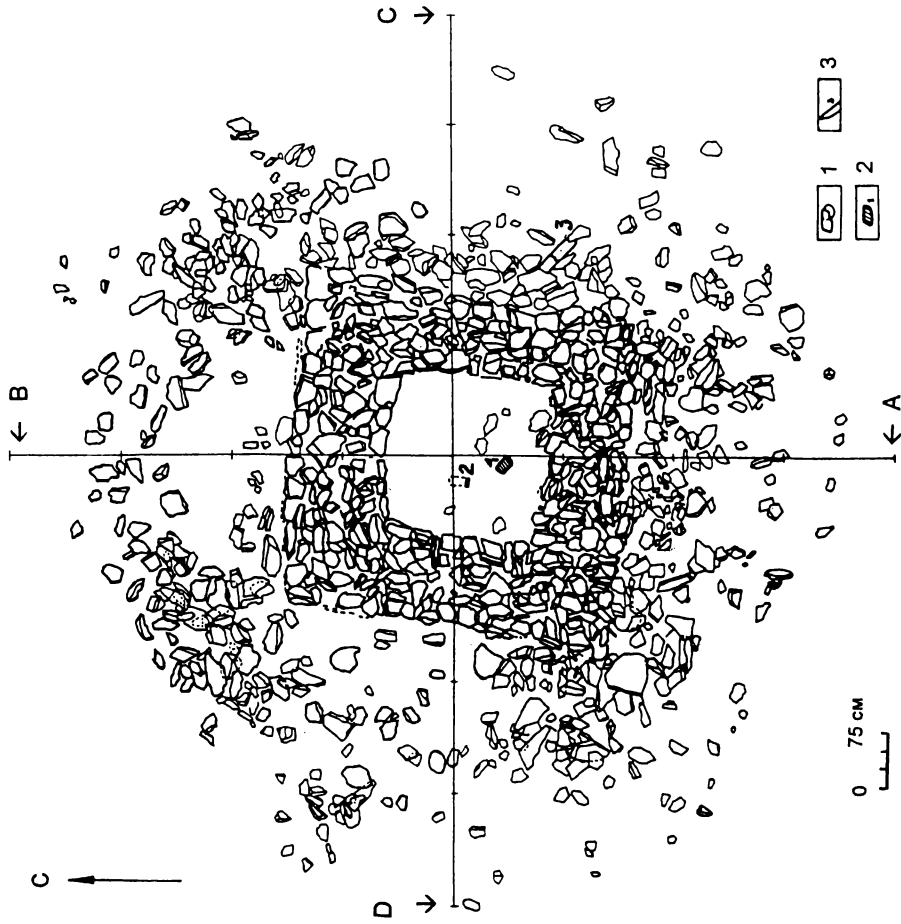

Рис. 18. План (после снятия дернового слоя) кыпчакского «святилища» с изваяниями № 38 – 40 (урочище Мыржик, Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.):
1 – камни; 2, 3 – изваяния.

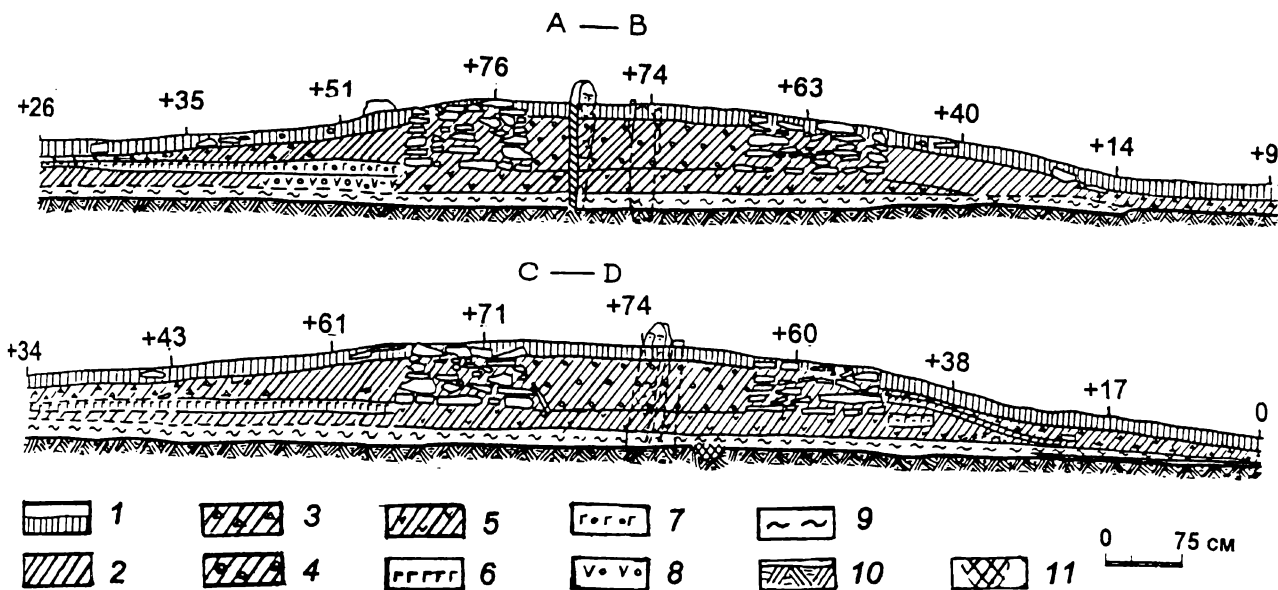

Рис. 19. Профили кыпчакского «святилища» с изваяниями № 38 – 40 (урочище Мыржик, Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.):

1 – дерн; 2 – светло-коричневый насыпной; 3 – светло-коричневый рыхлый; 4 – светло-коричневое, рыхлое, с вкраплениями мергеля (заполнение камеры); 5 – коричневато-желтая подсыпка; 6 – серая прослойка; 7 – темно-коричневый с примесью серого; 8 – темно-коричневый; 9 – коричневый предматериковый; 10 – материк; 11 – перемешанное заполнение норы.

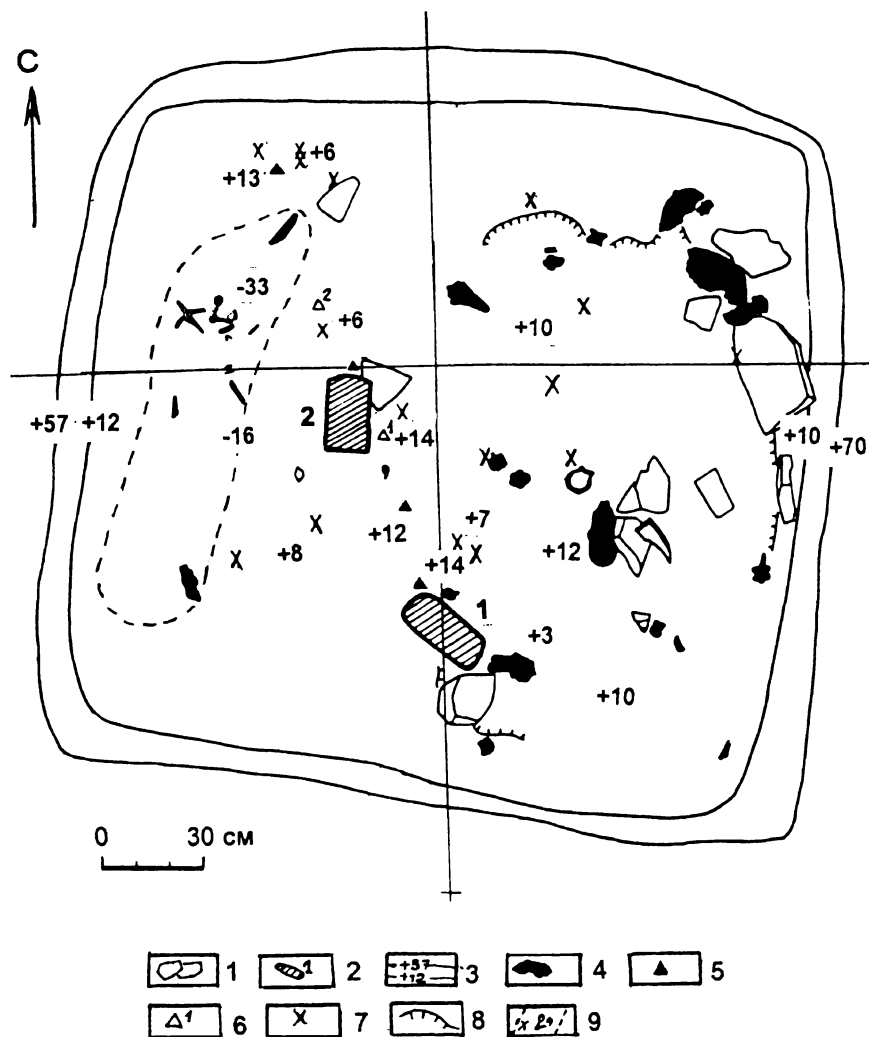

Рис. 20. План находок на дне камеры кыпчакского «святилища» с изваяниями № 38 – 40 (урочище Мыржик, Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.):

1 – камни; 2 – изваяния; 3 – верхние и нижние очертания камеры; 4 – кости; 5 – мелкие фрагменты костей; 6 – мелкие кусочки коррозированного железа; 7 – мелкие древесные угольки; 8 – границы скопления мергеля; 9 – очертания оконечности норы с находками.

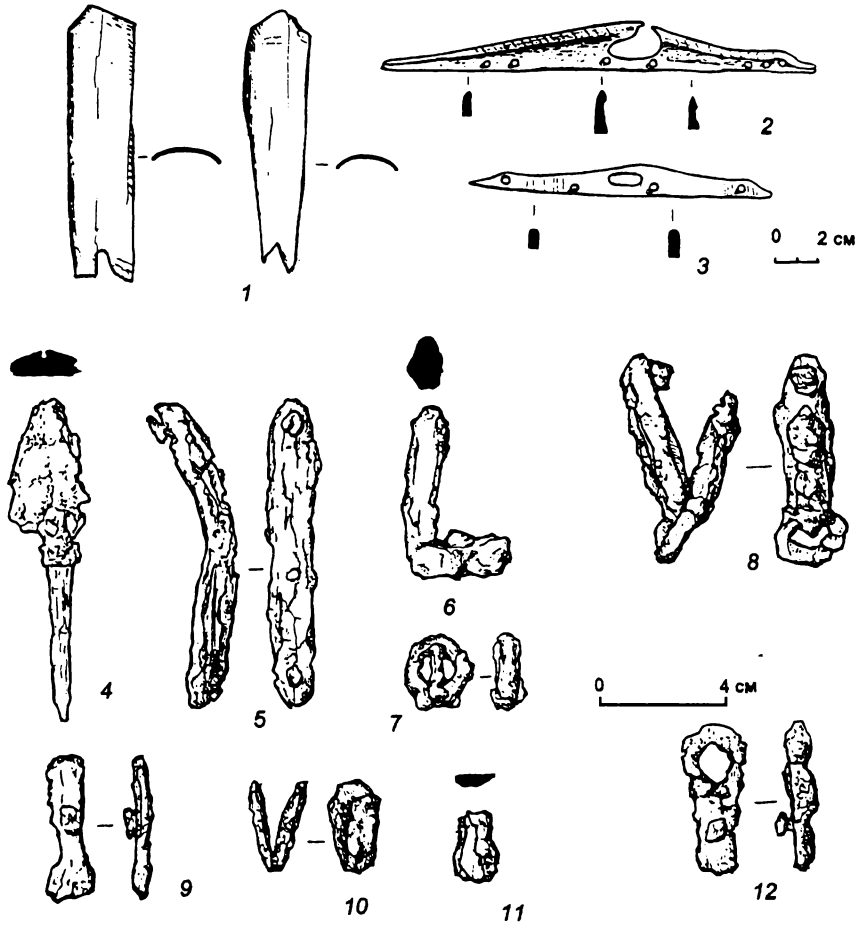

Рис. 21. Находки из норы под кыпчакским «святилищем» с изваяниями № 38 – 40 (урочище Мыржик, Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.):
1 – 3 – кость; 4 – 13 – железо.

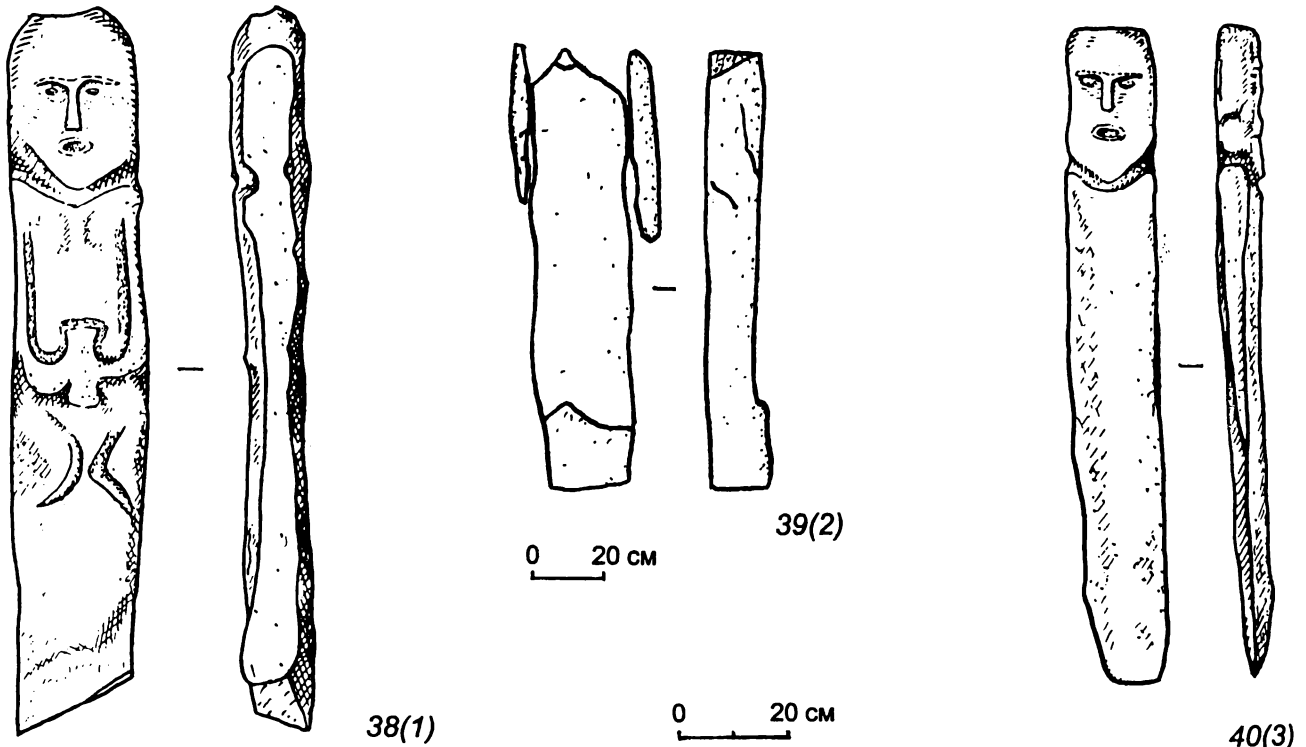

Рис. 22. Изваяния из мыржикского сооружения (Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.).

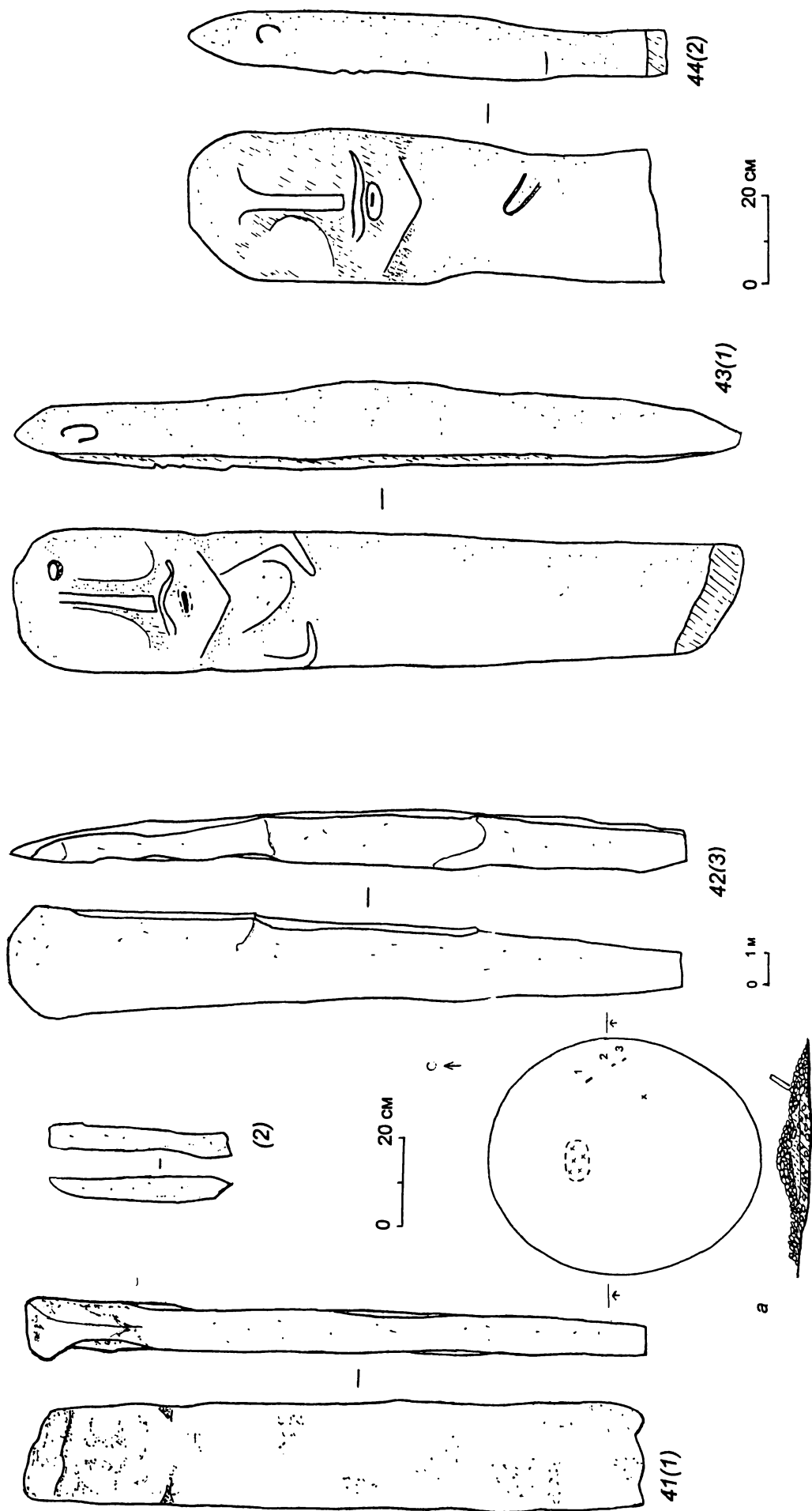

Рис. 23. Антропоморфные стелы № 41 – 42 (Центральный Казахстан, Шетский р-н Карагандинской обл.) и оружие, где они были найдены (а).

Рис. 24. Изваяния Центрального Казахстана (Шетский р-н Карагандинской обл.).

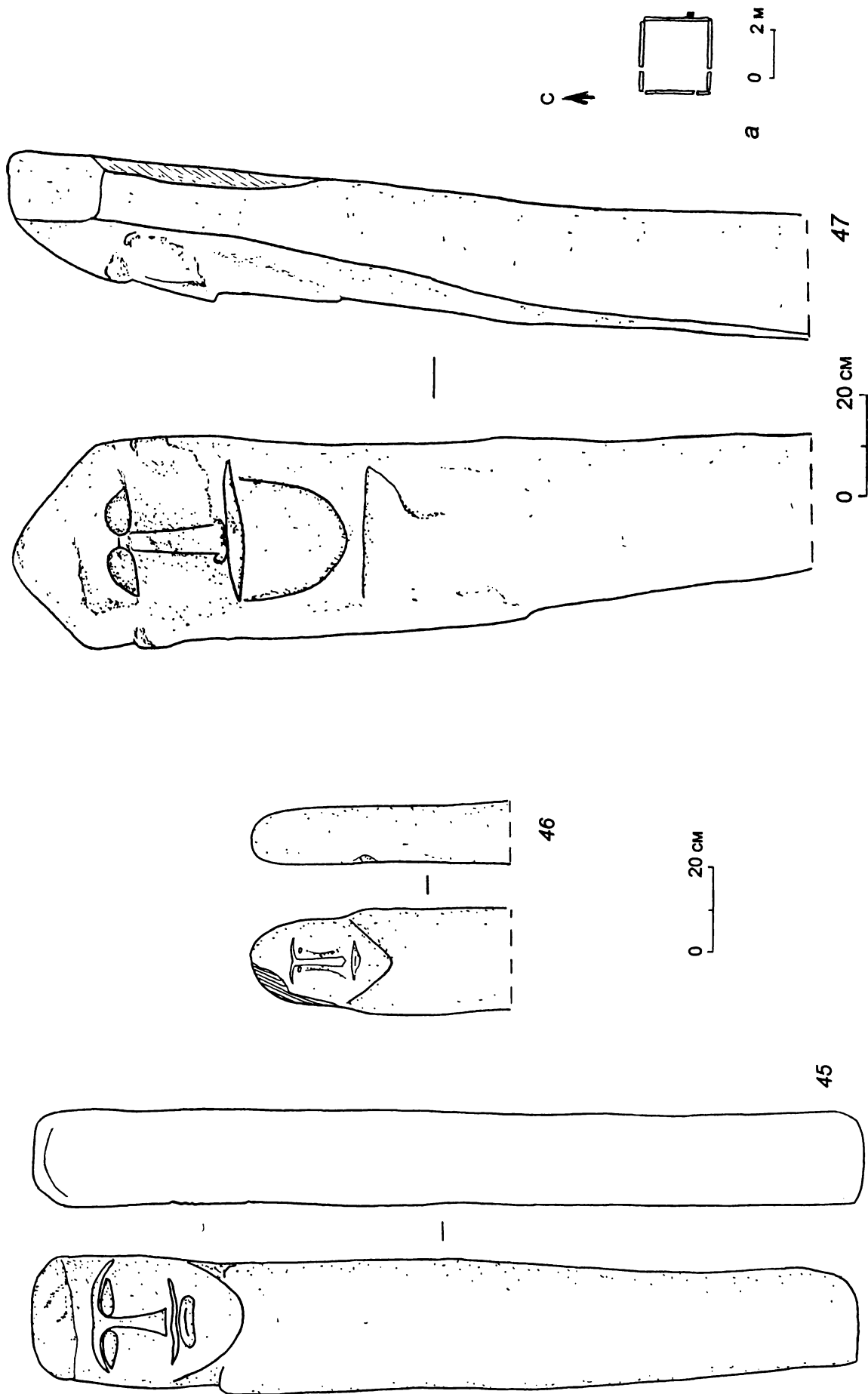

Рис. 25. Изваяния Центрального Казахстана (Шетский р-н Карагандинской обл.).

Рис. 26. Изваяние № 47 (Центральный Казахстан, Жанаркинский р-н Карагандинской обл.) и план древнетюркской оградки, возле которой оно найдено (а).

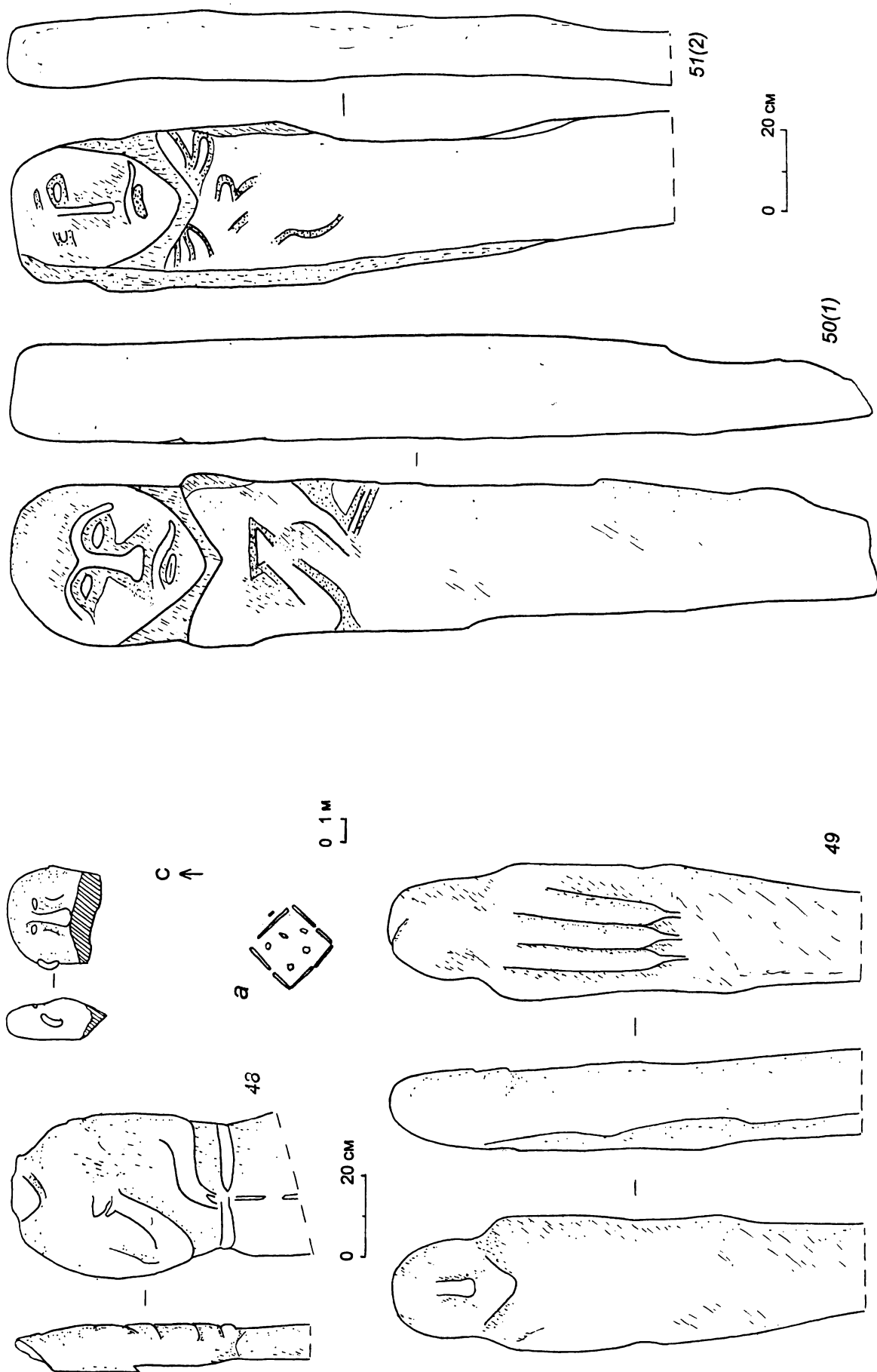

Рис. 28. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

Рис. 27. Изваяния № 48 – 49 (Центральный Казахстан, Улугауский р-н Карагандинской обл.) и план древнетюркской оградки, возле которой найдено изваяние № 48 (а).

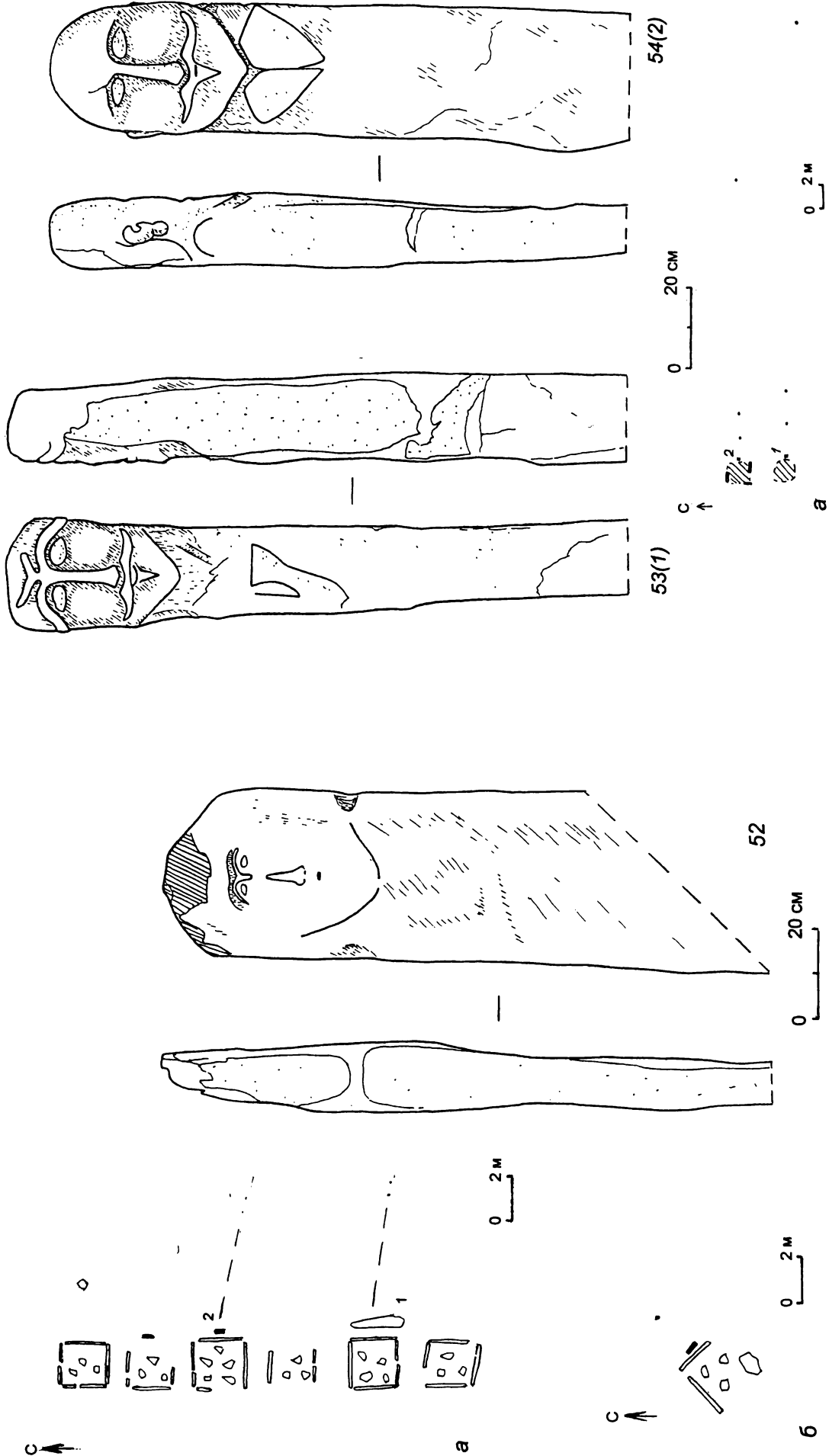

Рис. 29. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваяниями № 50 – 51; б – план
 древнетюркской оградки с изваянием № 52.

Рис. 30. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваяниями № 53 – 54.

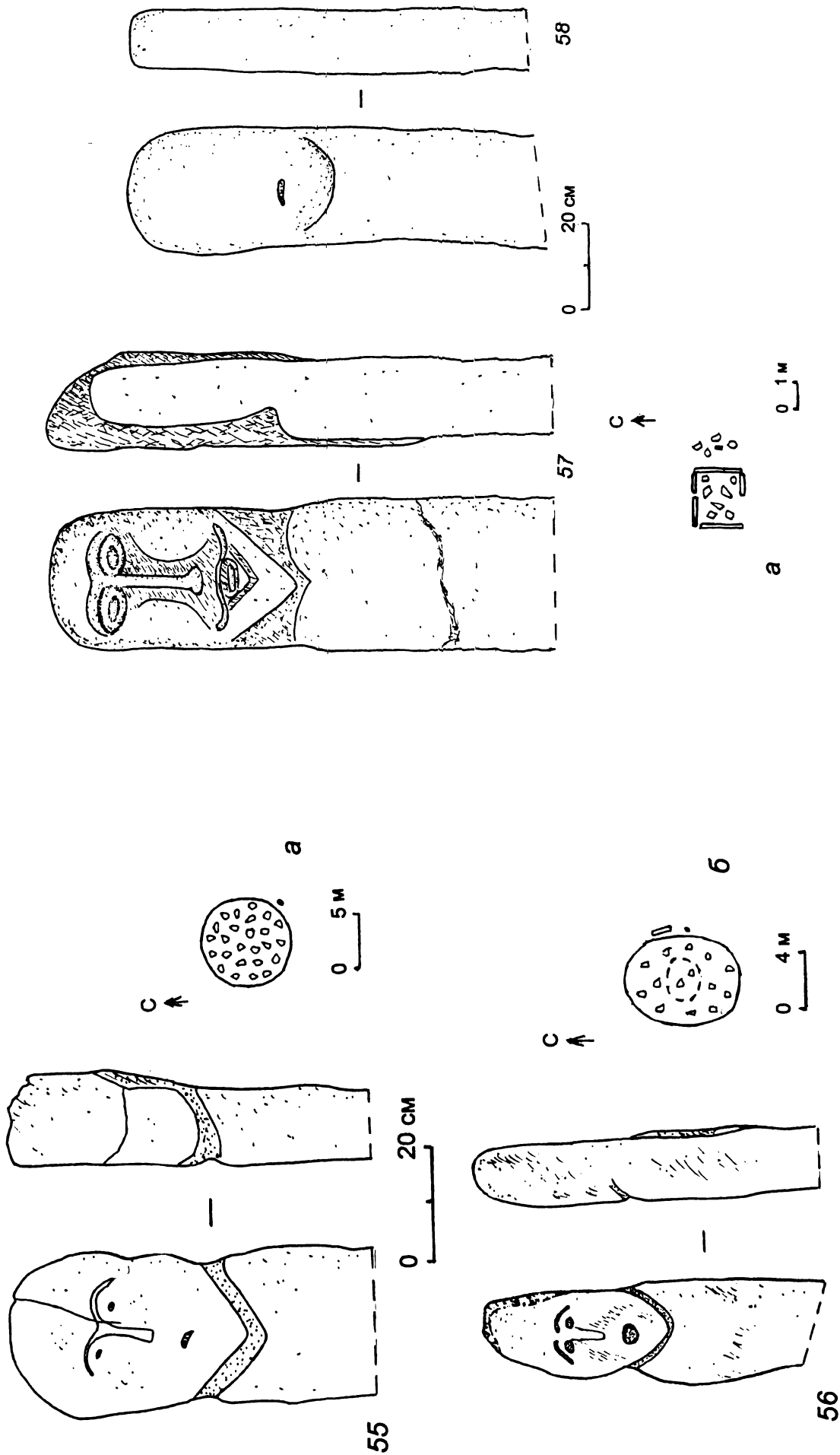

Рис. 32. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
а – план древнетюркской оградки с антропоморфной стелой № 58.

Рис. 31. Кыпчакские «святыхлица» с изваяниями № 55 (а) и 56 (б).
Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.

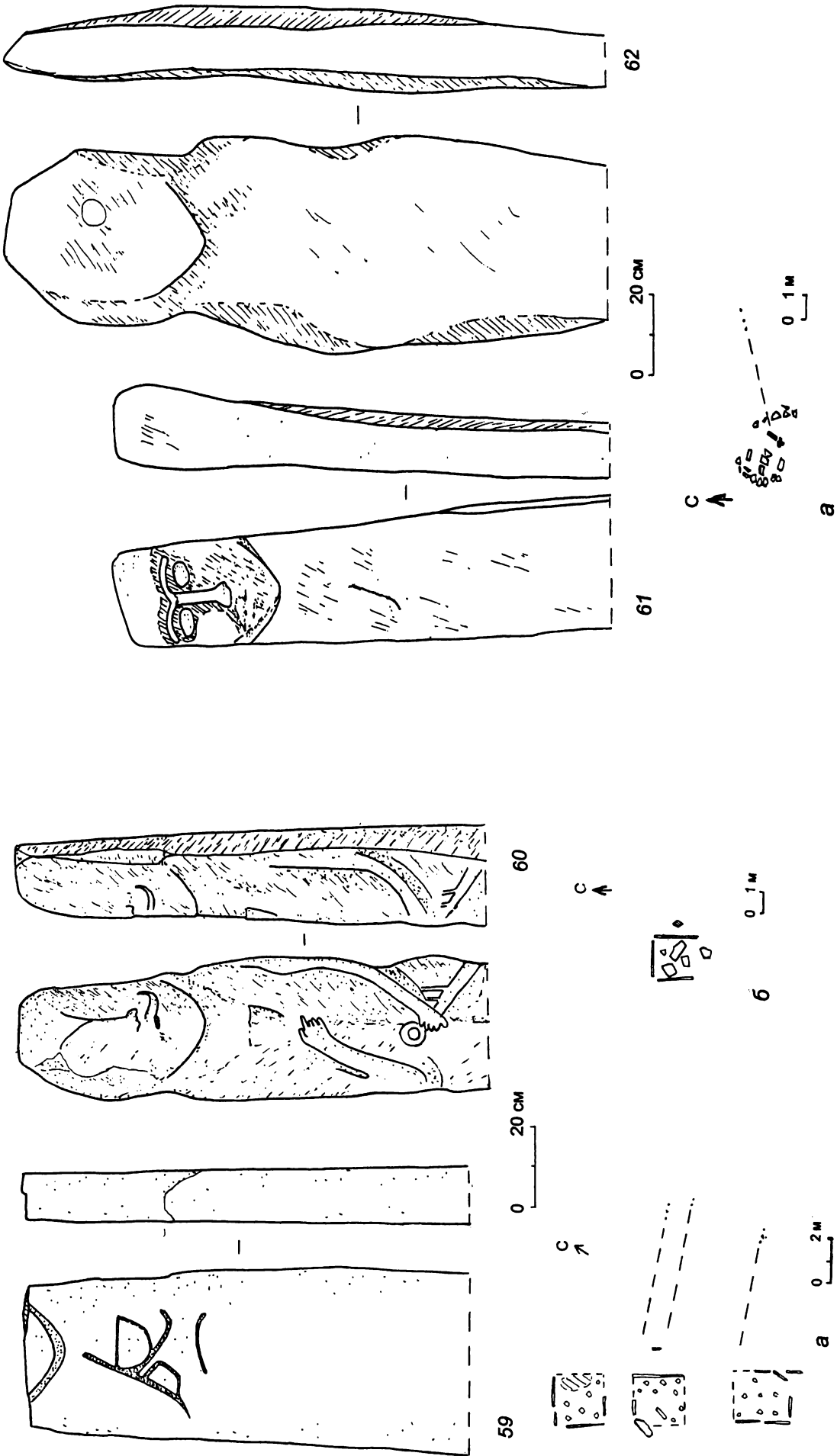

Рис. 33. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 59; б – план древнетюркской оградки с изваянием № 60.

Рис. 34. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план древнетюркской оградки с антропоморфной стелой № 62.

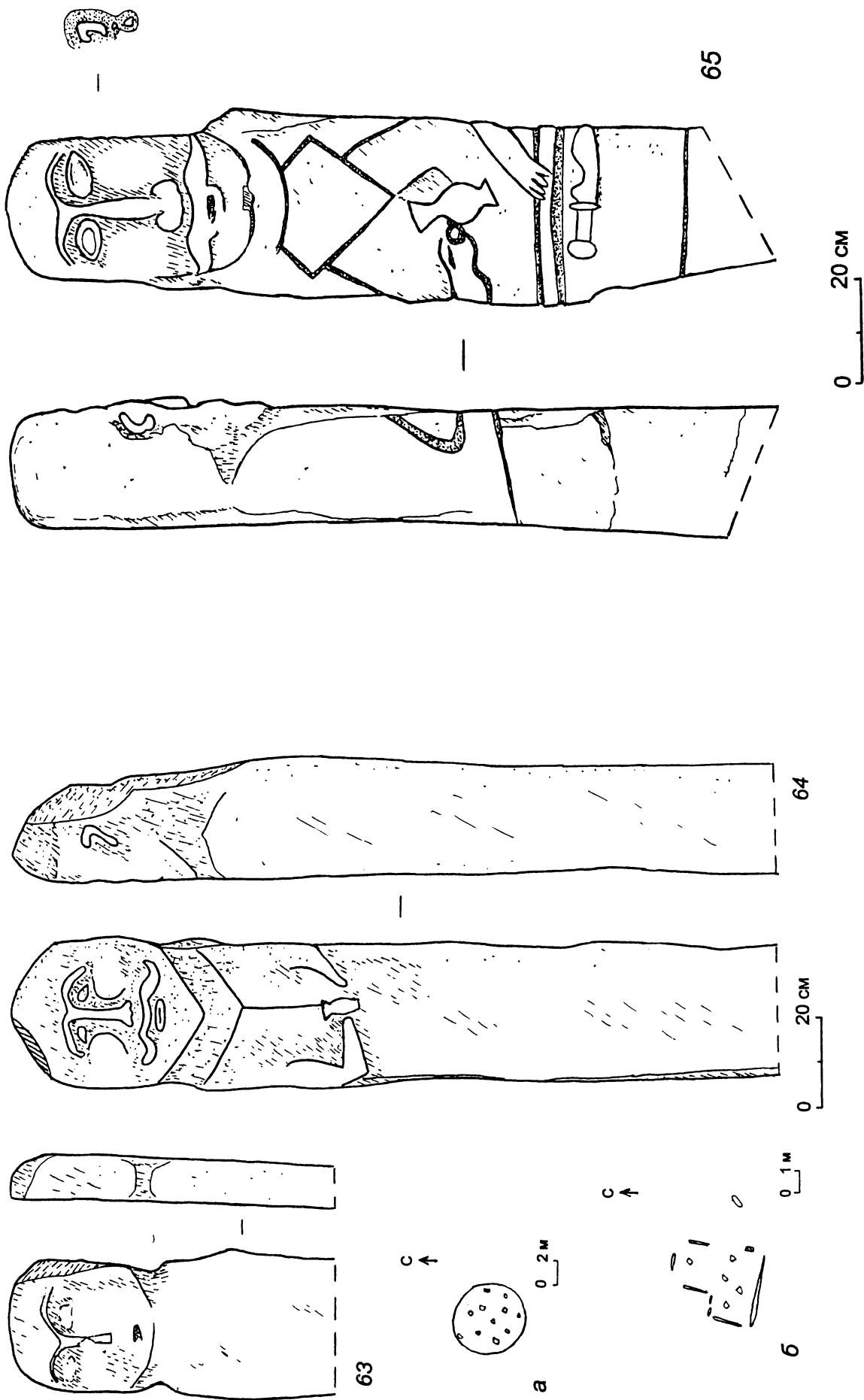

Рис. 35. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а — план кыпчакского «святилища» с изваянием № 63; б — план сооружения с изваянием № 64.

Рис. 36. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

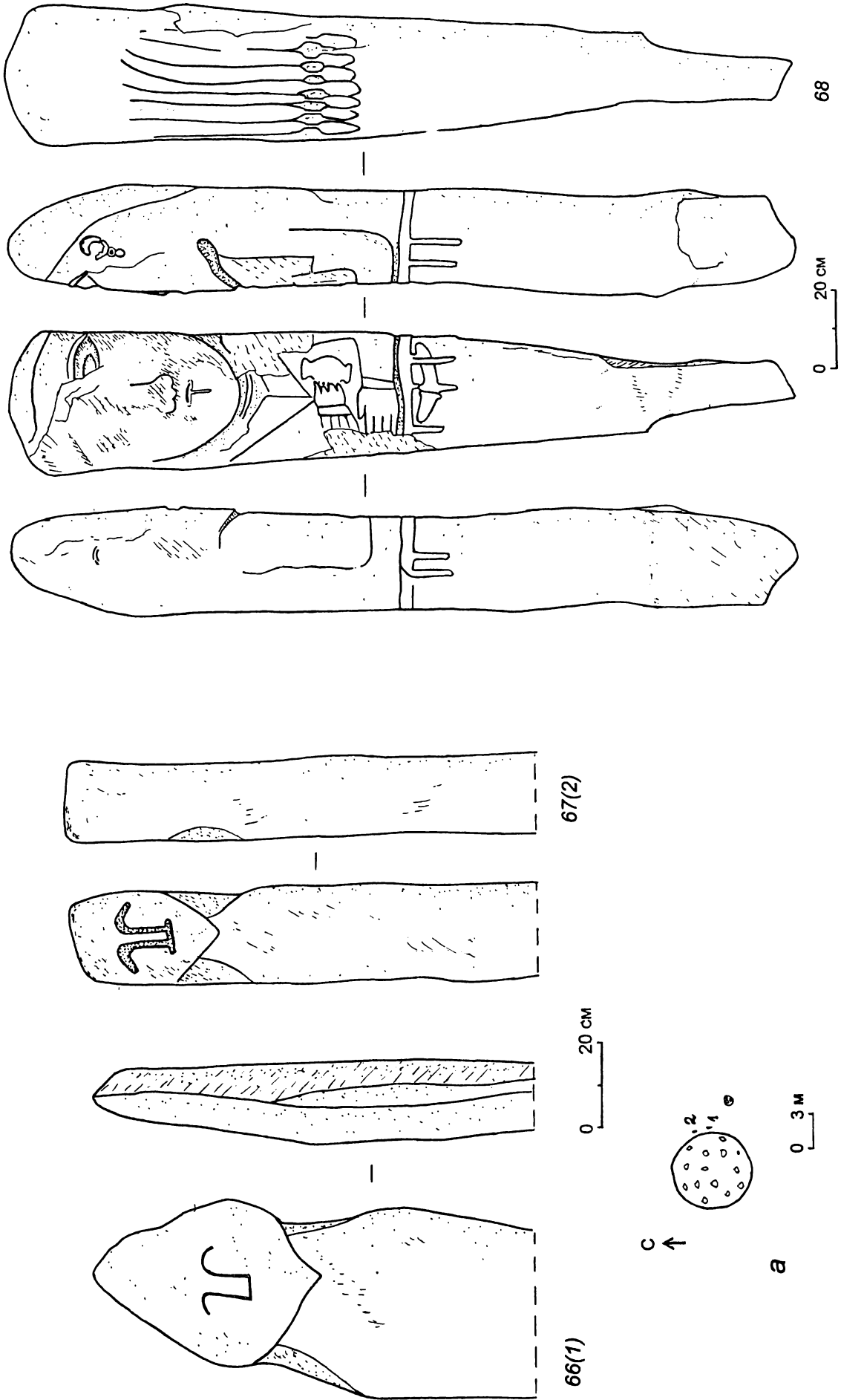

Рис. 37. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
а – план кыпчакского «святылища» с изваяниями № 66 – 67.

Рис. 38. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

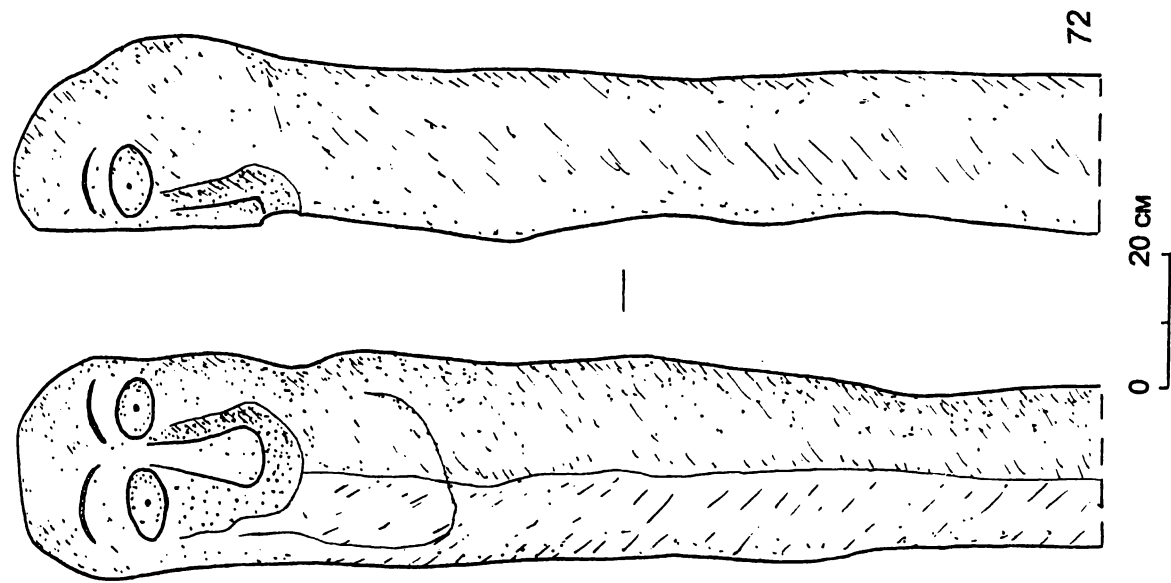

Рис. 40. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

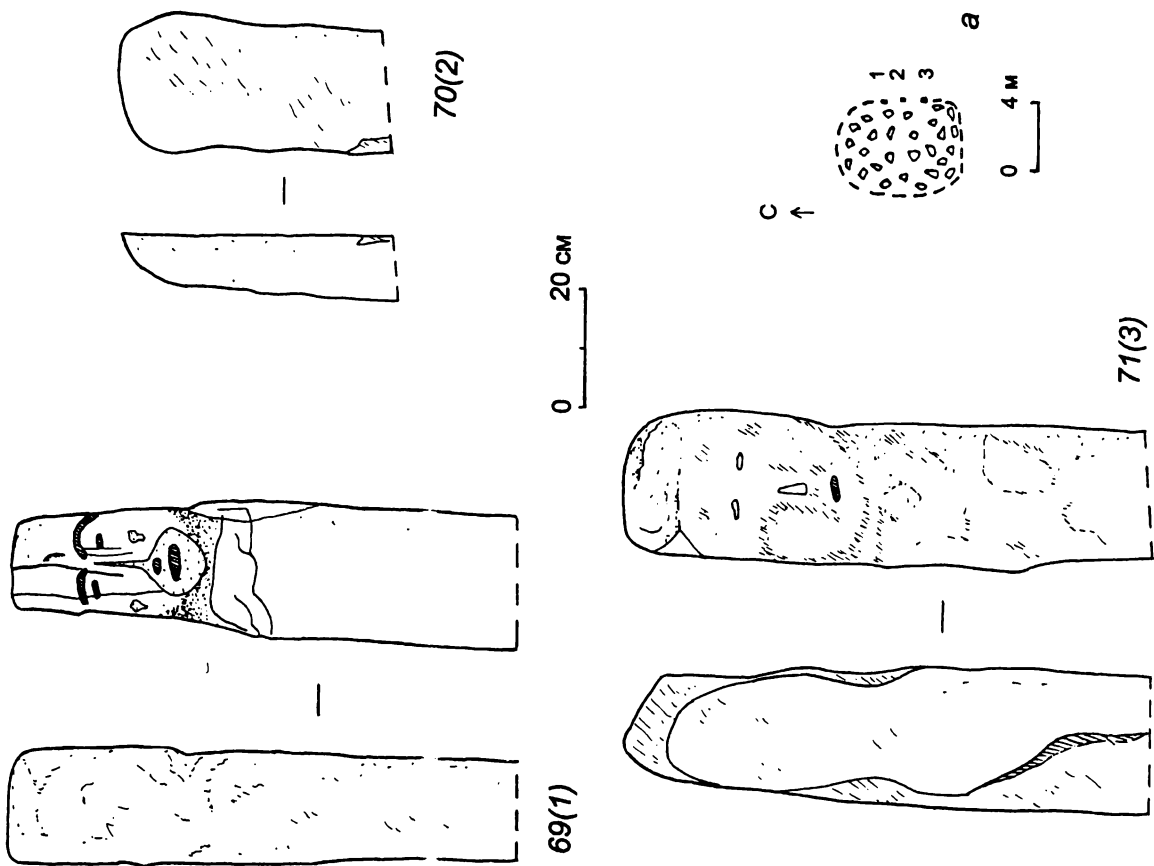

Рис. 39. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а – план кыпчакского «святылища» с изваяниями № 69 – 71.

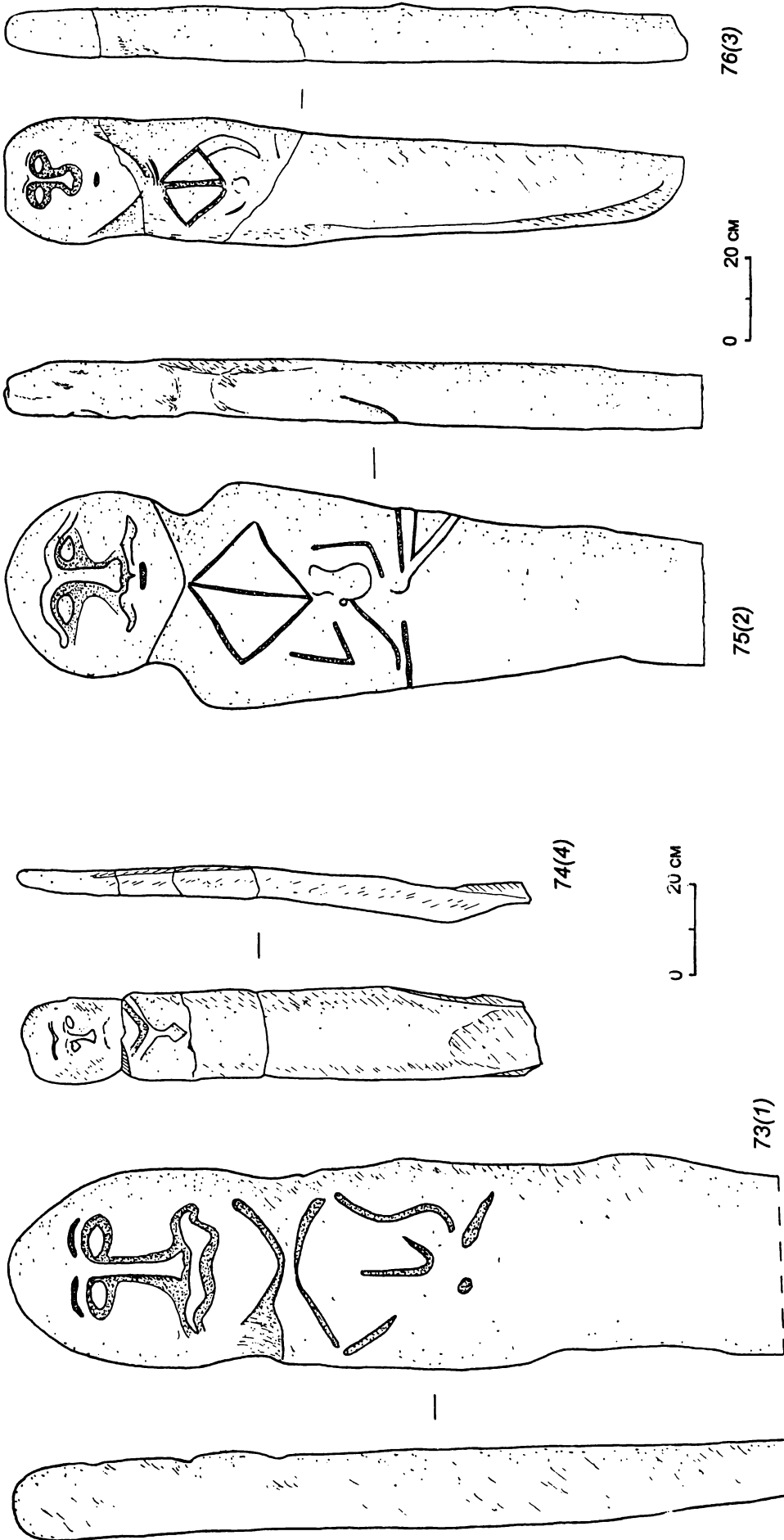

Рис. 41. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

Рис. 42. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

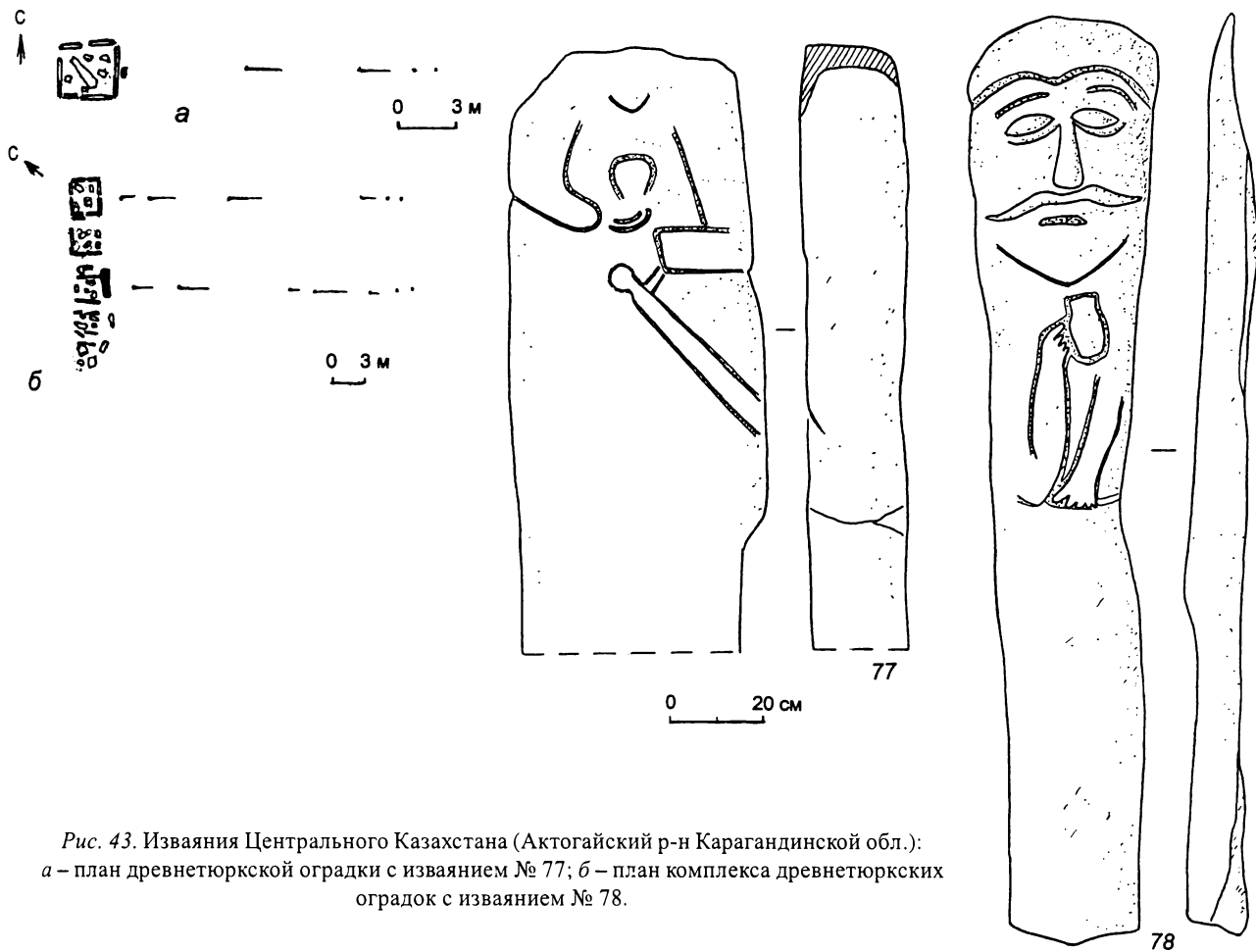

Рис. 43. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а – план древнетюркской оградки с изваянием № 77; б – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 78.

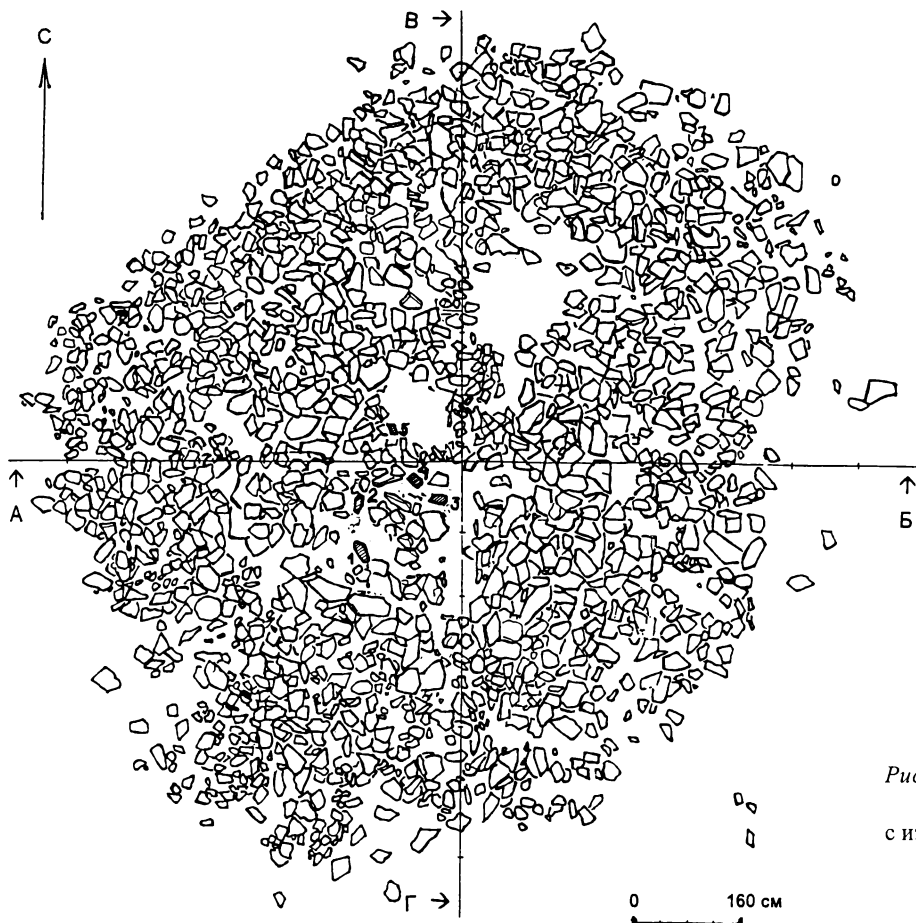

Рис. 44. План (после снятия дернового слоя) кыпчакского «святилища» с изваяниями № 79 – 83 (Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.).

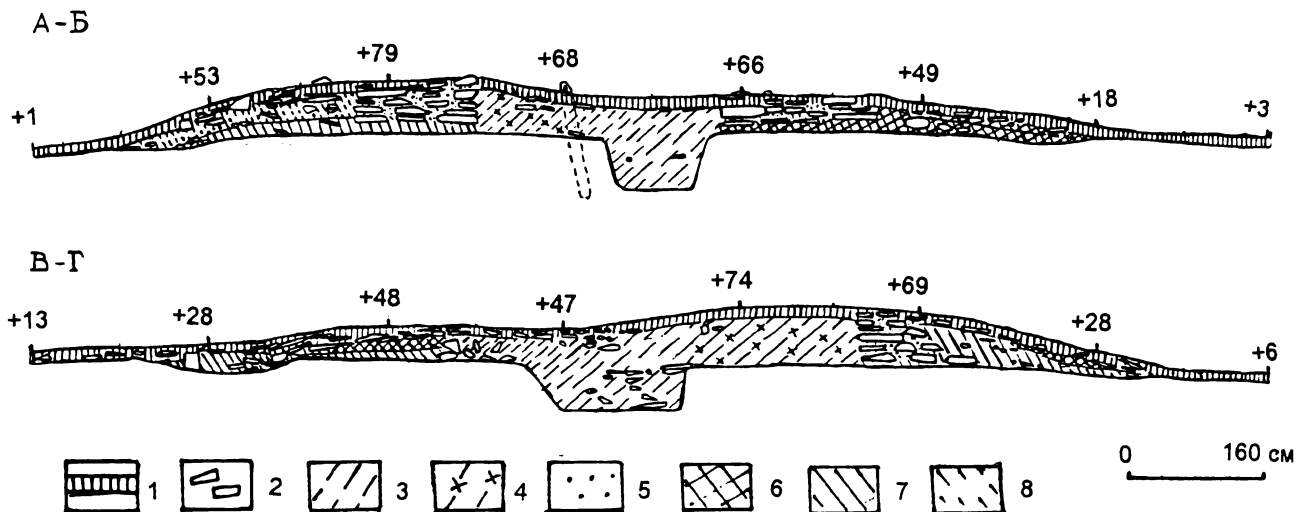

Рис. 45. Профили сооружений кыпчакского «святыща» с изваяниями № 79 – 83

(Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.):

1 – дерн; 2 – камни; 3 – перемешанное заполнение; 4 – более рыхлое перемешанное заполнение; 5 – серовато-коричневый; 6 – темно-серый; 7 – серо-коричневый; 8 – светло-серый.

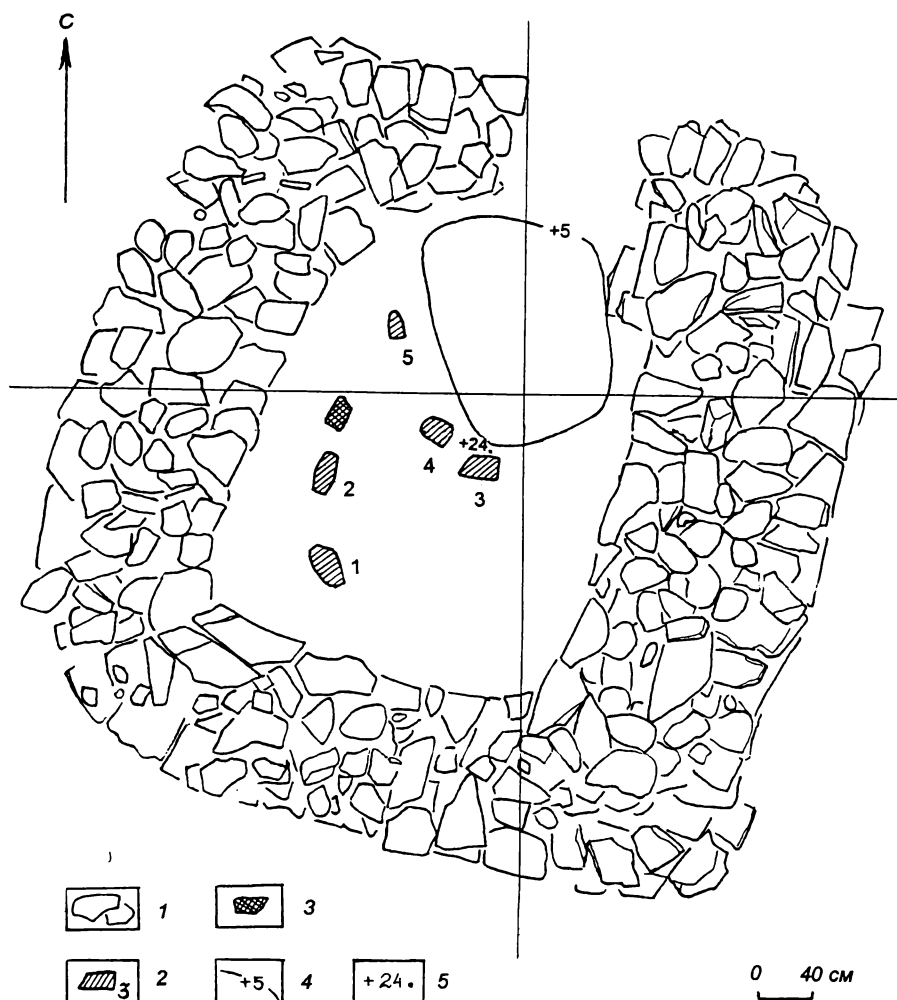

Рис. 46. План кыпчакского «святыща» с изваяниями № 79 – 83 (Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.):

1 – камни; 2 – изваяния; 3 – останец изваяния (?); 4 – очертания жертвенной ямы перед изваяниями № 81 – 83; 5 – бусина.

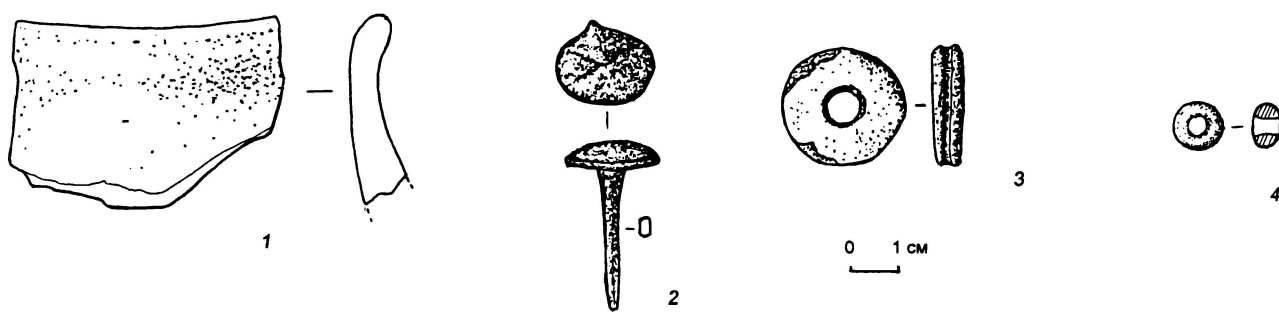

Рис. 47. Кыпчакское «святилище» с изваяниями № 79 – 83 (фото, вид с севера) и находки из него (Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 1 – фрагмент керамики; 2 – железный гвоздь; 3 – каменное пряслице; 4 – синяя стеклянная бусина.

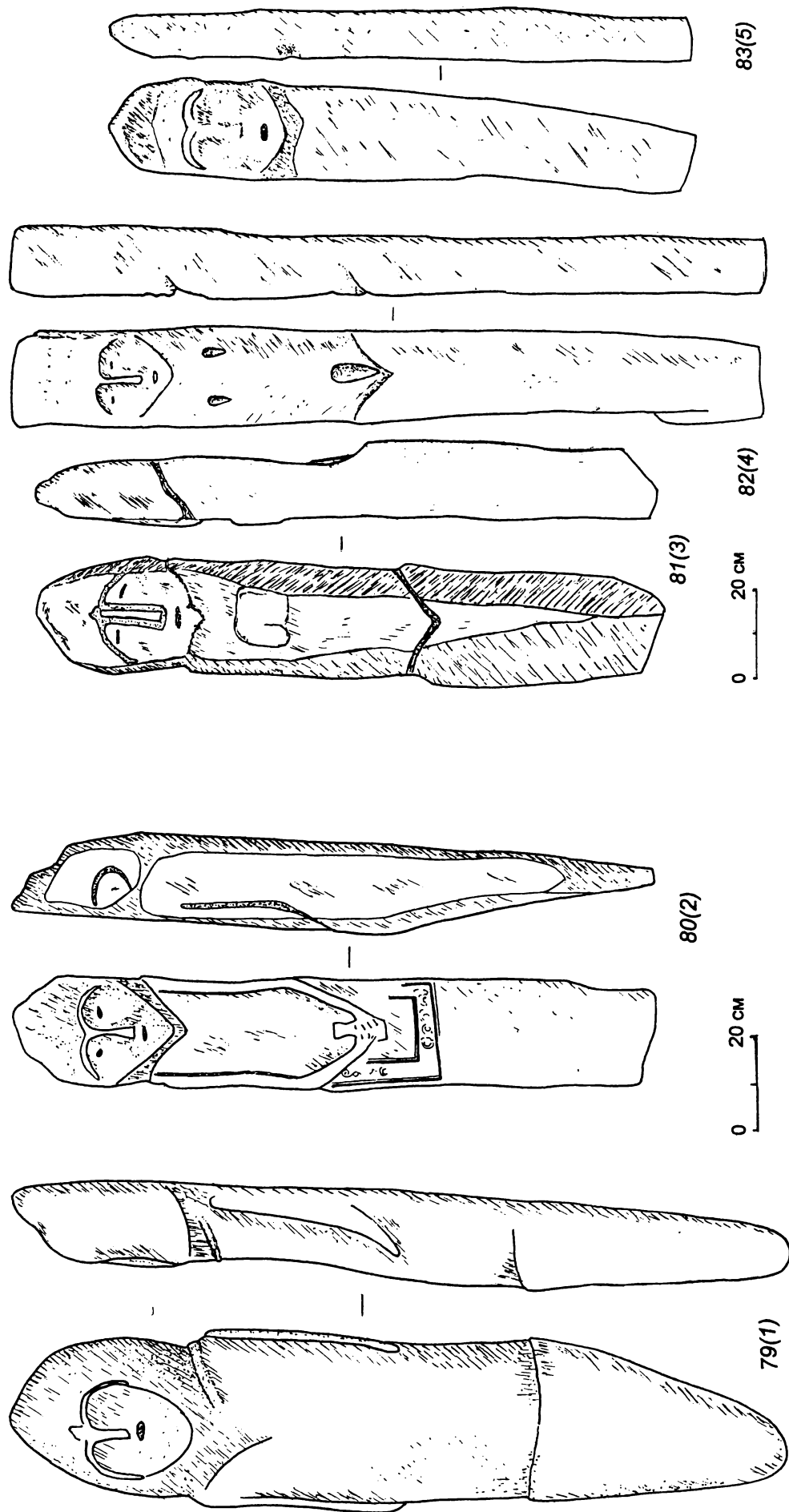

Рис. 48. Изваяния № 1 – 2 из жинишкинского сооружения Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.).

Рис. 49. Изваяния № 3 – 5 из жинишкинского сооружения Центральный Казахстан, Актогайский р-н Карагандинской обл.).

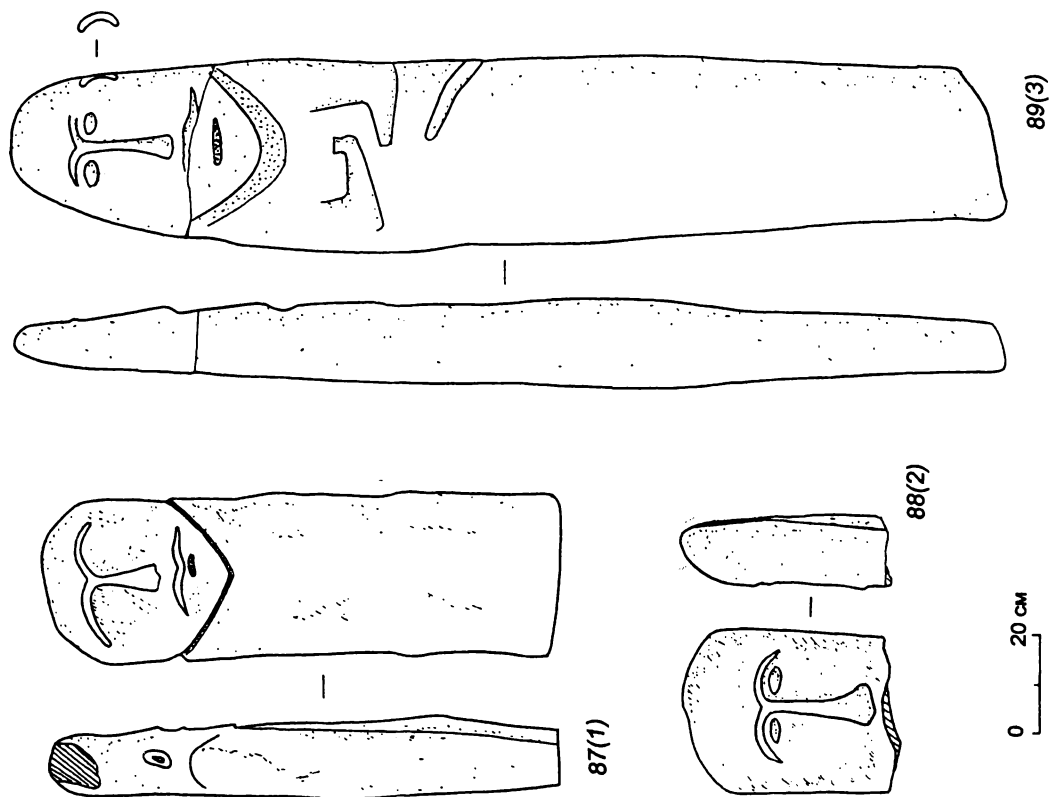

Рис. 51. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

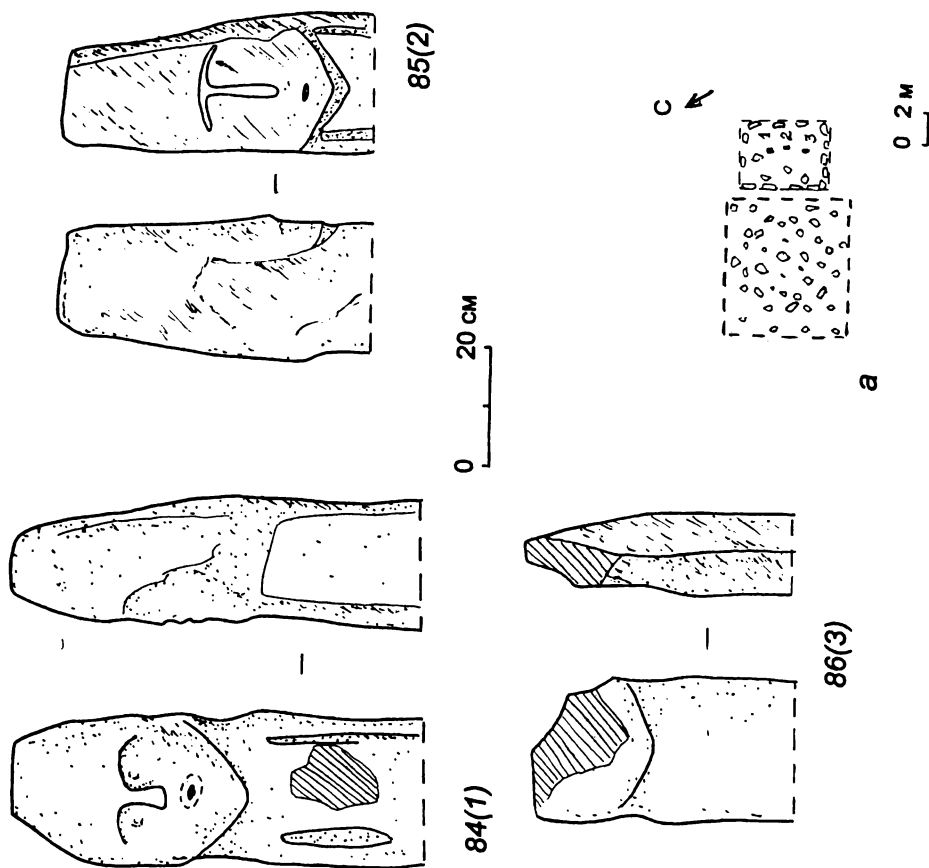

Рис. 50. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а – план кыпчакского «святыхища» с изваяниями № 84 – 86.

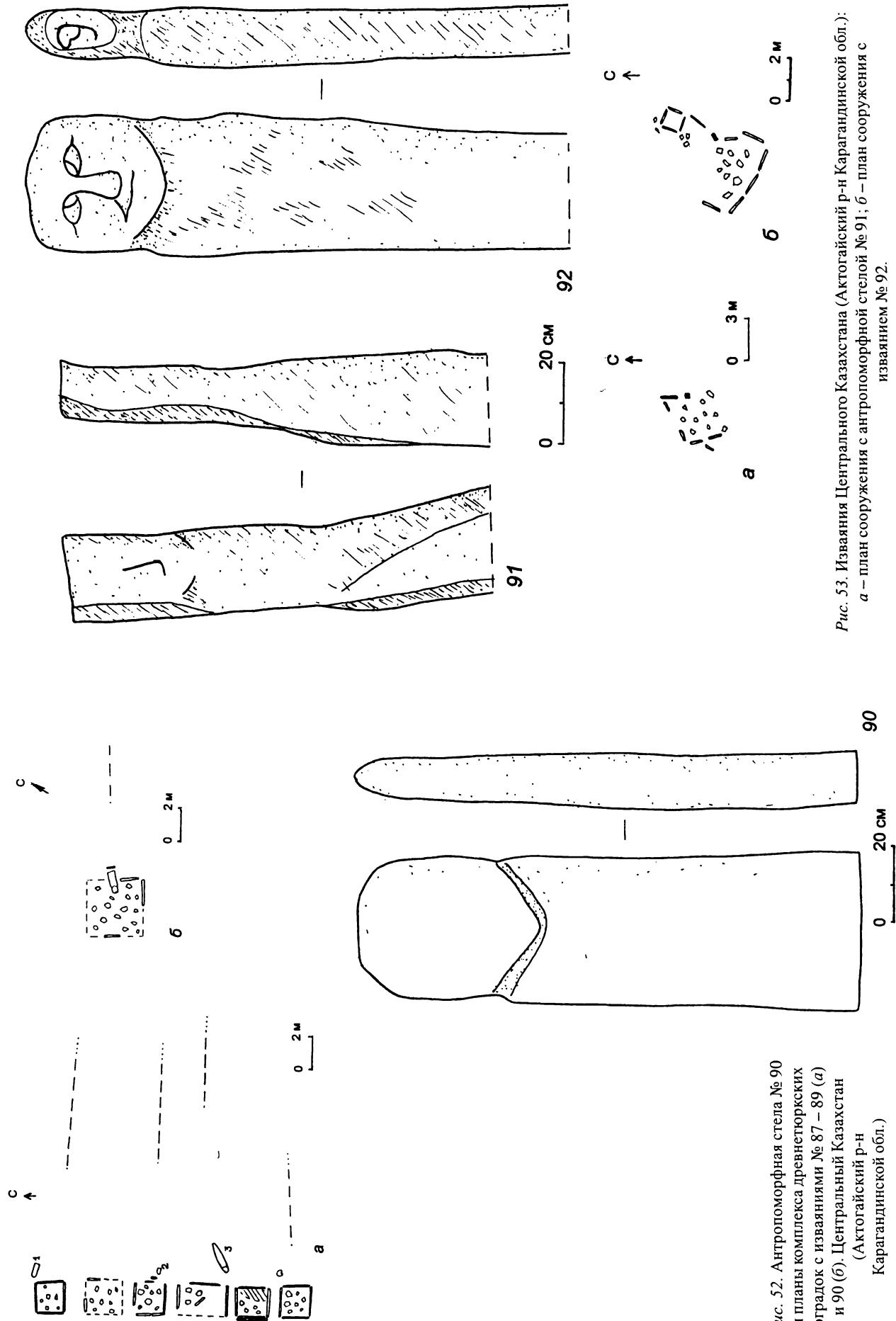
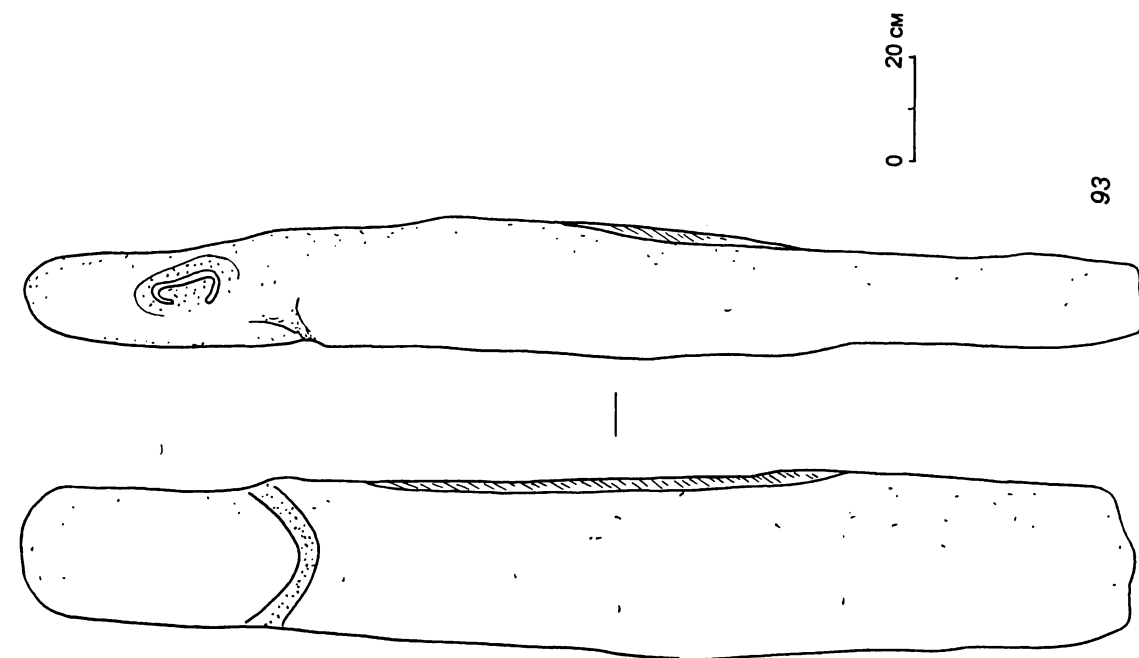
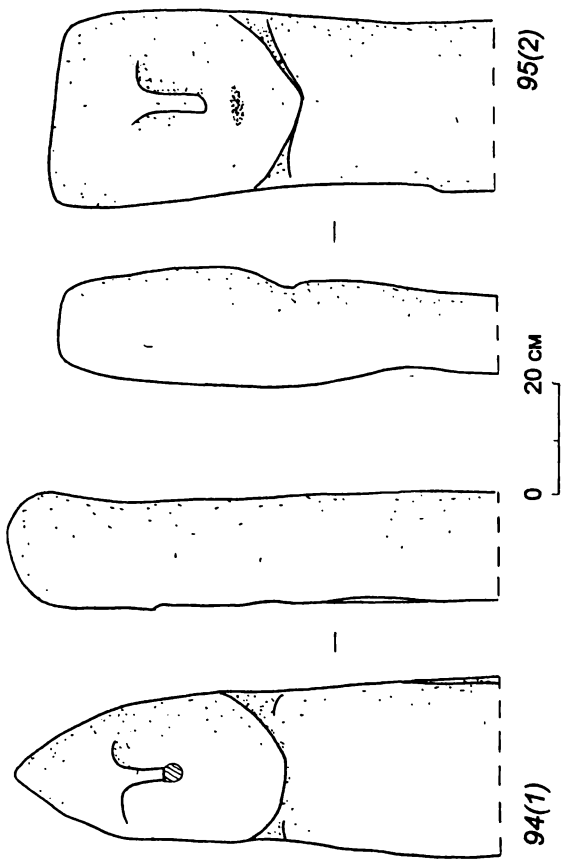

Рис. 52. Антропоморфная стела № 90 и планы комплекса древнетюркских отрядок с изваяниями № 87 – 89 (а) и 90 (б). Центральный Казахстан (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

Рис. 53. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а – план сооружения с антропоморфной стелой № 91; б – план сооружения с изваянием № 92.

93

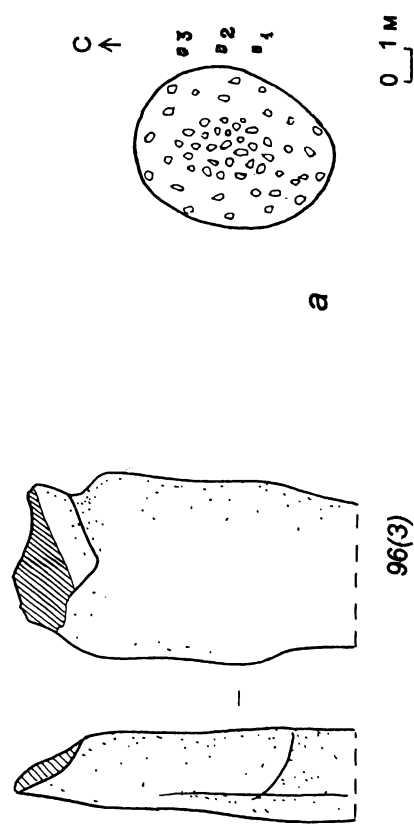

94(1)

0

20 cm

95(2)

96(3)

0 20 cm

0 1 m

а

С ↑

1

2

3

Рис. 54. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

Рис. 55. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.): а – план кыпчакского «святителя» с изваяниями № 94 – 96.

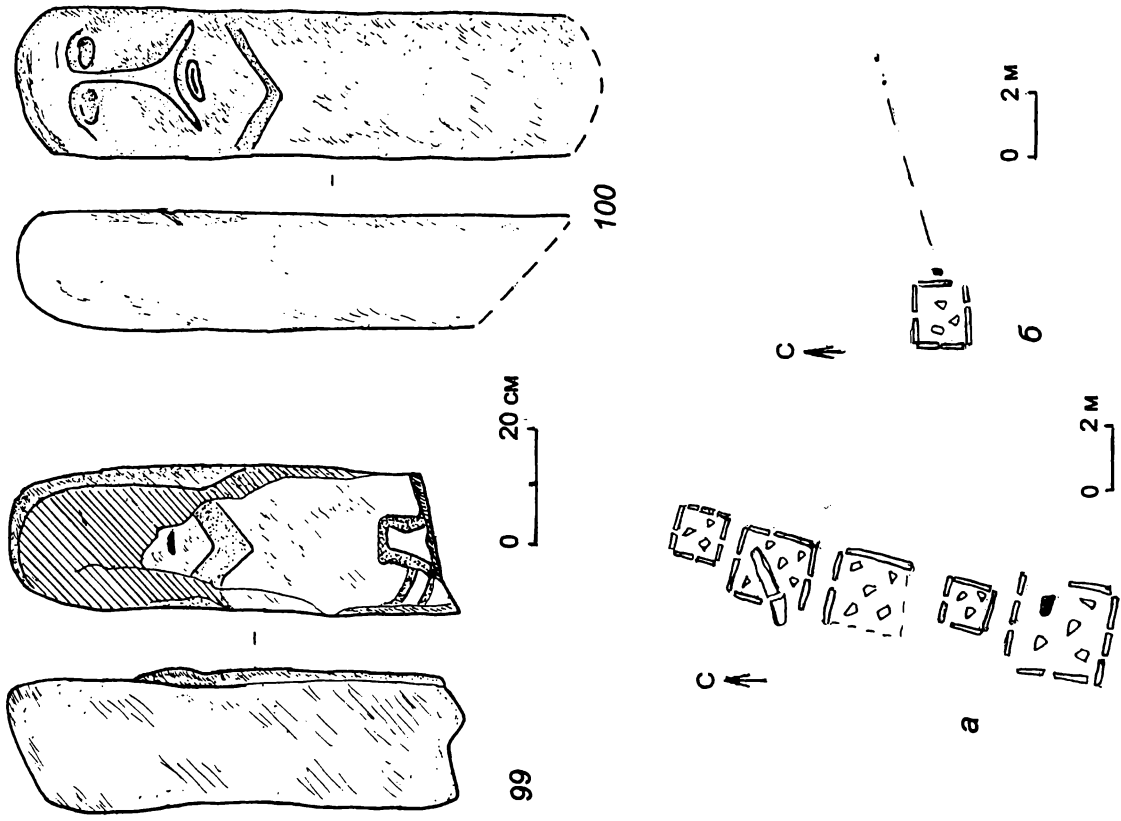

Рис. 57. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 99; б – план древнетюркской оградки с изваянием № 100.

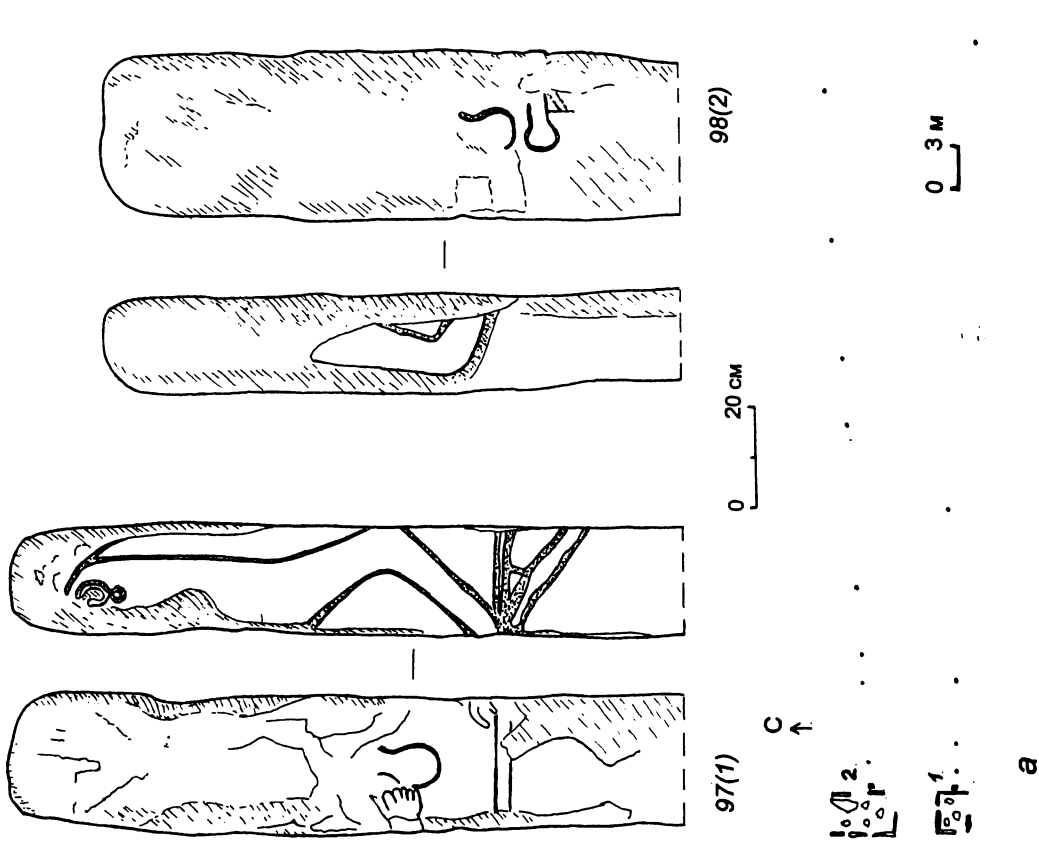

Рис. 56. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваяниями № 97 – 98.

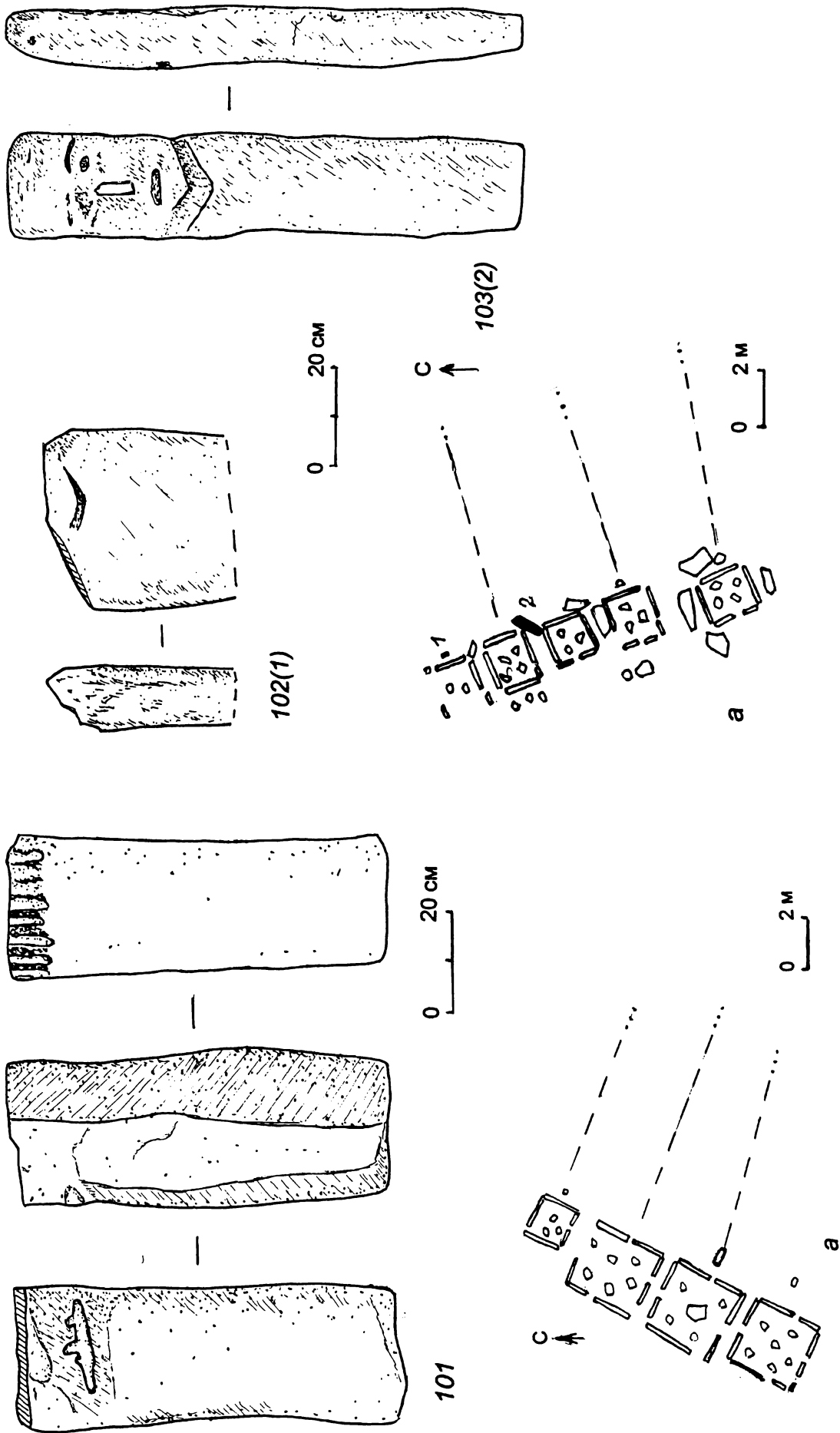

Рис. 58. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а — план комплекса древнетюркских отрядок с изваянием № 101.

Рис. 59. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а — план комплекса древнетюркских отрядок с изваяниями № 102 ... 103.

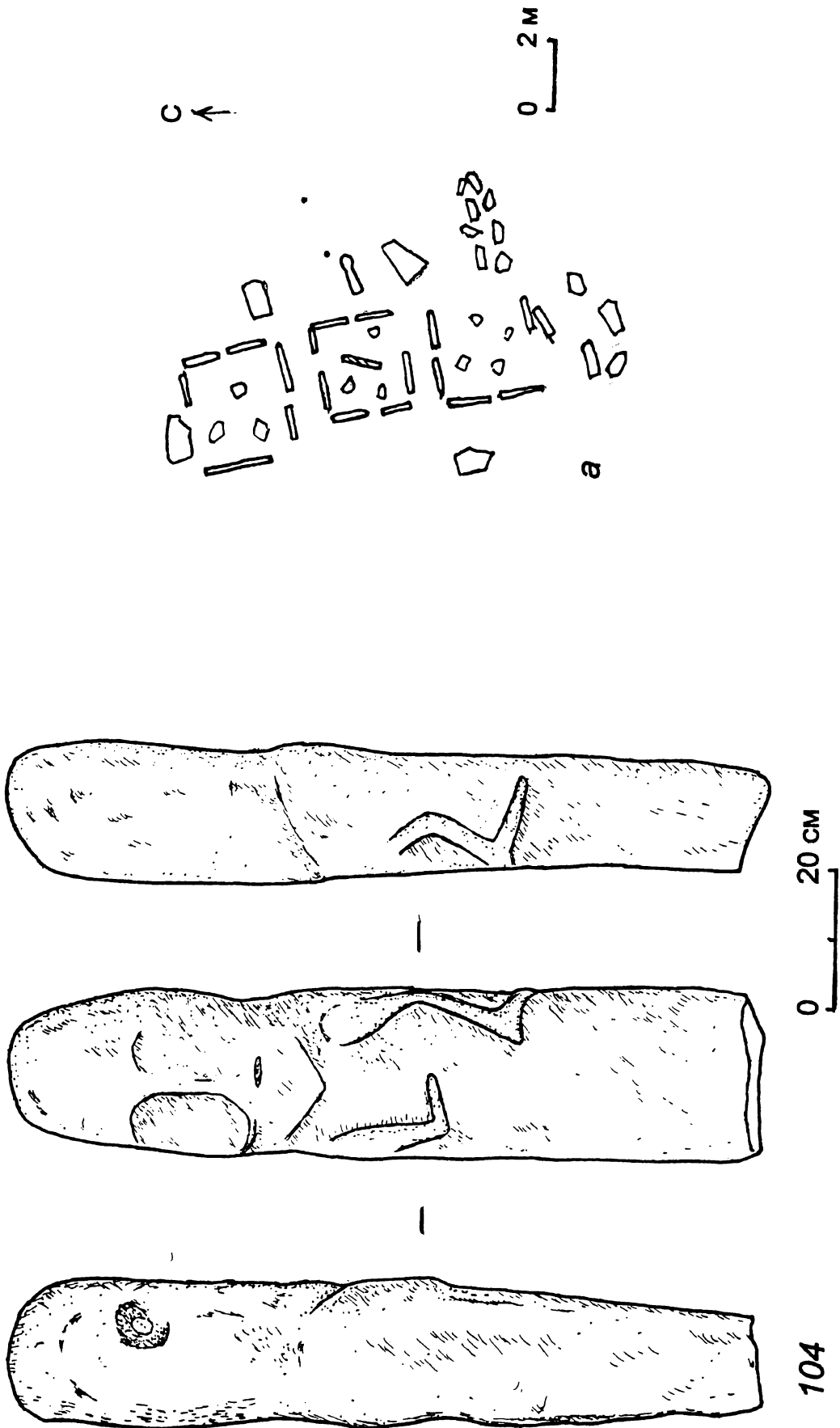

Рис. 60. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
а — план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 104.

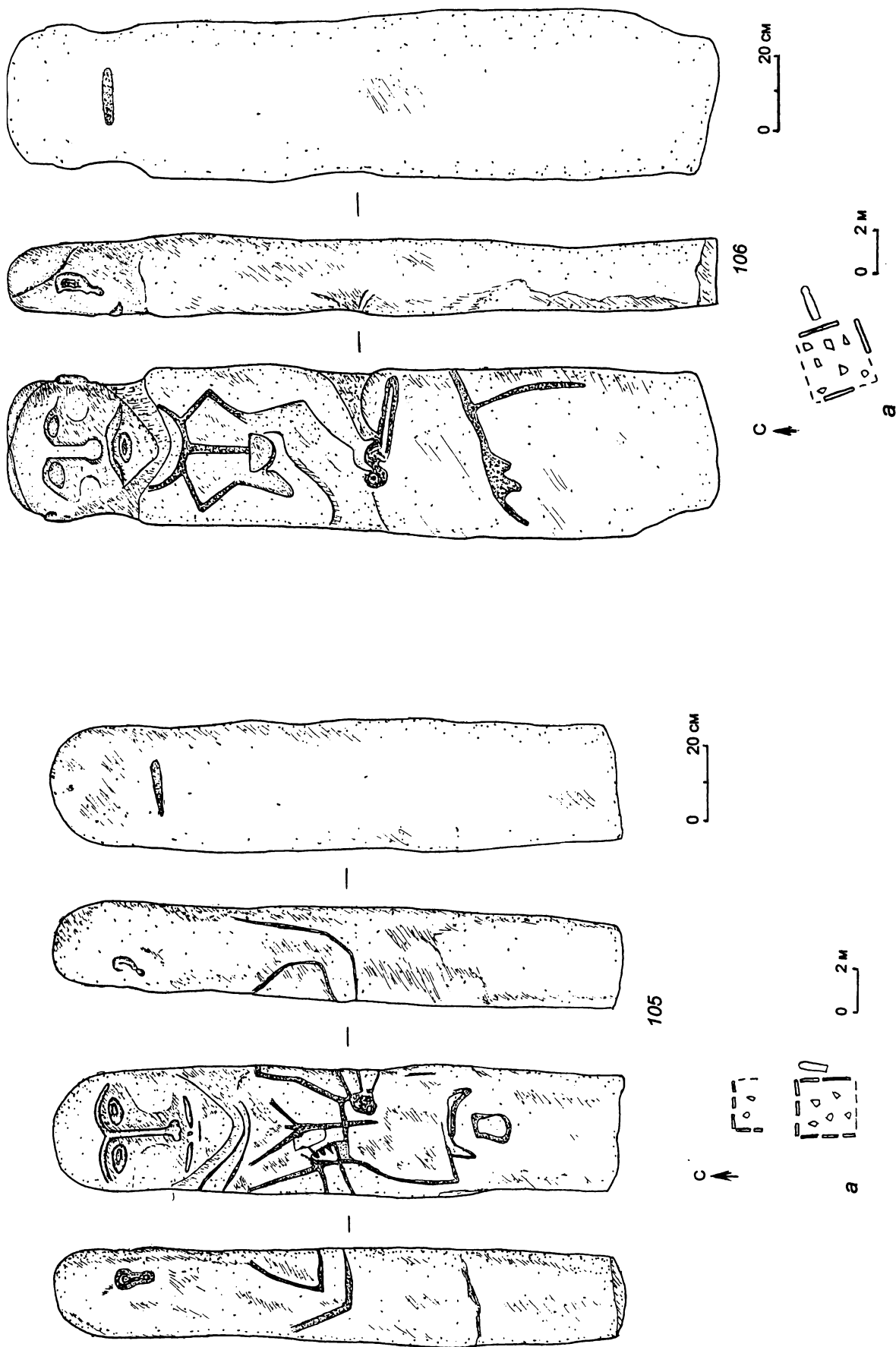

Рис. 61. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 105.

Рис. 62. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
 а – план древнетюркской оградки с изваянием № 106.

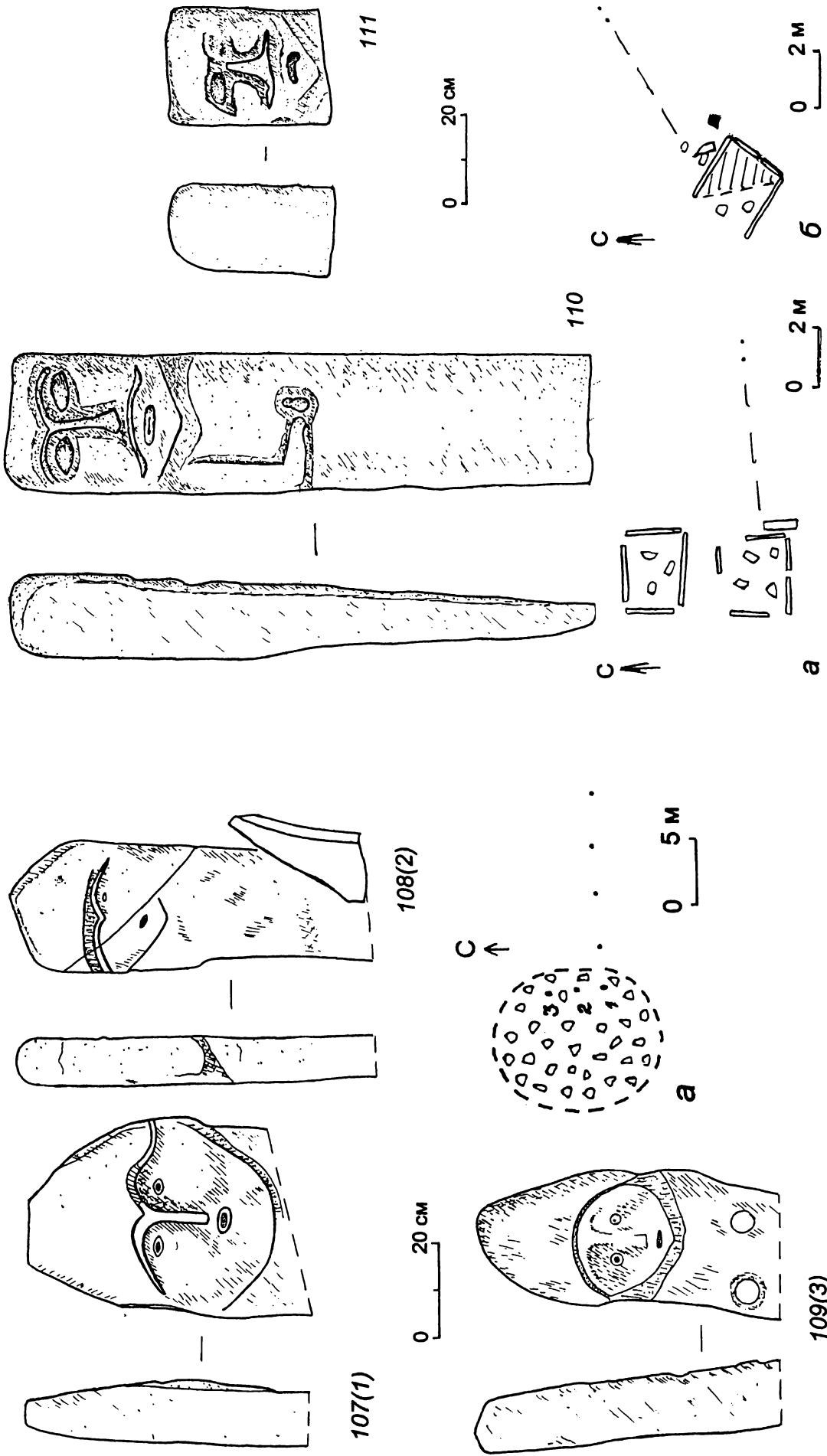

Рис. 63. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
а – план кыпчакского «святылища» с изваяниями № 107 – 109.

Рис. 64. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.):
а – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 110; б – план древнетюркской оградки с изваянием № 111.

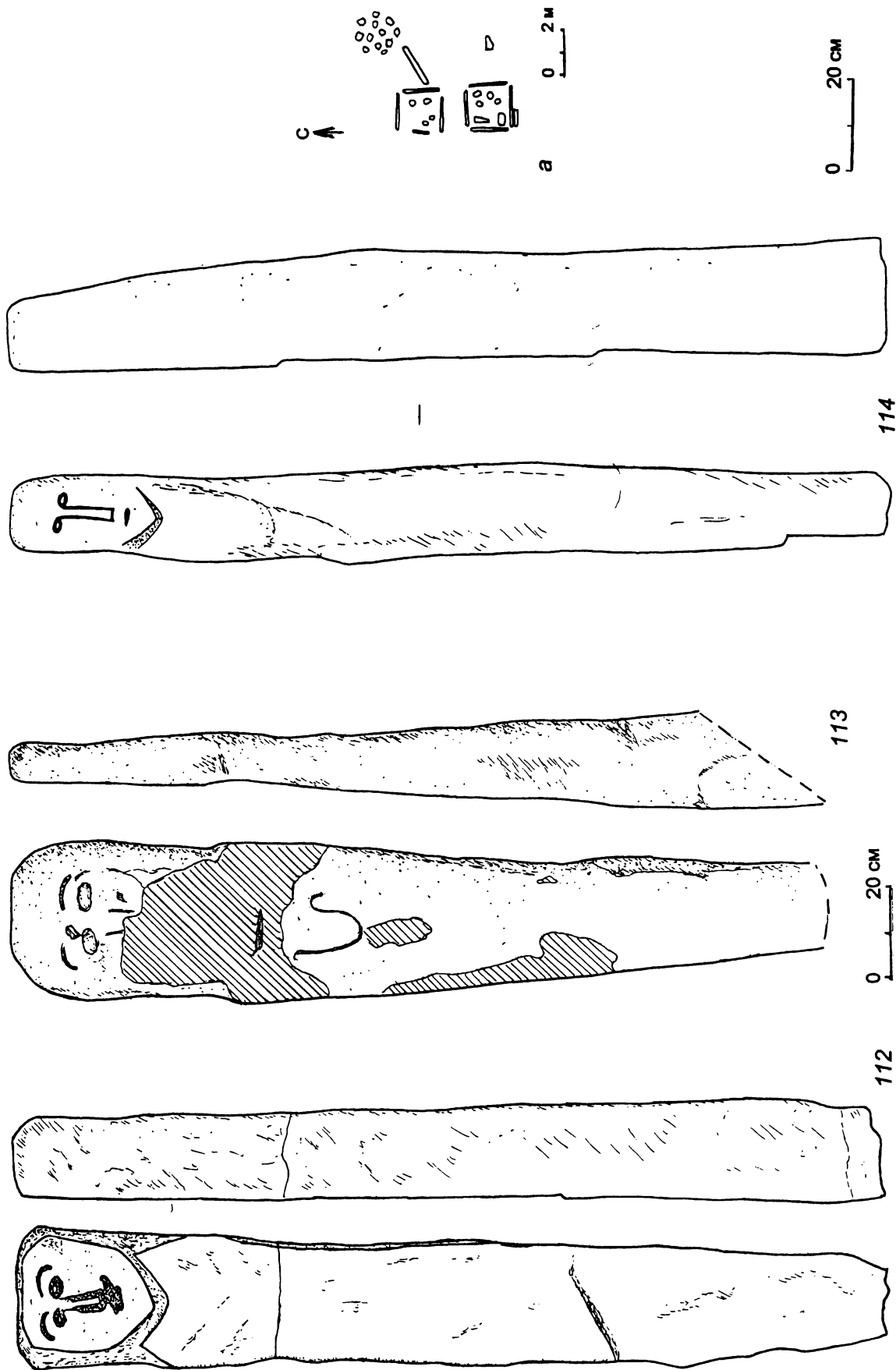

Рис. 65. Изваяния Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

Рис. 66. Изваяние Центрального Казахстана (Актогайский р-н Карагандинской обл.)

а – план комплекса древнетюркских оградок с изваянием № 114.

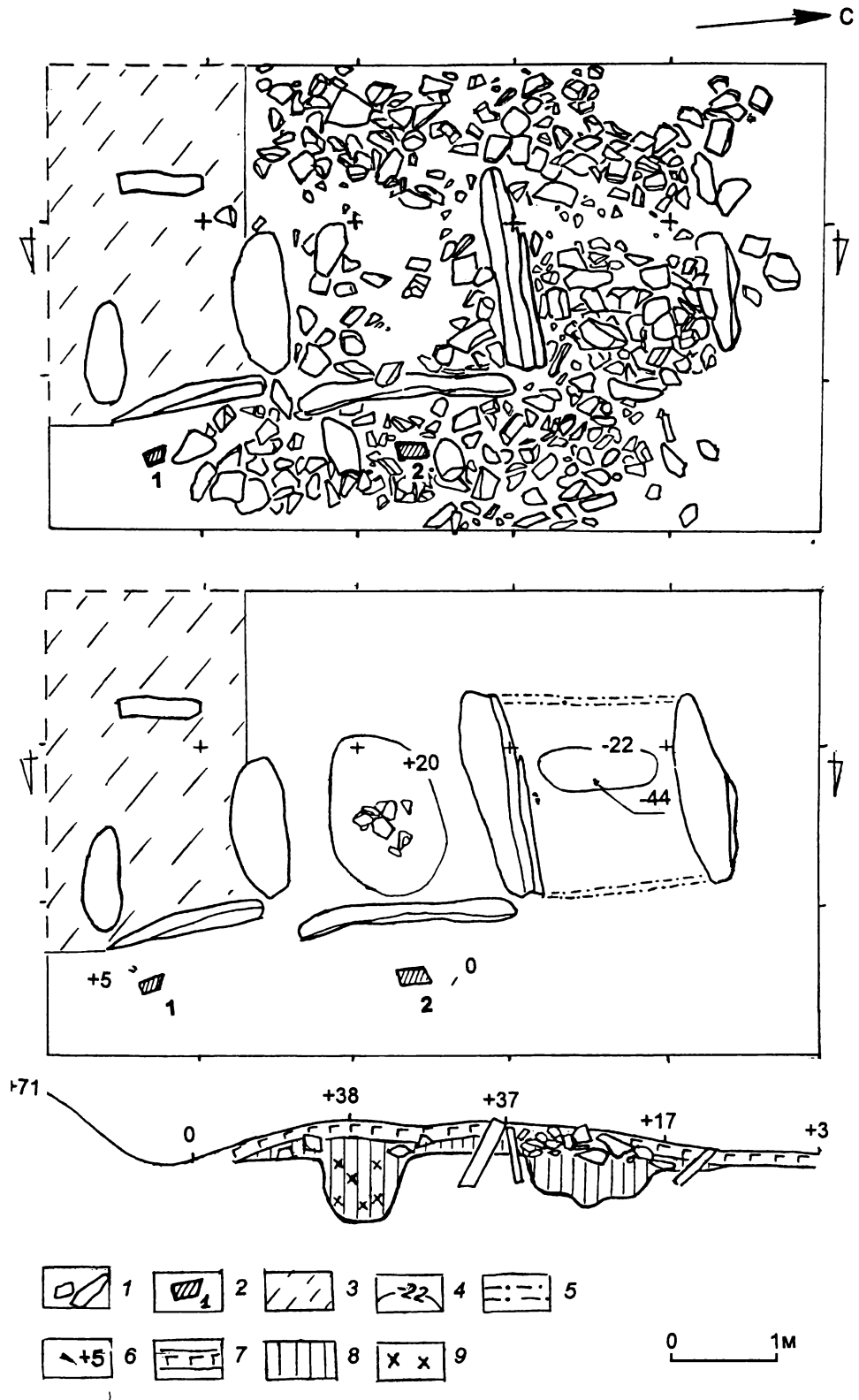

Рис. 67. План (А) и профиль (Б) комплекса древнетюркских оградок с изваяниями № 115 – 116 (оз. Караколь, Восточно-Казахстанская обл.):

1 – камни; 2 – изваяние; 3 – неохваченное раскопом пространство разрушенной оградки; 4 – границы ямы; 5 – очертания канавок под плиты; 6 – кость, кусочек сгнившей древесины; 7 – дерн; 8 – перемешанное желто-серое заполнение; 9 – зола.

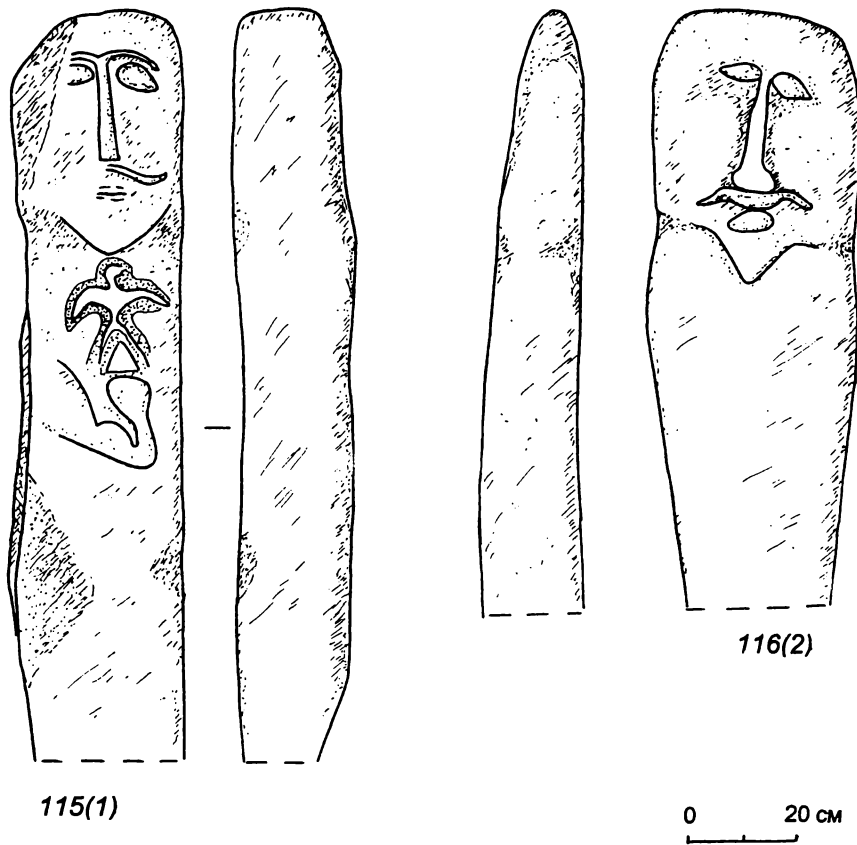

Рис. 68. Изваяния Восточного Казахстана (Восточно-Казахстанская обл.)

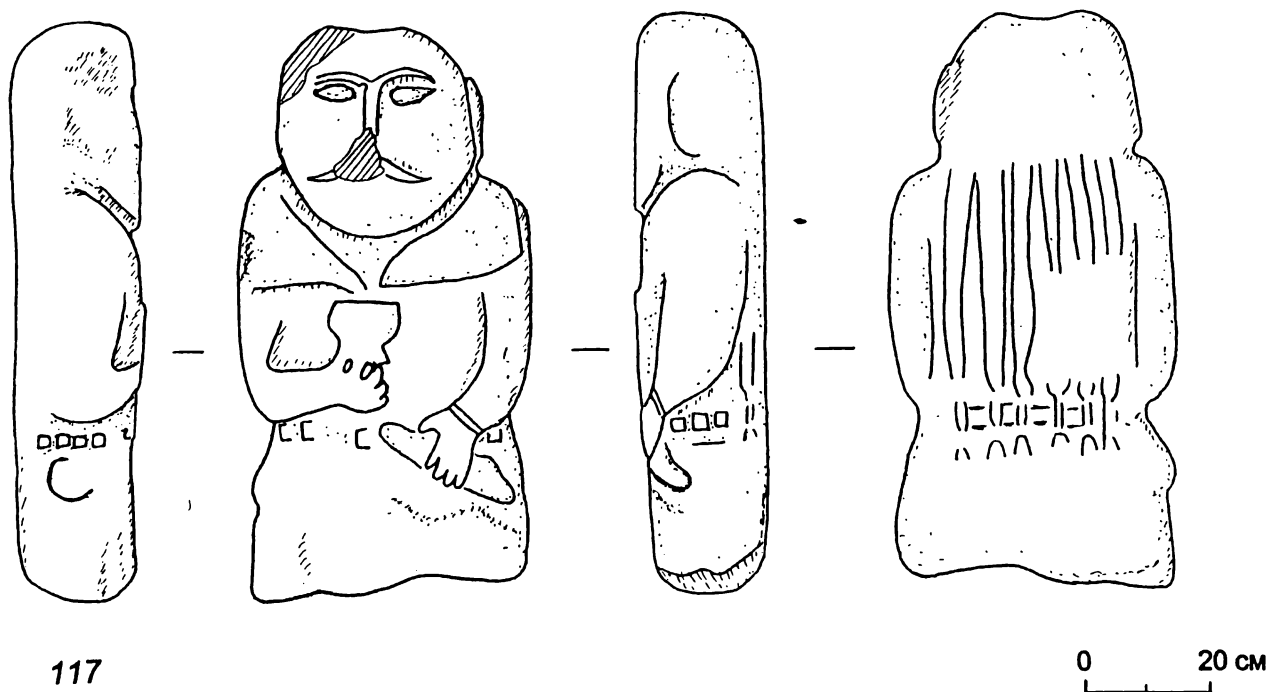

Рис. 69. Изваяние Восточного Казахстана (г. Семипалатинск).

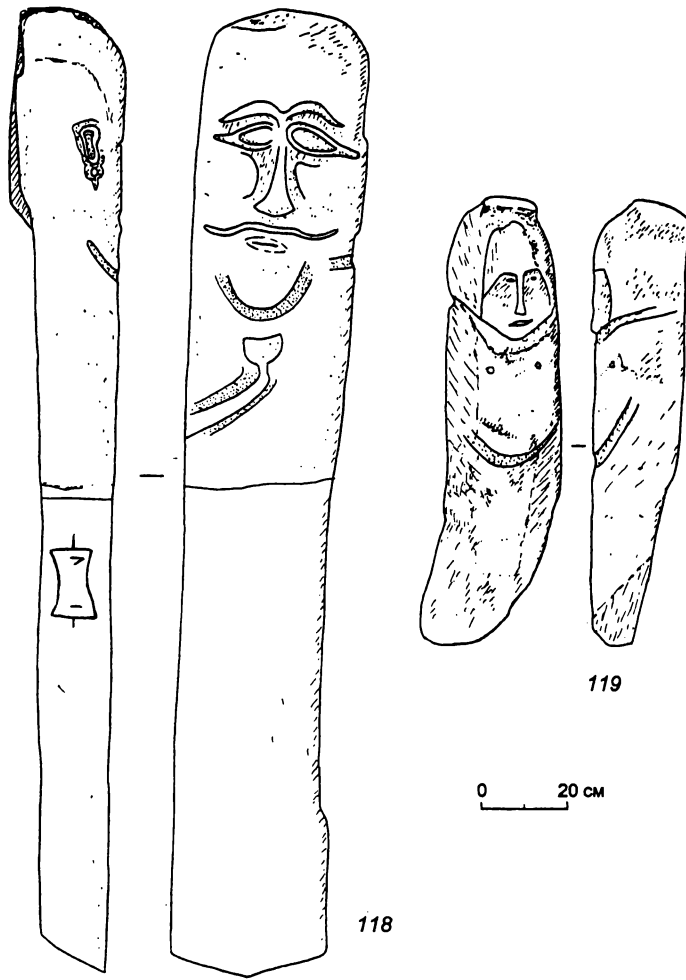

Рис. 70. Изваяния Восточного Казахстана (г. Семипалатинск).

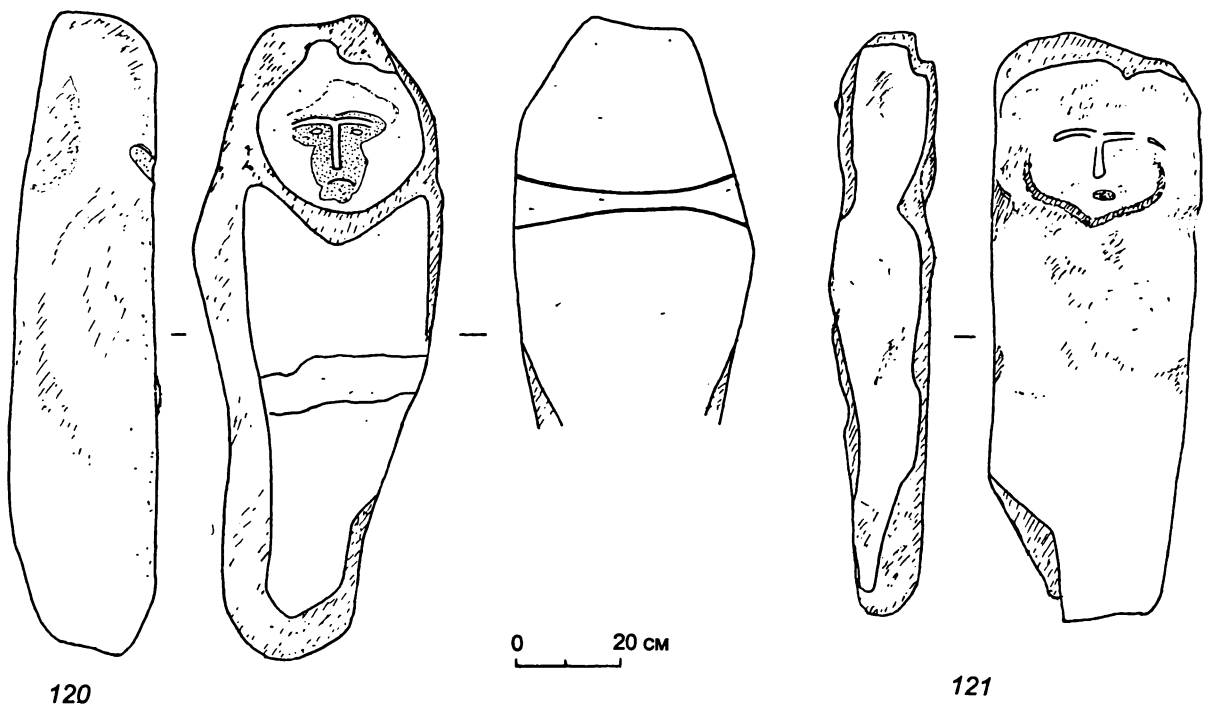

Рис. 71. Изваяния Восточного Казахстана (г. Семипалатинск).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВЯ – Вопросы языкознания.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.
ЗЗСОИРГО – Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.
ЗИРГО – Записки Императорского Русского географического общества.
ИАН КазССР – Известия Академии наук Казахской ССР (г. Алма-Ата).
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской Академии наук.
ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете (г. Казань).
ИРГО – Императорское Русское географическое общество.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии.
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАИКЦА – Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
Изв. МОН РК, НАН РК – Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии Наук Республики Казахстан.
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
СМИКЭ – Советско-Монгольская комплексная историко-культурная экспедиция.
СТ – Советская тюркология.
СЭ – Советская этнография.
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТС – Тюркологический сборник.
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР.
УЗТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка и литературы.
ЦКАЭ – Центрально-Казахстанская археологическая экспедиции
САJ – Central Asiatic Journal.
PIAC – Permanent International Altaistic Conference.
UAJ – Ural-Altische Jahrbücher.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. История изучения изваяний средневековых кочевников евразийских степей	5
1.1. Опыты классификации, датировки и этнокультурной атрибуции изваяний и культовых сооружений	5
1.1.1. Азиатские степи	5
1.1.2. Восточноевропейские степи	9
1.1.3. Общие классификации изваяний Евразии	11
1.2. Вопросы изучения семантики изваяний, балбалов и культовых сооружений	12
Глава 2. Иконографическая классификация средневековых каменных изваяний казахстанских степей	16
2.1. Принципы и задачи классификации	16
2.2. Признаки для описания приемов изображения черт лица	17
2.3. Приемы изображения черт лица на статуях с обозначенной позой и погрудных изваяниях	18
2.4. Иконографическая классификация изваяний. Систематизация реалий. Типология сооружений	21
2.4.1. Изваяния древнетюркского облика (группа 1)	21
2.4.2. Изваяния кыпчакского облика (группа 2)	31
2.5. Некоторые изобразительные особенности изваяний древнетюркского и кыпчакского облика	38
Глава 3. Семантика изваяний	48
3.1. Семантика изваяний древнетюркского облика	48
3.1.1. Комплекс оградка – изваяние – балбалы	48
3.1.2. Сакрализованные представления древних тюрков о войне (к вопросу о семантике балбалов)	57
3.1.3. Изваяния древнетюркского облика и их атрибуты в аспекте военной (эпической) идеологии	61
3.2. Кыпчакские «святилища» и изваяния кыпчакского облика	65
Заключение	68
Список литературы	70
Приложение 1. Описание изваяний (Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулов)	79
Приложение 2. Рисунки (Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулов)	91
Список сокращений	129

Научное издание

Ермоленко Любовь Николаевна

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ
КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ**
(типология, семантика в аспекте военной идеологии
и традиционного мировоззрения)

Редактор *М.А. Коровушкина*
Технический редактор *И.П. Гемуева*

Подписано к печати 22.12. 2003. Формат 60 × 84/8.
Усл.-печ. л. 16,5, уч.-изд. л. 22. Тираж 500 экз. Заказ № 62.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лиц. ЛР № 040755 от 12.04.96.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17

Типография ГУП РПО СО РАСХН
630500, Новосибирская обл., р.п. Краснообск

ЕРМОЛЕНКО ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА – доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета.

В 1980 г. окончила исторический факультет Карагандинского государственного университета, в 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную средневековой кочевнической скульптуре степей Казахстана.

В настоящее время занимается проблемой реконструкции военной идеологии древних и средневековых кочевников на основе изобразительных археологических материалов, письменных источников и героического эпоса. Участвовала в археологических экспедициях на территории Казахстана, Болгарии, Тувы, Кузбасса. Является автором свыше 40 научных работ.

